

МЯСО

EATING
ANIMALS

ДЖОНАТАН
САФРАН
ФОР

EATING ANIMALS
ДЖОНАТАН САФРАН
ФОР

Annotation

Благодаря Фоеру становятся очевидны отвратительные реалии современной индустрии животноводства и невероятное бездушие тех, кто греет на этом руки. Если Вы и после прочтения этой книги продолжите употреблять в пищу животных, то Вы либо бессердечны, либо безумны, что ужасно само по себе. Будучи школьником, а затем и студентом, Джонатан Сафран Фоер неоднократно колебался между всеядностью и вегетарианством. Но на пороге отцовства он наконец-то задумался всерьез о выборе правильной модели питания для своего будущего ребенка. Пытаясь найти ответы на мучившие его вопросы, он под покровом ночи пробрался на животноводческую ферму и получил мощное эмоциональное подтверждение самым негативным догадкам, преследовавшим его с раннего детства. Эта книга о том, что он узнал и что решил. Опираясь на многочисленные впечатляющие примеры из философии, литературы, науки и, конечно же, на свой небольшой, но чрезвычайно яркий свежеприобретенный детективный опыт, Фоер с энтузиазмом исследует культурные феномены, с помощью которых мы пытаемся оправдывать свои хищнические привычки в еде. Мифы, фольклор, семейные традиции и даже поп-культура — все эти достижения человечества непрерывно погружают нас в состояние глубокого забвения относительно того, как и чем мы питаемся.

-
- [Джонатан Сафран Фоер](#)
 -
 - [Все или ничего — или что-то еще](#)
 - [Слова / Смысл](#)
 - [Прятки / Поиск](#)
 - [Ломтики рая / Куски дерьма](#)
 - [Я буду.](#)
 - [Истории из жизни](#)
 - [Примечания](#)
-

Джонатан Сафран Фоер

Мясо. Поедание животных (Eating Animals) Истории из жизни

Американцы употребляют в пищу менее 0,01 % из всего, что считается пригодным для еды на планете Земля

Плоды с ветвей семейного древа

Когда я был маленьким, то частенько проводил уик-энд у бабушки. Встречая вечером в пятницу, она подхватывала меня на руки и душила в своих страстных объятиях. А отправляя домой в воскресенье после обеда, подняв, вновь обнимала. Лишь много лет спустя я понял, что она меня попросту взвешивала.

В войну моя бабушка, босоногая, рылась в помойках, выуживая то, что другие считали несъедобными отбросами: гнилые картофелины, мясные обрезки и мослы. Вот почему она могла смотреть сквозь пальцы на то, что я, раскрашивая картинки, залезал за контур, зато строго следила, чтобы продуктовые купоны вырезал аккуратно, не заезжая за пунктирную линию. А в отелях, где на завтрак устраивался шведский стол и мы алчно мели все подряд, она аккуратно ладила сандвич за сандвичем, пеленала их в салфетки и украдкой совала в сумку, припасая еду на обед. Именно бабушка втолковала мне, что одним чайным пакетиком можно заварить столько чашек чая, сколько пожелаешь, и что любая часть яблока съедобна.

Не о деньгах она пеклась. (На большинство тех купонов, что я вырезал, отпускали продукты, которых она никогда не покупала.)

Не о здоровье заботилась. (Она буквально пичкала меня колой.)

Моя бабушка никогда не садилась за стол вместе со всеми. Даже когда уже не о чем было хлопотать — ни доливать в тарелку супу тому, кто просил добавки, ни помешивать что-нибудь в кипящей кастрюле или проверять, что творится в духовке, — она все равно оставалась на кухне, как бдительный страж (или пленник) на башне. Теперь-то я

понимаю, что она насыщалась запахами и ароматами еды, которую готовила, этим и была сыта.

Спасаясь в европейских лесах, она ела, чтобы выжить и протянуть до следующей еды, которая позволяла дотерпеть и дожить до следующей. А в Америке, полвека спустя, мы могли позволить себе все, что только заблагорассудится. Наши буфеты ломились от продуктов, купленных по прихоти, от дорогих деликатесов, в которых мы вовсе и не нуждались. И когда кончался срок годности, еду эту мы выбрасывали, не давая себе труда хотя бы понюхать. Трапеза перестала быть событием. И все это было достигнуто стараниями бабушки. Но себе она не могла позволить подобное легкомыслие в отношении еды.

В детстве мы с братьями считали бабушку самым великим поваром на свете. В первый раз мы провозглашали это, когда еда появлялась на столе, повторяли, проглотив первый кусочек, и произносили еще раз в конце трапезы: «Ты самый великий повар на свете». При этом мы были уже достаточно искушенными ребятами, чтобы сообразить, что Самый Великий Повар На Свете должен знать чуть больше, чем один-единственный рецепт (курица с морковкой), и что Великие Рецепты состоят не из двух поднадоевших ингредиентов.

Мы почему-то без возражений принимали на веру ее утверждение, что темная еда полезнее светлой и всего питательней кожура и хлебная корочка. (Сандвичи для уик-эндов непременно делались из сбереженных горбушек от памперникелей*.) Животные, крупнее тебя, учила она, хороши для тебя, животные* мельче тебя, толковала она, очень хороши для тебя, рыбы (их она животными не считала) превосходны для тебя, и уж, без сомнения, пойдут на пользу тунец (который, по ее убеждению, не рыба), овощи, фрукты, кексы, печенье и содовая. Все продукты, без исключения, полезны. Жиры — вещь полезная, причем любые жиры годятся всегда, во всем и в любых количествах. Сахар, тот просто очень полезен. Чем толще ребенок, тем он здоровее, особенно, если это мальчик. Ланч — это не трапеза один раз в день, ее следует повторять в 11:00, в 12:30 и в 15:00. Она была убеждена, что мы всегда ужасно голодны.

* Памперникель — ароматный хлеб из ржаной и пшеничной муки и дробленой ржи. (Здесь и далее примеч. перев.)

Если честно, то ее курица с морковью и по сей день остается, пожалуй, самой божественной едой, какую я когда-либо пробовал. И

ни то, как она была приготовлена, ни ее вкус не имели никакого значения. Еда ее была вкусной, потому что мы верили, что она вкусная. Наша вера в бабушкину стряпню была более пылкой, чем вера в Бога. Ее великое кулинарное мастерство стояло в ряду самых главных семейных преданий, таких, как коварство бабушки, которого я не знал, или единственная драка между моими родителями. Мы крепко держались за эти истории, они стали неотъемлемой частью нас самих. Мы были крепкой семьей, которая не лезет на рожон, живет своим умом и обожает стряпню нашей бабушки.

Может, и жил на свете человек, чья жизнь была настолько ровной да гладкой, что и рассказать о ней нечего. О моей бабушке можно было бы порассказать больше историй, чем о любом человеке из тех, что мне встречались, — о ее детстве, полном борьбы за выживание, когда граница между жизнью и смертью была тоньше тончайшего волоска, об обрушивавшихся на нее потерях, об иммиграции и новых утратах, о радостях и невзгодах обживания на новом месте. И хотя своим будущим детям я когда-нибудь попытаюсь поведать истории из ее жизни, в нашей семье было не принято говорить об этом. А бабушку мы называли не иначе как Величайший Повар.

Сама она тоже не любитель рассказывать о себе. Вернее, истории свои она тщательно просеивала, желая, чтобы судили не о том, как она жила-выживала, а какова она сегодня. Вернее, все, что она пережила, не ушло куда-то, а составляет ее сегодняшнюю. А еще вернее, история ее взаимоотношений с едой и включала все, что с нею приключилось в жизни. Еда для нее — не просто пища. Это и страх, и достоинство, и благодарность, и месть, и радость, и унижение, и религия, и история, и, конечно же, любовь. Вот почему истории, которыми она нас угощала, представлялись нам плодами, собранными с исчезнувших ветвей нашего семейного дерева.

Все можно повторить

Когда вдруг выяснилось, что я скоро стану отцом, все во мне пришло в движение. Я бросился убирать дом, заменять давно умершие лампочки, мыть окна и разбирать бумаги. Я поменял стекла в очках, купил дюжину пар белых носков, установил багажник на крышу автомобиля и устроил разделитель кузова, впервые за пять лет сходил к врачу и решил написать книгу о поедании животных.

Будущее отцовство послужило толчком к путешествию, которое в конце концов и станет этой книгой, но багаж для него я собирал большую часть жизни. Когда мне было два года, героями всех моих историй перед сном были животные. Когда мне было четыре, кузен отдал нам на лето собаку. Я ее лягнул. Отец сказал, что в нашей семье не принято бить животных ногами. Когда мне было семь, я оплакивал смерть моей золотой рыбки. Я узнал, что мой отец выбросил ее в унитаз и смыл. Я сказал отцу — другими, далеко не такими приличными словами, — что в нашей семье не принято выбрасывать живых существ в унитаз. Когда мне было девять, у меня была приходящая няня, которая не хотела никому причинять вреда. Она произнесла именно эти слова, когда я спросил ее, почему она не ест курицу вместе со мной и моим старшим братом: «Я не хочу никого и ничего обижать».

— Никого и ничего обижать} — спросил я.

— Ты знаешь, что курица — это курица, правильно? Фрэнк стрельнул в меня взглядом: и мама с папой

доверяют этой дурочке своих драгоценных малюток?

Намеревалась она или нет обратить нас в вегетарианство, но уже такой тон в разговоре о мясе заставляет людей почувствовать себя непонятно в чем виноватыми, однако не все вегетарианцы прозелиты — она же была вдобавок и подростком, а потому ей недоставало рассудительности, которая позволяет втолковывать свою мысль спокойно и убедительно. Впрочем, она поделилась с нами всем, что знала, не драматизируя и не пускаясь в пространные рассуждения.

Мы с братом переглянулись, наши рты были битком набиты обиженными курами, а в головах у обоих крутилось: как-же-я-никогда-не-думал-об-этом-раньше-и-почему-никто-мне-об-этом-не-рассказал? Я положил вилку на стол. Фрэнк же преспокойно закончил трапезу и, вероятно, ест кур и поныне, пока я печатаю эти слова.

То, что рассказала приходящая няня, дошло до меня не только потому, что казалось правдой, но потому, что все, о чем мне говорили родители, теперь распространялось и на еду. Мы не обижали членов семьи. Мы не обижали ни друзей, ни незнакомцев. Мы не обижали даже нашу мягкую мебель. Если я пока не додумался включить в этот список животных, это вовсе не значило, что нужно делать из них исключение. Просто до этого я был ребенком, не подозревающим, как

устроен мир. Во всяком случае, до поры до времени. Этот момент, казалось бы, должен был перевернуть всю мою жизнь.

Но пока этого не произошло. И мое спонтанное вегетарианство, такое напыщенное и несгибаемое вначале, продолжалось несколько лет, а потом затрещало и тихо сошло на нет. Мне вовсе не претили моральные принципы приходящей няни, но как-то само собой получилось, что я предал их и забыл. По правде говоря, я вообще никому не желаю причинять обиду. Честное слово, я всегда стараюсь поступать правильно. Если уж совсем начистоту, мне не в чем себя упрекнуть. Пожалуйста, передайте курицу, я ужасно голоден.

Марк Твен сказал, что нет ничего проще, чем бросить курить — он сам это делал много раз. Я бы к списку легкодостижимых вещей добавил и вегетарианство. В старших классах я становился вегетарианцем столько раз, что и не сосчитать, мной руководило желание влиться в число тех людей, чей мир казался мне простым и ясным, а проникновение в него — легким и необременительным. Я мог придумывать способ запоминать номер «Вольво» моей мамы, мог заниматься благотворительной продажей домашних булочек на переменках, что, кстати, давало возможность незаметно тереться около грудастых девушек-активисток. (Но я всегда при этом помнил, что обижать животных нехорошо.) Нельзя сказать, что я воздерживался от мяса. Я только воздерживался есть его на людях. В уединении я давал себе волю. Многие ужины тех лет начинались с вопроса отца: «Может, кто-нибудь что-то не ест? Так я должен это знать».

Поступив в колледж, я начал поедать мясо открыто. Не «веруя в него», как бы возвышенно это ни звучало, а попросту стараясь не задумываться. Я не считал, что должен немедленно обозначить себя как вегетарианца. Рядом не было никого, кто мог знать мои вегетарианские вкусы, а потому и не нужно было притворяться или объяснять кому-либо причину резкой перемены моих пристрастий. В кампусе вегетарианство было широко распространено, именно это и отбивало у меня охоту — человек вряд ли станет подавать деньги уличному музыканту, чей футляр и так переполнен монетами.

Но когда к концу второго курса я стал изучать философию и впервые серьезно возомнил, будто не просто думаю, а размышляю, я вновь стал вегетарианцем. Некая притворная забывчивость, которой я сознательно обманывал себя, употребляя в пищу мясо, теперь казалась

мне слишком наивной для моей нынешней, как я полагал, интеллектуальной жизни. Я думал, что жизнь можно выстроить по прихоти рассудка. Только вообразите, как я досадовал на ее своеволие.

Я ел мясо и по окончании колледжа — много разного мяса — примерно два года. Почему? Да потому, что это было вкусно. И потому, что более важно, чем формирование привычек — это истории, которые мы рассказываем себе и друг другу. И я тоже занимался самооправданием, успокаивая себя утешительными историями о самом себе.

А потом мне устроили свидание с женщиной, которая впоследствии стала моей женой. Только спустя несколько недель после знакомства мы обнаружили, что толкуем об одном и том же — о двух волнующих нас темах: брак и вегетарианство.

Ее собственная история взаимоотношений с мясом удивительно схожа с моей: перед сном, лежа в постели, она давала себе какой-нибудь зарок, а на следующее утро нарушала его при выборе завтрака. Конечно, ей сразу становилось страшно, что она делает что-то неправильное, но одновременно возникала мысль, что все не так просто и маленькие человеческие слабости простительны. Как и у меня, у нее была сильная интуиция, но, вероятно, все-таки недостаточно сильная.

Люди вступают в брак по многим, совершенно различным причинам, но та, что сподвигла нас на этот шаг, сулила нам перспективу некоего нового начинания. Иудейские ритуалы и символы поддерживали это ощущение резкого разграничительного барьера, отделяющего нас от того, что было прежде. Самый банальный пример: разбивание стакана в завершение свадебной церемонии. Все, казалось, было таким же, как вчера, но теперь должно кардинально измениться. А значит, дела пойдут лучше. И мы станем лучше.

Звучит великолепно, но как этого добиться? Я могу придумать бесконечное число способов сделать себя лучше (выучить иностранные языки, стать более терпеливым, проявить небывалое усердие в работе), но я уже давал себе такое множество клятв, чтобы перестать им доверять. Я могу придумать и бесчисленное количество способов сделать «нас» лучше, но того существенного, в чем мы действительно можем прийти к согласию и радикально изменить что-то в наших взаимоотношениях, не так уж много. А в реальности, даже

когда кажется, что возможностей что-то изменить много, их совсем мало.

Поедание животных — вот что беспокоило нас и о чем мы когда-то позволили себе забыть, оно и было точкой отсчета. И все же существовало множество пересечений, из которых так много всего могло проистечь. На той же неделе мы обручились и стали вегетарианцами.

Свадьба наша, конечно, не была вегетарианской, ибо мы убедили себя, что было бы нечестно лишить животного белка наших гостей, иные из которых преодолели большое расстояние, чтобы разделить с нами нашу радость. (Разве это не резонно?) А во время медового месяца мы позволили себе есть рыбу, но мы ведь были в Японии, а когда ты в Японии... Вернувшись на родину, в наш новый дом, мы изредка ели бургеры, куриный суп, копченого лосося и стейки из тунца. Но только очень редко. Только когда очень этого хотелось.

Ничего не поделаешь, думал я. Все идет, как надо, полагал я. Такое несоответствие мыслительных установок и реального рациона, считал я, позволительно. Почему прием пищи должен отличаться от других этических сфер нашей жизни? Мы были честными людьми, которые, впрочем, изредка привирают, мы были преданными друзьями, которые иногда ведут себя несколько криво. Мы были вегетарианцами, которые время от времени едят мясо.

Я даже не мог быть уверен в том, что мои интуитивно сформулированные принципы не более чем сентиментальные воспоминания детства, и что, если копнуть поглубже, все это не окажется какой-нибудь ерундой. Я не задумывался о тех животных, не ведал, как их разводили и как убивали. Мне, правда, становилось как-то не по себе, однако вовсе не подразумевалось, что кого-то или даже меня это должно озаботить. Да я и не чувствовал никакого стремления или необходимости разобраться во всем этом.

Но потом мы решили завести ребенка, а это уже другая история, которая повлекла за собой и все остальное.

Примерно через полчаса после рождения моего сына я вышел в приемную сообщить собравшейся родне хорошую новость.

— Ты сказал «он»? Значит, это мальчик?

— Как его зовут?

— На кого он похож? — Выкладывай все!

Как можно быстрее я ответил на их вопросы; быстро, как только сумел, поспешил за угол и включил сотовый.

— Бабуля, — сказал я, — у нас появился младенец. Единственный телефонный аппарат стоял у нее на кухне. Трубку она подняла сразу, это означало, что она сидит и ждет звонка. А было уже за полночь. Может, она занималась тем, что вырезала купоны? Готовила курицу с морковкой, чтобы заморозить ее и потом скормить кому-нибудь? Я никогда не видел и не слышал, как она плачет, но когда она спросила: «Сколько он весит?» — в ее голосе я уловил слезы.

Через несколько дней мы вернулись домой из роддома, и я послал другу письмо с фотографией моего сына и описанием первых впечатлений от отцовства. Он ответил просто: «Всё можно повторить». Именно это и стоило написать, потому что как раз это я и чувствовал. Мы можем снова и снова рассказывать наши истории и делать их лучше, глубже и трепетнее. А можем и поведать новые. Наш мир устроен так, что всегда есть другой шанс.

Поедая животных

Вероятно, первое желание моего сына, неосознанное и не выраженное словами, было поест. Его кормили грудью уже спустя несколько секунд после рождения. Я смотрел на него с благоговением, чувством, которое не испытывал еще никогда в жизни. Ему не надо было ничего объяснять, не нужно было никакого опыта, он знал, что нужно делать. Миллионы лет эволюции внедрили в него это знание, как и закодировали биение его крошечного сердечка, а также расширение и сокращение его жадно впитывавших воздух легких.

Да, подобного благоговения никогда не было в моей жизни, но чувство это связывало меня через поколения с моими предками. Я видел кольца на моем родовом древе: мои родители, смотрящие, как я ем, моя бабушка, смотревшая, как ест моя мама, мои прабабушка и прадедушка, взирающие, как моя бабушка... Он ел, как ели дети доисторических пещерных художников.

Когда мой сын начал жить и когда я начал писать эту книгу, казалось, все его существо сконцентрировано вокруг пищи. Его кормили, он спал после кормления, капризничал перед кормлением или исторгал из себя молоко, которым его кормили. Теперь, когда я заканчиваю книгу, он способен уже произносить вполне вразумительные речи, а та еда, которую он потребляет, поглощается

вместе с историями, которые мы рассказываем. Кормление ребенка не похоже на то, как потчуют взрослых: оно намного важнее. Оно важнее потому, что важна его пища (то есть важно его физическое здоровье, важно и удовольствие, которое он получает от еды), и потому, что важны истории, поглощаемые вместе с едой. Эти истории объединяют нашу семью, делают ее похожей на другие семьи. Истории о еде — это истории о нас самих, это наша история и наши семейные ценности. Это еврейские традиции, на которых стоит моя семья. Я усвоил, что еда служит двум параллельным целям: она питает и сохраняет родовую память. Прием пищи и рассказывание историй неразделимо: соленая морская вода — это те же слезы; мед не только сладкий на вкус, он напоминает нам о сладости мира; маца — это хлеб нашей горечи.

На планете тысячи съедобных продуктов, и чтобы пояснить, почему мы употребляем относительно малую долю из них, стоит потратить несколько слов. Мы должны объяснить, что петрушка в нашей тарелке — для украшения, что пасту не едят на завтрак, отчего мы едим крылья, но не едим глаза, едим коров, но не едим собак. Истории — это не только изложение фактов, это еще и утверждение правил.

Много раз в жизни я забывал, что у меня есть истории про еду. Я просто ел то, что сумел достать, или то, что было вкусно, что представлялось естественным, разумным или полезным — ну что тут нужно объяснять? Но, размышляя о родительском долге, я начинал думать, что подобное равнодушие недопустимо.

С этого и началась моя книга. Я просто хотел знать — не только для себя, но и для своей семьи, — что такое мясо. Я хотел узнать об этом все, до самого конца. Откуда оно берется? Как его производят? Как с животными обращаются и насколько это важно? Каков экономический, социальный эффект поедания животных и как это влияет на окружающую среду? Впрочем, в своих персональных поисках я не заглядывал столь далеко. Начав интересоваться как родитель, я вплотную столкнулся с такими реалиями, которые как гражданин не мог игнорировать, а как писатель не мог оставить при себе, не предав публичности. Но осознавать реалии и ответственно писать о них — это не одно и то же.

Я хотел не только задать эти вопросы, но и разобраться в них обстоятельно. Почти 99 процентов всего мяса, потребляемого в этой стране, поступает с «промышленных ферм», и большую часть книги я посвящу объяснению того, что это означает и почему оставшийся 1 % животноводства имеет не меньшее значение и составляет важную часть этой истории.

Непропорционально большое количество страниц посвящено обсуждению семейных животноводческих ферм, что отражает, по моему мнению, их значимость, и в то же время незначительность, что парадоксально подтверждает правило.

Чтобы быть совершенно честным (рискуя тем самым потерять доверие к моей объективности): я еще до начала своих исследований предположил, будто уже знаю, что найду — не детали, но общую картину. Впрочем, другие делали то же самое. Почти всегда, когда я рассказывал кому-либо, что пишу книгу о «поедании животных», этот человек предполагал, даже ничего не зная о моих взглядах, будто речь идет об апологии вегетарианства.

Это говорит о том, что большинству вовсе не нужно тщательное изучение системы животноводства, имеющее целью отвлечь человека от мяса, оно как бы заранее знает всю доказательную аргументацию. (А какое предположение сделали вы, увидев название этой книги?)

Я тоже предположил, что моя книга о поедании животных станет откровением в обосновании вегетарианства. Она таковой не стала. Само по себе обоснование вегетарианства, его апология стоит книги, но я писал не об этом.

Животноводство невероятно сложный, запутанный предмет. Ни два животных одной породы, ни две породы животных, ни фермы, ни фермеры, ни едоки — не одинаковы. 17 лет исследований — чтение книг, бесконечные беседы, личные впечатления — вынудили взглянуть на этот предмет серьезно, и я вынужден был спросить себя, смогу ли сказать нечто внятное и значительное о столь многогранной проблеме. Возможно, речь следует вести не об абстрактном «мясе». Вот есть животное, выращенное на конкретной ферме, забитое именно на этой фабрике, проданное в таком-то виде и съеденное этим вот человеком — каждый отдельный этап столь индивидуален, что невозможно собрать все это в единую мозаику.

Употребление в пищу животных — одна из таких проблем, как, скажем, аборт, при обсуждении которых многие важные моменты не удается прояснить до конца (Когда, на какой стадии зародыш становится личностью? Что на самом деле испытывает животное?), это приводит в замешательство и заставляет принимать оборонительную позицию или провоцирует агрессию. Это довольно скользкий, неприятный и неоднозначный поворот темы. Один вопрос порождает другой, и в результате можно неожиданно запутаться в том, что прежде казалось абсолютно ясной жизненной позицией. Еще хуже, если вовсе не сформулируешь никакой позиции, той, которую стоит защищать как жизненный принцип.

Кроме всего прочего, бывает сложно распознать разницу между тем, как представляешь себе нечто, и что это нечто есть на самом деле. Слишком часто аргументы против поедания животных вовсе и не аргументы, а попросту выражение индивидуального вкуса. В то время как факты — то есть как много свинины мы потребляем; то есть какое множество мангровых болот было уничтожено аквакультурой; наконец, как убивают корову — эти факты непреложно говорят о том, что мы делаем со всем этим. Должны ли они быть оценены с точки зрения этики? С общественной точки зрения? Юридически? Или это просто добавочная информация для конкретного едока, чтобы он спокойно ее переварил?

Эта книга — продукт огромного числа исследований, она строго объективна, как и должна быть любая честная работа журналиста: я использовал наиболее умеренную из всех возможных статистику (почти всегда базирующуюся на правительственных источниках, научных статьях, рецензируемых специалистами в данной области, достоверных источниках), для проверки приводимых фактов отдавал их на отзыв независимым экспертам — и при этом строил книгу как цельную историю. Здесь вы найдете кучу данных, но они иногда неубедительны и могут трактоваться произвольно. Факты важны, но сами по себе они не несут смысловой нагрузки, особенно когда невозможно точно передать их сущность словесно.

Что означает последний крик курицы? Боль? А что означает боль? И неважно, как много мы знаем о физиологии боли — как долго она длится, какие симптомы вызывает и так далее — ничего определенного. Но соедините факты, соберите их в историю

сострадания или холодного господства, или одновременно того и другого — поместите их в историю о мире, в котором мы живем, историю о том, кто мы есть и кем хотим быть — и тогда вы сможете говорить о поедании животных убедительно и страстно.

Мы скроены из историй. Я вспоминаю о тех субботних вечерах за кухонным столом моей бабушки, когда на всей кухне мы были только вдвоем — и черный хлеб в раскаленном докрасна тостере да жужжащий холодильник, весь залепленный семейными фотографиями. За горбушками памперникелей и кокой она рассказывает мне о бегстве из Европы, о продуктах, которые она стала бы есть и к которым даже не притронулась бы. Это была история ее жизни. «Послушай меня», — проникновенно повторяла она, и я знал тогда, что мне передавали важный жизненный урок, даже если и не понимал, будучи ребенком, в чем суть этого урока.

Теперь я знаю, в чем он состоял. И хотя подробности могут разниться, я пытаюсь и буду пытаться передать ее урок своему сыну. Моя книга — самая честная попытка сделать это. Приступая к ней, я чувствую великий трепет, ибо существует множество привходящих моментов. Отстраняясь на мгновение от того, что в Америке каждый год только для еды убивают более десяти миллиардов сухопутных животных, не думая об окружающей среде, о людях, вовлеченных в этот процесс, не касаясь таких напрямую зависящих от всего этого тем, как мировой голод, эпидемии и угроза истребления видов, мы погружены только в собственные чувства, занимаемся только собой и друг другом. Мы не только рассказчики наших историй, мы — сами истории. Если мы с женой воспитаем нашего сына как вегетарианца, он не станет есть единственного и особенного блюда своей прабабушки, никогда не ощутит уникального и абсолютного выражения ее любви, вероятно, никогда не подумает о ней как о Самом Великом Поваре На Свете. Ее главная история, сокровенная история нашей семьи, исчезнет.

Первые слова, которые произнесла моя бабушка, впервые увидев своего внука, были: «Я взяла реванш». Из бесконечного множества вещей, которые она могла в этот момент выбрать, она выбрала то, что выбрала, и это был ее выбор.

Послушай меня

Мы не были богаты, но у нас всегда и всего было в достатке. По четвергам мы пекли хлеб, халу и булочки, а потом ели их всю неделю. В пятницу жарили оладьи. На шабат у нас обязательно была курица и суп с лапшой. Мы ходили к мяснику и просили чуть побольше жира. Самый жирный кусок считался самым лучшим. Все было не так, как нынче. У нас не было холодильников, но у нас были молоко и сыр. У нас не было такого разнообразия овощей, но их было достаточно. Не было таких вещей, которые вы имеете сегодня, и воспринимаете это, как должное... Но мы были счастливы. Лучшей доли мы и не знали. И мы тоже воспринимали то, что имели, как должное.

А потом все изменилось. Во время войны на земле был сущий ад, и у меня ничего не осталось. Я лишилась семьи, ты же знаешь. Я бежала и бежала, днем и ночью, потому что за спиной у меня всегда были немцы. Остановишься — умрешь. Еды никакой. От голода я все слабела и слабела, я имею в виду не только то, что остались только кожа да кости. Все тело было в язвах. Стало трудно двигаться. Я была не так воспитана, чтобы есть из помойного ведра. И все же я ела то, чем брезговали другие. Если не кочевряжиться, можно было выжить. Я подбирала все, что только могла найти. Ела такое, о чем и рассказывать тебе не стану.

Но даже в худшие времена я встречала хороших людей. Кто-то научил меня завязывать штанины внизу так, чтобы набивать их картошкой, которую удавалось украсть. В таком виде я шагала милью за милей, ведь никогда не знаешь, когда вновь повезет. Однажды кто-то дал мне немного риса, я два дня добиралась до рынка, где поменяла его на мыло, а затем плелась до другого рынка, чтобы обменять мыло на горстку фасоли. Меня вели удача и интуиция.

Хуже всего стало в конце войны. Многие умерли прямо перед самым ее концом, и я тоже не знала, доживу ли до следующего дня. Один фермер, русский, благослови его Господь, увидев, в каком состоянии я нахожусь, зашел к себе в дом и вернулся с куском мяса.

— Он спас твою жизнь!

— Я не стала его есть.

— Ты не стала есть?

— Это была свинина. Я не стала есть свинину.

— Почему?

— Что значит — почему?

- Потому что она была не кошерной?
- Конечно.
- Даже, чтобы спасти свою жизнь?
- Если ничего не имеет значения, тогда нечего спасать.

Все или ничего — или что-то еще

Лески, используемые в современной рыболовной промышленности, могут достигать в длину 62 миль — это расстояние от уровня моря до космоса. Длина короткой лески — 1 миля.

1. Джордж

Первые двадцать шесть лет своей жизни я провел, не испытывая особой любви к животным. Мне они представлялись надоедливymi, грязными, абсолютно чуждыми и пугающе непредсказуемыми, а привязанность к ним — старомодной причудой. Наибольшую антипатию я испытывал к собакам — этот страх я унаследовал от матери, которая, в свою очередь, унаследовала его от бабушки. В детстве я соглашался идти в гости к друзьям только при условии, что собаку запрут в другой комнате. Если собака приближалась ко мне в парке, у меня начиналась истерика, она продолжалась, пока отец не сажал меня на плечи. Я не любил смотреть телевизионные шоу, в которых участвовали собаки. Я не понимал и не любил тех людей, которые выказывали симпатию к собакам. Вполне вероятно, что в детстве я испытывал подспудное предубеждение против слепых.

И вдруг в один прекрасный день я превратился в фаната собак. Я стал собачником.

Джордж появился у нас с женой совершенно неожиданно. Вопрос о том, чтобы завести собаку, даже не возникал, мы никогда не присматривали себе пса. (И с чего бы? Ведь я испытывал к ним стойкую неприязнь!) Первым днем моей новой жизни стала суббота. Прогуливаясь по Седьмой авеню, что по соседству с нами в Бруклине, мы наткнулись на крошечного черного щенка, который спал у обочины, свернувшись калачиком, как знак вопроса, в фуфайке с надписью УСЫНОВИТЕ МЕНЯ. Я не верю в любовь с первого взгляда или в судьбу, но я полюбил эту чертову псину, и это было предопределено. Даже если б я ее не коснулся.

И представить было невозможно, что мы возьмем собаку, для меня это самый нелепый поступок из всех, что я совершал, однако такую прелестную зверюшку даже самый бесчувственный по отношению к собакам скептик счел бы неотразимой. Конечно, красоту

можно обнаружить и в существах без мокрых носов. Но есть что-то необъяснимое в том, как и почему мы влюбляемся в животных. Неуклюжие псины, крошечные собачонки, длинношерстные и гладкие, храпящие сенбернары, астматические мопсы, складчатые шарпеи и депрессивно-унылые бассеты — у каждого найдутся преданные фанаты. Наблюдатели за птицами проводят холодные утра, уставившись в небо и пожирая его глазами в поисках пернатых объектов своего обожания. Любители кошек демонстрируют полное пренебрежение человеческими взаимоотношениями, принося их в жертву своим любимцам. Детские книжки кишат кроликами, мышками, медвежатами и гусеницами, не говоря уже о паучках, сверчках и аллигаторах. Ни у кого никогда не было плюшевой игрушки в виде булыжника, а когда самые заядлые филателисты ссылаются на любовь к маркам, это, согласимся, совсем иной вид привязанности.

Мы взяли щенка домой. Я поймал его — её — в свои объятия, когда он кинулся ко мне через всю комнату. Затем, уверившись, что он — она — не лишит меня пальцев в процессе кормления, я начал кормить ее с ладони. Потом позволил ей лизнуть мне кисть руки. И, наконец, разрешил лизнуть лицо. А потом и сам лизнул её в мордочку. Теперь я люблю всех собак и всегда буду жить с ними в счастливом согласии.

У шестидесяти трех процентов американских семей имеется, по крайней мере, один домашний питомец. Это не только неожиданно высокий процент, но и вообще новость. Мода держать дома животных широко распространилась одновременно с возвышением среднего класса и засильем урбанизации, как следствие потери возможности каких-либо других контактов с животным миром, а кроме того, домашние любимцы стоят денег, а значит, это привилегия и причуда богатых. (Каждый год американцы тратят на своих четвероногих друзей 34 миллиарда долларов.) Историк из Оксфорда Кейт Томас, чья энциклопедическая работа «Человек и мир природы» (Man and the Natural World) теперь считается классикой, доказывал что:

«Распространение моды на содержание домашних питомцев среди горожан среднего класса в ранний современный период... не только значительно повлияло на развитие социальной, психологической и коммерческой сторон жизни, но имело и интеллектуальное значение. В среде среднего класса оно сформировало веру в недюжинный ум

животных; способствовало возникновению бесчисленного числа анекдотов об их догадливости; стимулировало понимание того, что животные могут иметь характер и индивидуальность; и создало психологическую основу для точки зрения, что, по крайней мере, некоторым животным нельзя отказать в праве на нравственные понятия».

Нельзя сказать, что мои отношения с Джордж открыли мне глаза на «догадливость» животных. Угадывая большинство ее желаний, я, однако, понятия не имел, что творится у нее в голове. (Хотя был убежден, что за пределами ее явно выраженных желаний скрывается еще многое.) Я одинаково часто удивлялся как отсутствию у нее всякой сообразительности, так и наличию недюжинного для собаки ума. Разница между нами всегда более очевидна, чем сходство.

И все-таки Джордж не примитивное существо, которое только и требует, что «люби меня, как я тебя». Как выяснилось, она — самая большая в нашей жизни заморочка, требующая всего нашего времени. Она заставляет нас и наших гостей следить за всеми ее развлечениями — как она грызет мои ботинки и игрушки моего сына, с маниакальной страстью гоняет белок, обладает необъяснимой способностью оказываться на каждом фото между объективом и предметом, который снимают, облаивает скейтбордистов и хасидов, гнобит женщин в критические дни (кошмарнее всего — хасидок в соответствующий период), тыкается пукающей задницей в самого неинтересного для нее человека в комнате, вырывает все, что только что посадили, растерзывает новые вещи, лижет то, что собираются подавать на стол, и настойчиво требует вознаграждения (за что?), нагадив в доме.

Наши постоянные попытки — передавать, распознавать и согласовывать желания друг друга, просто сосуществовать — заставляют меня сталкиваться и стараться жить в мире с чем-то, или скорее с кем-то, совершенно иным. Джордж может реагировать на привычный набор слов (и предпочитает не обращать внимания на то, что выходит за рамки этого скудного набора), но по большей части наши взаимоотношения строятся за пределами языка. Кажется, у нее есть и мысли, и эмоции. Иногда, я думаю, что понимаю их, но чаще понять не в состоянии. Она бессловесна, как фотография, и не может сказать того, что хочет мне показать. Она — воплощенная тайна. А я должен быть фотографией, отражающей ее невысказанное желание.

Буквально вчера вечером я поднял взгляд от книги и увидел, что Джордж смотрит на меня с другого конца комнаты. «Когда ты сюда вошла?» — спросил я. Она опустила глаза и неуклюже двинулась от меня по коридору — и это не был неясный, не проявленный негатив, это часть нашей домашней жизни. Несмотря на устоявшуюся модель нашего общения, которая гораздо более постоянна, чем характер взаимоотношений между мной и другим человеком, она до сих пор кажется мне непредсказуемой. И, невзирая на нашу близость, я изредка трепещу и немного боюсь ее чужеродности. Появление ребенка сильно обострило это ощущение, поскольку не было абсолютно никаких гарантий — кроме той, которую я интуитивно чувствовал, — что она не причинит вреда младенцу.

Списка наших различий хватило бы на целую книгу, и все же Джордж точно так же, как и я, боится боли, ищет удовольствий и не только страстно желает есть и играть, но и требует общения. Мне вовсе не обязательно знать все ее настроения и пристрастия. Главное, я знаю, что они у нее есть. Наши психологии не просто сильно разнятся — они совсем несхожи, а способ познания мира и его понимание — вообще уникальны.

Я ни за что не стал бы есть Джордж, потому что она моя. Но почему тогда я не буду есть и других собак, тех, что никогда не встречал? Или, что еще важнее, какое оправдание найти мне, жалеющему собак, но позволяющему себе есть других животных?

Оправдание для употребления в пищу собак

Несмотря на тот факт, что употреблять в пищу «лучшего друга человека» в сорока четырех штатах считается совершенно законным, это такое же табу, как и съесть мясо своего лучшего друга-человека. Даже самые отчаянные мясоеды не станут есть собак. Телеведущий и шеф-повар Гордон Рамси может изображать из себя настоящего мачо, героя телерекламы, но вы никогда не увидите щенка, высовывающегося у него из кастрюли. Однажды он обмолвился, что, если его дети станут вегетарианцами, он посадит их на электрический стул, а мне интересно, как бы он отреагировал, если бы они зажарили свою собственную собаку?

Собаки — чудесные существа, а во многом и просто уникальные. Но их интеллектуальные и экспериментальные возможности не удивляют, ведь этого от них и ждут. Свиньи весьма умны и

эмоциональны в любом смысле этих слов. Они, конечно, не сумеют вспрыгнуть на крышу «Вольво», но могут приносить предметы, бегать и играть, быть озорными и непослушными и платить преданностью и любовью. Почему бы им не начать сворачиваться калачиком у огня? Почему бы и их не перестать помешивать на огне?

Наше табу на употребление в пищу собак, может, и говорит кое-что о собаках, но гораздо больше о нас самих.

Французы, которые любят своих собак, иногда едят своих лошадей.

Испанцы, которые любят своих лошадей, иногда едят своих коров.

Индийцы, которые любят своих коров, иногда едят своих собак.

Сюда подходят слова из «Скотного двора» Джорджа Оруэлла, хотя они были сказаны совершенно по другому поводу: «Все животные равны, но некоторые животные равнее других». Такая избирательная защита вовсе не закон природы; идет она от тех историй, которые мы сочиняем за нее.

Итак, кто прав? Каковы должны быть причины для исключения собачатины из меню? Мы, присвоившие себе право выбора плотоядные животные, предлагаем: «Не ешьте животных-друзей».

Но собак и не держат в качестве домашних питомцев в тех местах, где их едят. А как же наши соседи, вообще не имеющие домашних животных? Есть ли у нас право протестовать, если они приготовят на ужин собаку?

Прекрасно, далее:

Не ешьте животных с необыкновенными умственными способностями. Если под «необыкновенными умственными способностями» мы имеем в виду то, что присуще собаке, то этой собаке повезло. Но подобное определение должно также включать свинью, корову, курицу и много видов морских животных. Из подобного перечня, естественно, придется исключить слабоумных людей.

Затем:

Извечные табу — не играть с какашками, не «заводить шашни» с сестрой или не есть друзей — так и остаются неизменными. Опыт показывает, что все это нам же во вред. Но поедание собак не было и не является табу во многих местах, и никоим образом это нам не вредит. Правильно приготовленное собачье мясо не большой риск для

здоровья, чем любое другое мясо, в конце концов, ни одна клеточка нашего организма против подобного блюда не протестует.

Употребление в пищу собак, между тем, освящено веками. В гробницах четвертого века нашли изображения собак, которых убивают вместе с другими животными, идущими в пищу. Это был вполне укоренившийся обычай, который отразился и в языке: сино-корейский иероглиф, означающий «честный и правильный» (уеоп), буквально переводится так: «вкусный, как жареное собачье мясо». Гиппократ ценил собачье мясо как источник силы. Римляне ели «молочных щенят», индейцы племени дакота обожают собачью печень, а еще не так давно гавайцы ели собачьи мозги и кровь. Мексиканская голая собака была основным источником мяса у ацтеков. Капитан Кук съел собаку. Роальд Амундсен лихо съел своих упряжных лаек. (Ну ладно, он умирал от голода.) На Филиппинах до сих пор едят собак, чтобы отвести несчастье; в Китае и Корее — в качестве лекарства; для усиления либидо — в Нигерии; и во множестве мест на каждом континенте просто потому, что это вкусно. Многие века китайцы выращивали особые породы собак, похожих на чернаязыких чау-чау, чтобы ими почавкать, а во многих европейских странах до сих пор законом запрещены книги, которые описывают разделку собачьих туш, предназначенных в пищу людям.

Конечно, что-то делалось почти везде и всегда, но это не может быть оправданием для того, чтобы совершать подобное сейчас. Тогда как мясное производство требует долгого выращивания, выкармливания и сохранения скота на ферме, собаки просто просятся, чтобы их ели. Ежегодно от трех до четырех миллионов собак и кошек насильственно подвергают эвтаназии. Это составляет миллионы фунтов мяса, которые ежегодно практически выбрасывают. Простое избавление от этих умерщвленных собак — огромная экологическая и экономическая проблема. Услышь все эти рассуждения наши домашние питомцы, они бы, наверное, сошли с ума или рванули из дома куда глаза глядят. Представить себе, что можно съесть этих заблудившихся, сбежавших, этих недостаточно-привлекательных-чтобы-взять-их-к-себе-домой и недостаточно-хорошо-себя-ведущих-чтобы-держат-их-дома существ, так же немыслимо, как, скажем, представить, что можно съесть луну.

В известном смысле именно это мы уже делаем. Переработка непищевого животного сырья, то есть животного белка, не годного в пищу человеку, но подходящего для кормления домашнего скота и домашних питомцев, позволяет перерабатывающим фабрикам превращать тела бесполезных мертвых собак в продуктивное звено пищевой цепи. В Америке каждый год миллионы собак и кошек, которых подвергают эвтаназии в приютах для животных, становятся пищей для кого-то. (Пищей становятся примерно вдвое больше собак и кошек, чем животных, взятых в дом.) Может быть, эту малоприятную и вряд ли эффективную промежуточную ступень просто ликвидировать?

При этом нет необходимости проявлять жестокость. Мы не заставим их страдать больше, чем это необходимо. Хотя и бытует широкое поверье, что адреналин делает собачье мясо вкуснее — отсюда традиционные способы убоя: подвешивание, варка живьем, забивание до смерти — мы все можем согласиться с тем, что, коли уж собираемся их съесть, то должны убить быстро и безболезненно, правильно? Например, традиционный гавайский способ хватать собаку за нос и не давать ей дышать — чтобы сохранить кровь — должен считаться (если не юридически, то морально) варварским.

Мы могли бы, к примеру, включить собак в «Акт о гуманных методах забоя скота». В нем ничего не говорится о том, как с животными обращаются, пока они живы; мы согласны, что это не предмет этого гуманного акта, но ведь в нашей власти обращаться с ними «до убоя» точно так же, как и с теми животными, которые традиционно идут нам в пищу.

Немногие серьезно оценивают грандиозную задачу питания мира, населенного миллиардами всеядных особей, которые требуют неперменного мяса к картошке. Неэффективное использование собак, которое уже происходит в областях с высокой плотностью населения (обратите внимание, защитники местных продуктов), заставит покраснеть любого хорошего эколога. Можно спорить, что различные «гуманные» группы — это завзятые лицемеры, тратящие громадные суммы и энергию на тщетные попытки уменьшить количество бездомных собак, в то же время пропагандируя безответственное табу ни-одной-собаки-на-ужин. Если мы позволим собакам быть собаками, разрешим им беспрепятственно размножаться, то с низкими

энергетическими затратами и не нанося ущерба окружающей среде создадим местный запас мяса, который посрамит самую эффективную систему пастбищного животноводства. Для людей, задумывающихся об экологии, пришло время признать, что собака — перспективный пищевой ресурс, с точки зрения энвайронмен-талистики*.

* Энвайронменталистика — область науки, изучающая средства борьбы с загрязнением окружающей среды.

Можем ли мы преодолеть нашу сентиментальность? Собак видимо-невидимо, они полезны, их легко готовить, они вкусны, непосредственное употребление в пищу их мяса гораздо более разумно, чем переработка его в белковые добавки, которые станут пищей для других живых существ, которые, в свою очередь, станут пищей для нас.

Тем, кто со мной согласен, предлагаю классический филиппинский рецепт. Сам я по нему не готовил, но иногда можно все понять и не пробуя, только по рецепту.

СВАДЕБНОЕ РАГУ ИЗ СОБАЧАТИНЫ

Убейте собаку среднего размера, опалите мех над горячими углями. Осторожно снимите шкуру, пока собака еще теплая, и отложите в сторону (может быть, она пригодится для приготовления другого блюда). Нарезьте мясо на кубики размером 2,5 см. Маринуйте мясо 2 часа в смеси из уксуса, соли, черного перца горошком и чеснока. Поставьте широкий казан на открытый огонь и обжарьте в нем мясо на растительном масле. Затем добавьте репчатый лук и нарезанный ананас и быстро обжарьте, часто помешивая. Влейте томатный соус и кипящую воду, добавьте зеленый сладкий перец, лавровый лист и соус «Табаско». Закройте крышкой и тушите на угасающих углях, пока мясо не станет мягким. Подмешайте пюре из собачьей печени и жарьте еще минут 5–7.

Простой совет любителю подсматривать: если не удастся что-то увидеть впрямую, слегка отведите взгляд в сторону. Наиболее чувствительные к свету части нашего глаза (те, которые приспособлены для различения неясных, туманных предметов) находятся по краям той области, которую мы обычно используем для фокусировки.

Наше отношение к поеданию животных имеет ту же особенность — невидимую часть проблемы можно поймать лишь периферийным

зрением. Размышляя о собаках и их взаимоотношении с животными, которых едим, мы пытаемся взглянуть на проблему с неожиданной стороны, не напрямую и, таким образом, сделать нечто невидимое видимым.

2. Друзья и враги

Собаки и рыбы плохо сочетаются. Собаки легко объединяются с кошками, детьми и пожарными. Мы делим с ними пищу и постель, берем с собой в самолет и водим к врачу, радуемся их веселью и оплакиваем их смерть. Рыб можно объединить с аквариумами, с соусом тартар, захватить палочками для еды, они находятся на дальнем конце человеческого внимания и эмоций. Они отделены от нас водной поверхностью и молчанием.

Очевидно, что разница между собаками и рыбами достаточно глубока. Словом «рыба» обозначается невообразимое множество, целый океан названий, более 31 000 различных пород. Собаки вовсе не определяются только породами, они становятся понятны и близки, когда независимо от породы имеют собственное, личное имя, например, Джордж. Я числю себя среди 95 процентов самцов-владельцев собак, которые беседуют со своими псами, а может быть, и среди 87 процентов тех, кто верит, что собаки им отвечают. Но довольно трудно вообразить, на что похож сокровенный опыт понимания рыбы, еще меньше мы этим интересуемся. Рыба чувствует изменение в давлении толщи воды, может откликаться на бесконечное множество химических веществ, которые выделяют тела других морских животных, и улавливает звуки, раздавшиеся в двенадцати милях от нее. Собаки здесь, рядом с нами, топают грязными лапами по нашим гостиним, храпят под нашими письменными столами. Рыбы всегда в иной стихии, безмолвные и без эмоций, безногие и с холодными глазами. Даже по Библии они были сотворены не в один день с остальными животными и с нами, и считаются самым первым и необыкновенно длинным этапом на эволюционном пути к человеку.

Испокон веку тунца — я буду использовать эту рыбу как символ всего рыбного мира, поскольку эту рыбу в Соединенных Штатах едят чаще всего, — итак, тунца ловили на удочку, то есть крючок и леску, которые полностью контролировал конкретный рыбак-одиночка. Пойманная рыба могла прямо на крючке истечь кровью и околеть или потонуть (рыба тонет, если не может двигаться), а затем ее тащили в

лодку. Более крупных рыб (не только тунца, но рыбу-меч и марлина) часто только ранят крюком, и они, израненные, могут сопротивляться натянутой леске несколько часов и даже дней. При такой силе крупных рыб для того, чтобы вытащить одну-единственную, требуется двое, а то и трое мужчин. Когда-то использовали (и до сих пор пользуют) специальные инструменты типа киркомотыги под названием острога, чтобы подтянуть большую рыбу поближе к лодке, если она оказывается в пределах досягаемости. Если вонзить острогу в бок, в плавник или даже в глаз рыбы, получится кровавая, но эффективная рукоять, которая поможет вытянуть ее на палубу. Некоторые утверждают, что крюк остроги надо целить в наиболее уязвимое место, то есть под спинной хребет. Другие, к примеру, авторы учебника по рыболовству Организации Объединенных Наций, наоборот, не согласны с этим, они советуют, «если возможно, багрить ее за голову».

В прежние времена рыбаки сначала отыскивали косяк тунца, а затем уж без устали тащили рыбу за рыбой удочкой, леской и острогой. Тунец, попадающий на наши тарелки сегодня, почти всегда вылавливается не простыми «удочкой с леской», но одним из двух современных методов: кошельковым неводом или перемётом. Поскольку я хотел разобраться в самых распространенных методах доставки на наши прилавки самых популярных морских обитателей, мое внимание привлекли именно эти основные способы лова тунца, но опишу я их позднее. Мне нужно еще многое обдумать, прежде чем окунуться в эту глубину.

Интернет переполнен видеороликами рыбной ловли. Под дерьмовый второсортный рок мужчины пыжятся так, будто только что спасли чью-то жизнь, хотя на самом деле с трудом втащили на лодку уставшего марлина или голубого тунца. А еще встречается видео некоего подвида дамочек в бикини, багрящих рыбу, и очень маленьких детей, багрящих рыбу, и людей, в первый раз взявших в руку острогу. За пределами этого странного, почти ритуального действия я, глядя на подобные видео, всегда возвращаюсь мыслью к рыбе, к тому моменту, когда острога оказывается между рукой рыбака и глазами несчастного существа...

Ни один читатель этой книги не станет, надеюсь, терпеть того, кто посмеет размахивать убийственным орудием вроде киркомотыги перед мордой собаки. Это так очевидно, что совершенно не требует каких-

либо пояснений. И неужели отвращение к подобному действию нравственно неуместно, если применить его к рыбе, или мы настолько глупы, что считаем это непозволительным только по отношению к собакам? Скажите, долгие предсмертные страдания считаются недопустимой жестокостью по отношению к любому животному, испытывающему их, или это относится только к некоторым животным?

Может ли близость с животными, считающимися членами нашей семьи, остановить нас при выборе тех, кого мы собираемся употребить в пищу? Как далеки от нас в системе жизни рыбы (коровы, свиньи или куры)? Чем определяется дистанция — пропастью или просто одиноко стоящим деревом? Неужели все дело в близости или отдаленности от нас? Если мы когда-нибудь познакомимся с формой жизни более мощной и разумной, чем наша, и пришельцы станут рассматривать нас так же, как мы рыб, каковы будут наши аргументы против того, что нас можно есть?

Как ни странно, жизнь миллиардов животных и состояние крупнейшей экосистемы на нашей планете зависит от того или иного ответа на эти, на первый взгляд, абстрактные вопросы. Подобные глобальные заботы могут показаться очень далекими от реальной жизни. Мы больше волнуемся о том, что находится ближе к нам, и на удивление легко и быстро забываем обо всем остальном. На нас сильно влияет то, что делают другие, в особенности, когда дело касается еды. Пищевая этика так сложна потому, что отношение к пище связано одновременно с вкусовыми сосочками и вкусом, с индивидуальными биографиями и социальными историями. Современный Запад, в отличие от всех более ранних культур, пытается учитывать пристрастия отдельных индивидуумов, которые выбирают пищу на свой вкус, однако ирония в том, что крайне неразборчивое всеядное существо: «Я покладист; я съем все, что угодно», — может оказаться более социально адаптированным, чем человек, предпочитающий питаться, согласуясь с общественной пользой. Пищевые предпочтения определяются многими факторами, но в перечне этих факторов благоразумие (и даже сознательность) обычно стоят далеко от начала.

По отношению к поеданию животных существуют совершенно полярные мнения: или никогда не ешьте их, или же никогда не

предавайтесь сомнениям, поглощая их; становитесь защитником животных или презирайте защитников животных. Эти противоположные позиции или близко связанное с ними нежелание занимать никакую позицию сходятся в одном — вопрос об употреблении в пищу животных не обойти. А вопрос этот — едим ли мы животных и как мы это делаем — намного глубже и важнее, чем кажется. История мяса, начиная от Книги Бытия и кончая последним счетом с фермы — это история о том, какие мы сейчас и какими хотим стать в будущем. Это главные философские вопросы, это промышленность, приносящая каждый год доход более 140 миллиардов долларов, это то, что занимает треть суши планеты, формирует экосистемы океанов и способно определять будущее земного климата. А мы все еще продолжаем рассуждать о границах спора — о логических крайностях, а не о том, что происходит на деле. Моя бабушка сказала, что не станет есть свинину даже ради спасения собственной жизни, и хотя она сделала это в чрезвычайной ситуации, многие люди, мне кажется, и в обычной жизни, делая свой ежедневный выбор, не задумываясь, выберут: «всё-или-ничего». Столь категоричный способ мышления мы вряд ли станем применять к другим этическим сферам. (Вообразите человека, лгущего всегда или, наоборот, не делающего этого никогда.) Я не могу сосчитать, сколько раз, когда я говорил кому-нибудь, что я — вегетарианец, этот человек не упускал случая указать на нелепость моего образа жизни или не пытался найти изъян в аргументах, которых я никогда и не приводил. (Я не раз ощущал, что мое вегетарианство имеет большее значение для подобных людей, чем для меня самого.)

Стоит, пожалуй, найти какой-то более разумный способ обсуждения проблемы употребления в пищу животных. Такой способ, который поставит мясо в Центр публичных споров, так же, как это мясо зачастую оказывается в центре наших тарелок. При этом совсем не нужно притворяться, будто мы собираемся достичь всеобщего согласия. И как бы мы ни были уверены, будто знаем, что правильно для нас самих и даже то, что хорошо для других, нужно предвидеть и то, что наша позиция может натолкнуться на противоположное мнение наших соседей. Что же нам делать с этой ожидающей нас неизбежной и неминуемой реальностью? Прекращать разговор или найти способ выстроить его по-иному?

Война

Из каждых десяти тунцов, акул и других крупных хищных рыб, которые обитали в наших океанах пятьдесят-сто лет назад, осталась только одна. Многие ученые предсказывают полное исчезновение всех промысловых видов рыбы менее чем через пятьдесят лет и одновременные напряженные поиски новых способов ловить, убивать и съедать еще большее количество морских животных. Сегодняшняя ситуация настолько остра, что исследователи из Центра рыболовства университета Британской Колумбии убеждают, что «наши взаимодействия с ресурсами рыболовного промысла [то есть попросту с рыбой] уже напоминают... войну на уничтожение».

Насколько я понимаю, война — абсолютно точное слово, описывающее наши отношения с рыбой, его значение включает в себя не только технологии и технические приспособления, которые используют против рыб, но и психологию господства. По мере углубления в изучение животноводства я все яснее видел, что радикальная реформа рыболовства, проходившая в последние пятьдесят лет, по сути вышла за свои пределы. Мы уже ведем войну, точнее, позволяем, чтобы шла война против всех животных, которых мы едим. Это новая война, и у нее есть название: промышленное сельское хозяйство.

Понятие «промышленное сельское хозяйство», как и порнографию, трудно определить, но легко идентифицировать. В узком смысле слова — это система индустриализированного и интенсивного сельского хозяйства, когда животные зачастую ютятся скопом, по десять, а иногда и по сотне тысяч особей вместе, в процессе селекции их изменяют на генетическом уровне, ограничивают в движении и держат на искусственных кормах (в состав которых почти всегда включаются различные медикаменты, например, противомикробные препараты). В мировом масштабе каждый год на промышленных фермах выращивают примерно 450 миллиардов сухопутных животных. (Подсчет по рыбам не ведется.) Девяносто девять процентов всех наземных животных, съедаемых или дающих молоко и яйца в Соединенных Штатах, выращены на промышленных фермах. И хотя существуют значительные исключения, говорить сегодня об употреблении в пищу животных значит говорить о ведении сельского хозяйства промышленными методами.

Индустриальный метод разведения скота и птицы — это не просто некий набор практик, это тип мышления, подразумевающий уменьшение себестоимости производства до абсолютного минимума, «облекаемого, — как они выражаются, — в конкретную форму», что на самом деле означает ухудшение окружающей среды, болезни людей и страдание животных. Тысячи лет фермеры пользовались подсказками природы. Промышленное сельское хозяйство считает природу препятствием, которое следует преодолевать.

Промысловое рыболовство — это не совсем промышленное фермерство, но относится оно к той же категории, с теми же приемами и «удачными» ходами, а потому тоже должно стать предметом нашей дискуссии. Наиболее очевидно это сходство проявляется в промышленной аквакультуре (на фермах, где рыбу держат в закрытых прудах и, так сказать, «собирают урожай»), но справедливо и для промышленного лова, который исповедует тот же принцип превосходства и пренебрежения к живым существам и практикует интенсивное использование современных технологий.

Сегодняшние капитаны рыболовецких судов — это скорее Кирки*, чем Ахавы**. Они следят за рыбой из уютных кают, набитых электроникой, и вычисляют подходящий момент, когда можно будет заманить и захватить весь косяк разом. Если рыба упущена, капитаны, получив известие об этом, делают второй выпад против ускользнувшего косяка. Эти горе-рыбаки уже не умеют узреть невооруженным глазом косяк, хоть сколько-то удаленный от корабля. К их услугам по всему океану развернуты GPS-мониторы вместе с «приспособлениями, привлекающими рыбу» (FAD). Мониторы передают в диспетчерские на рыболовецких судах информацию о том, сколько рыб находится поблизости и точное местонахождение плавучих FAD.

* Капитан Кирк — капитан звездолета «Энтерпрайз» из сериала «Звездный путь».

** Капитан Ахав — персонаж философского романа Германа Мелвилла «Моби Дик», боровшийся с белым китом, символическим воплощением зла.

Как только перед нами возникает полная картина промышленного рыболовства — ежегодно переметы ощериваются 1,4 миллиарда крючков (на острие каждого из них в качестве приманки прикреплен

кусочек плоти рыбы, кальмара или дельфина); 1200 сетей, каждая из которых в длину достигает тридцати миль, используется только одной флотилией, чтобы поймать рыбу только одной породы, причем единственное судно способно взять на борт пятьдесят тонн морских животных за несколько минут — тут и становится ясно, что современные рыбаки самые настоящие промышленные фермеры, а не скромные рыболовы.

В рыболовстве систематически применяются в буквальном смысле военные технологии. Радар, эхолоты (когда-то они использовались для обнаружения вражеских подводных лодок), электронные навигационные системы, разработанные для военно-морского флота, а в последнее десятилетие двадцатого века в распоряжение рыбаков предоставлены спутниковые GPS, дающие беспрецедентную возможность опознать и вернуться к рыбному хот-споту. Для обнаружения косяков рыб используются диаграммы океанических температур, получаемые со спутников.

Успех промышленного сельского хозяйства напрямую зависит от ностальгических образов патриархальной агрокультуры, возникающих у потребителя — рыбак, тянувший невод, свинопас, знающий каждую свою свинку по имени, крестьянин, разводящий индеек и с умилением наблюдающий, как проклевывается из яйца индюшонок — эти милые сценки соответствуют тому, что нам понятно, приятно и вызывает доверие. Но эта идиллия — худший кошмар промышленных фермеров, образы эти способны напомнить миру о главном: то, что сейчас превратилось в 99 процентов фермерства, не так давно было всего лишь 1 процентом. Завладевшие всем промышленные фермы сами могут оказаться в капкане.

Что же поспособствует этому? Немногие знают в деталях современную мясную и рыбную промышленность, но большинство, не вникая в суть, чувствует — там что-то не так. Детали важны, но сами по себе они не изменяют чью-то жизнь. Не изменит ее ни поэтический образ, ни разумные аргументы. Требуется нечто иное.

3. Стыд

Хотя многое можно сказать об обширном литературоведческом наследии Вальтера Беньямина*, остановимся лишь на его проникновенном разборе рассказов Франца Кафки о животных.

* Беньямин Вальтер (1892–1940) — немецкий философ, культуролог, переводчик, литературный критик.

Стыд, утверждает Беньямин, главное понятие в творчестве Кафки, означающее уникальную нравственную восприимчивость. Стыд одновременно сокровенный, таящийся в глубине нашего духовного существа, и социальный — то, что проявляется в отношениях с другими людьми. Для Кафки стыд — это взаимная ответственность перед невидимыми другими, перед «неизвестной семьей», если использовать фразу из романа «Процесс». Это внутреннее, этическое переживание.

Беньямин обращает внимание на то, что среди предков Кафки — в его «неизвестной семье» — были животные. Животные — естественная часть нашего сообщества, и перед ними Кафка тоже мог залиться румянцем стыда, давая нам понять, что они неперемнная составляющая его внутреннего нравственного мира. Беньямин утверждает, что животные Кафки — это «хранилища забытого», и это замечание поначалу озадачивает.

Я привожу здесь все эти рассуждения с единственной целью — рассказать о том, как Кафка разглядывал рыб в берлинском аквариуме. Поведал эту историю близкий друг Кафки Макс Брод.

Неожиданно, пишет Брод, он начал разговаривать с рыбами в освещенных резервуарах. «Теперь, по крайней мере, я могу смотреть на вас спокойно, я вас больше не ем». Именно тогда он и превратился в строгого вегетарианца. Если вы не слышали своими ушами этих слов, слетевших с уст Кафки, вам трудно будет даже вообразить, как просто и легко, без какой-либо аффектации, без малейшей сентиментальности — которая была вообще ему чужда, — он это произнес.

Что же подвигло Кафку стать вегетарианцем? И почему Брод упоминает замечание именно о рыбах, чтобы охарактеризовать взгляды Кафки на то, что можно употреблять в пищу? Выказывая свое предпочтение вегетарианства, Кафка наверняка высказывался и о сухопутных животных.

Ответ, вероятно, отыщется в рассуждениях Беньямина, который заметил, с одной стороны, связь между животными и стыдом, а с другой — между животными и «забыванием». Стыд — это работа памяти против забывания. Стыд — это то, что мы чувствуем, когда почти полностью — если не абсолютно — забываем о будущем всего

социума, связанным с надеждами и ожиданиями, и о наших личных обязательствах перед другими, предпочитая собственные сиюминутные удовольствия. Рыба для Кафки была, наверное, самой сутью такого «забвения»: ведь ее жизнь в иной, чем наша, среде забыта, молено сказать, полностью по сравнению с тем, что мы помним о сухопутных животных, выращиваемых на фермах.

Главным символом этого полного забывания было для Кафки поедание животных, их плоти, для него это было равнозначно тому, что мы забываем или желаем забыть и о части нас самих — о нашей плоти. Неспроста, желая отделить себя, отречься от своей сущности, мы противопоставляем себя «животному миру». И как следствие, мы стараемся подавить или скрыть свою природу, но лучше многих из нас Кафка знал, что иногда, просыпаясь, мы обнаруживаем, что все еще самые настоящие животные. И это уже не кажется просто выдумкой. А тогда стоит, так сказать, покраснеть от стыда перед рыбой. Мы легко можем выявить часть себя в рыбе — позвоночник, ноцицепторы (рецепторы боли), эндорфины (которые облегчают боль), все эти знакомые болевые отклики. А теперь попробуйте отрицать, что эти моменты сходства с животными не имеют значения, — тогда уж сразу откажитесь от важных составляющих нашей человеческой природы. То, что мы забываем о животных, мы начинаем забывать о себе.

Итак, вопрос поедания животных означает не только наше врожденное свойство реагировать на живую жизнь, но и нашу способность ощущать свой собственный организм как часть родственной нам животной жизни. Война идет не только между ними и нами, но между нами и нами. Эта война стара, как предание, и с таким же непредсказуемым исходом, как любая война в истории. Как полагает философ и социолог Жак Деррида, это

неравная борьба, война, не сулящая пока победы ни той, ни другой стороне, война, в которой столкнулись те, кто не только вторгается в жизнь животных, отринув даже чувство жалости, и те, кто вызывает к этому «жалкому» чувству.

Война как раз и ведется вокруг жалости. И война эта, как может показаться, вечная, но... обнаруживается ее переломная фаза, трещина. Мы смело кидаемся в эту трещину, а трещина проходит через нас. Нельзя забывать, что война, которую, как оказалось, мы ведем, — это не только долг, ответственность, обязанность, но и необходимость,

неизбежность, и прямого или косвенного участия в ней, нравится нам это или нет, никому не избежать... Животное смотрит на нас, а мы перед ним обнажены.

Животное безмолвно ловит наш взгляд. Животное глядит на нас, и отведем ли мы взгляд (от животного, от нашей тарелки, от нашего беспокойства, от нас самих) или нет, не важно — мы уже разоблачены и сами выставлены напоказ. Неважно, изменим ли мы свою жизнь или ничего не станем делать, вызов брошен. Ничего не делать — это тоже поступок.

Невинность маленьких детей и их свобода от всякой предвзятости позволяет им слышать животное даже в его немоте и видеть то, что недоступно взрослым. Может быть, хотя бы наши дети не будут становиться на чью-либо сторону в нашей войне (но воспользуются ее трофеями).

Весной 2007 года моя семья жила в Берлине, и после обеда мы иногда ходили в аквариум. Мы приникли к стенкам аквариумов — аквариумов, похожих на стеклянные тюремные камеры, — в точно такие же взглядывался и Кафка. Меня особенно поразили морские коньки — эти странные, похожие на шахматные фигурки существа, один из самых популярных образов обитателей животного мира. Морские коньки схожи не только с шахматными конями, в форме морских коньков делают соломинки для коктейлей, выстригают комнатные растения, эти изображения бывают разных размеров — от одного до одиннадцати дюймов. Совершенно ясно, что не только я один был зачарован необыкновенным видом этих поразительных рыбок. (Мы так жаждем любоваться на них, что миллионы их умирают в аквариумах и не меньше идет на сувениры.) И это всего лишь курьез, странное эстетическое пристрастие, которому я уделил здесь толику времени, а сколько еще вокруг других животных, тех, что заслуживают еще большего беспокойства. Морские коньки лишь малая их часть.

Морские коньки одни из самых любопытных среди всяческой живности — они естественное звено в цепочке видов и в то же время своей отдельностью, непохожестью словно выламываются из общего ряда. Они могут менять цвет, чтобы слиться с окружающей средой, и взмахивать спинными плавниками почти так же неуловимо быстро, как колибри машет своими крылышками. Поскольку у них нет зубов и желудка, пища проходит через них почти не задерживаясь, поэтому

они должны питаться непрерывно. (Отсюда и такие приспособления, как свободнодвигающиеся глаза, что позволяет им искать жертву, не поворачивая головы.) Они не очень хорошие пловцы и могут умереть от изнеможения, подхваченные даже небольшим течением, поэтому стремятся прикрепиться к морской траве или кораллу, или же друг к другу — коньки любят плавать парами, сцепившись гибкими хвостами. У морских коньков сложный ритуал ухаживания, они обычно спариваются под луной, производя в процессе соития музыкальные шумы. Они живут в долговременном моногамном партнерстве. Но удивительнее всего, что самцы морских коньков вынашивают мальков целых шесть недель. Самцы становятся по-настоящему «беременными», не только вынашивая, но и оплодотворяя и питая жидким секретом развивающиеся икринки. Образ рожающего самца всегда шокирует: мутная жидкость вырывается вперед из выводковой камеры, и, как будто по мановению волшебной палочки, из туманного облака появляются малюсенькие, но полностью сформированные морские коньки.

На моего сына все это впечатления не произвело. Аквариум должен был бы ему понравиться, но он испугался и все время просился домой. Может быть, он неожиданно разглядел нечто в том, что для меня было лишь безмолвным и бездушным подводным миром. Но, скорее всего, он испугался влажной тусклости, или непрерывно шумящих, словно прочищающих горло, насосов, или толпы. Будь у нас побольше времени, подумал я, и оставайся мы там подольше, он бы в какой-то момент — эврика! — понял, что ему на самом деле там нравится. Но этого не произошло.

Прочувствовав, как собрат-писатель, возникшую в аквариуме мысль Кафки, я тоже начал ощущать некий стыд. Но отражение в стекле аквариума не было лицом Кафки. Оно принадлежало именно собрату-писателю, который в отличие от своего героя был позорно равнодушен. А как еврей, в Берлине я ощущал и иные оттенки стыда. Меня тревожил стыд, что я всего-навсего турист, да еще и американец, поскольку тогда как раз получили широкую огласку фотографии из тюрьмы Абу-Грейб. И был стыд за то, что я человек: стыд от знания того, что двадцати из примерно тридцати пяти классифицированных видов морских коньков по всему свету угрожает вымирание, потому что их «неумышленно» убивают во время производства

морепродуктов. Стыд от бессмысленного убийства без пищевой необходимости, без политических причин, без безрассудной ненависти или без неразрешимого конфликта с человеком. Я чувствую стыд за их гибель, которую моя культура оправдывает столь неубедительным аргументом, как вкус консервированного тунца (морские коньки один из более чем ста видов морских животных, которых истребляют в качестве «прилова» при современном промышленном лове тунца) или перед тем фактом, что из креветок получаются удачные hors d'oeuvres* (ловля креветок траловой сетью опустошает популяцию морских коньков больше, чем любой другой вид деятельности). Я чувствую стыд за то, что живу в государстве тотального процветания, в государстве, которое тратит меньший процент от дохода на питание, чем любая другая цивилизация в человеческой истории, но во имя получения дохода обращается с животными на фермах с такой невероятной жестокостью, которая по отношению к собаке считалась бы незаконной.

* Закуски.

Но ничто не сравнится со стыдом, который испытывает любой родитель. Дети ставят нас лицом к лицу с нашим притворством, а иногда и ложью, и нам нечем от этого защититься. Вот и приходится искать ответ на каждое почему: Почему мы делаем это? Почему мы этого не делаем? — и зачастую подходящего ответа не находится. И вы просто говорите: потому. Или рассказываете какую-нибудь историю и знаете, что это неправда. Не важно, от чего вы краснеете — от вранья или от стыда. Стыд быть родителем — стыд не стыдный, — происходит оттого, что мы, так или иначе отвечая на их вопросы, хотим, чтобы наши дети были более цельными, чем мы. Мой сын не только заставляет меня задуматься, каким видом жующего животного я буду, но, сам того не зная, стыдит меня и заставляет пересматривать многие взгляды.

А еще есть Джордж, которая спит у моих ног, пока я печатаю эти слова, она изящно изогнулась, чтобы вписаться в прямоугольник солнца на полу. Она перебирает лапами, наверное, ей снится, что она бежит, преследуя белку? Или играет в парке с другой собакой? Может быть, она плавает во сне. Мне бы хотелось забраться внутрь ее удлиненного черепа и посмотреть, какие впечатления она пытается разложить по полочкам или от чего хочет избавиться. Изредка во сне

она тьякает тихонько, а иногда взлаивает так громко, что сама себя будит, а бывает, так оглушительно, что просыпается мой сын. (Она-то всегда вновь засыпает, а вот он — никогда.) Иногда она просыпается, тяжело дыша со сна, вскакивает, подходит ко мне — ее дыхание горячит мне лицо — и смотрит прямо мне в глаза. Между нами... что?

Слова / Смысл

Вклад животноводства в глобальное потепление на 27 % больше, чем всего мирового транспорта вместе взятого; именно оно больше всего влияет на изменение климата.

ANIMAL (ЖИВОТНОЕ)

Перед тем как посетить первую ферму, я потратил больше года, продираясь сквозь литературу об употреблении в пищу животных: историю сельского хозяйства и промышленности, материалы министерства сельского хозяйства США (МСХ), брошюры защитников животных, относящиеся к делу философские работы и без счету книг о еде, которые на самом деле посвящены мясу. Часто меня одолевало смущение. Иногда замешательство возникало из-за неточности, неопределенности таких терминов, как страдание, радость и жестокость. Иногда казалось, что смысловая двойственность создается намеренно. Язык никогда не заслуживает полного доверия, но когда дело доходит до поедания животных, слова нередко используются не только для того, чтобы просто передавать информацию, но и чтобы затуманить смысл, для маскировки. Некоторые слова, например, телятина, своей отвлеченностью помогают нам забыть, о чем мы говорим на самом деле. Некоторые, например, на свободном выпасе, могут ввести в заблуждение тех, кто желает успокоить свою совесть. Некоторые, например, счастье, могут означать совсем не то, что мы подразумеваем. А некоторые, например, натуральное, не означают почти ничего.

Ничто не кажется более «натуральным», чем граница между людьми и животными (см. Граница между видами). Хотя не во всех культурах есть такое понятие — животное или любой эквивалент этого слова — в Библии, например, нет ни одного слова, которое бы соответствовало английскому слову животное. Даже в словарной статье люди одновременно являются и не являются животными. В первом значении люди — представители царства зверей. Но гораздо чаще мы, не задумываясь, используем слово животное для обозначения всех живых существ — от орангутанга и собаки до креветки — кроме людей. Внутри каждой культуры, даже внутри

семьи у людей имеется свое собственное понимание того, что такое животное. Да и у любого из нас, вероятно, есть свои градации и совершенно различные взгляды на это.

Что такое животное? Антрополог Тим Ингольд поставил этот вопрос перед группой ученых, занимающихся различными дисциплинами — от социальной и культурной антропологии и археологии до биологии, психологии, философии и семиотики. Выяснилось, что они не могут достичь единства в понимании этого слова. Хотя на пересечении различных мнений выявились две важные точки согласия: «Во-первых, существует почти непреодолимая тяга к не явному, но явно эмоциональному стремлению осознать идею животного начала в человеке; а во-вторых, дабы суметь критически взглянуть на эту идею, нужно разобрать далеко еще не исследованные аспекты собственно человеческой природы». Чтобы спросить «Что такое животное?» или, я бы добавил, прочесть ребенку сказку о собаке, или же выступать за права животных — необходимо понять, что означает быть нами и не ими. То есть нужно задать вопрос: «Что такое человек?»

ANTHROPOCENTRISM (АНТРОПОЦЕНТРИЗМ)

Люди — это вершина эволюции, подходящее мерило, которым можно измерить жизни других животных, и, следовательно, законные владельцы всего живущего.

ANTHROPODENIAL (АНТРОПООТРИЦАНИЕ)

Отказ допустить важную эмпирическую схожесть между людьми и другими животными, например, когда мой сын спрашивает, будет ли Джордж томиться в одиночестве, если мы уйдем и оставим ее дома одну, а я говорю: «Джордж не испытывает чувства одиночества».

ANTHROPOMORPHISM (АНТРОПОМОРФИЗМ)

Побуждение проецировать человеческий опыт на других животных, подобно тому, например, как мой сын спрашивает, будет ли Джордж одинок.

Итальянский философ Эмануэлла Ченами Спада писала:

«Антропоморфизм — это риск, которого следует избегать, потому что, рассуждая о переживаниях животных, мы должны обращаться к нашему собственному человеческому опыту... Единственное доступное „лечение“ [для антропоморфизма] — это непрерывная критика всевозможных гипотез с целью получения более адекватных

ответов на наши вопросы и на приводящую нас в замешательство проблему взаимоотношений с животными».

Что же это за проблема? А то, что мы не просто проецируем человеческий опыт на животных; но являемся (и одновременно не являемся) животными.

BATTERY CAGE (КЛЕТОЧНАЯ БАТАРЕЯ)

Является ли антропоморфизмом попытка вообразить себя в клетке на ферме? Можно ли назвать антропо-отрицанием невозможность даже представить себе подобное?

Типичная клетка для кур-несушек — это шестьдесят семь квадратных дюймов пространства пола, что-то между размером этой страницы и листом бумаги для принтера. Эти клетки ставят одна на другую, и получается в высоту от трех до девяти ярусов. В Японии существует самая высокая в мире секция клеточной батареи: клетки ставят в высоту на восемнадцать ярусов, а сами батареи находятся в ангарах без окон.

Войдите мысленно в переполненный людьми лифт, в лифт, настолько заполненный людьми, что вы не можете повернуться, чтобы не прижать (и не рассердить) соседа. Лифт настолько переполненный, что вы часто должны висеть зажатые между телами других. Ну, а если наклонный пол вдобавок сделан из проволоки, которая врежется вам в ноги, признайте, это просто настоящее блаженство!

Через некоторое время люди в лифте потеряют способность оставаться корректными по отношению друг к другу. Одни взорвутся, вспылят, другие сойдут с ума. А небольшая часть, лишенная пищи и надежды, превратится в каннибалов.

Тут нет передышки, нет облегчения. И не придут служители лифта. Двери откроются один раз, в конце вашей жизни, перед вашим путешествием в то единственное место, где еще хуже (см.: переработка).

BROILER CHICKENS (БРОЙЛЕРЫ)

Не все куры должны терпеть клеточные батареи. Только в этом смысле можно сказать, что бройлеры — куры, которые станут мясом (в противоположность несушкам, курам, которые кладут яйца) — счастливицы: им выделен примерно один квадратный фут пространства.

Если вы не фермер, то все, что я тут только что написал, вероятно, вас смутит. Возможно, вы думали, что куры это куры. Но в последние полвека на самом деле существовало два вида кур — бройлеры и несушки, каждый со своей особой генетикой. Мы называем оба вида курами, но у них совершенно различные тела и обмен веществ, разработанные для разных «функций». Несушки производят яйца. (Их производительность с 30-х годов XX века выросла более чем в два раза.) Бройлеры производят мясо. (Они выведены так, что за тот же период вырастают больше чем наполовину, при этом куры когда-то могли прожить пятнадцать-двадцать лет, а современных бройлеров обычно убивают в возрасте шести недель. Скорость их ежедневного роста увеличилась примерно на 400 процентов.)

От этого возникают всевозможные странные вопросы, вопросы, которые я до того, как узнал о двух видах наших кур, никогда бы и не подумал задавать, например, что происходит со всеми цыплятами-петушками из разряда несушек? Если человек не предназначал их для мяса, а природа совершенно очевидно не программировала для кладки яиц, то какой функции они служат?

Они не служат никакой функции. Вот почему всех самцов несушек — половину от всех кур-несушек, рождающихся в США, более 250 миллионов в год — попросту уничтожают.

Уничтожают? Кажется, мне стоит побольше узнать об этом слове.

Большинство самцов-несушек уничтожают, всасывая через череду труб, которые оканчиваются электрической тарелкой. Другие несушки уничтожаются по-иному, и вряд ли можно назвать этих животных более-менее удачливыми. Некоторых швыряют в большие пластиковые контейнеры. Слабых затапывают вниз, где они медленно задыхаются. Сильные медленно задыхаются вверх. Других посылают в полном сознании в мусородробилку (вообразите дробилку для древесных отходов, заполненную курами).

Жестоко? Зависит от вашего понимания слова «жестокость» (см.: жестокость).

BULLSHIT (БРЕД СОБАЧИЙ)

1) Прямой перевод — бычье дерьмо (см. также: энвайронментализм).

2) Выражение, ошибочно принимаемое за брань, или утверждение, например:

ВУСАТСН (ПРИЛОВ)

Прилов, пожалуй, неплохой пример того, что является квинтэссенцией бреда собачьего, он относится к морским животным, выловленным случайно, однако по существу происходит это совсем не «случайно», поскольку прилов сознательно встраивается в современные методы рыболовства. Современное рыболовство — это много технологии и мало рыбаков. Такое сочетание ведет к огромным уловам с громадным количеством прилова. Возьмем, к примеру, креветок. По статистике при лове креветок с помощью трала от 80 до 90 процентов морских животных выбрасывают за борт — уже умерших или еще умирающих, это и есть прилов. (Виды, находящиеся на грани исчезновения, составляют значительное количество этого прилова.) Креветки составляют только 2 процента веса от мировых морепродуктов, но креветки, выловленные траловыми сетями, составляют 33 процента мирового прилова. Мы стараемся не думать об этом, потому что стараемся не знать об этом. Может быть, на нашей еде стоит делать маркировку, которая позволит нам узнать, сколько животных было убито, чтобы донести желанное нам животное до наших тарелок? Итак, на этикетке креветок, пойманных тралом, из Индонезии, например, должно быть написано: НА КАЖДЫЙ ФУНТ ЭТИХ КРЕВЕТОК ПОГИБЛО И ВЫБРОШЕНО ОБРАТНО В ОКЕАН 26 ФУНТОВ ДРУГИХ МОРСКИХ ЖИВОТНЫХ.

Или возьмем тунца. Убивая тунца, одновременно регулярно и беспричинно убивают еще 145 других видов животных: морского дьявола, пятнистого ската, длинноносую акулу, медную акулу, перуанскую бычью акулу, коричневую акулу, кубинскую ночную акулу, тигровую песчаную акулу, кархародона, акулу-молот, катрана, кубинскую колючую акулу, большеглазую морскую лисицу, акулу-мако, голубую акулу, ваху, парусника, бонито, каваллу, королевскую макрель, копьеносца, белого марлина, рыбу-меч, зубатку, серого спинорога, саргана, морского леща, каранкса, черного центролофа, махи-махи, сигарную ставриду, рыбу-ежа, элагата, анчоуса, группера, летучую рыбу, треску, морского конька, белую рулевую рыбу, опаха, змеевидную макрель, косоглазую рыбу, треххвостку, европейского удильщика, морского черта, рыбу-луну, пресноводную зубатку, рыбу-лоцмана, каменного окуня, луфаря, горбыля капитанского, красного барабанщика, желтохвоста, сериолу, морского карася, барракуду,

иглобрюха, логгерхеда, зеленую черепаху, кожистую черепаху, биссу атлантическую ридлею, желтоклювого альбатроса, чайку Одуэна, балеарского буревестника, чернобрового альбатроса, клушу, большого пестробрюхого буревестника, болынекрылого буревестника, толстоклювого буревестника, серебристую чайку, смеющуюся чайку, королевского альбатроса, осторожного альбатроса, серого буревестника, глупыша, малого буревестника, хохотунью, карликового полосатика, сейвала, финвала, дельфина белобочку, японского кита, обыкновенную гринду, горбатого кита, ремнезуба, косатку, морскую свинью, кашалота, полосатого тихоокеанского дельфина, стенеллу, вертящегося продельфина, афалину, кювьерова клюворыла.

Вообразите, что вам подали блюдо с суши. Но на этой тарелке невидимо лежат все те животные, которых убили для того, чтобы вам приготовили суши. Эта тарелка должна быть пять футов в ширину.

САФО (ПРЕДПРИЯТИЕ, КОРМЯЩЕЕ ЖИВОТНЫХ, СОБРАННЫХ ВМЕСТЕ)

Это предприятие также известно под названием промышленная ферма. В действительности, это официальное название было создано не мясной промышленностью, а агентством по охране окружающей среды (см. также: энвайронментализм). Все САФО обижают животных так, что это незаконно даже при относительно слабом законодательстве, касающемся благоденствия животных. Таким образом:

CFE (ОБЩЕПРИНЯТОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ОТ НАЛОГОВ)

Это постановление делает любой метод выращивания животных на ферме законным, если он повсеместно практикуется в этой промышленности. Другими словами, фермеры — правильное сказать корпорации — имеют власть по-своему определять границы жестокости. Если индустрия перенимает, к примеру, практику отрубать нежелательные придатки без болеутоляющих средств — она автоматически становится законной.

Штаты один за другим включают CFE в свое законодательство, варьируя отдельные пункты от раздражающе нелепых до абсурдных. Возьмем штат Невада. Согласно их CFE, законы, направленные на благосостояние штата, не могут «запрещать или как-либо вмешиваться в установленные методы ведения животноводства, в том числе

выращивание, уход, кормление, условия содержания и транспортировку домашнего скота или сельскохозяйственных животных». То, что происходит в Вегасе, остается в Вегасе.

Юристы Дэвид Вулфсон и Мэриэнн Салливан, специалисты по данному вопросу, поясняют:

Определенные штаты освобождают от налога лишь отдельные, точно обозначенные виды деятельности, а не огульно все сельское хозяйство... В Огайо вычеркнуты параграфы, требующие для животных с фермы «благотворного моциона и проветривания», в Вермонте отсутствует упоминание в законодательном акте о «преступной жестокости связывать, привязывать и ограничивать» животное таким образом, что это становится «негуманным или приносит ущерб его благоденствию». Человеку ничего не остается делать, как притвориться, будто в Огайо животным с фермы всего-навсего отказывают в физической зарядке, а в Вермонте их связывают, привязывают или ограничивают не совсем гуманным образом.

COMFORT FOOD (УТЕШАЮЩАЯ ЕДА)

Однажды вечером, когда моему сыну было четыре недели от роду, у него слегка поднялась температура. К утру он уже с трудом мог дышать. По совету нашего педиатра, мы отвезли его в больницу скорой помощи, где ему поставили диагноз «заражение респираторно-синцитиальным вирусом», который у взрослых обычно выражается в виде обычной простуды, но для младенцев невероятно опасен и даже несет угрозу жизни. Все закончилось неделей в палате интенсивной терапии педиатрического отделения больницы, мы с женой по очереди спали в кресле в палате нашего сына и в приемной на кресле с откидной спинкой.

На второй, третий, четвертый и пятый дни наши друзья Сэм и Элеонора приносили нам еду. Много еды, гораздо больше, чем мы могли съесть: чечевичный салат, шоколадные трюфели, жареные овощи, орехи и ягоды, ризотто с грибами, картофельные оладьи, зеленую фасоль, начо, дикий рис, овсянку, сушеное манго, пасту примavera, чили — все это была утешающая еда. Мы могли бы есть в кафетерии или заказывать еду в палату. А они могли бы выражать свою любовь посещениями и добрыми словами. Но они приносили всю эту еду, и это был тот скромный, добрый жест, который и был нам нужен.

Поэтому более чем по какой-либо иной причине — а причин было множество, — эта книга посвящена им.

COMFORT FOOD, CONT. (УТЕШАЮЩАЯ ЕДА, ПРОДОЛЖЕНИЕ)

На шестой день мы с женой в первый раз после приезда в больницу смогли покинуть ее вместе. Наш сын совершенно очевидно преодолел кризисную точку, доктора считали, что следующим утром мы сможем забрать его домой. Мы увернулись от пули. Поэтому, как только он уснул (у его кровати осталась родня со стороны жены), мы спустились на лифте и вновь вышли в мир.

Шел снег. Снежинки были сюрреалистически крупными, отчетливыми и прочными: такими, какие дети вырезают из белой бумаги. Мы брели по Второй Авеню куда глаза глядят как лунатики и оказались у польской закусочной. Массивные стеклянные окна смотрели на улицу, снежинки прилеплялись к ним на несколько секунд, а потом стекали извивающимися ручейками. Я не могу Припомнить, что заказал. Я не могу припомнить, была ли еда вкусной. Но это была лучшая трапеза моей жизни.

CRUELTY (ЖЕСТОКОСТЬ)

Не только умышленное причинение излишних страданий, но и равнодушие к ним. Быть жестоким гораздо проще, чем кажется.

Есть поговорка, мол, природа — «с кровью на зубах и когтях», то есть — жестока. Я много раз слышал это от владельцев ранчо, которые пытались меня убедить, что они защищают свой скот от опасностей, которые поджидают их за оградой. Природа — это не пикник, совершенно справедливо. (Пикники — редко являются пикниками.) Но так же справедливо, что животные на самых лучших фермах зачастую живут лучше, чем в дикой природе. Но природа не жестока. Не жестоки и животные в природе, которые убивают и изредка мучают друг друга. Жестокость зависит от ощущения ее как жестокости и от способности противодействовать ей. Или делать вид, что жестокости не существует.

DESPERATION (ОТЧАЯНИЕ)

У моей бабушки в подвале хранится шестьдесят фунтов пшеничной муки. Недавно, когда мы были у нее на выходные, меня послали вниз за бутылкой кока-колы, и я обнаружил мешки, поставленные в ряд у стены, будто мешки с песком вдоль берега реки

во время разлива. Зачем девятистолетней старухе такая прорва муки? И почему у нее несколько дюжин двухлитровых бутылок кока-колы, пирамида коробок Uncle Ben's или стена памперникелей в холодильнике?

— Я заметил у тебя жуткое количество муки в подвале, — сказал я, возвращаясь на кухню.

— Шестьдесят фунтов.

Я ничего не мог определить по ее тону. В ее голосе слышалась гордость? Некоторый вызов? Стыд?

— Могу я узнать зачем?

Она открыла шкаф с выдвижными ящиками и вынула толстую пачку купонов, каждый из которых предлагал бесплатный мешок муки в придачу за каждый купленный мешок.

— Где ты достала такое количество купонов? — спросил я.

— Это было нетрудно.

— Что ты собираешься делать со всей этой мукой?

— Испеку печенье.

Я попытался вообразить, как моя бабушка, которая никогда в жизни не водила машины, сумела дотащить все эти мешки из супермаркета до дома. Кто-то довез ее, как всегда, но загрузила ли она разом все шестьдесят мешков или поездок было несколько? Зная свою бабушку, я решил, что она, вероятно, просчитала, сколько мешков она может загрузить в одну машину, не причиняя излишнего беспокойства водителю. Затем она заключила договор с необходимым количеством друзей и сделала просчитанное количество поездок в супермаркет, скорее всего за один день. Было ли это тем, что она считала изобретательностью, ведь все время она рассказывала мне, что пережить Холокост ей помогала удача и изобретательность?

Я был сообщником многих авантюр моей бабушки по приобретению еды. Я помню распродажу готовых завтраков с отрубями в виде шариков, купон на которые давал право одному покупателю получить на руки только три коробки. Она купила три коробки сама, а потом послала моего брата и меня, чтобы мы купили еще по три коробки, а сама ждала у дверей. Что обо мне подумал кассир? Пятилетний мальчуган, использующий купон, чтобы купить несколько коробок продовольствия, которое по собственной воле не

станет есть даже умирающий с голоду человек? Мы вернулись через час и повторили операцию.

Тем временем мука не давала мне покоя. Для какого количества народа она планировала испечь печенье? Где она прятала 1400 коробок с яйцами? И сам собой возникающий вопрос: как она перетасила все эти мешки в подвал? Я знал чуть ли не всех ее дряхлых друзей-шоферов, чтобы понимать, что они не стали бы работать грузчиками.

— Один мешок за раз, — сказала она, сметая пыль со стола ладонью.

Один мешок за раз. Моя бабушка едва доходит от машины до двери дома, с трудом поднимается по ступенькам. У нее медленное и затрудненное дыхание, во время последнего визита к врачу обнаружилось, что у нее такая же частота сердечных сокращений, как у большого синего кита.

Ее постоянно высказываемое желание — дожить до следующей бармицвы*, но я рассчитываю, что она проживет еще, по крайней мере, десять лет. Она не из тех, кто умирает. Она может дожить до 120 и вряд ли использует половину своей муки. И она должна об этом знать.

* День 13-летия еврейского мальчика, когда наступает его религиозное совершеннолетие.

DISCOMFORT FOOD (НЕУДОБНАЯ ЕДА)

Совместная трапеза вызывает добрые чувства и создает социальные связи. Майкл Поллан, который пишет о еде содержательно как никто, называет это «застольным братством» и доказывает, что это весомый аргумент против вегетарианства, и я с ним согласен. В чем-то он, несомненно, прав.

Предположим, вы решили не есть мяса с промышленных ферм. Если вы пришли в гости, некрасиво отказываться от еды, которая была приготовлена специально для вас, особенно (хотя хозяин этого не предвидел), когда мотив для отказа этический. Но насколько некрасиво? Это классическая дилемма: в какой степени я дорожу созданием социально удобной ситуации, а в какой не хочу пренебречь социально ответственными действиями? Относительная важность выбора между этическим восприятием той или иной пищи и «застольного братства» будет различной в разных ситуациях (отказаться от бабушкиной курицы с морковкой это не то, что, не

притронувшись, передать дальше запеченные в микроволновке куриные крылья).

Однако более важно то, чему Поллан странным образом не придает значения: попытка быть разборчивым всеядным — это гораздо более тяжкий удар по застольному братству, чем вегетарианство. Представьте, что знакомый пригласил вас на обед. Вы можете сказать: «Приду с удовольствием. Но ты должен знать, что я — вегетарианец». Вы также можете сказать: «Приду с удовольствием. Но я ем только то мясо, которое произведено на семейных фермах». И что тогда делать? Вероятно, вы должны послать хозяину список местных магазинов, чтобы ваше требование стало понятным, не говоря уже о том, чтобы оно стало выполнимым. Это можно как-то устроить, но такая просьба несомненно более привередлива, чем упоминание о вегетарианской еде (которая в наши дни не требует особых хлопот). Вся пищевая промышленность (рестораны, авиакомпании, служба подготовки еды для колледжей, кейтеринг на свадьбах) устроена так, чтобы приспособиться к вегетарианцам. Подобной специальной Инфраструктуры для «разборчивых всеядных», то есть привередливых едоков, не существует.

Что значит быть хозяином вечеринки? Разборчивые всеядные не брезгуют и вегетарианской едой, но вегетарианцы не станут есть то, что легко поглощают всеядные. Какой подход надежнее обеспечит застольное братство?

Застольное братство создается не тем, что мы кладем в рот, а тем, что из него вылетает. К тому же вполне вероятно, что разговор о том, во что мы верим, больше объединяет — даже если мы верим в разные вещи, — чем любая еда, которую подадут на стол.

DOWNER (ДЕПРЕССАНТ)

1) Нечто или некто в угнетенном состоянии.

2) Животное, которое настолько ослабло от плохого здоровья, что не в состоянии снова окрепнуть. Это не подразумевает серьезную болезнь, скорее, похоже на упавшего человека. Некоторые обессиленные животные серьезно больны или ранены, но гораздо чаще им требуется просто чуть больше, чем вода и отдых, и тогда они избегают медленной и болезненной смерти. Не существует достоверной статистики по животным-депрессантам (кто будет их опрашивать?), но, по оценкам специалистов, количество депрессивных

коров каждый год достигает почти 200 000, примерно по две коровы на каждое слово в этой книге. Если говорить о благоденствии животных (см.: благоденствие), то наименьшее из того, что мы могли бы дать, некий абсолютный минимум — это эвтаназия депрессивного животного. Однако это стоит денег, а депрессанты совершенно бесполезны, поэтому они не заслуживают ни внимания, ни сострадания. В большинстве из пятидесяти американских штатов совершенно законно (и принято) просто-напросто позволять депрессантам умереть, бросив их на много дней на произвол судьбы или отправив живьем в контейнер для крупногабаритного мусора.

Мой первый исследовательский визит при написании этой книги был на Ферму-Убежище, в Уоткинс Глен, штат Нью-Йорк. Ферма «Убежище» — это не ферма. Тут ничего не выращивают и не разводят. Она была основана в 1986 году Джином Бо и его тогдашней женой Лорри Хьюстон как место для спасения животных с ферм, чтобы они продолжали жить своей неестественной жизнью. [Естественная жизнь — это неудачное выражение, которое используется по отношению к животным, предназначенным на ранний убой. Например, свиней на фермах обычно режут, когда они наберут вес в 250 фунтов. Позвольте этим генетическим мутантам жить подольше, как это происходит на Ферме «Убежище», и они дорастут до 800 фунтов.)

Ферма «Убежище» стала одной из наиболее важных организаций в Америке для защиты животных, получения знаний о них и лоббирования их интересов. Когда-то она получала деньги от продаж вегетарианских хот-догов из фургона-«фольксвагена» на концертах рок-группы «Грейтфул дед»* — не стоит шутить над этим — с тех пор Ферма «Убежище» здорово расширилась и теперь занимает 175 акров в северной части штата Нью-Йорк и еще 300 акров в северной части штата Калифорния. В организацию входит более 200 000 членов, ее ежегодный бюджет составляет примерно 6 миллионов долларов, у нее есть возможность вмешиваться в формирование местного и национального законодательства. Но я захотел начать с нее вовсе не по названным причинам. Я просто хотел наладить общение с животными, выращенными на ферме. В продолжение всех тридцати лет моей жизни единственные свиньи, коровы и куры, к которым я прикасался и с которыми соприкасался, были мертвы и разделаны.

* «Благодарный мертвец» — известная рок-группа 60-х, которую возглавлял Джерри Гарсия. Члены группы жили коммуной в знаменитом квартале Хейт-Эшбери (Сан-Франциско) и неизменно принимали участие в так называемых «Кислотных тестах», которые проводила коммуна «Мэрри прэнкстерз», во главе которой стоял писатель Кен Кизи. (Прим. ред.)

Пока мы шли по пастбищу, Бо объяснял, что Ферма «Убежище» возникла не столько как мечта или «великая идея»*, а скорее как результат цепи случайных событий.

* Имеется в виду аллюзия на строку из песни Grateful Dead, ставшую впоследствии названием романа Кена Кизи Sometimes Great Notion — «Порой великая идея». (Прим. ред.)

— Я ехал на машине мимо скотопригонного двора в Ланкастере и увидел на заднем дворе сваленных в кучу депрессантов. Я приблизился, а одна из овец повела головой. Я понял, что она еще жива и оставлена тут страдать. Поэтому я положил ее в кузов фургона. Я никогда не делал ничего подобного раньше, но не мог оставить ее в таком положении. Я привез ее в ветеринарную клинику, ожидая, что ее подвергнут эвтаназии. Ее чуток потолкали, и она встала на ноги. Мы взяли ее к себе в дом в Уилмингтоне, а потом, когда заимели ферму, отвезли ее туда. Она прожила десять лет. Десять. Хороших лет.

Я упомянул об этой истории не для того, чтобы способствовать возникновению еще нескольких ферм-убежищ. Они делают много хорошего, но это добро в образовательном (они проводят экскурсии-разоблачения для таких людей, как я), а не в практическом смысле настоящего спасения значительного количества животных. Бо был первым, кто это осознал. Я упомянул об этой истории, чтобы проиллюстрировать, насколько легко могут возрождаться к жизни депрессивные животные. Любое существо, находящееся в подобном состоянии, должно быть спасено или милосердно убито.

ENVIRONMENTALISM (ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМ)

Иными словами это забота о сохранении и восстановлении природных ресурсов и экологических систем, которые поддерживают человеческую жизнь. Существуют более грандиозные определения этого сложного слова, которые произвели на меня более сильное впечатление, но именно это обычно имеют в виду, по крайней мере, сейчас. Некоторые энвайроменталисты включают в ресурсы и

животных. В данном случае под животными понимают не всех обитающих на земле, а обычно лишь тех, которым грозит вымирание, или тех, на кого охотятся и которые, следовательно, больше всего нуждаются в сохранении и восстановлении.

Недавно в университете Чикаго провели исследование, в ходе которого обнаружилось, что наш выбор пищи способствует глобальному потеплению, по крайней мере, так же, как и наш выбор транспортных средств. Еще более недавние и авторитетные исследования под эгидой ООН и Комиссии Пью убедительно показали, что, если брать планету в целом, промышленное животноводство больше влияет на изменение климата, чем транспорт. Согласно данным ООН, сектор Домашнего скота ответственен за 18 процентов выделения тепличного газа, это примерно на 40 процентов больше, чем весь транспорт — автомобили, грузовики, самолеты, поезда и корабли вместе взятые. Животноводство отвечает за 37 процентов антропогенного метана, который в 23 раза превышает коэффициент парникового потенциала, выделяемого GO , а также за 65 процентов закиси азота, который примерно в 296 раз превышает коэффициент парникового потенциала, выделяемого CO_2 . Самые современные сведения даже определяют количественную роль рациона: всеядные способствуют выделению в семь раз большего объема тепличного газа, чем веганы.

ООН суммировала эффект, оказываемый мясной промышленностью на окружающую среду, следующим образом: выращивание животных в качестве источника пищи (как на фабриках, так и на традиционных фермах) «это один из двух-трех из самых значительных вкладчиков в наиболее серьезные проблемы окружающей среды, на каждом уровне от локального до глобального... [Животноводство] должно стать главным средоточием политики, когда рассматриваются вопросы разрушения земной поверхности, изменения климата и загрязнения воздуха, нехватки чистой воды и истощения ее запасов на земле и потери биоразнообразия. Влияние домашнего скота на проблемы, связанные с окружающей средой, весьма значительно». Другими словами, если человек заботится о том, что его окружает и если он доверяет научным данным таких источников, как ООН (или Международная правительственная группа экспертов по изменению климата, или Американский Центр науки в общественных интересах,

или Комиссия Пью, или Ассоциация заинтересованных ученых, или Институт Всемирной вахты), этот человек должен задуматься о проблеме поедания животных.

Можно выразиться еще проще, тот человек, который регулярно ест животные продукты, выращенные на промышленных фермах, не может называть себя энвайронменталистом, не отделяя этого слова от его смысла.

FACTORY FARM (ПРОМЫШЛЕННАЯ ФЕРМА)

Этот термин, без сомнения, выйдет из употребления в следующем поколении или примерно в то время, либо потому, что на свете больше не будет промышленных ферм, или же потому, что исчезнут семейные фермы, которые можно будет сравнивать с промышленными.

FAMILY FARM (СЕМЕЙНАЯ ФЕРМА)

Семейную ферму обычно определяют, как ферму, где семья владеет животными, руководит всеми процессами и ежедневно трудится на ферме. Два поколения назад фактически все фермы были семейными.

FEED CONVERSION (КОНВЕРСИЯ ФУРАЖА)

По необходимости оба вида фермеров — как промышленных, так и семейных — интересуются соотношением съедобной животной плоти, яиц и молока, произведенных на единицу фуража, которым кормят животного на ферме. Толкуют они этот интерес по-разному и совершенно разными способами пытаются увеличить прибыльность предприятия, по величине которой и можно различить два вида фермеров. Например:

FOOD AND LIGHT (ЕДА И СВЕТ)

Промышленные фермы обычно манипулируют с едой и светом, чтобы увеличить продуктивность, зачастую за счет благополучия животных. Фермеры, производящие яйца, делают это для того, чтобы перестроить биологические часы птиц, отчего те начинают класть ценные яйца быстрее и одновременно ответственнее. Вот как один птицевод описывал мне ситуацию:

«Как только самки становятся половозрелыми — индейки в возрасте двадцати трех — двадцати шести недель, а куры — от шестнадцати до двадцати недель, — их помещают в сарай и приглушают свет; иногда их держат в полной темноте в течение нескольких часов каждый день. А потом сажают на диету, содержащую

очень мало белков, практически на голодный паек. Это длится недели две-три. Затем им включают свет на шестнадцать часов в день, а курам на все двадцать, чтобы они думали, что наступила весна, и начинают кормить большим количеством белка. Птица немедленно начинает откладывать яйца. Они все подчинили науке, поэтому могут прекратить кладку яиц, начать ее, то есть делают все, что хотят. Понимаешь, в природе, когда приходит весна, появляются жуки, начинает расти трава, дни становятся длиннее, по этим намекам птица может сказать себе: „Пришла пора нести яйца. Наступает весна“. Итак, человек вторгается в жизненный ритм птицы. Управляя светом, питанием, временем кормления, промышленность может заставить птиц класть яйца круглый год. Именно это они и делают. Индюшки теперь кладут 120 яиц в год, а куры — примерно 300. Это в два, а то и в три раза больше, чем в природе. Через год их убивают, потому что на второй год они не смогут класть столько же яиц: промышленность вычислила, что гораздо дешевле забить их и начать все заново, чем кормить и содержать птиц, которые несут меньше яиц. Во многом из-за этой практики птичье мясо сегодня столь дешево, но птицы из-за этого страдают».

Хотя многие люди хотя бы приблизительно знают о жестокостях, творимых на промышленных фермах — клетки тесные, убой зверский, — более глобальные и широко практикуемые жесткие технологии ускользают от общественного внимания. Я никогда не слышал о лишении пищи и света. А когда узнал об этом, то больше не смог есть обычные яйца. Возблагодарим Господа за свободный выгул. Правильно?

FREE-RANGE (СВОБОДНЫЙ ВЫГУЛ)

Применительно к мясу, яйцам, молочным продуктам и иногда даже к рыбе (тунец на выгуле?) этикетка, гласящая о свободном выгуле, — это бред собачий. Она должна вселять в нас спокойствие и умиротворение не больше, чем надпись «все природное», «свежее» или «волшебное».

Чтобы кур, выращиваемых на мясо, посчитали живущими на свободном выгуле, они должны иметь «доступ к открытому воздуху», что, если понимать эти слова буквально, не означает ничего. (Вообразите сарай, в котором содержится тридцать тысяч кур, с

маленькой дверцей в торце, которая открывается на грязный участок размером пять на пять, при этом дверь закрыта почти всегда.)

В Министерстве сельского хозяйства США даже нет определения понятия «свободный выгул» для кур-несушек, но, чтобы имитировать его существование, используются рекомендации производителей. Очень часто яйца от кур, выращенных промышленным методом, когда птиц скучивают в многочисленных пустых сараях, снабжены этикеткой о свободном выгуле. (Этикетку «бесклеточное содержание» контролируют, но она означает не больше того, о чем гласит: куры формально находятся вне клеток.) Несведущий человек понятия не имеет, что большинство кур-несушек, содержащихся «на свободном выгуле» (или «без клеток»), подвергается удалению клюва, их пичкают лекарствами, устраивают принудительную линьку и жестоко убивают, как только они станут «использованными». Я могу держать выводок кур у себя под раковиной и утверждать, что они живут на свободном выгуле.

FRESH (СВЕЖЕСТЬ)

Еще один бред собачий. Согласно Министерству сельского хозяйства США у «свежей» курицы внутренняя температура никогда не падает ниже 26 градусов по Фаренгейту и не поднимается выше 40 градусов. Свежую курицу можно заморозить (какой оксюморон «свежая замороженная»), и не существует временной составляющей для свежести продукта. Курица, кишая патогенными бактериями, забрызганная фекалиями, технически может быть свежей, выросшей вне клетки и легально проданной в супермаркете (однако дерьмо сначала нужно смыть).

HABIT, THE POWER OF (СИЛА ПРИВЫЧКИ)

Мой отец, который в нашем доме занимался стряпней, воспитал нас на экзотической пище. Мы ели тофу* еще до того, как тофу стал тофу. И не потому, что ему нравился вкус тофу, и даже не потому, что рекламировались его предположительные преимущества, как это делается сейчас. Отцу просто нравилось есть то, что не ел больше никто. И ему не достаточно было приготовить незнакомый продукт так, как его готовят обычно. Нет, он делал «пальчики» из грибов портобелло, «рагу» из фалафеля** и «яичницу-болтунью» из сейтана***.

* Соевый творог.

**** Арабское блюдо, шарики из турецкого гороха с пряностями, обжаренные во фритюре.**

***** Пшеничное мясо.**

Большая часть стряпни моего отца, которую я тут частично перечислил, требовала замены продуктов, иногда из угождения моей матери, он заменял без всякого разумного объяснения некошерный продукт слегка некошерным (бекон — индюшачьим беконом), неполезный продукт слегка более полезным (индюшачий бекон — фальшивым беконом), а иногда он делал замены для того, чтобы просто доказать, что это можно сделать (пшеничную муку — на гречневую муку). Некоторые из таких замен казались чем-то вроде издевательской фиги самой природе.

Съездив недавно домой, я обнаружил в родительском Холодильнике следующие продукты: котлеты, наггетсы и филе из искусственной курятины; связки поддельных сосисок; заменители сливочного масла и яиц; вегетарианские гамбургеры и вегетарианскую колбасу. Вы, вероятно, предположили, что человек, имеющий дюжину различных имитаций животных продуктов, веган, но это не только заблуждение — мой отец ест мясо все время, — это абсолютное непонимание того, что есть на самом деле. Мой отец всегда готовил пищу с вывертом. Его кухня была столь же экзистенциальной, сколь и гастрономической.

Мы никогда не пренебрегали его стряпней, она даже нравилась нам, хотя мы немного стыдились ее и потому не хотели, чтобы на обед к нам приходили друзья. Может быть, мы даже думали о нем, как о Великом Поваре. Но, как и в случае с бабушкой, еда была не просто едой. Это была история: история нашего папы, который любил безопасно рисковать, который постоянно побуждал нас пробовать что-нибудь новенькое только потому, что это ново, который любил, чтобы люди смеялись над его изысками сумасшедшего ученого, поскольку смех более ценная штука, чем вкус еды.

Однако после обеда у нас никогда не подавали десерт. Я жил со своими родителями восемнадцать лет и не могу вспомнить ни единой семейной трапезы, которая включала бы хоть что-то сладкое. Отец вовсе не пытался оберегать наши зубы. (Я не припомню, чтобы он в те годы требовал от нас как следует их чистить.) Он просто не считал десерт важным. Несладкая еда — вот главная пища, зачем нагружать

желудок чем-то еще? И что удивительно, мы ему верили. Мои вкусы — не только мои последующие, сознательные идеи насчет еды, но и мои неосознанные стремления — были сформированы его уроками. И поныне десерт волнует меня куда меньше, чем всех тех, кого я знаю, и я всегда предпочту кусок черного хлеба ломтику кекса.

На каких уроках сформируются стремления моего сына? Хотя у меня пристрастие к мясу почти исчезло — вид сырого мяса часто кажется мне просто отталкивающим, — но от запаха летнего барбекю у меня до сих пор текут слюнки. А как он повлияет на моего сына? Может быть, он будет среди первого поколения моей семьи, которое не стремится к мясу, потому что никогда его не пробовало? Или будет жаждать его еще сильнее?

HUMAN (ЧЕЛОВЕК)

Люди — единственные животные, которые сознательно заводят детей, общаются друг с другом (или не делают этого), помнят о днях рождения, попусту теряют время, чистят зубы, ностальгируют, трут щеткой пятна, имеют религиозные и политические партии и законы, приносят подарки, извиняются за оскорбления, нанесенные несколько лет назад, шепчут, боятся себя, толкуют сны, прячут свои гениталии, бреются, закапывают капсулы времени и могут решить не есть чего-то, следуя неким принципам. Оправдания для поедания животных и для отказа от употребления их в пищу зачастую одни и те же: мы — не они.

INSTINCT (ИНСТИНКТ)

Большинству из нас знакомы замечательные навигационные способности перелетных птиц, которые могут найти путь до мест своего гнездования, перелетая через целые континенты. Когда я об этом узнал, мне сказали, что это «инстинкт». («Инстинктом» продолжают объяснять выбор в тех случаях, когда поведение Животного подразумевает слишком много интеллекта [см.: интеллект].) Однако инстинкт не справится с объяснением того, как голуби в полете пользуются своим знанием транспортных маршрутов людей. Голуби летят над скоростными шоссе и выбирают правильные повороты, как будто пользуются теми же ориентирами, что и люди, едущие на машинах внизу.

Слово «интеллект» всегда узко определялось как умственные способности (книжные умники); сегодня считается, что существует

много видов интеллекта, например, визуально-пространственный, межличностный, эмоциональный и музыкальный. Нельзя называть гепарда интеллектуальным только потому, что он умеет быстро бегать. Но его сверхъестественная способность составлять план местности — найти гипотенузу, сокращающую путь погони, предчувствовать приближение жертвы и наносить ей удар — это некий вид умственной работы, с которой следует считаться. Дергание ноги, когда врач ударяет молоточком по колену, можно назвать инстинктом, но вашу способность взять мяч, посланный с пенальти во время игры в футбол, вряд ли обозначишь словом «инстинкт».

INTELLIGENCE (ИНТЕЛЛЕКТ)

Целые поколения фермеров знают, что умные свиньи могут научиться открывать задвижки на своих загонах. Гилберт Уайт, британский натуралист, в 1789 году описал одну из таких свиней, которая, открыв задвижку в своем загоне, «стала открывать все мешавшие ей ворота и в одиночку отправилась к далекой ферме, где держали [самца]; а когда ее цель была удовлетворена» — как он удачно выразился, — «точно так же вернулась домой».

Ученые расшифровали язык свиней разных видов, описав, как свиньи бегут на зов (человека или друг друга), забавляются игрушками (и у них есть любимые), зафиксировав наблюдения, как свиньи приходят*на помощь другим свиньям, попавшим в беду. Доктор Стенли Куртис, биолог, одобряющий животноводство, экспериментально выявил познавательные способности свиней, обучая их играть в видеоигры при помощи джойстика, специально приспособленного под их пяточок. Они не только выучили игры, но сделали это так же быстро, как шимпанзе, демонстрируя удивительную способность распознавать абстрактные образы. А легенда о свиньях, открывающих задвижки, продолжается. Доктор Кен Кефарт, коллега Куртиса, не только подтвердил подобные способности свиней, но и выяснил, что свиньи часто действуют в паре, нередко передразнивают обидчиков и в некоторых случаях открывают задвижку приятелям. Если интеллект свиней был частью фольклора американских скотных дворов, то тот же фольклор традиционно представляет рыб и кур особенно безмозглыми.

INTELLIGENCE? (ИНТЕЛЛЕКТ?)

В 1992 году об эрудиции рыб вышло только 70 научных работ, через десять лет подобных статей было уже 500 (сегодня их число достигло 640). Столь быстро и радикально мы не пересматривали знания ни об одном другом разряде животных. Если вы были специалистом в области умственных способностей рыб в 90-х годах XX века, то сегодня вы — новичок.

Рыбы строят сложные гнезда, формируют моногамные связи, охотятся совместно с другими видами Животных и используют инструменты. Они опознают Друг друга как отдельных личностей (и отслеживают, кому можно доверять, а кому не стоит). Они принимают решения единолично, следят за своим социальным престижем и соперничают за лучшее место в иерархии (вот цитата из журнала *Fish and Fisheries*, где публикуются статьи специалистов в области рыбоводства: они, то есть рыбы, используют «макиавеллиевские стратегии манипуляции, наказания и примирения»). У них имеются значительные долговременные воспоминания, они умеют передавать знания друг другу по социальным сетям, а также могут передавать информацию из поколения в поколение. У них имеется даже то, что в научной литературе называется «давние „культурные традиции“ для обнаружения конкретных путей к участкам питания, обучения, отдыха и спаривания».

А куры? В научном понимании этих птиц тоже произошла революция. Доктор Лесли Роджерс, известный специалист по физиологии животных, обнаружила латерализацию птичьего мозга — разделение на левое и правое полушария с различными особенностями, а ведь до сих пор считалось, что такое разделение — уникальное свойство человеческого мозга. (Сегодня ученые полагают, что латерализация свойственна всему царству высших животных.) Основываясь на сорокалетнем опыте исследования, Роджерс указывает, что наше сегодняшнее знание птичьего мозга «ясно доказывает, что у птиц имеются познавательные способности, равные способностям млекопитающих и даже приматов». Она доказывает, что у птиц имеются изоощренные воспоминания, которые они «записывают в виде некоторого вида хронологической последовательности, а потом они становятся их уникальной автобиографией». Куры, как и рыбы, могут передавать информацию от одного поколения другому. Они

также обманывают друг друга и могут на некоторое время отложить удовольствие, чтобы получить большую выгоду.

Это исследование настолько существенно изменило наше понимание птичьего мозга, что в 2005 году ученые всего мира собрались на съезд, чтобы начать процесс переименования частей птичьего мозга. Они сочли необходимым заменить старые термины, обозначающие «примитивные» функции, новыми, отражающими осознание факта, что птичий мозг перерабатывает информацию аналогично (но по-иному) тому, как это происходит в коре головного мозга человека.

Фотографии физиологов, склонившихся над диаграммами мозга и спорящих о переименовании его частей, вызвали еще больший резонанс. Подумаем о начале истории, когда все начиналось: Адам (без Евы и без божественного руководства) давал имена животным. Мы, как бы продолжая его дело, называем глупцов людьми с куриными мозгами, а надутых идиотов — индюками. Неужели мы не можем найти лучших сравнений? Если мы можем допустить, что женщины появились не из ребра, то не стоит ли пересмотреть и наше отношение к умственным способностям животных, достоинства которых признаем только в виде ребрышек под соусом, поданных на наши столы? Или для обсуждения этого вопроса есть всегда готовая к нашим услугам KFC?

KFC

Эти три буквы когда-то означали «Жареная курица из Кентукки», сегодня они не означают ничего, кроме названия компании. KFC увеличила сумму общего страдания в мире чуть ли не больше, чем любая другая компания в истории. KFC покупает ежегодно примерно миллиард кур. Если вы плотно уложите этих кур одна к другой, они укроют остров Манхэттен, как одеялом, от берега до берега, а толщина этого одеяла будет такова, что куры будут вываливаться из окон самых высоких этажей офисных зданий. То есть деятельность KFC как волной захлестывает все отрасли промышленного птицеводства.

KFC уверяет, что она «крайне заинтересована в щадящем и гуманном обращении с курами». Насколько эти слова заслуживают доверия? Было обнаружено, что на бойне компании KFC в штате Западная Виргиния рабочие отрывали головы живым птицам, плевали им в глаза табаком, прыскали красками из баллончиков в глаза и

яростно их топтали. Подобные действия зафиксированы множество раз. Эта бойня отнюдь не то, про что говорят «в семье не без урода», она является лауреатом премии «Поставщик года». Вообразите, что происходит на бойнях-«уродах» вдали от посторонних глаз.

На сайте компании KFC утверждается: «[Мы] отбираем наших поставщиков по критериям их линии поведения с животными, которых они нам поставляют, проверяя, гуманны ли их методы, иными словами, как они с ними обращаются. Из этого следует, что наша цель состоит именно в том, чтобы иметь дело только с такими поставщиками, которые обещают сохранять наши высокие стандарты и разделять наши принципы заботы о благе животных». Это половина правды. Компания KFC имеет дело с поставщиками, которые обещают разделять принципы. Но компания KFC не расскажет о том, что благом считается все, что творят эти поставщики (см. CFE).

Та же полуправда содержится в утверждении компании KFC, что она руководит проверками технических приспособлений для убоя, применяемых ее поставщиками (выше это называлось «отбором»). Однако нам не рассказывают, что об этих проверках поставщиков ставят в известность заранее. Объявления компании KFC об инспекции означают (по крайней мере, в теории) желание засечь факты недопустимого обращения, но делается это так, чтобы у поставщиков, которых вскоре будут инспектировать, хватило времени накинуть брезент на все, что они показывать не хотят. Однако подобное попустительство меркнет по сравнению с тем, что даже официальные стандарты не содержат ни одной внятной рекомендации, направленной на благо животных, о чем напыщенно заявляли собственные (теперь уже бывшие) советники компании KFC, пятеро из которых, застыдившись, отказались от должности. Одна из них, Адель Дуглас, рассказала газете Chicago Tribune, что компания KFC «никогда не проводила ни одного собрания. Не спросив ни единого совета, они разглагольствовали в прессе, будто у них имеется консультативный комитет по заботе о благе животных. Создается впечатление, что тебя использовали». Айан Дункан, почетный председатель Фонда благодеяния животных при университете Гвельфа, тоже бывший член комитета и один из ведущих экспертов Научного общества Северной Америки по вопросам благодеяния птиц, сказал: «[прогресс] шел невероятно медленно, вот почему я отказался от

должности. Улучшение должно было наступить в неопределенном будущем. Выработку современных стандартов просто откладывали... Подозреваю, что менеджеры высшего звена на самом деле и не считали благополучие животных чем-то важным». Как заменили этих пятерых членов комитета? В состав Комитета по благоденствию животных компании KFC теперь вошли вице-президент компании Pilgrim's Pride, управляющий фабрикой «Поставщик года», где некоторые рабочие садистски обращались с птицами; директор компании Tyson Foods, где ежегодно забивают 2,2 миллиарда кур и где многочисленные расследования выявили, что некоторые служащие калечили живых птиц (зафиксирован случай, когда рабочие мочились прямо на конвейер для забоя птицы); а также в работе Комитета регулярно принимают участие члены администрации и другие служащие компании. Весьма примечательно, что компания KFC заявляет, что именно эти советники разрабатывают программы для поставщиков, а ведь сами эти советники и есть поставщики.

Обязательства компании KFC в отношении благоденствия птиц это такой же пустой звук, как и название самой компании.

KOSHER? (КОШЕРНО?)

Как меня учили в еврейской школе и дома, иудейские пищевые запреты были придуманы как компромисс: если люди, так уж вышло, вынуждены есть животных, мы должны делать это гуманно, с уважением к другим созданиям в мире и со смирением. Не причиняйте животным, которых вы едите, ненужных страданий, ни пока они живут, ни когда вы их убиваете. Именно такой ход рассуждений заставлял меня в детстве гордиться тем, что я — еврей, да продолжаю и сейчас этим гордиться.

Вот почему, когда на Agriprocessors, штат Айова, крупнейшей на тот момент кошерной бойне в мире, засняли на видеопленку убой крупного рогатого скота, где из разрезанного горла живых коров вытаскивали трахею и пищевод, и в результате этого зверства они умирали в течение трех минут, а, кроме того, им в морды тыкали электропогонялками, я напрягся куда больше, чем от того, что подобные вещи происходят на традиционных фабриках по забою скота, о чем я слышал неоднократно.

К моей радости, многие представители еврейской общественности выразили открытый протест против фабрики в штате

Айова. Президент Собрания раввинов консервативного иудаизма в своем послании, направленном каждому раввину, входящему в Собрание, заявил: «Если компания считается кошерной и при этом нарушает запреты против tza'ar ba'alei hayyim*, причиняя страдание одному из существ, созданных Богом, эта компания должна держать ответ перед еврейским сообществом и, в конце концов, перед Богом». Кафедра ортодоксального иудаизма по изучению Талмуда израильского университета Бар-Илан тоже выразила свое возмущение и сделала это весьма красноречиво: «Весьма вероятно, что любые действия на фабрике подобного типа [кошерного забоя] подпадают под определение hillul hashem — осквернение имени Бога, — поскольку настаивать на том, что Бог заботится только о соблюдении ритуальных законов, но не Думает о своих моральных законах, значит осквернять Его имя». И в совместном заявлении более чем полусотни влиятельных раввинов, в том числе президента Центральной конференции американских раввинов, принадлежащей к реформаторскому иудаизму, и декада Школы раввинских исследований Циглера, относящейся к консервативному иудаизму, было доказано, что «мощная традиция иудаизма, которая учит состраданию к животным, была этими систематическими злоупотреблениями нарушена, так что требуется вновь ее подкрепить».

* Ненужная боль животному.

Нет никаких оснований верить, что жестокость, которая была зафиксирована на предприятии Agriprocessors, устранена из кошерной индустрии. Этого не может произойти, пока господствует промышленное сельское хозяйство.

Отсюда возникает непростой вопрос, который я задаю не обвиняками, а прямо и открыто: возможно ли в нашем мире — не в мире Библии с ее пастухами и стадами, а в нашем перенаселенном мире, где животные, увы, необходимые продукты потребления, — есть мясо, «не причиняя боли одному из живых существ, созданных Богом», избежав (даже пройдя долгий и искренний путь) «осквернения имени Бога»? Неужели сама идея кошерного мяса стала явным парадоксом?

ORGANIC (ОРГАНИЧЕСКИЙ)

Что означает органический? С одной стороны, ничего, с другой — такую массу вещей, что и поверить трудно. Для этикетки

«органический продукт» Министерство сельского хозяйства США предъявляет ряд требований к животным, послужившим источником мяса, молока и яиц: (1) они должны быть вскормлены органической пищей (т. е. корма должны быть выращены без большинства синтетических пестицидов и удобрений); (2) весь их жизненный цикл можно проследить (т. е. необходимо иметь фиксирующие его документы); (3) им нельзя вводить антибиотики или гормоны роста; и (4) они должны иметь «доступ к открытому воздуху». Печально, но последний пункт звучит, можно сказать, бессмысленно. В некоторых случаях «доступ к открытому воздуху» означает всего-навсего возможность выглянуть на улицу через закрытое окно.

Вообще, органические продукты почти наверняка безопаснее, часто меньше портят экологию и гораздо полезнее. Однако они не обязательно более гуманные. Понятие «органический» означает благополучие, если мы говорим о курах-несушках и о крупном рогатом скоте. Оно также может сигнализировать о лучшем благоденствии свиней, но это не бесспорно. Для кур, выращиваемых на мясо, и индеек «органический» не означает практически ничего, если говорить о благоденствии птиц. Вы можете называть вашу индейку органической и мучить ее изо дня в день.

РЕТА (ЛЮДИ ЗА ЭТИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ)

По-английски название этой организации произносится, как пита, т. е. хлеб со Среднего Востока; среди фермеров, которых я встречал, эта организация хорошо известна. «Люди за этическое обращение с животными» — самая крупная организация, занимающаяся правами животных, в нее входит более двух миллионов человек.

Члены организации РЕТА будут делать практически все и на законных основаниях, чтобы продвигать свои кампании, и не важно, как ужасно они при этом будут выглядеть (что весьма впечатляет), и не важно, кого они при этом оскорбляют (что уже не так впечатляет). Они будут распространять среди детей «несчастливую еду», уложив в коробку фигурку клоуна Рональда Макдональда, залитого кровью и размахивающего большим мясницким ножом. Они печатают стикеры, которые напоминают те, что обычно наклеивают на помидоры, но надпись на них гласит: «Брось меня в того, кто носит мех». Они запустили мертвым енотом в главного редактора журнала Vogue Энн

Винтур, когда она обедала в ресторане отеля Four Seasons (и послали ей в офис его внутренности, кишасшие червями), дезавуировали политиков и членов королевских семей, распространяли среди школьников брошюры «Твой папочка убивает животных!» и просили поп-группу Pet Shop Boys — «Мальчики из зоомагазина» — изменить название на Rescue Shelter Boys — «Мальчики из убежища для животных» (группа этого не сделала, но признание, что такое предложение было, заслуживает внимания). Трудно не высмеивать их целеустремленную энергию и не восхищаться ею, и довольно легко понять, почему не хочется, чтобы она была направлена на тебя.

Что бы кто бы о ней ни думал, но ни одна организация не вызывает больше страха в промышленном животноводстве и его союзниках, чем РЕТА. Дело в результативности. Когда РЕТА избрала своей мишенью компании, производящие фаст-фуд, самый знаменитый и влиятельный в нашей стране ученый, занимающийся вопросами благоденствия, Темпл Грандин (та, что спроектировала более половины приспособлений для забоя крупного рогатого скота в нашем государстве) сказала, что она увидела за один год больше усовершенствований, направленных на благо животных, чем за все предшествующие тридцать лет работы. Стив Копперад (консультант мясной промышленности, который уже десять лет проводит семинары анти-РЕТА), вероятно, самый большой ненавистник организации РЕТА на планете, объясняет это так: «Сегодня в отрасли хорошо понимают, на что способна РЕТА, чтобы напустить страха Господнего на многих должностных лиц». Я не удивился, когда узнал, что самые разные компании регулярно ведут переговоры с РЕТА и тихо вводят изменения в свою политику обращения с животными, лишь бы не стать публичной мишенью этой организации.

Иногда РЕТА обвиняют в том, что для привлечения внимания она использует циничные стратегии, и доля правды в этом есть. РЕТА также обвиняют в том, что она настаивает, что с людьми и животными нужно обращаться одинаково, чего в реальности не происходит. (Что означает слово «равный»? Право голоса для коров?) Это не руководимая эмоциональным порывом толпа; скорее члены РЕТА сверхрациональны, сконцентрированы на достижении своего сурового идеала — «Животные не наша собственность, поэтому их нельзя есть, носить их шкуры, ставить над ними эксперименты или использовать

для развлечений», этот идеал так же знаменит, как Памела Андерсон в купальнике. Многих Удивит, что РЕТА выступает за эвтаназию: например, если стоит альтернатива: или собака должна провести всю жизнь в сточной канаве — или ее — подвергнуть эвтаназии, РЕТА не только предпочтет последнее, но будет отстаивать свой выбор. Они против убийства, но еще больше они против страдания. Люди, состоящие в РЕТА, любят своих собак и кошек, многие питомцы сопровождают их в офисы, но движет ими не этика будь-добрым-к-собакам-и-кошкам Они хотят революции.

Они называют свою революцию борьбой за «права животных», но хотя РЕТА уже добилась множества улучшений условий жизни для животных с ферм (это ее самая большая забота), это победа не в области прав животных, а лишь относительно их благоденствия: меньше животных сажают в одну клетку, забой лучше контролируется, их транспортируют в менее стесненных условиях, и тому подобное. Методы РЕТА зачастую отдают дешевой (или безвкуснейшей), но столь экстравагантным подходом она добилась пусть скромных, но улучшений, и многие считают, что она достигли успеха. (Неужели кто-то может быть против лучше контролируемого забоя, менее стесненных условий жизни или транспортировки животных?) В конце концов, споры вокруг РЕТА больше касаются не самой организации, а тех, кто ее критикует — неприятно осознавать, что «эти люди из РЕТА» защищают те ценности, которые мы сами защитить не в состоянии, потому что слишком трусливы или забывчивы.

PROCESSING (ПРОЦЕСС ПЕРЕРАБОТКИ)

Убой и разделка. Даже те, кто не считает, что мы многим обязаны животным с фермы — хотя бы уже за то, что они живут рядом с нами, всегда согласны, что они заслуживают «хорошей» смерти. Даже владелец ранчо, настоящий мачо, защитник деревянных загончиков для телят, сторонник чистопородности, согласится с веганом — защитником прав животных, что убивать животное следует гуманно. Неужели мы можем прийти к согласию только в этом?

RADICAL (РАДИКАЛЬНО)

Практически каждый согласен с тем, что животные могут страдать, и это надо помнить даже в тех случаях, когда мы не можем прийти к единому мнению о том, на что это страдание похоже или насколько оно важно. Согласно опросам, 96 процентов американцев

уверены, что животные заслуживают юридической защиты, 76 процентов говорят, что благоденствие животных для них важнее, чем низкая цена на мясо, и примерно две трети поддерживают не только принятие законов, но «строгих законов», касающихся обращения с животными на ферме. Вряд ли вы услышите иные мнения на эту тему, с которой сталкивались вплотную почти все.

Есть еще одно утверждение, с которым соглашаются многие, а именно то, что состояние окружающей среды играет огромную роль. Не важно, одобряете вы бурение нефти в открытом море или нет, «верите» ли в глобальное потепление или нет, защищаете ли свой «Хаммер» или равнодушны к нему, вы, без сомнения, осознаете, что состояние воздуха, которым вы дышите, и чистота воды, которую вы пьете, очень важны. И будут важны для ваших детей и внуков. Даже те, кто продолжает отрицать, будто окружающей среде грозит опасность, согласятся, что, если все же такое произойдет, будет очень плохо.

В Соединенных Штатах животные с ферм представляют более 99 процентов всех животных, с которыми люди общаются напрямую. С точки зрения нашего воздействия на «мир животных» — будь то страдание Животных, вопросы биоразнообразия или взаимозависимость видов, на которые эволюция потратила миллионы лет, чтобы получился такой гармоничный жизненный баланс, — ничто так не влияет на наши пищевые предпочтения. Употребление в пищу мяса напрямую ведет к большому страданию животных, и никакое другое из наших повседневных действий не оказывает такого влияния на окружающую среду.

Ситуация весьма странная. Фактически все мы согласны, что имеет значение то, как мы обращаемся с животными, имеет значение и окружающая среда, и все же не многие из нас всерьез задумываются над столь важной связью между нами, животными и окружающей средой. Еще более странно то, что тех, кто делает выбор в пользу этих ценностей, отказываясь есть животных (что, как согласны все, уменьшает и количество уничтоженных животных и следов наших ног, топчущих природу), зачастую считают маргиналами и даже радикалами.

SENTIMENTALITY (СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ)

Когда эмоции ценятся больше, чем реальность. Многим сентиментальность представляется далекой от реальности слабостью.

Очень часто мнением тех, кто озабочен (или хотя бы интересуется) характером содержания животных на ферме, пренебрегают, как мнением людей сентиментальных. Однако стоит все же разобраться, кто тут человек сентиментальный, а кто — реалист.

Неужели желание узнать, как обращаются с животными на ферме, это пренебрежение фактами или попытка их игнорировать? Неужели утверждение, что чувство сострадания более ценно, чем бургер (или совет не есть его вообще) — это всего лишь эмоциональный порыв или же противоречие между реальностью и моральными установками?

Два друга заказывают обед. Один говорит: «Я намерен съесть бургер», — и заказывает его. Другой говорит: «Я намерен съесть бургер», — но вспоминает, что на свете есть вещи, которые для него гораздо важнее, чем сиюминутное желание, и заказывает что-то другое. Кто из них более сентиментален?

SPECIES BARRIER (ГРАНИЦА МЕЖДУ ВИДАМИ)

В Берлинском зоопарке (Zoologischer Garten Berlin) живет гораздо больше видов животных, чем в любом другом зоопарке мира, примерно 1400. Он был открыт в 1844 году и стал первым зоопарком в Германии — первых животных ему подарил Фридрих Вильгельм IV из своего зверинца, сегодня его посещает 2,6 миллиона человек в год, это самый посещаемый зоопарк в Европе. В 1942 году воздушные налеты союзников разрушили почти всю его инфраструктуру, в живых осталось только девяносто одно животное. Только? Было бы удивительно, что в городе, где люди вырубали общественные парки на дрова, смогло выжить хотя бы одно. Сегодня в зоопарке примерно 15 000 животных. Но внимание посетителей приковано лишь к одному из них.

Кнут, первый белый медведь, который родился в зоопарке за последние тридцать лет, появился на свет 5 декабря 2006 года. Его отвергла мать по имени Тоска Двадцати лет от роду, немецкая цирковая медведица, находящаяся на пенсии. Его брат-близнец умер через четыре дня. Это подходящее начало для плохого телевизионного фильма, но не для жизни. Маленький Кнут свои первые сорок четыре дня провел в инкубаторе. Его смотритель, Томас Дорфлейн, спал в зоопарке, чтобы заботиться о нем круглые сутки. Дорфлейн кормил Кнута из бутылочки каждые два часа, перед сном наигрывал ему на гитаре песню Элвиса «Переодетый дьявол» и был весь в синяках и

царапинах, поскольку мишка буянил. При рождении Кнут весил 1,8 фунта, но к тому времени, когда я его увидел, примерно через три месяца, его вес увеличился больше чем вдвое. Если все пойдет хорошо, он когда-нибудь увеличится в двести раз.

Сказать, что Берлин любит Кнута, значит преуменьшить это в двести раз. Мэр Клаус Воверейт каждое утро требовал новостей о Кнута и его свежее фото. Городская хоккейная команда — Eisbären — обратилась в зоопарк с вопросом, может ли она сделать медведя своим талисманом. Бесчисленные блоги — в том числе в Der Tagesspiegel, самой читаемой берлинской газете, — были посвящены ежечасным деяниям Кнута. У него был собственный подкаст и веб-сайт. В некоторых ежедневных газетах он даже потеснил модели топлес.

Четыре сотни журналистов пришли на публичные дебаты Кнута, в то время как на саммит Евросоюза, который проходил в те же дни, пришло гораздо меньше газетчиков. Были галстуки-бабочки с изображениями Кнута, рюкзаки в виде Кнута, сувенирные тарелки с изображением Кнута, пижамы с изображениями Кнута, фигурки в виде Кнута и, вероятно, хотя я не проверял этого, трусики с изображениями Кнута. У Кнута был крестный отец — Зигмар Гэбриэль, министр окружающей среды Германии. А другое животное из зоопарка — панда Ян Ян, была в прямом смысле убита популярностью Кнута. Служители зоопарка сделали предположение, что толпа из тридцати тысяч, повалившая в зоопарк, чтобы увидеть Кнута, настолько потрясла Ян Ян, что та либо перевозбудилась, либо впала в смертельную депрессию (что конкретно послужило причиной смерти, осталось для меня неясным). И еще о смерти: некая организация, занимающаяся охраной прав животных, выступила с предложением (как они позднее заявили, только гипотетическим), гласившим, что было бы лучше совершить эвтаназию, чем выращивать животное в неволе. В ответ на это школьники вышли на улицы, скандируя: «Кнут должен жить». Футбольные фанаты выкрикивали имя Кнута, а не название своей команды.

Если вы пойдете поглазеть на Кнута и проголодаетесь, в нескольких футах от его вольеры стоит киоск, продающий «Wurst de Knut» (сосиски Кнута), приготовленные из мяса выращенных на ферме свиней, которые не менее умны и заслуживают нашего внимания и заботы не меньше, чем Кнут. Это и есть границы между видами.

STRESS (СТРЕСС)

Слово, используемое в промышленности, чтобы обойти молчанием то, что называется:

SUFFERING (СТРАДАНИЕ)

Что такое страдание? А точнее — кто страдает? Все Противники утверждения, что животные страдают, Признавая, что они «чувствуют боль», категорически отрицают их принадлежность к тому умственно-эмоциональному миру, где существует индивидуальность, личность, а потому не соглашаются, что их страдание можно соотносить с человеческим. Мне кажется, что такая аргументация соответствует широко распространенным представлениям, то есть убеждениям, будто страдание животного просто относится к другой категории явлений и потому не очень-то важно (даже если и прискорбно).

Все мы знаем, что страдание существует, но точно выразить в словах, что это такое, невероятно трудно. В детстве мы узнаем значение слова «страдание», взаимодействуя с другими существами — как с людьми, особенно с членами семьи, так и с животными. В слове страдание кроется скорбный общественный опыт, драма, разделенная с другими. Конечно, существуют виды специфически человеческого страдания, обусловленные неосуществимой мечтой, расовыми предрассудками, телесным стыдом и так далее, — но следует ли из этого, что страдание животных «не настоящее»?

Самая важная, сокровенная часть страдания не в его физиологической составляющей — нервном стрессе, не в болевых рецепторах, простагландинах, нейронных опиатных рецепторах. Главное, кто страдает и какое значение это страдание имеет для конкретной личности. Весьма вероятно, есть такие философски обоснованные толкования сути и значимости страдания, которые выносят животных за скобки. Конечно, подобные рассуждения пасуют перед лицом здравого смысла, поскольку базируются на довольно приблизительном представлении о чужих взглядах и умственных способностях, но допускаю, что такие мнения существуют. Итак, если доводы тех, кто считает, что животные страдают по-настоящему, и тех, кто уверен, что это не так, достаточно убедительны, следует ли подвергнуть сомнению факт, что животные в принципе страдают? Или следует допустить, что животные страдают не по-настоящему, то есть не так, чтобы это имело большое значение?

Как вы можете догадаться, я не скажу нет, но и не стану оспаривать противное мнение. Важнее, я думаю, необходимость просто осознать величину ставки, что поставлена на кон, когда мы спрашиваем: «что такое страдание»?

Что такое страдание? Я не могу с уверенностью сказать, что это, но я знаю, что страдание — это имя, которое мы даем источнику всех вздохов, криков и стонов — тихих и громких, простых и сложных, — которые нас тревожат. Слово в большей степени определяет наш взгляд, чем то, на что мы смотрим.

Прятки / Поиск

Типичный объем клетки для кур-несушек равняется 67 квадратным дюймам — это размер прямоугольника, который показан выше. Почти все птицы, не имеющие клеток, обладают примерно тем же объемом пространства.

1. Я не тот, кто может оказаться глубокой ночью на чужой ферме

Я весь в черном среди ночи непонятно где. На моих одноразовых, на выброс, ботинках — хирургические бахилы, на дрожащих руках — перчатки из латекса. Я обхлопываю себя сверху вниз, пятикратно проверяя, что ничего не забыл: ручной электрический фонарик с красным фильтром, удостоверение личности, 40 долларов наличными, видеокамеру, копию калифорнийского уголовного закона № 597, бутылку воды (не для меня), мобильник с выключенным звуком, сигнальный рожок. Мы заглушили мотор и катились последние сто ярдов на одном из полдюжины наших сервоприводов к месту, которое высмотрели раньше днем. Это еще не самая жуткая часть мероприятия.

Сегодня вечером меня сопровождает защитница прав животных «Си». Когда она появилась, я понял, что воображал себе нечто иное. Си — маленькая, миниатюрная. На ней очки авиатора и вьетнамки, во рту — металлические пластинки для исправления прикуса.

— У тебя много автомобилей, — заметил я, когда мы отъехали от ее дома.

— Сейчас я живу с родителями.

Мы ехали по шоссе, которое местные называют Кровавой Дорогой, как из-за частоты автомобильных аварий, так и из-за количества грузовиков, которые везут по нему животных на бойню. Си говорила, что иногда совершить «вторжение» проще простого — перед тобой гостеприимно распахнутые ворота, однако такое случается все реже и реже, ибо, ссылаясь на биобезопасность, производители попросту отгораживаются от «нарушителей спокойствия». Теперь куда чаще приходится лезть через забор. Внезапно вспыхивают прожектора, и тогда замолкают сигналы тревоги. Откуда ни возьмись, выскакивают

спущенные с привязи псы. Как-то она наткнулась на быка, который бродил среди загонов, ожидая случая поднять на рога сующих нос не в свое дело вегетарианцев.

— Бык*? — переспросил я, вовсе не имея в виду возможную игру слов.

* На жаргоне «бык» — одно из наименований полицейского.

— Самец коровы, — сердито уточнила она, роясь в сумке, содержимое которой напоминало набор инструментов дантиста.

— А если мы сегодня столкнемся с быком?

— Не столкнемся.

Машина позади, не соблюдавшая дистанцию, вынудила меня ехать впрытик к грузовику, доверху набитому клетками с курами, которых везли на бойню.

— А все-таки?

— Стой и не двигайся, — посоветовала Си. — Кажется, они не видят неподвижные объекты.

Если поставить вопрос так: бывали ли у Си серьезные неприятности во время незаконных ночных визитов? — ответ будет положительным. Как-то раз она упала в яму с навозом, держа в обеих руках по умирающему кролику и оказалась по шею (буквально) в дерьме (буквально). Однажды, случайно захлопнув за собой дверь в сарай, она была вынуждена просидеть там всю ночь в темноте, плотной, как черная бумага, вместе с двадцатью тысячами несчастных животных и их крепкими запахами. А был еще и чуть было не стоивший ей жизни случай, когда от одного из своих соратников она заразилась бактерией кампилобактер, а тот подцепил ее от курицы.

На переднее стекло налипали перья. Я спросил шепотом:

— Для чего тебе этот хлам в сумке?

— На случай, если на свободу придется выбираться. Я понятия не имел, что она имела в виду, и мне это не понравилось.

— Ну ладно, ты говорила: кажется, быки не видят неподвижных объектов. А ты не считаешь, что такие вещи необходимо знать наверняка? Я не собираюсь рассматривать проблему в подробностях, но...

— Какого черта я в это влезла? Да, я не журналист, не борец за права животных, не ветеринар, не адвокат и не философ, в отличие от

тех, кто еще совершает подобные поступки. Я ни за что не борюсь. И я совсем не тот человек, который может совершенно спокойно стоять перед быком с функциями охранника.

Мы приехали на условленную стоянку, усыпанную гравием, и подождали, пока наши сверенные часы не покажут запланированные 3:00 утра. Собаки, которую мы видели днем, слышно не было, хотя это не очень-то успокаивало. Я вынул из кармана клочок бумаги и в последний раз перечитал то, что там написано.

В случае, если любое домашнее животное в любое время... окажется закрытым в загоне и остается там без необходимой еды и воды более двенадцати часов подряд, любой человек имеет законное право в любой момент, когда сочтет необходимым, войти в любой загон для скота, где держат животное, и обеспечить его необходимой едой и водой, если оно все еще остается взаперти. Такой человек не несет ответственности за вторжение...

Это был не просто закон штата, это был текст, действующий столь же успокоительно, как молчание Куджо*. Представляю себе, как какой-нибудь фермер, проснувшийся-в-быстрой-фазе-сна-и-хорошо-вооруженный, приближается ко мне с видом я-знаю-разницу-между-рукколой-и-рататумом, пока я внимательно инспектирую условия содержания его индюшек. Он поднимает двустволку, мой сфинктер расслабляется — и что дальше? Я подтираюсь статьей № 597 уголовного кодекса Калифорнии? А палец на спусковом крючке будет зудеть от этого больше или меньше? Пора.

* Персонаж романа Стивена Кинга, сенбернар-убийца, которого укусила летучая мышь.

Мы объясняемся при помощи серии эффектных жестов, хотя подошел бы и просто шепот. Но мы приняли обет молчания: ни единого слова, пока не окажемся в безопасности на пути домой. Вращение указательного пальца в латексе означает: Погнали.

— Ты первая, — выпалил я.

А теперь перейдем к жуткой части.

Спасибо за Ваш, не сомневаюсь, благожелательный ответ

Тому, кого это может касаться в компании Tyson Foods:

В продолжение моих предыдущих писем от 10 января, 27 февраля, 15 марта, 20 апреля, 15 мая и 7 июня. Повторюсь, я недавно стал отцом и горю желанием узнать как можно больше о мясной

промышленности, чтобы принять взвешенное решение, чем кормить своего сына. Поскольку компания Tyson Foods — самый крупный производитель и продавец курятины, говядины и свинины в мире, именно с Вашей компании я и решил начать. Я бы хотел посетить несколько Ваших ферм и обсудить с представителями компании все тонкости — начиная с того, как функционируют Ваши фермы, и заканчивая благодеństwием животных и вопросами экологии. Если возможно, я бы также хотел побеседовать с некоторыми из Ваших фермеров. Я могу приехать практически в любое время, меня можно уведомить буквально накануне, и я буду рад отправиться в любое из указанных Вами мест. Поскольку Вы исповедуете «философию, во главу угла которой поставлена семья», а слоган Вашей недавней рекламной кампании утверждает: «Это то, что заслуживает ваша семья», надеюсь, Вы оцените мое желание собственными глазами увидеть, как делается еда для моего сына.

Большое спасибо за Ваш, несомненно, благожелательный ответ. С наилучшими пожеланиями, Джонатан Сафран Фоер.

Этот печальный бизнес

Мы припарковались в нескольких сотнях ярдов от фермы, потому что по фото со спутника Си определила, что можно подобраться к загонам под прикрытием примыкающей к ферме абрикосовой рощи. Мы бесшумно раздвигали ветви и молча продвигались вперед. В Бруклине было 6 утра, а значит, мой сын скоро проснется. Несколько минут он будет шуршать в колыбельке, затем раздастся крик — он встанет, не умея снова лечь, тогда моя жена возьмет его на руки, сядет в кресло-качалку, стоящую рядом, и накормит. Все это — ночная вылазка в Калифорнии, слова, которые я сейчас печатаю в Нью-Йорке, фермеры, с которыми я познакомился в Айове, в Канзасе и в Пьюджет-Саунд, — так меня будоражит, что, не будь я отцом, сыном и внуком, я бы предпочел обо всем этом забыть или просто выбросить из головы — если бы, в отличие от всех остальных людей, всегда ел в одиночку.

Примерно через двадцать минут Си останавливается и поворачивает на девяносто градусов. Я не понимаю, откуда она знает, что нужно остановиться именно тут, у дерева, неотличимого от сотен тех, мимо которых мы прошли. Продравшись сквозь гущу ветвей и пройдя еще дюжину ярдов, мы, как кайякеры к водопаду, вышли к своей цели. Сквозь последние остатки листвы я разглядел стоящую

совсем рядом, примерно в дюжине ярдов, изгородь из колючей проволоки, а за ней — комплекс фермы.

На ферме семь загонов, каждый около 50 футов в ширину и 500 футов в длину, и в каждом содержится по 25 000 птиц, хотя я пока еще этого не знаю.

К загонам примыкает массивное зернохранилище, которое больше напоминает конструкции из фильма «Бегущий по лезвию бритвы», чем декорации из «Маленького домика в прериях». Фасады опутаны паутиной металлических труб, лязгают огромные вентиляторы, а лучи прожекторов причудливо рассекают предрассветные сумерки. У каждого свой воображаемый образ фермы, у большинства это, вероятно, поля, амбары, трактора и животные, по крайней мере, хоть что-нибудь из этого списка. Сомневаюсь, что на свете есть человек, никогда не занимавшийся фермерством, чей мозг был бы способен вообразить то, на что я смотрел. И все же передо мной тот самый тип фермы, где выращивают примерно 99 процентов всей живности, которую потребляют в Америке.

Перчатками астронавта Си раздвигает струны арфы из колючей проволоки настолько, что я могу протиснуться между ними. Брюки порвались, но они тоже «одноразовые», куплены для этого случая. Она передает перчатки мне, и я придерживаю проволоку для нее.

Почва под ногами похожа на поверхность луны. На каждом шагу ноги погружаются в компост из отходов животных, грязи и я-до-сих-пор-не-знаю-чего-еще, что было разлито вокруг загонов. Приходится поджимать пальцы ног, чтобы башмаки не слетели, увязнув в клейкой мерзости. Я пригибаюсь, чтобы стать как можно меньше ростом, и прижимаю карманы руками, чтобы там ничего не звякнуло. Быстро и беззвучно мы минуем открытое пространство и оказываемся среди загонов, прячась в тени которых мы можем двигаться немного свободнее. Огромные вентиляторы — штук Десять, наверное, каждый фута четыре диаметром, — То включались, то выключались.

Подходим к первому загону. Из-под двери пробивается свет. Это и хорошо и плохо: хорошо, потому что не придется включать фонарики, которые, как говорила мне Си, могут испугать животных, в худшем случае вся стая птиц, взволновавшись, пронзительно закричит, плохо, потому что, если кто-нибудь откроет дверь, чтобы посмотреть, все ли в

порядке, нам не удастся спрятаться. Интересно, почему загон, где полно животных, ярко освещен ночью?

Я слышу какое-то движение внутри: к жужжанию механизмов примешиваются звуки, напоминающие то ли шепот в зрительном зале, то ли позвякивание в магазине, где продаются люстры, при слабом землетрясении. Си пытается открыть дверь, потом дает знак идти к следующему загону.

Еще несколько минут мы ищем незапертую дверь.

И снова вопрос: зачем запирают двери на ферме по разведению индюшек?

Вовсе не потому, что боятся, что украдут оборудование или животных. В загонах нет оборудования, которое можно украсть, а птицы не стоят тех усилий, которые потребуются, чтобы незаконно транспортировать значительную партию. Фермер запирает двери вовсе не из опасения, что птиц похитят. (Индюшки не способны повернуть шарообразную ручку двери.) И, несмотря на уверения рекламы, это делается также не ради биобезопасности. (Колучей проволоки достаточно, чтобы не допускать просто любопытных.) Тогда зачем?

За три года, которые я проведу, с головой погрузившись в животноводство, ничто не выбьет меня из колеи так, как эти запертые двери. Это лучший символ для всего печального бизнеса промышленной фермы.

И ничто не убедит сильнее в необходимости написать эту книгу.

Оказывается, запертые двери — наименьшее из зол. Я так и не получил ответа от Tyson или от любой другой компании, в которые писал. (Чтобы сказать «нет», посылают один тип сообщения. Другой — чтобы не сказать вообще ничего.) Из-за корпоративной скрытности рушатся планы самых солидных исследовательских организаций с обширным штатом. Даже когда влиятельная и владеющая средствами Комиссия Пью профинансировала двухгодичное исследование состояния промышленного животноводства, в своем отчете она указала:

«Комиссии чинили серьезные препятствия в ходе проверки и выработки согласованных рекомендаций... Одни представители промышленного сельского хозяйства рекомендовали членам Комиссии авторов для технических отчетов, а другие в то же самое время отговаривали этих авторов принимать участие в нашей работе, угрожая

прекратить финансирование исследований для их колледжей или университетов. Мы постоянно сталкивались с фактами значительного давления промышленности на область академических исследований, на политику сельского хозяйства, на государственное регулирование в этой области».

Влиятельные лица в промышленном фермерстве знают, что их модель бизнеса зависит от потребителей, которые не могут видеть (или слышать) то, что они творят.

Освобождение

Из зернохранилища доносились мужские голоса. Почему они работают в 3:30 утра? Включают механизмы. Какие? В разгар ночи явно что-то происходит. Но что?

— Одну нашла, — шепчет Си. Она отворяет тяжелую деревянную дверь, высвобождая прямоугольник света, и входит. Я следую за ней и закрываю за собой дверь. Первое, что привлекает мое внимание, — ряд противопожарных на ближней стене. Зачем в загоне противопожарные?

Мы движемся дальше. Тут десятки тысяч индюшат. Они размером с кулак, перья у них цвета опилок, их почти не видно на полу, покрытом опилками. Индюшата жмутся друг к другу и спят под нагревательными лампами, установленными, чтобы заменить тепло, которое дают их мамы-наседки. (А где их матери?)

В этой скученности была какая-то математическая система. Я на мгновение оторвал взгляд от птиц и окинул взглядом помещение: фонари, кормушки, вентиляторы и нагревательные лампы были расположены на одинаковом расстоянии в идеально воссозданном искусственном дневном освещении. Кроме самих птиц, здесь не было ни единого намека на то, что можно назвать «натуральным» — ни клочка земли, ни окна, через которое льется лунный свет. Меня поразило, как легко забыть естественную жизнь и начать любоваться технологической симфонией, которая с такой точностью управляет этим маленьким миром-в-себе, увидеть эффективность и власть механизма, а затем воспринять птиц как продолжение или зубец этого механизма, не как живых существ, а как его часть. Чтобы отнестись к этому иначе, нужно сделать усилие.

Я смотрю, как индюшонок с трудом пытается протиснуться сквозь кучу птиц, сбившихся вокруг нагревательной лампы, и пробраться в самую середину. Затем на другого птенца, который сидит

прямо под лампой, кажется, он доволен, как разлегшаяся на солнышке собака. Потом на третьего, который вообще не двигается, не заметно даже дыхания.

Поначалу все это выглядит не так уж плохо. Птиц очень много, но они кажутся достаточно счастливыми. (Ведь и человеческие младенцы живут в переполненных яслях, не правда ли?) И они такие симпатичные. Чувствую приятное возбуждение оттого, что вижу именно то, на что пришел посмотреть, и то, что я стою среди всех этих птенцов, доставляет мне удовольствие.

Си отходит, чтобы дать воды совсем сникшим птицам в другой части загона, а я расхаживаю на цыпочках, пристально вглядываясь и оставляя нечеткие следы от башмаков на опилках. Почувствовав себя среди индюшат увереннее, я хочу хотя бы подойти к ним поближе, если уж нельзя брать их в руки. (Первым приказом Си было никогда к ним не прикасаться.) Чем внимательней я вглядывался, тем больше видел. Концы клювов индюшат почернели, как и кончики пальцев на лапах. У некоторых на макушке виднелись красные пятна.

Поскольку птиц очень много, требуется время, чтобы разглядеть и понять, сколько среди них мертвых. Некоторые забрызганы кровью; другие покрыты язвами. Кажется, что некоторых распилили; другие, точно палая листва, высушены и сметены в кучки. Некоторые изуродованы. Мертвые — исключение, но практически не найти места, где не было бы хотя бы одного мертвого индюшонка.

Я иду к Си — на это уходит целых десять минут, но это неважно. Она опускается на колени. Я приближаюсь и становлюсь на колени рядом с ней. На боку лежит индюшонок и дрожит, лапы его вывернуты, глаза покрыты коростой. На проплешинах видны струпы. Клюв слегка приоткрыт, а голова дергается взад и вперед. Какого он возраста? Недельный? Или ему уже недели две? Он был таким всю свою жизнь, или с ним что-то случилось? Что же?

Си знает, что делать, думал я. И она знала. Она открывает сумку и вынимает нож. Занеся руку над головой индюшонка (крепко ли она его держит или только прикрывает ему глаза?), она перерезает ему горло — освобождая от бессмысленных мук.

2. Я тот, кто глубокой ночью оказался на чужой ферме

Та маленькая индюшка, которую я умертвил, освобождая, о, как это было тяжело! Как-то, много лет назад, мне довелось работать на

птицефабрике. Я был забойщиком-дублером, это значит, что в мои обязанности входило перерезать горла курам, которые выжили после автоматического горлореза. Таким способом я убил тысячи птиц. Может быть, десятки тысяч. Может быть, сотни тысяч. В такой ситуации перестаешь понимать, где ты, что делаешь, как долго ты это делаешь, кто эти животные, кто ты сам. Срабатывает инстинкт самосохранения, иначе можно сойти с ума. Но это и само по себе безумие.

Итак, благодаря работе на забойном конвейере я узнал анатомию шеи и научился убивать курицу мгновенно. И я был абсолютно убежден, что это правильно, ибо избавляет ее от страданий. Но это было трудно, потому что каждая конкретная курица это не просто одна из бесконечного множества птиц, которых необходимо умертвить. Это личность. В этом вся трудность.

Я не радикал. Почти во всем я человек умеренный. У меня нет пирсинга. Нет экстравагантной стрижки. Я не принимаю наркотики. Политически я либерал по одним вопросам и консерватор по другим. Но, видите ли, промышленное фермерство это вопрос умеренности, и некоторые наиболее разумные люди согласились бы с этим, имея они доступ к правде.

Я вырос в штатах Висконсин и Техас. У меня была типичная семья: отец занимается (и по сей день) охотой; все мои дядья ставят капканы и рыбачат. Мама готовила жаркое на ужин по понедельникам, курицу — по вторникам, и так далее. Мой брат был чемпионом страны в двух видах спорта.

В первый раз я узнал о проблемах фермерства, когда один друг показал мне несколько фильмов о том, как убивают коров. Мы были подростками, и это было такое же непристойное дерьмо, как и видеофильм «Лики смерти». Он не был вегетарианцем — никто не был вегетарианцем — и не пытался сделать вегетарианца из меня. Все это было ради смеха.

В тот вечер у нас на ужин были куриные окорочка, и я не смог съесть свою порцию. Когда я взял его в руку за косточку, он не то что показался мне курицей, он и был курицей. Наверно, я всегда знал, что ем какое-то существо, индивидуум, но раньше это меня не волновало. Отец поинтересовался, в чем дело, и я рассказал ему про этот фильм. Тогда я не сомневался, что все, что он говорит, — правда, и был

уверен, что. он может объяснить все на свете. Но он не нашел ничего лучше, чем сказать примерно следующее: «Да, это неприятная штука». Если бы он этим и ограничился, я бы, вероятно, сейчас с вами не разговаривал. Но он пошутил по этому поводу. Так же шутят все. С тех пор я слышал эту шутку миллионы раз. Он передразнил жалобный крик животного. И тут все во мне перевернулось, я просто пришел в ярость. И сразу же решил, что никогда не стану таким, кто отделяется шуткой, не умея объяснить.

Мне захотелось узнать, насколько этот фильм соответствует действительности. Наверно, мне важно было понять то, что впоследствии изменило всю мою жизнь. Я разослал письма во все крупные фермерские корпорации, прося разрешения посетить их предприятия. Честно говоря, мне и в голову не приходило, что они или ответят «нет» или вообще не ответят. Когда это не сработало, я начал разъезжать на машине и спрашивать любого фермера, который мне попадался, можно ли заглянуть в его сарай. У всех находились причины отказать. Зная, что они творят, трудно обвинять их в том, что они не хотят, чтобы кто-нибудь это видел. Но именно эта скрытность, покров таинственности на том, что было для меня так важно, не давала мне отступить, и кто меня упрекнет за такую настойчивость?

Первая ферма, на которую я попал, была яйцефермой, где содержались, может быть, миллионы кур. Они сидели в клетках, которые громоздились друг на друга в несколько рядов. Много дней после этого у меня щипало в глазах и саднило в легких. Все было менее зверски и кроваво, чем на том видео, но повлияло на меня даже сильнее. Меня по-настоящему изменило то, что я осознал: мучительная жизнь хуже мучительной смерти.

Ферма была настолько ужасна, что я предположил, что это исключение. Просто не верилось, что люди могут допустить, чтобы подобные вещи происходили в таких огромных масштабах. Поэтому я добрался до другой фермы, где разводили индеек. По случайности я прибыл туда всего за несколько дней до забоя, поэтому индейки полностью выросли и сидели вплотную друг к другу. Даже пола не было видно. Они просто с ума сходили: хлопали крыльями, пронзительно кричали, напирали друг на друга. Повсюду валялись мертвые и полумертвые птицы. Это было жуткое зрелище. Не я это уделал, но меня обжег стыд за то, что я человек. Я сказал себе, что и

эта ферма — исключение. Поэтому поехал посмотреть еще одну ферму. И еще одну. И еще...

Может быть, где-то на подсознательном уровне я продолжал попытки потому, что не хотел верить, будто то, что я видел, типично и показательно. Но любой, кто захочет узнать об этих вещах, в конце концов убедится, что промышленные фермы почти все таковы. Многие не смогут увидеть эти фермы своими глазами, но они могут увидеть их моими. Я снимал на видео условия на фабриках по выращиванию кур и яйцефабриках, на фабриках по выращиванию индеек, на паре свиноферм (сейчас туда практически не попасть), на фермах по разведению кроликов, в загонах по откорму скота и на фидлотах, на аукционах по продаже крупного рогатого скота и в транспортировочных грузовиках. Я поработал на нескольких бойнях. Изредка мои репортажи попадали в вечерние новости или 9 газеты. Несколько раз их использовали в судебных процессах, где рассматривались дела о жестоком обращении с животными.

Вот почему я согласился вам помогать. Я вас не знаю. Не знаю, какую книгу вы собираетесь писать. Но если она прольет хоть каплю света на то, что происходит за оградой этих ферм, уже хорошо. Правда настолько мощная штука, что совершенно неважно, под каким углом зрения вы будете все это подавать.

Однако хотелось бы надеяться, что вы не изобразите меня в своей книге так, будто я всю жизнь убиваю животных. Я делал это всего четыре раза и только в тех случаях, когда невозможно было этого избежать. Обычно я забирал самых больных животных к ветеринару. Но та курица была настолько больна, что не могла двигаться. И страдала так, что нельзя было просто оставить ее на произвол судьбы. Послушайте, я выступаю против аборт. Я верю в Бога, я верю в рай и в ад. Но у меня нет никакого благоговения перед страданием. А промышленные фермы высчитывают, насколько близко к смерти они могут додерживать животных, не убивая. Это их модель бизнеса. Как быстро можно заставить их расти, на сколько плотно набивать в клетки, как много или как мало они могут есть, где тот крайний предел, после которого они уже не выживут.

Это не экспериментирование на животных, где можно предположить некоторое сравнимое количество добра на другом конце страдания. Но именно так мы представляем себе поглощение еды.

Скажите мне: почему вкус, самое грубое из всех наших чувств, освобождается от этических норм, которые считаются непреложными для других наших чувств? Если задумаетесь, вы сойдете с ума. Почему сексуально озабоченному человеку не придет в голову изнасиловать животное, а голодный — убивает его и съедает? Довольно легко отмахнуться от этого вопроса, а вот ответить на него очень трудно. И как вы станете судить художника, который калечит животных в галерее, потому что это визуально привлекательно? Насколько должен вас привлекать крик страдающего животного, чтобы вы настолько хотели бы его слышать? Попробуйте вообразить любую цель, кроме пристрастия к мясу, которая оправдывала бы то, что мы делаем с животными на ферме.

Если я незаконно воспользуюсь логотипом корпорации, меня можно посадить в тюрьму, а если корпорация плохо обращается с миллиардами птиц, закон будет защищать не птиц, а право корпорации делать то, что она хочет. Вот что выходит, когда вы отрицаете права животных. Безумие, что идея прав животных кажется кому-то безумной.

живем в мире, где принято обращаться с животным, как с куском дерева, и считается странным обращение с Ким как с живым существом.

До того, как были приняты законы, запрещающие применение детского труда, начали появляться предприятия, где хорошо обращались с десятилетними рабочими. Общество не запрещало детский труд, довольствуясь тем, что для малолетних работников созданы вполне благоприятные условия, но, если вы даете предприятиям слишком много власти над подневольными людьми, это их развращает. Если мы убеждены, что у нас больше прав поедать животных, чем у животных — права жить без мучений, это развращает. И это не мои фантазии. Это наша реальность. Посмотрите на то, что такое промышленное фермерство. Посмотрите на то, что мы, как общество, сделали с животными, когда обрели технологическую мощь. Посмотрите на то, что мы на самом деле делаем во имя «благополучия Животных» или «гуманности», а уж потом решайте, так уж нужно вам есть мясо.

3. Я занимаюсь промышленным фермерством

Когда меня спрашивают, где я работаю, я говорю, что я — фермер на пенсии. Я начал доить коров, когда мне было шесть лет. Мы жили в Висконсине. У моего отца было маленькое стадо — коров пятьдесят или около того, что в те дни было вполне типично. Я работал каждый день, пока не уехал из дома, и работал не покладая рук. Но в какой-то момент я решил, что с меня хватит, надеялся найти что-то получше.

Я получил диплом по животноводству и пошел работать в компанию по разведению птиц. Я помогал обслуживать фермы по разведению индюшек, управлять ими и проектировать их. Потом повертелся еще в нескольких подобных компаниях. Я управлял крупными фермами, миллионами птиц. Занимался санитарным обслуживанием, контролировал стаи. Решал проблемы, как говорится. В фермерстве нужно решать много проблем. Сейчас я специализируюсь по вопросам питания и здоровья птиц. Я — в агробизнесе. Некоторые утверждают, что это называется промышленным фермерством, но мне на терминологию наплевать.

Этот мир отличается от того, в котором я вырос. За последние тридцать лет цены на продукты не выросли. Сравните с другими статьями расходов и увидите — цена на белок остается неизменной. Чтобы выжить — я не имею в виду разбогатеть, я имею в виду, чтобы было что поесть, на что отправить детей в хорошую школу, купить при необходимости новую машину, — фермеру приходится производить все больше и больше. Математика простая. Как я уже говорил, у моего отца было пятьдесят коров. Сегодня модель для жизнеспособной фермы молочного скота — двенадцать тысяч коров. Это самая маленькая ферма, которая может выдержать конкуренцию. Понятно, семья не может доить двенадцать тысяч коров, поэтому придется нанять четыре-пять рабочих, и у каждого будет свой круг обязанностей: дойка, лечение болезней, уход за посевами. Это эффективно, ага, так можно заработать себе на хлеб с маслом, но когда-то люди шли в фермеры, потому что фермерская жизнь разнообразна. А теперь этого нет.

И еще один момент, который возник в ответ на экономическое давление — надо держать таких животных, которые дают больше продукции по более низкой цене. Вот так приходится выводить птиц, которые быстрее растут, и повышать питательность корма. Пока продукты будут Продолжать дешеветь по отношению ко всему

остальному, у фермера не будет иного выбора, кроме как закладывать более низкую себестоимость производства, да и генетическое вмешательство неизбежно — необходимо культивировать те качества животных, которые наиболее отвечают условиям этой задачи. А вот это как раз и может противоречить Жизненному благополучию животных. Потеря заложена в саму систему. Заранее предполагается, что, если у тебя в сарае пятьдесят тысяч бройлеров, тысячи умрут в первые же недели. Мой отец не мог позволить себе терять животное. А теперь с самого начала заложена потеря в 4 процента.

В угоду вашим взглядам, я рассказал об отрицательных сторонах. Но на самом деле мы получили потрясающую систему. Идеальную? Нет. Ни одна система не идеальна. Но *им вы найдете того, кто знает идеальный способ накормить миллиарды и миллиарды людей, не поленитесь внимательно его выслушать. Вам толкуют о яйцах, которые несут куры на свободном выгуле, и о рогатом скоте, который кормят травой, — прекрасно. Я считаю, это хорошее начинание. Но так мир не накормишь. Никогда. Вы просто не сможете накормить миллиарды людей яйцами кур, гулявших на свободе. Вот, говорят, маленькие фермы должны стать моделью для всего животноводства, а я называю это синдромом Марии-Антуанетты: если они не могут купить хлеба, пусть едят пирожные. Высокопродуктивное промышленное фермерство накормит всех. Подумайте сами. Если мы от него откажемся, то, может, и улучшим жизнь животных, может, это будет лучше для окружающей среды, но я не хочу возвращаться в Китай 1918 года. Я имею в виду, что люди там умирали от голода.

Нет сомнений, вы скажете, что люди должны потреблять меньше мяса, но у меня есть для вас интересная новость: люди не хотят потреблять меньше мяса. Вы можете быть как РЕТА и притворяться, что мы все завтра проснемся и поймем, что любим животных и больше не станем их есть, но история показала, что люди отлично способны любить животных и употреблять их в пищу. Это ребячество, я бы даже сказал, что аморально фантазировать о вегетарианском мире, когда мы с таким трудом пытаемся накормить человечество.

Послушайте, американский фермер кормит мир. Его попросили об этом после Второй мировой войны, и он это сделал. У людей еще никогда не было возможности питаться так, как сейчас. Никогда раньше мясо не было настолько по средствам людям. Мои животные

защищены от непогоды, получают пищу, которая им. требуется, и хорошо растут. Животные болеют. Животные умирают. А как вы думаете, что происходит с ними в природе? Думаете, они умирают от естественных причин? Думаете, их обезболивают перед тем, как убить? Нет, в природе животные умирают от голода или их раздирают на части другие животные. Вот как они умирают. "

Люди сегодня и знать не хотят, откуда берутся продукты. Они не синтетические, их не создают в лабораториях, па самом деле их нужно вырастить. Я терпеть не могу, когда потребитель ведет себя так, будто фермеры — круглые дураки, когда он учит фермера, что и как выращивать. Вы хотите дешевых продуктов? Мы их выращиваем. Если хотите есть яйца кур, живущих вне клетки, извольте платить за них гораздо больше. Точка. Значительно дешевле производить яйцо в амбаре, где множество несушек сидит в клетках. Это гораздо эффективнее, а это означает, что такое яйцо более конкурентоспособно. Да, я утверждаю, что промышленное фермерство более жизнеспособно, хотя и знаю, что это слово часто используют против нашей индустрии. От Китая до Индии и Бразилии спрос на продукты животноводства растет, причем быстро. Неужели вы думаете, что семейные фермы могут прокормить мир, где живет десять миллиардов человек?

У моего друга несколько лет назад был такой случай: два молодых человека пришли и попросили разрешения поснимать для документального фильма о ферме. Парни показались ему симпатичными, и он согласился. Но они все так смонтировали, что вышло, будто птиц там мучают. Утверждали, что над индейками издеваются. Я знаю ту ферму. Я бывал там много раз и могу заверить, что с индейками там обращались так, чтобы они выживали и были продуктивными. Всегда можно вырвать что-то из контекста. И новичок не поймет, в чем тут дело. Наш бизнес не всегда красив, но большая ошибка путать неприятное с неправильным. Каждый подросток с видеокамерой уверен, что он уже ученый-ветеринар, уверен, что от рождения знает то, что на самом деле нужно изучать много лет. Я понимаю, что людям приятнее оставаться в заблуждении, но я предпочитаю правду.

В восьмидесятые индустрия пробовала идти на контакт с защитниками животных, а в результате нас всех пожгли. Поэтому те,

кто выращивает индеек, решили всякое общение прекратить. Мы выстроили стену, и конец. Мы отказываемся беседовать, не пускаем людей на фермы. Ну, все как обычно. РЕТА не поговорить о фермерстве хочет. Она хочет с фермерством покончить. У нее нет абсолютно никакого представления о том, как работает отрасль по-настоящему. Я ведь прекрасно знаю, что беседую с врагом.

Но я верю в то, что говорю. И очень важно рассказать эту историю, историю, которую заглушают вопли экстремистов. Я прошу вас не упоминать моего имени, хотя мне нечего стыдиться. Нечего. Вы просто должны понять, что картина намного сложнее. И у меня есть начальство. И мне тоже надо что-то ставить на стол.

Можно вам кое-что предложить? Прежде чем нестись сломя голову, пытаюсь увидеть все своими глазами, изучите суть дела. Не верьте глазам. Доверяйте голове. Узнайте кое-что о животных, узнайте о фермерстве и экономике еды, изучите историю. Начните с самого начала.

4. Первая курица

Твое потомство будет известно под именами *Callus domesticus*, цыпленок, петух, курица, наседка, Курица завтрашнего дня, бройлер, несушка, мистер Макдональд и еще под множеством других. Каждое имя рассказывает историю, но сейчас еще никаких историй не рассказано, никаких имен не дано ни тебе, ни каким-либо другим животным.

Как все животные в то время еще до начала начал, ты размножалась согласно своим собственным привычкам и инстинктам. Тебя не кормили, не заставляли нестись, не защищали. Тебя не маркировали, как имущество, клеймом и не навешивали ярлыки. Никто не думал о тебе как о чем-то, чем можно обладать или владеть.

Как дикий петух ты всматривался в окрестности, предупреждал других сложными криками о незваных гостях и защищал самок своим клювом и острыми когтями. Как дикая курица ты начинала общаться со своими цыплятами еще до того, как они вылуплялись из яйца, реагируя на жалобный писк, пересаживаясь в гнезде. Образ твоей материнской заботы будет использован во втором стихе Книги Бытия для описания парения Духа Божьего над первыми водами*. Иисус обращался к тебе, как к образу хранящей любви: «Сколько раз я хотел

собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья»**. Но Книга Бытия еще не написана, а Иисус еще не родился.

* Не вполне ясно, что автор имеет в виду. Ни в английском, ни в русском переводах второго стиха первой главы Книги Бытия Образ курицы не встречается. (Прим. ред.)

** Мф. 23:37; Луки 13:34. Христос перефразирует строку из Третьей Книги Ездры (1:30): «Я собрал вас, как курица птенцов своих под крылья свои». Образ курицы, о котором упоминает автор, отсутствующий у евангелистов, есть как раз в первоисточнике. Прим. ред.)

Первый человек

Любую еду, которую намереваешься съесть, тебе приходится добывать самому. Потому что, как правило, ты не живешь в близком соседстве с животными, которых убиваешь. Ты не делишь с ними территорию и не соперничаешь с ними за нее, ты должен идти и искать их. Обычно ты убиваешь животных, забредших на твою территорию, и при этом считаешь их равными себе. Животные, которые тебе встречаются, сильны (конечно, не все) и обладают качествами, которых нет у людей, они могут быть опасны, но при этом они — источник твоей жизни, здесь одно всегда порождает другое. Когда ты создал обряды и традиции, ты включил в этот круг и животных. Ты рисуешь их на песке, в глине, на стенах пещер — и не только фигуры животных, но и существ, сочетающих черты животного и человека.

Животные — это и то, что ты есть, и то, чем ты не являешься. У тебя сложные взаимоотношения с ними, но вы, в известном смысле, равноправны. Это вот-вот изменится.

Первая проблема

8000 лет до н. э. Когда-то дикая птица из джунглей — курица — теперь одомашнена, так же как козы и крупный рогатый скот. Это означает возникновение нового вида близости с человеком — нового вида забот и нового вида насилия.

Распространенное представление, древнее и современное, описывает одомашнивание как процесс взаимной эволюции людей и других видов живых существ. Люди как бы заключили сделку с животными, которых называли курами, коровами, свиньями и так далее: мы обязуемся вас защищать, обеспечивать кормежку и т. д., а от вас, в свою очередь, требуется подневольный труд под ярмом, мы заберем у

вас яйца и молоко, ц временами будем убивать вас и есть. Жизнь в дикой Природе — не вечеринка, отсюда следует, что природа жестока, и значит, — это хорошая сделка. И животные по-своему с этим согласились. Майкл Поллан предлагает эту историю в своей книге «Дилемма всеядного»:

«Одомашнивание — это скорее эволюционный, а не политический процесс. Наверняка это было не так, что люди, которым не хватало еды, обманом взяли верх над животными примерно десять тысяч лет назад. Скорее одомашнивание произошло тогда, когда горстка особо склонных к сотрудничеству видов животных, пройдя через серию, так сказать, проб и ошибок естественного отбора, выяснила, что они выживут и будут благоденствовать лишь в союзе с людьми, а не сами по себе. Люди обеспечивали животных едой и защищали их в обмен на то, чем животные обеспечивали людей — молоком, яйцами и... да... собственной плотью. С точки зрения животных, сделка с человечеством обернулась громадным успехом, по крайней мере, до сегодняшнего дня».

Это постдарвинистская версия древнего мифа о согласии животного. На него ссылаются владельцы ранчо, оправдывая насилие, которое является частью Их профессии, этот миф — неотъемлемая часть обучения в сельскохозяйственных вузах. Он опирается на идею, что хотя интересы видов и интересы личностей зачастую конфликтуют, но, не будь видов, не было бы и отдельных личностей. Если бы человечество пошло по пути веганства, то, следуя логике, на свете не было бы сельскохозяйственных животных (что на самом деле не совсем верно, поскольку уже существует множество «декоративных» пород кур и свиней, их держат как домашних питомцев, а другие содержались бы ради удобрений). Животные на самом деле хотят, чтобы мы держали их на фермах. Они это предпочитают. Некоторые ранчеры, которых я встречал, рассказывали мне о случаях, когда они ненароком оставляли ворота открытыми, и ни одно животное не убежало.

В Древней Греции существовал миф о согласии, который разыгрывался у Дельфийского оракула: на головы животных брызгали водой и только потом убивали. Страхивая воду, животные как будто кивали головами, а оракул истолковывал это как согласие быть убитыми и говорил: «Того, что кивает головой, выражая согласие...

говору вам, можете законно принести в жертву». Традиционная формула, которую используют якуты в России, гласит: «Ты пришел ко мне, Повелитель Медведь, ты хочешь, чтобы я тебя убил». По древней иудейской традиции, рыжая тёлка, которую приносят в жертву для искупления вины Израиля, должна идти к алтарю по своей воле, иначе ритуал не будет иметь законной силы. У мифа о согласии много версий, но все они подразумевают «честную сделку» и, по крайней мере, метафорически соучастие животного в своем собственном одомашнивании и убийстве.

Миф о мифе

Но биологический вид в целом не может делать выбор, его делают отдельные индивидуумы. Но даже если вид все-таки может сделать выбор, предположить, что он выбирает вечность взамен личного благополучия, довольно трудно, слишком уж широко это понимается. По этой логике, допустимо поработить группу людей, если единственная альтернатива — небытие. (Вместо живи свободным или умри — девиз, который мы написали бы для животных, которых мы поедаем: живи и умри поработленным). Совершенно очевидно, что животные, ни в массе, ни индивидуально, не в состоянии понять подобные рассуждения. Куры способны на многое, но не могут заключать столь изощренные сделки с людьми. Впрочем, можно понимать это и по-другому. Каковы бы ни были факты, большинству людей понятны справедливость и несправедливость в обращении, например, с собакой или кошкой. И мы в состоянии вообразить такие методы ведения сельского хозяйства, с которыми животные гипотетически могли бы «согласиться». (Собака, которой несколько лет подряд дают вкусную еду, разрешают много гулять с другими собаками на улице и позволяют занимать пространство, Которое она хочет, осознает недостатки жизни собак в более диких и менее обеспеченных условиях, и можно Предположить, что она будет согласна на то, что, в конце концов, в обмен на хорошие условия ее съедят.) Вполне можно представить себе нечто подобное. Устойчивость мифа о согласии животного свидетельствует о том, что людям нравится такой поворот событий, и они склонны считать это правильным.

Неудивительно, что исторически большинство людей относится к употреблению животных, как к самой обыденной вещи. Мясо сытное,

и большинству кажется, что у него приятный запах и вкус. (Неудивительно тогда и то, что на протяжении почти всей человеческой истории некоторые люди держали других людей на положении рабов.) Но, если бросить взгляд назад, на период до появления письменности, мы убедимся, что люди не всегда однозначно относились к жестокости и смерти, связанным с поеданием животных. Поэтому истории, которые мы рассказываем, так отличаются друг от друга.

Первое забывание

Сегодня мы так редко видим сельскохозяйственных животных, что довольно легко про все это забыть. Более старшие поколения были больше, чем мы, знакомы как с конкретными животными с фермы, так и с насилием, творящимся над ними. Они знали, что свиньи игривы, умны и любопытны (мы бы сказали «как собаки») и что у них сложные социальные взаимоотношения (мы бы сказали «как у приматов»). Они знали, как выглядят и ведут себя свиньи, живущие в клетках, а также с детства знали, как кричит свинья, которую кастрируют или забивают.

Отчуждение от животных ведет к тому, что пропустить мимо ушей вопрос, как наши поступки влияют на жизнь животных, становится гораздо легче. Проблема появления на нашем столе мяса становится абстрактной: нет животного-личности, никто не знает, как выглядит его радость или страдание, ни тебе виляющих

хвостов, ни тебе криков. Философ Элейн Скарри заметила, что «красота всегда в конкретности». Жестокость же, напротив, предпочитает абстракцию.

Некоторые попытались преодолеть этот разрыв, лично занявшись охотой и разделкой туш, как будто это может как-то узаконить употребление животных в пищу. Сомнительно. Убийство кого-то доказывает лишь то, что вы способны убивать, но из этого никак не следует, почему вам стоит это делать или не стоит.

Убийство животного собственными руками вовсе не решение проблемы. Это, мне кажется, намного хуже, чем просто выбросить ее из головы. Всегда можно пробудить кого-то от сна, но никакой шум не разбудит того, кто лишь притворяется спящим.

Первые этические законы в отношении животных

С давних пор господствующим этическим принципом в отношении домашних животных, отвечающим требованиям сельского

хозяйства и основополагающей проблеме питания, не был безусловный запрет: не ешь, однако из этого не следовало: не заботься. Скорее так: ешь, но заботься.

Забота о домашних животных, которую требовал этический принцип ешь, но заботься, не всегда предписывалась официальной моралью, да и не должна была, поскольку эта странная этика базировалась на экономической необходимости содержания домашних Животных. Сама природа отношений между человеком и домашним животным определенной заботы, например, обеспечения кормом и создания безопасной среды обитания для стада. Забота о сельскохозяйственных животных была в каком-то смысле выгодным делом. Но за эти гарантированные блага — охраняющих овчарок и, по возможности, чистую воду — животным приходилось дорого платить: кастрацией, изнуряющим трудом, выкачиванием крови или вырезанием плоти из живого животного, клеймением, отделением молодняка от матерей и, в конце концов, забоем, но ведь и это просто хороший бизнес. Животным обеспечивали полицейскую защиту в обмен на то, что их принесут в жертву этим же полицейским.

Принцип ешь, но заботься существовал и развивался тысячи лет. От него ответвлялись совершенно различные этические системы, поскольку культуры, где он существовал, были разными: в Индии он привел к запрету есть коров, в исламе и иудаизме — к законам о быстром забое, якуты из русской тундры заявляли, что животные сами хотят быть убитыми. Но вечно так продолжаться не могло.

Принцип ешь, но заботься не просто вышел со временем из употребления, он скоропостижно скончался. На самом деле его убили.

Первый рабочий на конвейере

Первые промышленные «перерабатывающие» фабрики (иначе называемые бойнями) возникли в Цинциннати и добрались до Чикаго в 20-30-х годах XIX века. Квалифицированных мясников заменили бригады рабочих, которые совершали комплекс скоординированных повторяющихся действий, от которых деревенеют мозг, мышцы и суставы. Забойщики, те, кто откачивает кровь, удаляет хвосты, отрубает ноги, кто занимается огузками и пашинами, снимает кожу с головы, удаляет внутренности и дробит позвоночник (и многие, многие другие). По признанию Генри форда, эффективность конвейерных линий вдохновила его использовать эту модель в

автомобильной промышленности, что привело к революции в промышленности. (Сборка машины — это то же самое разъятие коровы на части — только в обратном порядке.)

Повышение эффективности забоя и переработки мяса подтолкнуло к прогрессу и железнодорожный транспорт, например, в 1879 году изобрели рефрижераторы на колесах, что позволило значительно увеличить объемы перевозок мяса крупного рогатого скота на более дальние расстояния. Сегодня никого не удивишь тем, что мясо прибывает в супермаркет с другого конца света. Среднее расстояние, на которое перемещается мясо, где-то около полутора тысяч миль. Примерно столько же нужно проехать на машине от Бруклина до штата Техас, чтобы пообедать.

К 1908 году конвейер усовершенствовали таким образом, что уже не сами рабочие, а контролер регулировал скорость его движения. Эта скорость росла более восьмидесяти лет — зачастую увеличившись вдвое, а то и втрое — с предсказуемым увеличением неумелого забоя и травм на рабочих местах.

Несмотря на изменения в переработке мяса на заре Двадцатого века, животных продолжали выращивать. На фермах и ранчо практически так же, как это делали всегда — и многие думают, что так остается и по сей День. Фермерам еще не пришло в голову обращаться с живыми животными как с мертвыми.

Первый промышленный фермер

В 1923 году на полуострове Делмарва (территория штатов Делавэр, Мэриленд, Виргиния) произошел незначительный, почти смешной инцидент с домохозяйкой Селией Стил, которая жила на берегу океана. Это происшествие послужило началом современного птицеводства и способствовало глобальному прорыву промышленного фермерства. Стил, у которой был маленький курятник, говорят, заказала пятьдесят цыплят, а по ошибке получила пятьсот. Она решила оставить их всех у себя в виде эксперимента попробовать зимой держать птиц в доме. Благодаря только что открытым кормовым добавкам они выжили, и цепь ее экспериментов продолжилась. К 1926 году у Стил было 10 000 птиц, а к 1935 — уже 250 000. (Средняя куриная стая в Америке в 1930 году составляла лишь 23 птицы.)

Всего через десять лет после впечатляющего достижения Стил полуостров Делмарва стал птичьей столицей мира. Делавэрский округ

Сассекс ныне производит более 250 миллионов бройлеров в год, почти вдвое больше, чем в любом районе или округе страны. Производство птицы — основа экономики региона и главный источник его загрязнения. (Нитраты оказывают пагубное влияние на треть грунтовых вод сельскохозяйственных земель Делмарвы.)

Птицы Стил, сидевшие в тесноте и на много месяцев лишённые возможности свободно двигаться и солнечного света, никогда бы не выжили, если бы не только что открытые преимущества добавок витаминов А и D к куриному корму. Стил также не смогла бы заказывать кур, если бы до этого не появились инкубаторные станции. Разнообразные силы — поколения накопленных технологий — сходились в одну точку и развивали одна другую самым неожиданным образом.

В 1928 году Герберт Гувер пообещал «курицу в каждой кастрюле». Обещание было реализовано и превзошло само себя, однако совсем не так, как предполагалось. К началу 30-х годов XX века в птицеводство пришли такие флагманы возникающего промышленного фермерства, как Артур Пердью и Джон Тайсон. Они помогли застраховать поднимающую голову науку современного промышленного сельского хозяйства, породив к началу Второй мировой войны множество «инноваций» в производстве птицы. Гибридная кукуруза, выращенная благодаря правительственным субсидиям, обеспечивала дешёвый корм, который вскоре стали подавать в кормушках на цепном приводе. Было изобретено удаление клювов — сперва клювы цыплятам прижигали раскалённым ножом, затем это стали делать автоматы. Автоматическое освещение и вентиляция позволили ещё плотнее набить птиц в клетки, а к сегодняшнему дню добились регуляции роста птицы при помощи контроля над освещением.

Каждый этап куриной жизни теперь механизирован, чтобы производить больше продукта по более низкой цене. Пришло время для следующего шага вперед.

Первая Курица завтрашнего дня

В 1946 году птицеводство обратило взоры на генетику и с помощью Министерства сельского хозяйства США организовало конкурс под названием «Курица завтрашнего дня», чтобы создать птицу, которая могла бы наращивать больше мяса на грудке при

одновременной экономии корма. Всех удивило, что победителем стал Чарльз Вантресс из Мэрисвилля, штат Калифорния. (До сих пор рекордсменом по производству сельскохозяйственных животных была Новая Англия.) Вантресс представил курицу с рыжим оперением, это был гибрид корниша и нью-гемпшира, к которому он добавил корнуэльскую кровь, давшую курице, как гласила специально изданная по этому случаю брошюра, «широкую грудь, которая стала особенно востребована после войны, чему придавалось особое значение в маркетинге».

40-е годы стали свидетелями введения в рацион кур сульфамидов и антибиотиков, которые стимулировали рост и предупреждали болезни, вызванные стесненными условиями содержания. Для нововыведенных «кур завтрашнего дня» спешно разрабатывались специальные диеты и лекарства в соответствии, и к 50-м годам XX века уже не существовало единой «курицы», стало две разные — одна для яиц, другая для мяса.

Для производства все большего количества яиц (несушки) или мяса, особенно грудок (бройлеры), помимо питания и условий содержания теперь активно взялись за генетику кур. С 1935 по 1995 год средний вес бройлера увеличился на 65 процентов, а время вывода продукции на рынок сократилось на 60 процентов, при этом расход кормов упал на 57 процентов. Чтобы ощутить, насколько радикальны эти изменения, вообразите детей, которые в десять лет весят три сотни фунтов, питаюсь при этом только батончиками с гранолой* и витаминами «Флинстоун».

* Шоколадный батончик с начинкой из давленого овса, коричневого сахара, изюма и орехов.

Изменения в генетике курицы были не просто еще одним рядовым изменением: они диктовали, как следует выращивать птиц. Все эти перемены в условиях содержания, все эти лекарства были обусловлены не только гонкой за барышами, но и тем, что без них птицы уже не могли быть «здоровыми», а зачастую — вообще выжить.

Еще хуже, что эти генетически ущербные птицы создавались не только для какого-то отдельного сегмента промышленности, теперь это практически единственный вид кур, который выращивают на мясо. Когда-то в Америке было множество различных пород (джерсийский гигант, нью-гемпшир, плимутрок), все они были приспособлены к

природным условиям Своего региона. Теперь у нас только одна порода: промышленная курица.

В 50-60-е годы XX века птицеводческие хозяйства подошли к тотальной вертикальной интеграции. Они владели генетическим пулом (сегодня две компании владеют тремя четвертями генофонда всех бройлеров на планете), самими птицами (фермеры только ухаживают за ними, как советники в лагере вечных снов), необходимыми лекарствами, кормами, забоем, переработкой и рыночными брендами. Изменились не только техники: университетские факультеты животноводства превратились в центры фундаментальной науки, бизнес, в котором когда-то доминировали женщины, теперь прибрали к рукам мужчины, а умелых фермеров заменили наемные рабочие. Никто не стрелял из стартового пистолета, чтобы обозначить начало гонки ко дну. Земля просто наклонилась, и все покатились в пропасть.

Первая промышленная ферма

Промышленная ферма — это скорее итог, а вовсе не новшество. Теперь над пастбищами господствуют бесплодные буферные зоны безопасности, там, где когда-то стояли амбары, выросли многоярусные корпуса интенсивного животноводства, а некогда известное всем сообщество обитателей скотного двора заменили генетически сконструированные монстры — птицы, которые не могут летать, свиньи, которые не могут выжить вне фермы, индейки, которые не могут естественным образом размножаться...

Что означали — и означают — эти изменения? Деррида — один из горстки современных философов, которые поднимают этот неудобный вопрос. «И все-таки человек как-то истолковывает изменения, — доказывает он, — и какой бы практический, технический, научный, юридический, этический или политический вывод он бы из этого ни делал, больше невозможно отрицать этого факта, невозможно отрицать беспрецедентных масштабов порабощения животных». И продолжает:

«Подобное порабощение... можно назвать насилием в самом этически нейтральном смысле этого слова... Никто не может серьезно или достаточно обоснованно отрицать, что люди сделали все возможное, чтобы утаить эту жестокость или скрыть ее от самих себя, чтобы в глобальном масштабе организовать забывание или ложную интерпретацию этого насилия».

Американские бизнесмены двадцатого века сами по себе и в союзе с правительством и научным сообществом спланировали и осуществили серию революций в фермерстве. Они превратили философскую посылку Новой истории (которую отстаивал Декарт), что животных следует рассматривать как механизмы, в реальность — сначала для тысяч, затем для миллионов, а теперь и для миллиардов сельскохозяйственных животных.

Как утверждают отраслевые журналы, начиная с 1960-х годов, кур-несушек следует считать «всего лишь очень эффективными преобразующими механизмами» (Farmer and Stockbreeder), свиньи должны быть «похожи на фабричные станки» (Farm Management), а в двадцать первом веке следует ждать новую «компьютерную поваренную книгу с рецептами для приготовления мяса тех существ, которых смоделируют для потребителя» (Agricultural Research).

Такое научное колдовство с успехом производит дешевое мясо, молоко и яйца. За последние пятьдесят лет, когда индустриализация перешагнула границы птицеводства и затронула мясо-молочную отрасль и свиноводство, средняя цена нового дома выросла примерно на 1500 процентов; новой машины — более чем на 1400 процентов, тогда как стоимость молока повысилась всего на 350 процентов, а цена на яйца и куриное мясо даже не удвоилась. Взяв в расчет инфляцию, можно убедиться, что животные белки стоят сегодня Меньше, чем в любой другой период истории. (Это так, если сбросить со счетов внешние факторы — субсидии фермам, влияние на окружающую среду, человеческие болезни и так далее — что делает цену исторически высокой.)

Животноводство, то есть разведение определенных Пород каждого животного, идущего в пищу, теперь по большей части организовано по принципу промышленной фермы — в таких условиях содержится 99,9 % кур, выращиваемых на мясо, 96 % кур-несушек, 99 % индеек, 95 % свиней и 78 % крупного рогатого скота. И все же до сих пор остаются некоторые альтернативные методы. Начали объединяться, чтобы выжить, мелкие фермеры-свиноводы. И требование контроля над рыболовецкими предприятиями и крупными скотоводческими хозяйствами типа ранчо, широко поддержанное прессой, уже оказывает значительное влияние на рынок. Но что касается птицеводства — самой крупной и наиболее значительной

отрасли животноводства (99 процентов всех забиваемых сухопутных животных — это птицы, выращенные на промышленных фермах) — тут трансформация завершена. На земле остался всего лишь один по-настоящему независимый фермер-птицевод...

5. Я последний фермер, разводящий птицу

Меня зовут Фрэнк Риз, и я развожу птицу. Этому делу я посвятил всю жизнь. Не знаю, откуда это у меня. Я ходил в маленькую деревенскую школу, в которой была всего одна комната. Мама говорила, что мое первое в жизни сочинение называлось «Я и мои индюшки».

Мне просто нравилась их красота, их достоинство. Мне нравится, как они ходят с важным видом. Не знаю. Не знаю, как это объяснить. Мне просто нравится узор на их перьях. Я всегда любил каждую из них. Они такие любопытные, такие игривые, такие дружелюбные и жизнерадостные.

Ночью я сижу в доме и слышу их — и всегда могу сказать, грозит им какая-то опасность или нет. Проведя рядом с индюшками почти шестьдесят лет, я понимаю их язык. Я знаю звуки, которые они издают, могу различить, просто дерутся две птицы или же в амбар забрался опоссум. Есть звуки, которые они издают, когда поражены, и звуки, которые они издают, когда взволнованы чем-нибудь новым. Потрясающе слушать мать-индюшку. У нее огромный голосовой диапазон, когда она разговаривает с птенчиками. И малышки ее понимают. Она может им сказать: «Бегите, Прыгайте и прячьтесь подо мной» или «Перебегайте оттуда сюда». Индюшки прекрасно знают, что происходит, и имеют сообщать о происшествиях — в своем мире, на своем языке. Я не стараюсь придать им человеческие свойства, они не люди, они индюшки. Я просто рассказываю вам, какие они.

Проходя мимо моей фермы, многие замедляют шаги. Среди них много детей — из школ, из церквей, из клуба «4-Н»* Некоторые из них спрашивают, как индюшка могла попасть на дерево или на крышу. «Она туда залетела». И мне не верят! В Америке индюшек выращивали на воле — подобно моим — миллионы людей. Этот вид индюшки был на всех фермах сотни лет, и именно ее все ели. А теперь мои — единственные из оставшихся, а я — единственный, кто разводит их подобным образом.

* Молодежная организация, руководимая Национальным институтом продовольствия и сельского хозяйства при Министерстве сельского хозяйства США.

Ни одна индейка, которую вы купили в супермаркете, не могла нормально ходить, не говоря уже о том, чтобы прыгать или летать. Вы знали об этом? Они даже не могут самостоятельно размножаться. Ни одной индейки без антибиотиков, ни одной — органической, гулявшей на свободе. У всех одна и та же идиотская генетика, их организмы больше ни на что не способны, кроме того, что она им диктует. Любая индейка, проданная в любом магазине и поданная в любом ресторане — это продукт искусственного оплодотворения. Если бы все это делалось только ради эффективности, ну ладно, еще можно как-то понять, но эти птицы буквально не могут естественно беременеть. Скажите мне, что в этом от естественной жизни?

Моим подопечным все нипочем — холод, снег, лед. А у современной промышленной индюшки возникла бы куча проблем. Они не умеют выживать. Мои птички могут разгуливать по снегу без вреда для себя. И у моих индюшек все когти целы; у всех у них есть крылья и клювы — ничего не подрезано; ничего не удалено. Мы их не вакцинируем, не пичкаем антибиотиками. Нет необходимости. Наши птицы целый день на открытом воздухе. А поскольку их гены ничем не испорчены, у них от природы крепкая иммунная система. Мы никогда не теряем птиц. Если вы найдете более здоровую в мире стаю, отведите меня к ней, только тогда поверю. Что промышленность открыла — и это была настоящая революция, — так это то, что, чтобы получать доход, здоровые животные вовсе не требуются. Больные гораздо выгоднее. Животные должны платить цену за наше желание иметь все и все время за очень маленькие деньги.

Раньше ни о какой биобезопасности никто и слыхом не слыхивал. Возьмем мою ферму. Любой, кто захочет, может нанести мне визит, и я без колебаний вожу своих индюшек на шоу и ярмарки. Я всегда предлагаю людям поехать и посмотреть промышленную ферму, где разводят индюшек. Не надо даже заходить в здание. Вы почувствуете его запах до того, как подойдете. Но люди не хотят слышать о таких вещах. Они не хотят слышать, что на этих больших индюшачьих фабриках есть крематории, чтобы сжигать птиц, умирающих каждый день. Они не волнуются, услышав, что, когда промышленность

отправляет индюшек на переработку, та заранее знает, что потеряет от 10 до 15 процентов во время транспортировки — на бойню они придут уже мертвыми. Вы знаете, сколько мертвых птиц я доставляю на День благодарения? Ноль. Но это всего лишь цифры, это почему-то никого не волнует. Все завернуто на деньги. Ну что ж, 15 процентов индеек задохнулись. Бросьте их в мусоросжигатель.

Почему целые стаи промышленных птиц внезапно умирают? А что можно сказать насчет людей, которые едят этих птиц? Вчера один из местных педиатров рассказал мне, что сталкивается с болезнями, о которых никогда раньше и слуху не было. Это не только юношеский диабет, но и воспаления и аутоиммунные заболевания, многие доктора <и названий-то таких не знают. И девочки гораздо раньше вступают в пубертатный период, и аллергия у детей практически на все, и астма вышла из-под контроля. Все знают, что это из-за еды. Мы влезли в гены этих животных, а затем кормили их гормонами роста и всякими лекарствами, о которых толком ничего не знаем. А потом мы их едим. Сегодняшние дети — первое поколение, выросшее на этой дряни, мы проводим на них научный эксперимент. Разве не странно, что люди бывают разочарованы, узнав, что сколько-то там дюжин бейсболистов принимают стероиды, в то время как мы делаем то же с животными, предназначенными нам пищу, и кормим их мясом наших детей?

Люди сегодня абсолютно отделены от животных, которых едят. Когда я был маленьким, первым делом заботились о животных. Работа по хозяйству начиналась еще до завтрака. Нас учили, что, если мы не будем заботиться о животных, нам нечего будет есть. Мы никогда не уезжали на каникулы все вместе. Кто-то обязательно должен был остаться дома. Я помню, что у нас были поездки на день, но мы всегда их ненавидели, потому что, если не вернешься домой засветло, придется идти на пастбище собирать коров и доить их в темноте. Работу нужно было сделать, несмотря ни на что. Если вам не хотелось подобной ответственности, не стоило становиться фермером. Именно такую цену приходится платить, чтобы сделать работу как следует. А если не можешь как следует, не делай вообще. Все очень просто. И я скажу вам еще одну вещь: если потребитель не хочет платить фермеру за то, чтобы он как следует выполнял свою работу, ему не стоит есть мясо.

Люди обращают внимание на подобные вещи. Я не имею в виду богатых горожан. Большая часть тех, которая покупает моих индеек, — небогаты; они в поте лица трудятся за свою копейку. Но они с готовностью платят больше ради того, во что они верят. Они готовы платить реальную цену. А тем, кто считает, что это слишком высокая цена за индейку, я всегда говорю: «Не ешьте индейку». Вполне возможно, ты можешь позволить себе не заботиться ни о чем, но ты, без сомнений, не можешь заплатить за то, чтобы не волноваться.

Все говорят, покупайте свежее, покупайте местное. Это ложь. Все равно это те же птицы, и страдание у них уже в генах. Когда создавали современную индейку массового производства, в процессе экспериментов убили тысячи индюшек. Что должно у нее быть короче — ноги или килевая кость? Какой она должна быть — такой или эдакой? Иногда и человеческие детеныши рождаются с дефектами. Но никто не стремится закрепить этот дефект в следующих поколениях. Но ведь именно это делают с индюшками. В книге «Дилемма всеядного» Майкл Поллан написал, что ферма «Полифейс» — это нечто потрясающее, но это ужасная ферма. Шучу. Джоэл Салатин разводит промышленных птиц. Позвоните ему и сами спросите. Ну и что из того, что их держат на подножном корму. Разницы никакой. Все равно что поставить на шоссе разбитую «Хонду» и утверждать, что это «Порше». Кур для KFC всегда забивают в возрасте тридцати девяти дней. Это младенцы. Вот как быстро они растут. Органических кур Салатина, которых держат на свободном выгуле, забивают на сорок Шторой день от рождения. И это все тот же цыпленок. Ему просто нельзя позволить жить дольше, потому что у него генетика попорчена. Задумайтесь об этом: птица, которой просто нельзя позволить расти и пережить юность. Вероятно, он просто хочет сказать, что делает все как следует, насколько возможно, но держать нормальных здоровых птиц слишком дорого. Извините, но я не могу похлопать его по Плечу и сказать, какой он хороший парень. Это не вещи, это Животные, поэтому недопустимо говорить об относительно хорошем. Либо делай как следует, либо не делай вообще. Я все делаю как следует от самого начала до самого Конца. Самое главное, я держу птиц со старой генетикой, таких, которых держали сотню лет назад. Они медленнее растут? Да. Требуется ли им больше корма? Да. Но вы смотрите на них и понимаете, что они здоровы.

Я не разрешаю отправлять маленьких индюшат по почте. Множеству людей наплевать, что половина их индюшек умрет от стресса при пересылке, а те, кто выживет, к Концу пути похудеет на пять фунтов, — этого не произойдет, если вы сами кормите и поите их. Но мне не наплевать. Все мои птицы получают столько подножного корма, сколько хотят, я никогда не увечу их и не пичкаю лекарствами. Я не манипулирую освещением и не морю их голодом по противоестественной циклической системе. Я не позволяю перевозить своих индюшек, если на улице слишком холодно или слишком жарко. И транспортирую их ночью, чтобы им было спокойнее. Я загружаю в грузовик не очень много птиц, хотя мог бы набить их гораздо, гораздо плотнее. Я всегда ношу своих индеек вертикально, никогда не тащу их за ноги, даже если на это уходит больше времени. Нашему перерабатывающему заводу пришлось замедлить процесс. Я плачу в два раза больше, чтобы они делали все вдвое медленнее. Они должны бережно снимать индюшек с трейлеров. Никаких переломов и стресса без необходимости. Все делается только вручную и осторожно. Все всегда делается как следует. Индеек оглушают, перед тем как приковать. Обычно их подвешивают живыми и протаскивают через ванну с током, но у нас так не заведено. У нас занимаются только одной птицей за раз. Это делает человек, руками. Нужно забивать одну птицу строго после другой, тогда все будет правильно. Больше всего я боюсь, что их живьем бросят в кипяток. Моя сестра как-то работала на большой птицефабрике. Нужны были деньги. Две недели, вот сколько она смогла выдержать. Это было много лет назад, а она до сих пор вспоминает об ужасах, которых там насмотрелась.

Людам не наплевать на животных. Я в это верю. Они просто не хотят знать или платить. У четверти всех кур имеются стрессовые переломы. Это недопустимо. Их набивают вплотную друг к другу, они не могут избежать травм и никогда не видят солнца. Их когти обрастают вокруг прутьев их клеток. Это недопустимо. Они предчувствуют, что вот-вот начнется забой. Это недопустимо, и люди знают, что это недопустимо. Это не вопрос убеждений. Они просто обязаны действовать по-другому. Я не лучше других и вовсе не пытаюсь убедить других жить по моим правилам. Я пытаюсь убедить их жить по собственным правилам.

У моей матери была частичка индейской крови. Поэтому знаю, за что извиняются индейцы. Осенью, когда другие в праздник благодарят, я прошу прощения. Мне нестерпимо видеть их в грузовике, в ожидании, когда их будут забивать. ни смотрят на меня так, словно говорят: «Возьми меня отсюда». Убивать их... это слишком... Иногда — в голове, не в сердце — я нахожу себе оправдание, что по крайней мере делал все, что мог, для животных, находящихся под моей опекой. Как будто... они смотрят на меня, а я им говорю: «Пожалуйста, простите меня». Ничего не могу с собой поделать. Они для меня личности. Животные требуют напряжения. Сегодня вечером я выйду и заставлю всех, кто прыгнул на забор, вернуться назад. Эти индюшки привыкли ко мне, они знают меня, и когда я прихожу к ним, они бегут ко мне, я открываю ворота, и они заходят. Но в то же время я сажаю тысячи индюшек в грузовики и отправляю их на смерть.

Люди сосредоточены на последнем предсмертном миге. А мне бы хотелось, чтобы они подумали обо всей жизни животного. Если бы я знал, что в конце жизни мне перережут горло и это будет длиться три минуты, но до того я проведу все шесть недель жизни в боли, я бы, скорее всего, попросил, чтобы мне перерезали горло на шесть недель раньше. Людей волнует только, как убивают животных. Они говорят: «Какая разница, может ли оно ходить или двигаться, если его все равно убьют?» Если бы это был ребенок, хотели бы вы, чтобы он страдал три года, три месяца, три недели, три Часа, три минуты?» Индюшонок — не человеческий ребенок, но он тоже страдает. Я ни разу не встречал никого из отрасли — ни менеджера, ни ветеринара, ни рабочего, ни кого угодно, — кто сомневался бы, что они чувствуют боль. Так вот, сколько страдания допустимо? Вот в чем суть, вот о чем человек должен себя спросить. Сколько страдания вы согласны допустить за вашу еду?

У моего племянника и его жены родилась девочка, и им сразу же сказали, что она не выживет. Они очень религиозны. Они могли поддержать ее на руках только двадцать минут. Двадцать минут она была жива, не испытывала боли и была частью их жизни. И они говорили, что никогда ни на что не променяли бы эти двадцать минут. Они просто благодарили Господа и восхваляли Его за то, что она жила хотя бы эти двадцать минут. Что вы на это скажете?

[illegible]

Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность /							

[illegible]

[illegible]

Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/
Бессловесность	/	Влияние	/	Бессловесность	/	Влияние	/

Средний американец съедает за свою жизнь эквивалент 21000 сухопутных животных — примерно столько, сколько букв на последних пяти страницах

Лам Хой-ка

Бреви́г-Мишн — это крошечная деревушка эскимосов на берегу Берингова пролива. Единственный местный чиновник с полным рабочим днем — «финансовый администратор». Ни полицейского участка, ни пожарной команды, ни «специалистов широкого профиля», ни ненужного руководства. Однако, как ни удивительно, там имеется онлайн-сервис знакомств. (Можно было бы подумать, что когда в поселке всего 276 жителей, все более или менее знают, кто из них свободен.) Две женщины и двое мужчин ищут любви — вроде идеальный баланс, однако один из мужчин — когда я в последний раз посещал сайт — женщинами не интересовался. Cutieguu, афроамериканец, описывал себя как привлекательного на вид, ростом в 5,4 фута», такую личность совершенно не ожидаешь встретить в Бреви́ге. Приз достался Йохану Халтину, шведу ростом в шесть футов с копной седых волос и подстриженной седой козлиной бородкой. Халтин приехал в Бреви́г 19 августа 1997 года, сообщив о своей поездке только одному человеку. И сразу начал копать. Под футом сплошного льда были тела. Он раскапывал массовое захоронение.

Глубоко в вечной мерзлоте хранились жертвы пандемии гриппа 1918 года. Единственный человек, с которым Халтин поделился планами, был его коллега-ученый Джеффри Тобенбергер, который также искал Источник гриппа 1918 года.

Халтин неспроста искал жертв эпидемии 1918 года. Всего за несколько месяцев до его прибытия в Бреви́г-Мишн на людей, по-

видимому, впервые «перекинулся» гонконгский куриный вирус H5N1 — событие, которое наверняка оставит в истории свой след.

Трехлетний Лам Хой-ка был первым из шестерых, кого убил этот особенно зловещий штамм вируса H5N1. Я, а теперь и вы знаете его имя, потому что, когда смертельный вирус перекинулся на животных, открылась дверь, в которую новая пандемия смогла войти в мир. Если бы светила здравоохранения действовали как-то иначе (или если бы нам не улыбнулась удача), смерть Лам Хой-ка могла бы стать первым номером в глобальной пандемии. И такой шанс все еще остается. Внушающий беспокойство штамм H5N1 вовсе не исчез с лица земли, хотя и исчез из заголовков американских СМИ. Вопрос в том, что дальше: будет ли он убивать относительно небольшое количество людей или мутирует в более смертоносную разновидность. Такие вирусы как H5N1 очень «предприимчивы», они постоянно «изобретают» новшества, безжалостно разрушающие иммунную систему человека.

Учитывая грозящий потенциальным кошмаром H5N1, Халтин и Тобенбергер хотели выяснить, что вызвало пандемию 1918 года. И для этого было достаточно оснований: в 1918 году пандемия убивала больше людей — и намного быстрее, чем любая иная болезнь или любое другое нечто — как до этого момента, так и после него.

Грипп

Пандемию 1918 года называли «испанкой», потому что только испанская пресса, единственная из всех западных средств массовой информации, адекватно освещала огромные потери. (Некоторые считают, что причиной послужило то, что Испания не участвовала в войне, и на ее прессу не давила военная цензура.) Несмотря на название, испанка поразила весь мир, и это сделало ее пандемией, а не просто эпидемией. Это была не первая эпидемия гриппа и не ближайшая по времени к нынешнему дню (1957 и 1968 годы тоже отмечены пандемиями), но она была Самой ужасной. Если СПИДу потребовалось примерно двадцать четыре года, чтобы уничтожить 24 миллиона человек, испанка унесла такое же количество жизней за двадцать четыре недели. Некоторые недавние подсчеты летальных исходов показывают, что тогда по всему миру погибло 50, а может быть, и 100 миллионов человек. Есть данные, согласно которым заболела четверть всех американцев и, вероятно, четверть всего

населения земного шара. В отличие от большинства других видов гриппа, которые смертельно опасны только для детей, стариков и людей, страдающих серьезными заболеваниями, испанка косила здоровых людей в расцвете лет. Выше всего смертность была в группе двадцатипяти-двадцатидевятилетних, а на пике эпидемии средняя Продолжительность жизни среди американцев снизилась до тридцати семи лет. Масштаб бедствия был в Америке — как и везде — так велик, что мне показалось Невероятным то, что я не учил этого в школе, не читал об этом ни мемуаров, ни романов. На пике эпидемии испанки умирало двадцать тысяч американцев в неделю. Для рытья массовых могил использовались паровые экскаваторы.

Сегодня чиновники здравоохранения боятся повторения подобных событий. Многие убеждены, что пандемия, вызванная вирусом H5N1, неминуема, вопрос только в том, где она разразится и, что даже более важно, насколько тяжелыми будут ее последствия.

Даже если вирус H5N1 минет нас без катастрофических последствий, как это было с недавней вспышкой свиного гриппа, никакой авторитетный врач сегодня не может с уверенностью утверждать, что возможность пандемии полностью предотвращена. Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) сказал просто: «Мы знаем, что еще одна пандемия неизбежна... Она вот-вот начнется». Медицинский институт при Национальной академии наук США совсем недавно добавил к этому, что пандемия «не только неминуема, она запаздывает». Из событий недавней истории можно сделать вывод, что пандемия случается каждые двадцать семь с половиной лет, а с прошлой пандемии прошло уже тридцать семь. Ученые не могут с уверенностью предсказать время наступления следующей вспышки пандемии, но они могут знать — и знают, что опасность надвигается.

Нынешние официальные лица из ВОЗ знают как свои пять пальцев практически весь объем научных данных о возможной новой пандемии гриппа. Поэтому особенно беспокоит, что эти костюмы-с-галстуками-и-длинными-белыми-жилетами из учреждений типа а-теперь-не-будем-поддаваться-панике предъявляют общественности, то есть нам с вами, следующий список «того, что необходимо знать о пандемии инфлюэнцы»:

Возможно, мир стоит на пороге новой пандемии.

Все страны будут поражены болезнью.

Болезнь широко распространится.

Медицинские запасы будут недостаточными.

Будет большое количество смертей.

Экономические и социальные разрушения будут велики.

Относительно осторожная ВОЗ предлагает «относительно осторожную оценку — от 2 до 7,4 миллиона Смертей», если птичий грипп перейдет на людей и будет передаваться воздушно-капельным путем (как свиной). «Такая оценка, — продолжает ВОЗ, — базируется «а относительно мягкой пандемии 1957 года. Был проведен анализ эпидемий, вызванных более опасными вирусами, более близких к тому, который наблюдался М 1918 году, и они определяют риск гораздо выше». Милосердно, что ВОЗ не включила эти устрашающие Прогнозы в список «того, что необходимо знать». Безжалостно, что они не решились сказать, что эти прогнозы не менее реалистичны.

Халтин в конце концов нашел среди замороженных трупов 1918 года останки женщины и назвал ее Люси. Он изъясил легкие Люси и отправил их Тобенбергеру, Который проанализировал образцы тканей и нашел свидетельство кое-чего удивительного. Результаты, опубликованные в 2005 году, показали, что источником пандемии 1918 года была птичья инфлюэнца — Втичий грипп. На главный научный вопрос был дан Четкий ответ.

Другое свидетельство наводило на подозрения, что вирус 1918 года мутировал среди свиней (которые уникально восприимчивы как к человеческим, так и к птичьим вирусам) или даже какое-то время в популяции людей, пока не достиг смертоносного апогея в своей: окончательной версии. С уверенностью этого утверждать нельзя. Зато можно уверенно утверждать, что ученые пришли к согласию в том, что новые вирусы, которые циркулируют между сельскохозяйственными животными и людьми, станут главной глобальной угрозой здоровью в предсказуемом будущем. Беспокойство вызывает не только птичий или свиной грипп или что-там-будет-следующим, но весь класс «зоонозных» (передающихся от человека к животному) патогенов — особенно вирусы, которые циркулируют между людьми, курами, индейками и свиньями.

В разговорах о пандемическом гриппе нельзя упускать и того факта, что среди известных миру наиболее смертоносных болезней

существует и сегодняшняя, таящая угрозу нашему здоровью, которая, в свою очередь, имеет прямое отношение к здоровью животных, выращиваемых на ферме, и в первую очередь — птиц.

Все виды гриппа

Еще одна ключевая фигура в истории исследования инфлюэнцы — это вирусолог Роберт Уэбстер, который доказал патогенное происхождение всех видов человеческого гриппа. Он назвал это «теорией скотного двора» и высказал догадку, что «вирусы, вызывающие пандемию в популяции людей, дополнены некоторыми генами вирусов гриппа домашней птицы».

Через несколько лет после пандемии «гонконгского гриппа» 1968 года (чьи штаммы-преемники продолжали тихонько существовать и приводили к двадцати тысячам «дополнительных смертей» в США ежегодно), Уэбстер определил вирус, который ее вызвал. Как он и ожидал, вирус оказался гибридом, который включал в себя модификации вируса птичьего гриппа, обнаруженного у утки из Центральной Европы. Сегодня это открытие позволяет предположить, что птичий источник пандемии 1968 года не уникален: в наши дни ученые доказывают, что изначальный источник всех штаммов гриппа — это мигрирующие водоплавающие птицы, такие, как утки и гуси, которые живут на земле более сотен миллионов лет. Как выяснилось, грипп напрямую касается наших взаимоотношений с птицами.

Здесь необходимо ввести некоторые базовые научные понятия. Как первоначальный источник этих вирусов, дикие утки, гуси, крачки и чайки дают прибежище полному спектру штаммов гриппа. Вот как их распределяют по критериям современные ученые: H1N1 через недавно открытый H1N6, H1N1 через H9N9. Домашние птицы тоже могут приютить большой запас подобных штаммов гриппа. Ни дикие, ни домашние птицы вовсе не обязательно заболевают от этих вирусов. Зачастую Они просто их переносят, иногда через весь земной Шар, а затем распространяют через фекалии в озерах, реках, прудах и довольно часто, благодаря техникам промышленной переработки животных, прямо через еду, которую мы потребляем.

Каждый вид млекопитающего уязвим только для некоторых вирусов, которые переносят птицы. Люди, например, как правило, уязвимы только для вирусов H1N1, H2N2 и H3N2, свиньи — для вирусов H1N1 и H3N2, а лошади — для вирусов H3N2 и H7N7. Буква Н означает

гемагглютинин, венок, образующий шип на оболочке вирусов гриппа, «н назван так из-за своей способности к «агглютинации Эритроцитов» — то есть склеиванию красных кровяных телец. Гемагглютинин служит чем-то вроде молекулярного моста, который позволяет вирусу проникать в клетки жертвы, подобно вторжению вражеских войск по временному мосту. Гемагглютинин осуществляет эту смертоносную функцию, благодаря своей замечательной способности прикрепляться к специфическим видам молекулярных структур клеточных оболочек людей и животных, называемых рецепторами. Н1, Н2 и Н3 — это три типа гемагглютинаина, обычно инфицирующих человека. Они ловко внедряются в органы нашей респираторной системы, из-за чего грипп часто начинается именно в дыхательных путях человека.

Бедя случается, когда вирус у одного из видов живых существ начинает стремиться к смешиванию с вирусами других видов, так возник Н1N1 (сочетает фрагменты вирусов птицы, свиньи и человека). В случае с вирусом Н5N1 существует опасность, что текущее образование нового вируса, невероятно заразного для людей, может происходить и в популяции свиней, поскольку свиньи восприимчивы к таким типам вирусов, которые инфицируют птиц, и к таким, которые опасны для человека. Когда одна свинья заражается двумя различными типами вирусов одновременно, существует возможность, что вирусы обмениваются генами. Свиной грипп Н1N1 появился в результате именно такого процесса. Возможность генного обмена вызывает такое беспокойство, потому что может привести к возникновению вируса с вирулентностью птичьего гриппа, способного заражать любого-кто-окажется-на-пути обычной простуды.

Как новая природа вирусов изменяет течение болезни? До какой степени за это отвечает современное животноводство и птицеводство? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны знать, откуда взялись птицы, которых мы едим, и почему условия их содержания делают больными не только самих птиц, но и нас.

Жизнь и смерть птицы

На второй ферме, которую я посетил вместе с Си, стояло двадцать сараев, каждый 45 футов в ширину и 490 футов в длину, в каждом содержится 33 000 птиц. У меня с собой не было рулетки, и я не умею держать такое количество цифр в голове. Но я привожу эти цифры с уверенностью, потому что такие параметры типичны для отрасли —

хотя сейчас некоторые производители строят сараи больших размеров: 60 на 504 фута, в которых держат по 50 000 и более птиц.

Трудно вообразить 33 000 птиц в одном тесном помещении. Не нужно видеть это своими глазами, и без математики тоже можно обойтись, чтобы понять, что они набиты там довольно плотно. В своих «Нормативах по улучшению условий жизни животных» Национальный совет производителей курятины указывает допустимую плотность содержания — она равняется восьми десятым квадратного фута на птицу. Вот что считается благодеянием животного, с точки зрения головной организации, представляющей производителей курятины, и это показывает, насколько укоренились официальные идеи о благодеянии, — вот почему и не стоит доверять ярлыкам, происхождение которых сомнительно, а доверия заслуживают только надежные независимые источники.

На этом имеет смысл остановиться подробнее. Хотя действительности у многих кур жизненного пространства гораздо меньше, предположим, что каждая имеет?вой восемь десятых квадратного фута. Постарайтесь их себе вообразить. (Вряд ли вам когда-нибудь доведется увидеть воочию промышленную птицефабрику изнутри, но, если вашему воображению требуется помощь, обратитесь к Интернету, где полно их изображений). Возьмите лист бумаги для принтера и представьте себе курицу, которая провела всю свою жизнь в чем-то, напоминающем по форме футбольный мяч и уместающемся на этом листе. Вообразите 33 000 подобных прямоугольников в виде шахматной доски. (Бройлеров никогда не сажают в клетки и никогда не располагают их ярусами.) Теперь окружите это поле стенами без окон, а потолок опустите. Внутри налажена автоматизированная подача корма (смешанного с лекарствами) и воды, действуют отопительная и вентиляционная системы. Теперь вернемся к ферме.

Сначала найдите курицу, которая будет быстро расти при возможно минимальном кормлении. Мышечные и жировые ткани недавно выведенных бройлерных птиц растут значительно быстрее, чем их кости, что ведет к деформациям и болезням. От 1 до 4 процентов птиц умрет, корчась в конвульсиях от синдрома внезапной смерти, вне промышленных ферм этот синдром практически неизвестен. Ещё одна болезнь, вызванная пребыванием на промышленной ферме, происходит оттого, что излишки жидкости

наполняют полости тела, вызывают асцит, или брюшную водянку, и от этого гибнет еще больше птиц (5 процентов по всему миру). Три птицы из четырех испытывают постоянную боль при малейшем движении. Три из каждых четырех ощущают невыносимую боль при ходьбе, а одна из четырех просто не способна передвигаться. Ясно, что все они, так или иначе, живут в постоянном ощущении боли.

В первую неделю цыплячьей жизни свет для ваших бройлеров горит двадцать четыре часа в сутки. Это побуждает их больше есть. Затем период освещенности слегка сокращают, давая в сутки примерно четыре часа темноты, чтобы они поспали, иначе им просто не выжить. Естественно, в таких ужасно неестественных условиях — постоянное освещение, перенаселенность, да еще груз их изуродованных тел — куры долго не выдержат. Во всяком случае, бройлеров обычно забивают на сорок второй день жизни (или все чаще на тридцать девятый), поэтому они даже не успевают приспособиться к такому существованию.

Нет нужды говорить, что деформированные от тесноты, напичканные лекарствами, задавленные стрессом птицы в грязном, заваленном отбросами помещении не очень здоровы. Кроме общего уродства, встречается повреждение глаз, переходящее в слепоту, бактериальные инфекции костей, смещение позвонков, паралич, внутренние кровотечения, анемия, повреждение сухожилий, искривление нижней части ног и шеи, респираторные заболевания и ослабленная иммунная система — это частые и давнишние проблемы промышленного фермерства. Научные исследования и правительственные отчеты доказывают, что фактически все (до 95 %) куры заражены *E. coli* (индикатор заражения через фекалии), а от 39 до 75 % кур, поступающих в розничную продажу, так и остаются зараженными. Примерно 8 % птиц заражены сальмонеллой (цифра за последние несколько лет снизилась, прежде Инфицированной была одна курица из четырех, но на Некоторых фермах положение не изменилось). От 70 До 90 % заражены еще одним смертельно опасным патогенным микроорганизмом — кампилобактером. Чтобы удалить слизь, запах и бактерии, часто пользуются хлорными ваннами.

Конечно, потребители могут заметить, что куры на вкус какие-то не такие, каким может быть вкус мяса, напичканного лекарствами и запачканного дерьмом животного, с кучей болезней в придачу? Но в

тушки птиц вводят через инъекцию (или иногда накачивают помпой) «бульон» и соляные растворы, чтобы придать им то, что имитирует естественный запах и вкус курицы. (Недавние исследования журнала Consumer Reports обнаружили, что продукты из курицы и индейки, на многих из которых прикреплен ярлык «натуральные», «на 10–30 процентов веса раздуты бульоном, ароматизаторами или водой».)

Дела фермерские закончены, пришло время «переработки».

Во-первых, вам нужно найти рабочих, чтобы пересадить птиц в ящики и «выстроить линию», которая превратит живых, целых птиц в части, упакованные в пластик. Рабочих придется искать постоянно, потому что ежегодная текучесть рабочей силы доходит до 100 %. (В частных беседах мне приходилось слышать, что текучка доходит аж до 150 %.) Зачастую предпочитают нелегальных иностранцев, с распростертыми объятиями примут и недавних бедных иммигрантов, которые не знают ни слова по-английски. Типичные рабочие условия на американских бойнях являют собой полное нарушение международной декларации прав человека; зато вам они обеспечивают эффективный способ производства дешевого мяса и кормят мир. Платите вашим рабочим минимальную или близкую к минимальной заработную плату, и они будут хватать по пять птиц в каждую руку, нести за ноги вниз головой и набивать их в транспортировочные ящики.

Если ваше предприятие работает с ожидаемой (по словам нескольких приемщиков, с которыми я беседовал) скоростью — когда один рабочий набивает в ящик 105 кур за 3,5 минуты, — то с птицами обращаются грубо, и как мне говорили, рабочие регулярно чувствуют, как им в руки вбиваются птичьи кости. (Примерно у 30 % от всех живых птиц, прибывающих на бойню, свежие переломы костей — как результат фrankenштейновской генетики и грубого обращения.) Ни один закон не защищает птиц, но, конечно, существуют законы, регламентирующие обращение с рабочими. И все же в результате подобного труда люди ощущают боль еще несколько дней после завершения работы. Итак, повторяю, вы нанимаете людей, которые не станут жаловаться, как, например, «Мария», работница одной из самых крупных перерабатывающих фабрик, с которой я провел полдня. Проработав на фабрике более сорока лет, подвергнувшись пяти операциям вследствие травм на рабочем месте, Мария плохо

управляется с руками, ей трудно даже мыть посуду. Ее мучает постоянная боль, поэтому вечерами она отмачивает руки в ледяной воде и часто не может заснуть, не приняв таблеток. Ей платят восемь долларов в час, она просила не называть ее настоящего имени, опасаясь возмездия.

Загрузите ящики в грузовики. Не обращайтесь на суровую погоду и не кормите и не поите птиц, даже если фабрика в сотнях миль от вас. Приехав на фабрику, отыщите большую группу рабочих, которые швыряют птиц на движущуюся конвейерную ленту, Держа их головой вниз за лодыжки в металлических вандалах. Зачастую крики птиц и хлопанье их крыльев Настолько громкие, что один рабочий не может расслышать другого, который стоит рядом с ним на конвейере. Нередко от боли и страха у птиц происходит Дефекация.

Конвейерная лента протаскивает птиц через электрифицированную ванну. От этого большая часть будет парализована, что, однако, не сделает их нечувствительными. В других странах, в том числе во многих европейских, требуют (по крайней мере, юридически), чтобы куры были либо в бессознательном состоянии или убиты перед тем, как пускать им кровь и ошпаривать. В Америке, где Министерство сельского хозяйства, интерпретируя «Акт о гуманных методах забоя скота», исключает забой кур, в таких ваннах слишком низкий уровень напряжения — примерно одна десятая того, что необходимо, чтобы птица потеряла сознание. После того, как она прошла через ванну, у парализованной курицы все еще могут двигаться глаза. Иногда птица в состоянии контролировать свой организм и медленно открывает клюв, будто пытаясь кричать.

Следующая остановка на конвейере для неподвижной-но-в-полном-сознании птицы — у автоматического горлореза. Если горлорез ненароком не попадет на артерию, кровь будет вытекать из птицы медленно, а ошибки, как говорил мне один рабочий, случаются «все время». Поэтому потребуется еще несколько рабочих — забойщиков-дублеров, «бойцов» — они будут резать горло птицам, которых пропустила машина. Если, впрочем, и они не будут ошибаться, а как мне сказали, это тоже происходит «все время». Согласно Национальному совету производителей курятины, то есть репрезентативным представителям отрасли — каждый год примерно 180 миллионов кур забивают с нарушениями инструкций. Когда

Ричарду Л. Лоббу, спикеру совета, задали вопрос, не беспокоит ли его такое количество, он вздохнул: «Процесс заканчивается всего за несколько минут».

Я разговаривал с бессчетным количеством рабочих, принимающих, подвешивающих и убивающих, которые уверяли, что живых птиц в полном сознании отправляют в баки, где их ошпаривают кипятком. (По правительственным оценкам, которые можно получить согласно «Закону о свободе информации», это происходит примерно с четырьмя миллионами птиц ежегодно.) Поскольку фекалии, налипшие на тело, и перья остаются в баках, тушки птиц оказываются переполнены патогенными микроорганизмами, которые они вдохнули или впитали через кожу (горячая вода в баках помогает открыть птичьи поры). После того, как у них оторвали головы и удалили лапы, машины вскрывают их вертикальным разрезом и извлекают внутренности. Заражение часто происходит на этом этапе, поскольку высокоскоростные механизмы часто разрывают кишки, и фекалии попадают в брюшную полость птицы. Когда-то инспекторы Министерства сельского хозяйства США (МСХ) были обязаны забраковывать любую птицу с подобным фекальным загрязнением. Но примерно тридцать лет назад представители промышленного птицеводства убедили МСХ нереклассифицировать фекалии, чтобы продолжать использовать автоматические потрошители. Фекалии, когда-то считавшиеся опасным загрязнителем, Теперь классифицируются как «косметический недостаток». В результате инспекторы бракуют лишь половину птиц. Возможно, Лобб и Национальный совет производителей курятины просто вздохнут и скажут на это: «Люди съедают фекалии всего за несколько минут».

Затем птиц проверяют официальные лица и МСХ, Чья очевидная функция — сохранять безопасность потребителей. В распоряжении инспектора примерно две секунды на обследование каждой птицы снаружи и изнутри — тушки и органов, — чтобы выявить дюжину различных болезней и подозрительные аномалии. Он осматривает более 25 000 птиц в день. Журналист Скотт Бронштейн написал в Atlanta Journal-Constitution цикл замечательных статей об инспекции птицеводческих предприятий, которые необходимо прочесть любому, кто собирается отведать курятины. Он побеседовал почти с сотней инспекторов МСХ на тридцати семи фабриках. «Каждую неделю, —

писал он, — миллионы кур. из которых течет желтый гной, в пятнах от зеленых фекалий, зараженных вредными бактериями, с легочными и сердечными инфекциями, с раковыми опухолями или заболеваниями кожи везут на продажу потребителям».

Потом кур отправляют в массивные холодильные баки с водой, где постоянно охлаждаются тысячи птиц. Том Девайн из организации «Призовем правительство к ответу» утверждает, что «воду в этих баках очень точно называли „фекальным супчиком“, потому что там плавает грязь и бактерии. Погрузив чистых и здоровых птиц в один бак с грязными, вы фактически обеспечиваете перекрестное загрязнение».

Если значительное число переработчиков птицы в Европе и Канаде используют системы охлаждения воздухом, 99 процентов американских производителей привязаны к системам охлаждения водой и ведут судебные процессы с потребителями и производителями говядины, чтобы продолжать использовать устаревшую систему. Не трудно догадаться, почему. Охлаждение воздухом уменьшает вес тушки, а гидроохлаждение заставляет тело мертвой птицы впитывать воду (ту самую, которую называют "фекальным супчиком») — Исследование показало, что, если просто положить куриные тушки в запечатанные пластиковые пакеты на этапе охлаждения, это уменьшит перекрестное заражение. Но одновременно сократит возможности индустрии превращать сточную воду в десять миллионов долларов дохода из-за дополнительного веса продуктов из птицы.

Не так давно МСХ установило лимит в 8 % — именно столько впитанной жидкости производитель мог продавать потребителю по цене куриного мяса, но правительство тут же приняло свои меры. Когда в 90-х годах XX века это стало достоянием общественности, возник понятный общественный протест. Потребители подали в суд иск против этой практики, которая Показалась им не только омерзительной, но фальсифицирующей. В ответ на это суд признал установленный лимит незаконным, так как названная цифра «произвольна и непостоянна».

Как ни смешно, но интерпретация МСХ судебного решения позволила куроводческой промышленности провести собственное исследование, чтобы определить, какой процент куриного мяса должен состоять из загрязненной, хлорированной воды. (Слишком известная уловка, бросающая тень на всю сельскохозяйственную

промышленность.) Выработанный после консультаций с отраслью новый закон позволяет Поставлять на прилавок продукцию, содержащую до 11 % жидкости (точный процент указан маленькими буквами на упаковке). Стоило общественности обратить внимание на это безобразие, как птицеводство? Тут же перетолковало инструкцию, призванную защищать права потребителя, в своих интересах.

Американские потребители теперь каждый год дарят крупным производителям птицы миллионы лишних долларов за эту самую добавленную жидкость. МСХ знает это и охраняет подобную практику — в конце концов, переработчики птицы, как любят говорить многие промышленные фермеры, просто изо всех сил стараются «накормить мир». (Или в данном случае имеет смысл сказать «обеспечить водой»?)

То, что я описал, вовсе не исключение. Это не случайные сбои ненадежных машин, результат труда рабочих-мазохистов или следствие принципа «а нам все равно!». Это правило. Более 99 процентов всех кур, идущих на мясо в Америке, живут и умирают именно так.

В некоторых деталях схема работы фабрик может варьировать, например, в величине процента птиц, которых живьем случайно ошпаривают кипятком каждую неделю во время переработки, или в объемах фекального супа, который впитывают их тела. Конечно, эти различия немаловажны. Но в остальном методы промышленных куроводческих предприятий — хорошо ими руководят или плохо, держат там птиц в клетках или нет, — в основе своей одинаковы: все птицы одной генетически-франкенштейновской породы; всех держат взаперти; ни одной не дано насладиться дуновением ветерка или теплом солнечного света; никому из них недоступно проявить все (или, как правило, хоть какие-либо) поведенческие особенности своего биологического вида: вить гнезда, сидеть на насесте, обследовать окружающую местность и формировать устойчивые социальные связи; среди них распространены болезни; страдание — всегда правило; каждая — лишь условная единица, вес; их смерть неизменно мучительна. Эти сходства имеют большее значение, чем различия.

Распространенность птицеводства означает, что, если в этой системе что-то не так — что-то ужасно не так и во всем мире. Сегодня примерно в одинаковых условиях ежегодно выращивают шесть

миллиардов кур в странах Евросоюза, более девяти миллиардов — в Америке и более семи миллиардов — в Китае. Более чем миллиардное население Индии потребляет очень мало кур на душу населения, но их число все же ежегодно достигает пары миллиардов. Их выращивают на промышленных фермах, и количество таких птиц в Индии растет (как и в Китае), приближаясь мировым показателям (темпы роста их численности вдвое выше, чем темпы быстрорастущей птицеводческой индустрии США). Из всего сказанного можно понять, что по всему миру птиц, выращиваемых (и учтенных) на промышленных фермах, примерно пятьдесят миллиардов. Если Индия и Китай в конце концов начнут потреблять птицу в масштабах Соединенных Штатов, эта, уже и сейчас потрясающая сознание, цифра удвоится.

Пятьдесят миллиардов. Каждый год пятьдесят миллиардов птиц должны жить и умирать вот так.

Мы не преувеличиваем, утверждая, что эта совсем недавно казавшаяся новой реальность стремительно Наступает — количество птиц, выращенных на промышленных фермах, еще в 1923 году, до эксперимента Селии Стил, было равно нулю. Мы не только выращиваем кур по-иному; мы едим больше: американцы съедают в 150 раз больше кур, чем восемьдесят лет назад.

И еще: невероятное число пятьдесят миллиардов Не вымышлено, а подсчитано с предельной тщательностью. Статистики, которые вывели эту цифру для Соединенных Штатов, разбили ее по месяцам, штатам И весу птиц и сравнили (в каждом месяце) с потерями от смертей в том же месяце, но годом раньше. Эти цифры изучались, дебатировались, проектировались и практически почитались как объект культа индустрии. Это не просто факты, это весть о победе.

Влияние

Слово инфлюэнца, как и вирус, давший ей название, пришло к нам путем мутации: это производное от итальянского глагола *influentia*, который изначально имел примерно то же значение, что и его английский двойник — *to influence*, т. е. влиять. Однако к шестнадцатому веку к исходному значению глагола начали примешиваться оттенки других смыслов, и он приобрел значение «астрального» или «оккультного» влияния. В частности глагол *influenza* можно употребить, имея в виду действие

эпидемии или пандемии гриппа, которое проявляется одновременно повсюду (и кажется, что это результат чьей-то злой воли).

По крайней мере, исходя из этимологии, говоря об инфлюэнце, мы имеем в виду влияние, которое ощущается по всему миру практически одновременно. Сегодняшние вирусы птичьего или свиного гриппа или вирус испанского гриппа 1918 года — это не настоящая инфлюэнца, не реальное ее воплощение, а всего лишь ее симптомы.

Только немногие верят, что пандемии — это результат действия оккультных сил. Следует ли считать, что 50 миллиардов нездоровых, накачанных лекарствами птиц и есть источник всех вирусов гриппа, чей родоначальник некогда вызвал инфлюэнцу и порождает все новые, опасные для человека, патогенные микроорганизмы? А как же 500 миллионов свиней с иммунной системой, которая подвергается опасности в замкнутых помещениях?

В 2004 году коллегия мировых экспертов по новым животнo-человеческим болезням («зоонозным») собралась, чтобы обсудить возможную связь между всеми этими лишь подвергающимися опасности заражения и уже больными животными с ферм и взрывами пандемии. Перед тем, как добраться до их выводов, полезно разобраться в двух отдельных, но взаимосвязанных проблемах здравоохранения, спровоцированных появлением ивовых патогенных микробов. Первая проблема общая, она касается отношений между промышленными фермами и всеми видами патогенных микроорганизмов, например, новыми штаммами кампилобактер, сальмонелы или *E. coli*. Вторая — более специфическая: люди создают условия для возникновения суперпатогенного микроорганизма из всех суперпатогенов, гибридного вируса, который может вызвать повторение, в большей или меньшей степени, испанки 1918 года. Эти две проблемы, или опасности, тесно связаны между собой.

Каждый случай заболевания, вызванный потреблением продуктов питания, нельзя проследить, но там, где мы знаем источник или «способ передачи», оказывается, что в подавляющем числе случаев — это продукт животного происхождения. Согласно данным Центра по контролю и профилактике заболеваний США (CDC), птица — самый частый источник инфекции. Согласно исследованию, опубликованному в *Consumer Reports*, 83 процента всего куриного мяса включая органических кур и кур, выращенных без антибиотиков)

в момент покупки инфицировано либо кампилобактер, либо сальмонеллой.

Я не знаю, почему так мало людей озабочено (и возмущено) масштабами болезней, вызванных продуктами питания, которых можно было бы избежать. Может быть, это вызывает столь вялую реакцию потому, что не кажется очевидным, а то, что виновник — мясо (особенно куриное), зараженное патогенными микроорганизмами, представляется сомнительным? В любом случае, если вы знаете, что искать, проблема патогенных организмов становится пугающе реальной. Например, в следующий раз, когда у вашего приятеля внезапно начнется «грипп» — то, что иногда неправильно называют «желудочный грипп», — задайте ему пару вопросов. Не была ли болезнь вашего друга одним из тех «двадцати-четырёх-часовых-гриппов», который мгновенно начинается и мгновенно проходит: следует рвота или понос, а затем наступает облегчение? Поставить диагноз не так-то просто, но, если ответ на этот вопрос «да», у вашего друга, вероятно, совсем не грипп — он или она, видимо, попали в те 76 миллионов случаев заражения от продуктов питания, которые, по оценке CDC, происходят в Америке ежегодно. Ваш друг не «подхватил вирус», он его съел. И, скорее всего, приобретенный им продукт был создан на промышленной ферме.

Мы знаем, что кроме огромного количества болезней, связанных с промышленным фермерством, наши промышленные фермы вносят свой вклад и в то, что появляется все больше патогенных организмов, опасных для человека, устойчивых к противомикробному лечению, ибо животных в процессе выращивания пичкают невероятным количеством антибактериальных препаратов. Мы должны пойти к врачу, чтобы добыть себе антибиотики и другие противомикробные средства, причем органы здравоохранения выдают это за благое стремление ограничить потребление людьми подобных лекарств. Мы соглашаемся с таким неудобством, потому что оно, видите ли, важно с медицинской точки зрения. Микробы, в конце концов, привыкают к антибиотикам, поэтому противомикробные лекарства следует выписывать только по-настоящему больным людям и в ограниченных количествах, иначе микробы приспособятся к лекарствам и научатся выживать вопреки им.

На типичной промышленной ферме животным дают лекарства при каждой кормежке. На промышленных фермах по разведению кур, как я уже объяснял, практически обязаны это делать. Индустрия знала об этой проблеме с самого начала, но вместо того, чтобы пойти на выведение менее продуктивных птиц, компенсировала их ущербную иммунную систему кормовыми добавками.

В итоге животным на фермах дают антибиотики, не терапевтически (т. е. до того, как они заболели). Соединенных Штатах людям прописывают примерно 3 миллиона фунтов антибиотиков в год, а домашнему скоту скармливают чудовищные 17,8 миллиона фунтов, по крайней мере, так утверждает сама индустрия. Союз Озабоченных Ученых (UCS) доказал, что промышленность занизила реальные объемы использования антибиотиков на 40 %. Там подсчитали, что Курам, свиньям и другим животным на промышленных фермах скормили 24,6 миллиона фунтов антибиотиков, и это считая только нетерапевтическое их применение. UCS также установил, что 13,5 миллиона фунтов из этих препаратов в настоящее время в странах Евросоюза считаются незаконными.

Схема возникновения патогенных микроорганизмов, резистентных к лекарствам, довольно проста.

Ряд исследований показал, что невосприимчивость к антибактериальным препаратам наступает на пятки применению новых лекарств на промышленных фермах. Например, в 1995 году, когда Управление по контролю за качеством пищевых продуктов и лекарств (FDA), не обращая внимания на протест со стороны CDC, одобрило такие флюорокинолоны, как ципро, при выращивании кур, то к 2002 году процент бактерий, устойчивых к этому новому классу мощных антибиотиков, вырос от нуля до 18. Журнал New England Journal of Medicine провел более широкое исследование, которое показало, что с 1992 по 1997 год устойчивость к противомикробным средствам возросла в восемь раз, а метод молекулярного выделения подтипов связал этот рост с применением антибактериальных препаратов на куриных фермах.

Если вернуться в конец 60-х годов XX века, можно вспомнить, что ученые предупреждали о вреде нетерапевтического добавления антибиотиков в корма животных, выращиваемых на фермах. Сегодня такие разные учреждения, как Американская Медицинская

Ассоциация, Центр по контролю и профилактике заболеваний, Институт Медицины (подразделение Национальной Академии Наук) и Всемирная Организация Здравоохранения, связали нетерапевтическое использование антибиотиков на промышленных фермах с растущей устойчивостью к антибактериальным препаратам и потребовали его запрета. Но до сих пор индустрия США активно сопротивляется этому запрету. Неудивительно, что частичные запреты в других странах — это лишь локальное решение проблемы.

Существует бросающаяся в глаза причина, по которой до сих пор не наложен полный запрет на нетерапевтическое использование антибиотиков: индустрия сельского хозяйства (в союзе с фармацевтической промышленностью) обладает сегодня большей властью, чем работники здравоохранения. Источник невероятной силы этой индустрии нетрудно отыскать. Мы сами в этом виновны. Мы сами невольно активно финансируем ее, питаясь продукцией с промышленных ферм (в том числе водой, которую продают как продукты животноводства), и делаем это каждый день.

Те же причины, по которым 76 миллионов американцев ежегодно заражаются от продуктов питания и которые способствуют устойчивости микроорганизмов к антибиотикам, приводят и к риску возникновения пандемии. Это возвращает нас к выдающейся конференции 2004 года, для которой, преследуя цель. Достоверно оценить имеющуюся информацию о «возникающих зоонозных заболеваниях», объединили юи громадные ресурсы Комиссия ООН по вопросам Продовольствия и сельского хозяйства, ВОЗ и Всемирная организация по охране здоровья животных (OIE). Обсуждавшийся на конференции список зоонозных заболеваний, внушавших наибольшее опасение, возглавили грипп H5N1 и тяжелый острый респираторный синдром (SARS). Сегодня патогенным врагом номер один стал вирус гриппа H1N1.

Ученые различают «основные факторы риска» Зоонозных заболеваний и просто «распространение факторов риска», которые влияют только на скорость распространения болезни. Приводя примеры основных факторов риска, ученые требовали «изменения Системы производства сельскохозяйственных продуктов или моделей потребления». Какие конкретно сельскохозяйственные и потребительские изменения они имели в виду? Первым в списке

четырёх главных факторов риска фигурировала «растущая потребность в животном белке», а по существу это означает, что эта потребность в мясе, яйцах и молочных продуктах и есть «основной фактор», влияющий на распространение зоонозных болезней.

Потребность в продуктах животного происхождения, продолжает отчет, ведет к «изменениям в практике фермерства». Чем меньше мы будем сомневаться в уместности «изменений», тем реже будем выбирать промышленное птицеводство.

Похожие выводы были сделаны Советом по сельскохозяйственной науке и технологии, который объединил специалистов индустрии и экспертов из ВОЗ, OIE и МСХ. Их отчет 2005 года показывает, что главный вклад промышленного фермерства — это «быстрая селекция и развитие патогенных микроорганизмов, которые произошли от опасных предшественников (зачастую благодаря мутациям, которые трудно зафиксировать), таким образом, риск появления и/или распространения болезни возрастает». Разведение на промышленных фермах генетически однородных птиц, беззащитных перед лицом болезней, в условиях скученности, стресса, засорения фекалиями и искусственного освещения способствует размножению и мутациям болезнетворных микробов. «Цена повышения эффективности», заключает отчет, не что иное, как увеличение глобального риска заболеваний. Выбор прост: дешевая курятина или наше здоровье.

Сегодня связь между промышленным фермерством и пандемиями ясна как никогда. Основной источник недавней вспышки свиного гриппа H1N1 родом со свинофермы наиболее богатой фермами по Выращиванию свиней штата — из Северной Каролины, откуда он быстро распространился по всей Америке. Именно на этих промышленных фермах ученые в первый раз обнаружили вирусы, в которых соединился генетический материал вирусов птицы, свиньи и человека. Ученые из Колумбийского и Принстонского университетов смогли проследить шесть из восьми генетических сегментов наиболее страшного (на сегодняшний день) в мире вируса, прибывших прямым ходом с промышленных ферм США.

Вероятно, где-то на задворках нашего сознания мы даже без всех научных выкладок, о которых шла речь, понимаем, что происходит нечто ужасно неправильное. Наша пища сегодня рождается из страдания. Мы знаем, что, если кто-то предложит нам посмотреть

фильм о том, как производят мясо, которое мы едим, это будет фильм ужасов. Вероятно, мы знаем больше, чем можем допустить в сознание, держа это знание в темных глубинах памяти — отмежевываясь от него. Когда мы едим мясо с промышленной фермы, то питаемся буквально пытаемой плотью. И постепенно эта Замученная плоть все больше и больше становится нашей собственной плотью.

Другие последствия

Вредные последствия, которые порождает наша потребность в мясе, производимом на промышленной ферме, не ограничиваются заболеваниями, происходящими от продуктов питания, и заразными болезнями, можно привести и многие другие примеры отрицательного влияния на здоровье общества. Самые очевидные из ныне широко признаваемых взаимоотношений между основными убийцами нации (сердечные заболевания — номер один, рак — номер два и инсульт — номер три) и потреблением мяса или гораздо менее очевидное, но несомненное влияние мясной промышленности на информацию о питательных веществах, которую мы получаем от правительства и медиков.

В 1917 году, пока Первая мировая война опустошала Европу, и незадолго до того, как грипп испанка выкосил население всего мира, группа женщин, озабоченная проблемой извлечения максимальной пользы из американских ресурсов питания в военное время, основала организацию, которая сегодня стала первой государственной группой профессионалов питания и нутриционистов — Американскую диетическую ассоциацию (ADA). С 1990-х ADA издала так называемый стандартный краткий перечень того, что мы-определяем-понятным-всем-словосочетанием: здоровая вегетарианская диета. ADA заняла консервативную позицию, проигнорировав научно обоснованные выводы о том, что уменьшение потребления животных продуктов полезно для здоровья.

Вот три ключевых положения из краткого изложения относящейся к делу научной литературы. Первое:

«Хорошо сбалансированная вегетарианская диета подходит для всех индивидуумов на всех этапах жизненного цикла, включая беременность, лактацию, младенчество, детский и юношеский возраст, а также для спортсменов».

Второе:

«При вегетарианских диетах ниже потребление насыщенных жиров и холестерина и выше — клетчатки, магния и калия, витаминов С и Е, солей фолиевой кислоты, каротиноидов, флавоноидов и других фитостеролов».

В другом месте научного доклада отмечается, что у вегетарианцев и веганов (в том числе у спортсменов) «повышено потребление» белка р21, и тогда идея, что мы-должны-беспокоиться-о-потреблении-достаточного-количества-белка-и-поэтому-есть-мясо, теряет всякий смысл. Если же почитать другие данные, то можно делать предположение, что излишнее потребление животного белка ведет к возникновению остеопороза, болезней почек, мочекаменной болезни и некоторых видов рака. Несмотря на нарочитую путаницу, совершенно ясно, что вегетарианцы и веганы потребляют более подходящее количество белка, чем всеядные.

Наконец, у нас имеются по-настоящему важные доводы, основанные не только на размышлениях (если считать, что эти размышления вполне соотносятся с данными науки), но и на солидном фундаменте диетологических исследований: изучении современной популяции человека.

Третье:

«Вегетарианские диеты сулят немалые преимущества для сохранения здоровья, в том числе снижение уровня холестерина, уменьшение риска сердечнососудистых заболеваний [которые считаются причиной более чем 25 % всех ежегодных смертей в США], снижение уровня кровяного давления и сокращение риска развития гипертонии и диабета 2-го типа. У вегетарианцев ниже индекс массы тела [т. е. им не грозит полнота] и сравнительно низкие темпы развития рака [онкологические заболевания также составляют причину почти 25 % ежегодных смертей в США].

Я не думаю, что забота о здоровье — это достаточная причина, чтобы стать вегетарианцем, но, с другой стороны, если считать, что отказ от поедания животных приносит вред, тогда естественным будет и отказ от вегетарианства. Само собой, это подвигло бы меня кормить моего сына мясом животных.

Я говорил об этом с несколькими ведущими американскими нутриционистами, выясняя их взгляды на питание как взрослых, так и

детей, и слышал одно и то же снова и снова: вегетарианство как минимум столь же полезно, как и рацион, включающий мясо.

Если люди нередко сомневаются в том, что воздержание от животных продуктов полезно для здоровья, то это следствие постоянно внушаемых нам ложных понятий о питании. Позвольте мне быть точным. Когда я утверждаю, что нас обманывают, я не ставлю под сомнение научную литературу, я на нее полагаюсь. Однако то, что общество узнает о научных данных относительно питания и здоровья (особенно из правительственных рекомендаций по питанию), приходит к нам через многие руки. Поскольку сейчас культивируется доверие к науке как таковой, то производители мяса, всеми правдами и неправдами стараются затесаться в круг тех, кто преподносит нам с вами ту или иную точку зрения на питательные свойства продуктов.

Возьмем, например, Национальный совет по молочному животноводству (NDC) — маркетинговую руку компании Dairy Management Inc., монстра индустрии, чья исключительная цель, согласно его же веб-сайту «управлять возрастающими продажами и спросом на мясо-молочные продукты в США». NDC содействует росту потребления мясных и молочных продуктов, игнорируя негативные последствия, влияющие на здоровье, и пытается навязать свою продукцию даже тем, кто не может переварить их дрянь. NDC — торговая группа, Поэтому ее поведение, по крайней мере, понятно. Однако по-настоящему трудно постичь, почему педагоги правительство, начиная с 50-х годов XX века, позволили NDC стать чуть ли не самым крупным и наиболее влиятельным поставщиком инструкций и пособий, обучающих нацию правильно питаться. Хуже того, наше нынешнее федеральное «диетическое» руководство шло из того самого министерства, которое трудись, не покладая рук, чтобы сделать промышленное фермерство в Америке нормой, т. е. из Министерства сельского хозяйства (MCX).

MCX владеет монополией на наиболее важное рекламное пространство в стране — на те маленькие сведения в рамках, где указана пищевая ценность проекта, а эти сведения можно найти практически на всех продуктах, которые мы едим. MCX было основано в тот год, когда Американская диетическая ассоциация (ADA) открыла свои офисы, так что в его распоряжении была готовая диетическая информация для нации и, в конечном счете, руководства,

которые могли служить общественному здоровью. Однако в то же самое время МСХ было заряжено (или заражено) индустрией, продвигающей свои продукты на рынок.

И вот явный конфликт интересов: государство получает свою вроде бы подтвержденную на федеральном уровне диетологическую информацию из агентства, которое должно поддерживать пищевую промышленность, что сегодня означает поддержку промышленного фермерства. Потоки лживой информации, которые просачиваются в нашу жизнь (такие, как непереносимое требование «достаточного количества белка»), естественным образом следуют из этого факта и бросают тень на такие фигуры, как Мэрион Нестл. Как эксперт по здравоохранению, Нестл много работала для правительства, в том числе над «Отчетом главного врача государственной службы здравоохранения о питании и здоровье», и десятки лет взаимодействовала с пищевой промышленностью. Во многих отношениях ее выводы банальны, озвучивая то, что мы и ожидали, но она рассматривает проблему с точки зрения хорошо осведомленного человека, отчего картина влияния пищевой промышленности — особенно животноводства — на политику национального питания предстает в новом ракурсе. Нестл доказывает, что такие компании по производству продуктов питания, как компании по выпуску сигарет (это ее аналогия), скажут и сделают что угодно, лишь бы сбыть свою продукцию. Они будут «лоббировать Конгресс, чтобы ограничить регулирование, которое считают неблагоприятным; давить на федеральные органы, чтобы те не навязывали подобного регулирования; а если уже ограничивающие их действия предписания им не по нраву, они затевают судебные тяжбы. Компании по производству продуктов питания, как и табачные компании, кооптируют специалистов по питанию и диетологии в профессиональные организации, поддерживая тенденциозные научные исследования, и расширяют торговлю, изучая спрос среди детей». Рассматривая рекомендации правительства США, поощряющие потребление мясо-молочной продукции в целях предотвращения остеопороза, Нестл отмечает, что в некоторых регионах мира, где молоко не является основным продуктом рациона питания, население зачастую меньше страдает остеопорозом и реже, чем у американцев, случаются переломы костей. Самый высокий процент заболеваний

остеопорозом наблюдаются в тех странах, где люди потребляет больше мясных и молочных продуктов.

Приводя этот поразительный пример влиятельности пищевой промышленности, Нестл доказывает, что МСХ сегодня ведет неофициальную политику умалчивания, скрывая то, что мы должны в принципе «меньше есть», не важно, насколько опасен для здоровья конкретный продукт питания. Таким образом, вместо го, чтобы говорить «ешьте поменьше мяса» (что может быть полезно), они советуют «старайтесь, чтобы жиры приходилось меньше 30 процентов от всех потребленных вами калорий» (что, по меньшей мере, "вразумительно). Учреждение, которому мы поручили докладывать об опасной пище, ведет политику не говорить нам (прямо), что продукты (особенно, если это продукты животного происхождения) опасны. Мы позволили пищевой промышленности организовывать нашу национальную политику в области питания, которая влияет на все — начиная с того, какие продукты представлены в секции здорового питания в местных бакалейно-гастрономических магазинах, и кончая тем, что едят наши дети в школе. В Национальной программе школьных завтраков, например, более половины миллиардов долларов наших налогов идут на молочные продукты, говядину, яйца и птицу, т. е. на промышленность, которая обеспечивает детей продуктами животного происхождения, несмотря на то, что диетологические факты говорят о том, что мы должны уменьшать количество этих продуктов в нашем рационе. А пока на покупку фруктов и овощей отводятся скромные 161 миллион долларов, хотя даже МСХ соглашается, что следует потреблять их в большем количестве. Может быть, будет гораздо разумнее (и этичнее), чтобы за это отвечал Национальный институт здоровья, организация, которая специализируется на здоровье человека и не может иметь от этого никакой выгоды?

Сегодня серьезно пугает интенсивный рост промышленных ферм, особенно из-за проблем с болезнями, вызванными продуктами питания, устойчивости к антибактериальным препаратам и потенциальной пандемии. Птицеводство Индии и Китая начиная с 80-х годов растет примерно на 5-13 процентов в год. Если Индия и Китай начнут есть птицу в тех же количествах, что американцы (двадцать семь — двадцать восемь птиц в год), они одни будут потреблять

столько кур, сколько потребляет весь мир сегодня. Если мир будет следовать за Америкой, то мы будем съедать более 165 миллиардов кур ежегодно (даже если население Земли не увеличится). А что потом? 200 миллиардов? Пять сотен? Значит, клетки будут ставить одна на другую еще выше, или они станут меньше — или и то, и другое? Когда мы спохватимся, признав, что антибиотики, эта панацея от страданий человека, теряют свою силу? Сколько дней в неделю наши внуки будут болеть? Где предел этому?

Ломтики рая / Куски дерьма

1/3 всей поверхности планеты выделена для домашнего скота

1. Ха-ха — всхлип

Фабрика под названием «Рай для парного мяса» (Paradise iLocker Meats) со дня основания расположена неподалеку от озера Смитвилл, на северо-западе штата Миссури. Первое здание фабрики сгорело в 2002 году, пожар возник из-за того, что произошел какой-то сбой в процессе копчения окорока. В новом строении висит рисунок старой фабрики, из задних ворот которой выбегает корова. Изображено реальное событие. За четыре года до пожара, летом 1998 года, с бойни улизнула корова. Она пробежала несколько миль, что, даже в том случае, если бы на этом история закончилась, было бы весьма примечательно и достойно рассказа. Но это была выдающаяся корова. Ей удалось пересечь дороги с плот-1м транспортным потоком, проломить или как-то преодолеть заборы и ускользнуть от фермеров, кинувшихся ее искать. А добравшись до берега Смитвилла, она не стала, раздумывая и оглядываясь, опасно тропить воду. Она решила доплыть до безопасного места, и это уже был второй этап триатлона, если угодно. Во всяком случае, она, кажется, знала, откуда уплывает, Марио Фантазма, владельцу фабрики, позвонил друг, который видел, как корова прыгнула в воду. Побег закичился, когда Марио догнал корову на другом берегу озера. Ба-бах, занавес. Комедия это или трагедия, зависит от того, кого вы посчитаете ее героем.

Я узнал об этом бегстве от Патрика Мартинза, соучредителя компании Heritage Foods (модная лавка по оптовой продаже мяса), который свел меня с Марио. «Удивительно, сколько людей испытывают потребность сбежать, — написал Патрик об этой истории в своем блоге. — Я с удовольствием ем мясо, и все же внутри меня есть частичка, которая жаждет услышать о свинье, которой удалось сбежать, может быть, даже устроить свою жизнь в лесу и основать колонию свободных одичавших свиней». Для Патрика в этой истории два героя, поэтому она одновременно и комедия, и трагедия.

Если фамилия Фантазма звучит как вымышленная, то потому, что это так и есть. Отца Марио оставили на пороге перед дверью в

итальянской области Калабрия. Семья, жившая в том доме, взяла младенца себе и дала ему фамилию Фантазма — т. е. фантом, призрак.

В самом Марио нет ничего хоть сколько-нибудь призрачного. У него внушительный вид: «толстая шея, а руки — что твой окорок на кости», — так представляет его Патрик, — и голос у него зычный. Именно таким людям следует будить спящих младенцев. Мне его манеры показались невероятно приятными — особенно после молчаливой замкнутости и попыток навести тень на плетень, с чем я сталкивался на других бойнях, где вел беседы (или пытался это сделать).

Понедельник и вторник — дни забоя в «Раю». Среда и четверг — дни разделки/упаковки, а в пятницу местные жители доставляют своих животных на забой и/или разделку. (Марио сказал мне: «Во время сезона охоты за две недели к нам поступает где-то от пяти до восьми сотен оленей. Просто с ума можно сойти») Сегодня вторник. Я въехал на стоянку, заглушил мотор и услышал пронзительный крик.

Дверь «Рая» открывалась в небольшое торговое пространство, заполненное рядом холодильных контейнеров, содержащих продукты, иные из которых я ел (бекон, стейк), некоторые никогда не ел намеренно (кровь, пяточки), а некоторые не смог опознать. Высоко на стенах висели чучела: две оленьи головы, голова Лонгхорна*, голова барана, рыба, бесчисленные оленьи рога. Чуть ниже карандашные записки учеников рачальной школы: «Спасибо большое за глазные яблоки свиньи. Было очень интересно их анатомировать и изучать различные части глаза!» «Они были скользкие, но было очень здорово!» «Спасибо за глаза!» У кассового аппарата стоял держатель визитных карточек, рекламируя полдюжины таксидермистов и шведских массажисток.

* Порода техасских коров, происходящая от скрещивания креольской и английской пород.

«Рай для парного мяса» — один из последних бастионов независимого забоя скота на Среднем Западе удача для местного фермерского сообщества. Крупные корпорации скупили и закрыли практически все независимые бойни, заставляя фермеров входить в их систему. В результате мелкие клиенты — фермеры, яке еще остающиеся за пределами промышленного Скотоводства, — должны дополнительно платить за переработку (если бойня вообще будет

принимать их товар, что всегда ненадежно), и вряд ли кто-то из них может высказывать пожелания, как обращаться с их животными.

Во время охотничьего сезона «Рай» принимает звонки в любой час от всех соседей. Его магазин розничной торговли предлагает такие товары и услуги, какие не найдешь в супермаркетах, например, куски мяса на кости, убой скота для постоянных клиентов и копильню. Кроме того, он служит пунктом голосования на местных выборах. «Рай» известен чистотой, знанием и опытом в забое скота и вниманием к вопросам благосостояния животных. Короче, он настолько близок к «идеальному образу» бойни, насколько я мог себе представить, и нисколько не похож на среднестатистическую бойню. Посетив «Рай», не думайте, будто постигли суть высокоскоростной промышленной бойни, сравнивать их — то же, что оценивать эффективность топлива в скоростном «Хаммере», глядя на катящийся велосипед (хотя, в конце концов, и то, и другое — транспортные средства).

На предприятии имеется несколько зон — магазин, офис, два огромных кулера, курительная комната, помещение для забоя, загон в задней части для животных, ожидающих забоя, но все текущие убийства и предварительная разделка туши происходят в одном большом помещении с высокими потолками. Перед тем, как пройти через распахивающиеся двери, Марио попросил меня надеть белый бумажный костюм и шапку. Махнув мясистой рукой в дальний угол помещения, где происходит забой, он начинает объяснять суть происходящего: «Вон тот парень втаскивает хряка. Он будет использовать шокер [электрошокер — инструмент, который быстро приводит животное в бессознательное состояние]. Как только животное обездвижено, мы поднимаем его на лебедке и выпускаем кровь. Согласно требованиям Акта [о гуманных методах забоя], мы обязаны делать это только тогда, когда оно не шевелится и не мигает. То есть мы не должны совершать преступление».

В отличие от громадных фабричных боен, где конвейер работает безостановочно, в «Раю» свиней забивают по одной. Компания использует труд не только наемных рабочих, которые вряд ли останутся на весь год; сын Марио среди тех, кто работает на том этаже, где происходит забой. Свиней собирают в загоны, находящиеся в задней части здания и частично на улице; 8 загонах имеются выстланные резиной спуски, которые ведут на забойный этаж. Как

только свинья оказывается внутри, позади нее падает заслонка, чтобы ожидающие своей очереди свиньи не увидели, что с ней происходит. Это отвечает не только требованиям гуманности, но и элементарной техники безопасности, да и экономической целесообразности: со свиньей, которая боится смерти — или назовите ее панический ужас как-то иначе, — трудно, если не опасно, иметь дело. Да и стресс, как известно, неблагоприятно влияет на качество свинины.

В дальнем конце помещения для забоя — две двери, одна — для рабочих, другая — для свиней, последняя Открывается в загон-накопитель в задней части бойни. Двери разглядеть довольно трудно, поскольку эту зону Частично закрывает непрозрачная стена. Там, в тусклом углу, расположен громадный механизм, который ненадолго задерживает входящую свинью, что позволяет «бойцу» — рабочему, который действует электро-шокером, выпустить заряд в голову свинье, в идеале сразу же лишив ее чувств. Никто не горел желанием объяснять мне, почему этот механизм и все, что там «Происходит, скрыто от всех, кроме «бойца», но нетрудно догадаться самому. Естественно, рабочим вовсе ни к чему напоминать, что их дело — разделять на части 4?о, что недавно было живым существом. К тому времени, когда свинья появляется из убойного «укрытия», она уже стала вещью.

Все просто: когда конвейера не видно, тогда инспектор МСХ по имени Док* не видит и убийства. Это кажется странным, потому что в его обязанности входит инспекция живого животного на предмет болезней или дефектов, которые препятствовали бы потреблению его мяса людьми. Тем более — и это немаловажное «тем более», если бы вам довелось быть той самой свиньей, — это его работа, и никто другой не может гарантировать, что забой был произведен гуманными методами. По словам Дейва Карни, бывшего инспектора МСХ и председателя Национального объединенного совета местных продуктовых инспекций: «Организован процесс так неразумно, что инспекция мяса производится в конце конвейера. Во многих случаях инспекторы со своего места не могут даже видеть зону забоя. Практически невозможно наблюдать за зоной забоя, когда они пытаются выявить болезни и аномалии в тушах, которые стремительно проносятся мимо». Ему вторит инспектор из Индианы: «Мы находимся в таком положении, что не можем видеть, что происходит.

На многих фабриках зона забоя отделена стеной от остальной части помещения, где происходит убой. Да, мы должны наблюдать за забоем. Но как можно за чем-то наблюдать, если вы не имеете права покидать свой пост, чтобы посмотреть, что там происходит?»

* «Док» — в смысле «доктор». (Прим. ред.)

Я спросил у Марио, всегда ли шокеры работают исправно.

«Полагаю, что мы вырубаем свиней с первого удара в 80 процентах случаев. Мы не хотим, чтобы животное что-то чувствовало. Всего один раз наше оборудование вышло из строя и стало действовать на половину заряда. Пришлось провести всю ночь на ногах и привести его в порядок до следующего забоя. Конечно, иногда оборудование барахлит. Поэтому у нас есть специальные оглушители [в качестве подстраховки, если шокер не сработает]. Они падают животному на голову, и в «череп вонзается стальной шип».

После оглушения и, надемся, потери сознания с первого или, по крайней мере, второго касания электрошокера, свиней вздергивают за ноги и «заказывают» — вспарывают шею, после чего тушу оставляет висеть, пока не вытечет кровь. Затем опускают в ошпариватель. Из него она появляется в таком виде, что мало напоминает свинью — блестящая, точно Пластиковая. Потом ее кладут на стол, где двое рабочих — один с паяльной лампой, другой со специальным скребком — приступают к удалению оставшейся щетины.

После свинью снова подвешивают, и кто-то — сегодня это сын Марио — разрезает ее вдоль тела мотопилой. Человек ожидает, я вот, например, ожидал, что будет разрезан живот и так далее, но видеть, как пополам режут морду, расщепляют пяточок, и половинки головы раскрываются как книга, — это чудовищно. Меня также поразило, что человек, который вынимает Внутренние органы из рассеченной брюшины, делает то не просто руками, а руками без перчаток: оказывается тут нужны цепкость и чувствительность голых пальцев.

Мне это показалось омерзительным вовсе не потопчу; что я изнеженный городской мальчик. Марио и его рабочие признались, что и у них не так все просто с некоторыми из наиболее кровопролитных этапов забоя, и, можете мне поверить, это ощущение отзывалось эхом в любом месте, где я мог начистоту побеседовать с работниками бойни.

Кишки и другие внутренние органы несут на стол Дока, где он копается в них, изредка вырезая кусок-другой, чтобы посмотреть, что прячется под ним. Затем он сбрасывает эти пузыри со стола в мусорный бак. Доку не придется сильно меняться, чтобы сыграть главную роль в фильме ужасов, — а ведь я не кисейная барышня, если вы понимаете, что я имею в виду. Рабочий халат, забрызганный кровью, безумный взгляд из-под защитных очков — вот вам инспектор по внутренностям по имени Док во всей красе. Много лет он внимательно изучает кишки и ливер на конвейере «Рая». Я спросил, сколько раз он находил что-нибудь подозрительное и не забраковал мясо. Он снял очки и сказал: «Ни разу». И вновь их надел.

Свиньи нет

Свиньи существуют в дикой природе на всех континентах, кроме Антарктиды, а зоологи насчитывают всего шестнадцать их видов. Зато домашние свиньи — тот вид, который мы потребляем в пищу, — подразделяются на множество пород. Порода, в отличие от вида, не природный феномен. Породу поддерживают фермеры, которые выборочно спаривают животных с характерными свойствами, что сегодня обычно делается путем искусственного осеменения (примерно 90 процентов крупных свиноферм используют искусственное осеменение). Если вы возьмете несколько сотен домашних свиней одной породы и позволите им жить по-своему течение нескольких поколений, они начнут терять признаки своей породы.

Каждая порода свиней, как порода собак и кошек, имеет определенные характерные черты, которые ассоциируют с этой породой: некоторые свойства имеют большее значение для производителя, например, очень важна скорость конверсии корма; некоторые имеют большее значение для потребителя, например, насколько постны мышцы животного или насколько они прослоены жиром; а некоторые имеют значение для свиньи, например, тревожность или боли в ногах. Поскольку свойства, имеющие значение для фермера, покупателя и свиньи, отличаются, фермеры обычно отдают предпочтение тем свойствам породы, которых требует промышленность и потребители, совершенно игнорируя то, что это может увеличивать физические страдания животного. Если вы когда-либо встречали чистопородную немецкую овчарку, то, должно быть, заметили, что, когда собака стоит, ее задняя часть ниже, чем передняя,

поэтому всегда кажется, что она припадает к земле или агрессивно смотрит вверх. Этот внешний вид показался желательным заводчикам, поэтому в течение нескольких поколений они выводили животных с более короткими задними лапами. В результате немецкие овчарки, даже лучших родословных, теперь нередко страдают непропорциональным строением тазобедренного сустава, генетическим заболеванием, которое заставляет многих владельцев либо терпеть мучения своих друзей, либо усыплять их, либо тратить тысячи долларов на операции. Поэтому почти все животные на фермах, независимо от условий содержания — «на свободном выпасе», «на свободном выгуле», «в естественной среде», — испытывают страдания из-за искусственного искажения их скелета и плоти. Промышленное животноводство в конце концов создало невиданных, иногда совершенно ужасных существ и позволяет ранчерам извлекать из этих увечных животных невероятную прибыль с помощью антибиотиков, других медикаментов и практически тюремного заключения.

Потребность в постной свинине — «другом белом мясе», как его преподносит нам реклама, — заставила промышленное свиноводство вывести породу свиней, которая страдает не только множеством проблем с ногами и сердцем, но гораздо более возбудима, находится в постоянном страхе, тревоге, испытывает стресс. (Это выводы исследователей, обеспечивающих информацией саму индустрию.) Эти излишне нервные животные беспокоят промышленность, но не в смысле заботы об их благоденствии, а потому, как уже было сказано, что «стресс» предположительно негативно влияет на вкус мяса: животное при стрессе выделяет больше кислоты, которая разрушает его мышцы примерно так же, как кислота в нашем желудке разлагает пищу.

Национальный совет производителей свинины, политическая сила американского промышленного свиноводства, в 1992 году доложил, что мясо с кислотой, обесцвеченное и пористое (так называемая «бледная, мягкая и экссудативная» свинина, или PSE), обнаружено у 10 % убойной свинины и приносит промышленности 69 миллионов долларов убытка. Когда Лорен Кристиан, профессор из университета штата Айова, в 1995 году заявил, что обнаружил «ген стресса», который производители скота могут устранить, чтобы уменьшить

количество PSE-свинины, отрасль удалила этот ген из генетического пула. Увы, проблемы с PSE-свиной продолжают расти, а свиньи остаются такими «напряженными», что даже трактор, проезжающий «лишком близко от места их заключения, заставляет животных падать замертво. К 2002 году Американская научная мясная ассоциация, исследовательская организация, основанная самой отраслью, обнаружила, что более 15 процентов забитых свиней дали мясо PSE (или сырое мясо, которое было либо бледным, либо мягким и экссудативным [водянистым], либо обладало всеми тремя этими качествами). Удаление гена стресса пошло на пользу, по крайней мере, тем, что уменьшилось количество свиней, умирающих при транспортировке, но полностью это «стресс» не исключило.

Конечно, нет. В последние десятилетия ученые один за другим заявляли об открытии генов, которые «контролируют» наши физические и психологические характеристики. Так было открыто нечто типа «гена ожирения», что, при условии удаления его из нашего ДНК, сулило приятную возможность, не занимаясь спортом и не ограничивая себя в еде, нисколько не беспокоиться о лишнем весе. Другие объявили, что нашли гены, способствующие неверности, отсутствию любознательности, лживости и вспыльчивости. Но правда в том, что определенный набор генов действительно влияет на то, как мы выглядим, как действуем и как чувствуем. Но, кроме горстки самых простых свойств, например, цвета глаз, их последовательность не задает одинаковых признаков. Чего уж говорить о таких сложных вещах, как комплекс феноменов, которые мы определяем понятием стресс. Когда мы говорим о «стрессе» у животных на фермах, то подразумеваем множество различных вещей: тревожность, чрезмерную агрессивность, фрустрацию, страх и больше всего страдание — все названные чувства не какие-то генетические особенности, вроде голубых глаз, которые можно изменить в процессе выведения породы.

Свинья одной из многих пород, которую традиционно разводили в Америке, могла наслаждаться жизнью на свежем воздухе круглый год, если обеспечить ей необходимый кров для сна. Это замечательно, и не только потому, что можно избежать целого ряда экологических проблем, наподобие тех, которые возникли после катастрофы на танкере «Эксон Вальдес»* (в которой я немного разобрался), но и

потому, что многое из того, что нравится свинье, лучше всего получается на воле — бегать, играть, греться на солнышке, щипать траву, валяться в грязи и в лужах, чтобы ветерок приятно охлаждал тело (у свиней, кстати, потеет только пяточок). Нынешние породы свиней с промышленных ферм, напротив, настолько генетически модифицированы, что их приходится держать в помещениях с климат-контролем, подальше от солнца и естественных перепадов погоды. Мы разводим существ, неспособных выжить нигде, кроме искусственно созданной окружающей среды. Мы сосредоточили устрашающую мощь современной генетической науки, чтобы появились животные, которые страдают все больше и больше.

* Катастрофа, произошедшая в 1989 году у берегов Аляски, в результате которой в море вылилось 40,9 миллиона литров нефти.

Мило, тревожно, бессмысленно

Марио провел меня на другую половину здания бойни. «Тут у нас зона для сбора свиней. Эти прибыли вчера вечером. Мы их поим. Если им приходится ждать более суток, мы их кормим. Эти загоны были спроектированы скорее для крупного рогатого скота. Тут достаточно места для пятидесяти свинок, но иногда мы получаем семьдесят или даже восемьдесят свиней Одновременно, тогда приходится туго».

Когда оказываешься рядом с такими крупными, умными животными накануне их смерти, становится как-то не по себе. При этом невозможно узнать, чувствуют ли они что-нибудь насчет того, что вот-вот произойдет. До того момента, когда выходит боец, чтобы погнать следующую жертву на покатый настил, свиньи кажутся относительно спокойными. Не заметно никаких признаков страха, никто не визжит и даже не жмется к соседям. Однако я заметил одну свинью, которая лежала на боку и дрожала. Даже когда появлялся боец и все остальные вскакивали на ноги и начинали волноваться, эта продолжала лежать и дрожать. Если бы наша собака Джордж вела себя подобным образом, мы бы тут же показали ее ветеринару.

если бы кто-нибудь узнал, что я в такой ситуации ничего для нее не делаю, он бы наверняка решил, что с гуманизмом у меня плоховато. Я спросил Марио об этой свинье.

— Обычные свинячьи приколы, — усмехнулся тот.

На самом деле сердечный приступ — не редкость у ожидающих забоя свиней, когда они превращаются в «лежачих больных». Слишком

много волнений: переезд, новая обстановка, обработка, визг по ту сторону двери, запах крови, боец, размахивающий руками... Но, может, это и впрямь всего лишь «свинячьи приколы», и усмешка Марио справедлива.

Я интересуюсь, догадываются ли, по его мнению, свиньи, зачем они здесь и что тут происходит.

— Да нет, не думаю. Многие стараются вдолбить вам в голову неприятную мысль, будто животные знают, что вот-вот умрут. Я видел очень много коров и свиней, которые прошли через бойню, и у меня такого впечатления не возникло. Я имею в виду, они испуганы потому, что никогда раньше здесь не были. Они привыкли, что их выпускают повалиться в грязи, погулять в поле и водят на анализы. Вот почему их предпочитают привозить по ночам. Тогда они понимают только, что их куда-то перевезли и они чего-то тут ожидают.

Может быть, Марио прав, а может, и нет. Возможно и то, и другое.

— Вам нравятся свиньи? — спрашиваю я, и, кажется, что это самый невинный вопрос, но в такой ситуации его трудно задать и нелегко на него ответить.

— Нужно, чтобы им было спокойно. Но это нечто умозрительное. А насчет того, каких животных я предпочитаю, то труднее всего — с овцами. Электрошокеры созданы для свиней, а не для овец. Приходится их пристреливать, но пуля может и срикошетить.

Я не успел обдумать информацию насчет овец, поскольку появился боец, с руками по локоть в крови, и палкой с колотушкой погнал очередную свинью в зону забоя. А Марио ни с того, ни с сего вдруг заговорил о своей собаке: «собачка, маленькая такая. Шит-цу», — он странно разделяет это слово на слоги, произнося первый, как shit, т. е. дерьмо, затем замолкая на долю феекунды, как будто ему необходимо создать во рту давление, и наконец выпаливает «цу». Он с явным удовольствием рассказывает о дне рождения, который он недавно устроил своей «шит-цу», на который пригласили других местных собак — «всю собачью мелочь». Он Сделал фотографии всех собачек, сидящих на коленях у хозяев. Раньше он их терпеть не мог. Считал, что это не настоящие собаки. Потом у него появилась маленькая собака. И теперь он любит маленьких собачек. Вошел боец, размахивая окровавленными руками, и взял следующую свинью.

— Вы когда-нибудь беспокоились об этих животных? — спрашиваю я.

— Беспокоился?

— Хотелось пощадить хоть одного?

Он рассказывает историю о корове, которую недавно к нему привели. Она была любимицей на малюсенькой ферме, но «время пришло». (Кажется, никому не приходит в голову продумывать такие выражения.) Когда Марио готовился убить корову, она лизнула его в лицо. А потом еще раз и еще. Может быть, она привыкла так делать, когда была «любимицей» на ферме. А может, просила о снисхождении. Рассказывая эту Историю, Марио посмеивался, стараясь, как мне показалось, скрыть таким образом неловкость. «О Господи, а потом, — говорил он, — она придавила меня к стене и простояла так минут двадцать, пока мне не удалось ее усмирить».

Трогательная история, история, которая не имеет смысла. Как корове удалось прижать его к стене? Не такая там планировка. А где были другие рабочие? Что они делали в это время? Насколько я знаю, всюду — от самой крупной бойни до самой маленькой, — процесс должен идти непрерывно. Почему в «Раю» терпели задержку целых двадцать минут?

Было ли это ответом на вопрос о желании кого-то пощадить?

Пора было уезжать. Я хотел провести побольше времени с Марио и его рабочими. Это очень милые люди, гордые, гостеприимные, люди такого типа, боюсь, не смогут долго продержаться в сельском хозяйстве. В 1967 году в стране было более одного миллиона свиноферм. В десять раз больше, чем сейчас, только за прошедшие десять лет число мелких ферм, выращивающих свиней, сократилось больше чем на две трети. (Четыре компании теперь производят 60 процентов свиней в Америке.)

Этот сектор изменился больше всего. В 1930-м более 20 % американского населения было занято в сельском хозяйстве. Теперь их менее 2 %. И это несмотря на то, что объемы сельхозпродукции постоянно увеличиваются — они выросли вдвое в период между 1820 и 1920 годами, между 1950 и 1965, между 1965 и 1975, и в следующие десять лет опять вдвое. В 1950 году один работник фермы обеспечивал продовольствием 15,5 потребителей. Теперь одного рабочего достаточно для обеспечения 140 потребителей. Это обременительно

как для тех, кто пользуется продукцией мелких ферм, так и для самих фермеров. (Среди американских фермеров самоубийств в четыре раза больше, чем среди других категорий населения.) Почти все — кормление, поение, освещение, обогрев, вентиляция и даже забой — теперь автоматизировано. В системе промышленного животноводства требуется лишь два вида человеческой деятельности — либо бюрократическая возня с бумажками (ее очень немного), либо неквалифицированная, опасная и плохо оплачиваемая работа такой много). На промышленных фермах фермеров не осталось.

Может быть, это не имеет значения. Времена меняется. Может быть, образ во все вникающего фермера, который заботится о своих животных и о нашем хлебе «насушном», — образ столь же ностальгический, как образ телефонистки, соединяющей звонящих. И, может быть, это достойная расплата за то, что мы заменили фермеров механизмами.

— Мы не можем позволить вам так уехать, — сказала мне одна из работниц. Она исчезла на несколько секунд и вернулась с бумажной тарелкой, на которой выскокой грудой лежали розовые лепестки ветчины. — Какие же мы хозяева, если не дадим вам попробовать образец нашей продукции? Марио взял кусочек и отправил его в рот.

Я не хотел это есть. Сейчас мне вообще не хотелось думать о еде, от кровавых сцен и запахов бойни у меня пропал аппетит. Но больше всего то, что лежало на тарелке, отвращало меня тем, что еще недавно оно было частью свиньи в загоне предубойного содержания. Может быть, в том, чтобы попробовать окорока, не было ничего страшного. Но что-то глубоко внутри меня — разумно или неразумно, патетически или этически, эгоистически или сострадательно — просто не впускало мясо внутрь моего организма. Для меня мясо — это не то, что употребляют пищу.

И все же что-то еще глубже внутри меня желает го съесть. Я очень хочу показать Марио, что признателен за его щедрость. Сказать, что благодаря его нелегким трудам появляется вкусная еда. Я хочу сказать: «Ах, как вкусно!» — и взять еще кусочек. Я хочу «преломить хлеб» с ним. Ничто — ни разговор, ни рукопожатие, ни даже объятие — не упрочивает дружеских отношений так, как совместная трапеза. Может быть, это дань культуре. Может быть, эхо общинных пиров наших предков.

Вот о чем рассказывает бойня, если посмотреть на это с определенной точки зрения. На тарелке передо мной результат, обещающий оправдать все кровавые деяния за соседней дверью. Я слышал это много раз от людей, которые выращивают животных для потребления, и на самом деле это единственный способ составить уравнение: либо еда — в зависимости от того, какова она на вкус, каким функциям служит, — оправдывает процесс, при помощи которого она оказывается на тарелке, либо нет.

Для некоторых, при таком подходе, оправдывает. Для меня — нет.

— Я соблюдаю кашрут, — объявляю я.

— Кашрут} — переспрашивает Марио.

— Да, — говорю я со смешком, — я еврей. И соблюдаю кашрут.

В комнате воцаряется тишина, как будто сам воздух твердеет, напитываясь этим новым фактом.

— Тогда довольно забавно писать о свинине, — говорит Марио. И я не могу понять, поверил ли он мне, понял ли и сочувствует, или заподозрил подвох и даже оскорблен. Может быть, он знает, что я лгу, но понимает и сочувствует. Все кажется возможным.

— Да, забавно, — соглашаюсь я. Но это не так.

2. Кошмары

Свиньи, которых забивают в «раю для парного мяса», поступают с нескольких оставшихся в стране свиноферм, где не используют промышленные методы, свинина, которую предлагает практически любой гипермаркет и ресторан страны, поставляется с промышленных ферм, производящих сегодня 95 % американской свинины. (На момент написания этой книги Чипотль — единственная национальная сеть ресторанов, заявляющая, что получает значительную долю свинины с ферм, работающих не на промышленной снове.) Если вы просто покупаете то, что видите, можете быть полностью уверены, что попавшая к вам ветчина, бекон и отбивные поступили с промышленной фермы.

Потрясает контраст между жизнью свиньи на такой ферме — накачанной антибиотиками, изувеченной, живущей в скученности на ограниченной территории и полностью лишенной ласки, — и той, что выращена на хорошо организованном предприятии, где традиционные сельскохозяйственные методы сочетаются с лучшими из современных инноваций. Не найти лучшего свиновода, чем Пол Уиллис, один из

лидеров движения за сохранение традиционного свиноводства (и глава отдела компании «Ранчо Нимана», единственного, в стране поставщика непромышленной свинины), и, напротив, нельзя вообразить себе худшей компании, чем «Смитфилд» — крупнейшего переработчика свинины в государстве.

Соблазнительно начать эту главу с описания ада на предприятиях «Смитфилд» и закончить относительно идиллическими картинками лучших непромышленных предприятий. Но строить историю о свинофермах подобным образом, значит намекать, что отрасль в целом движется в сторону повышения уровня благоденствия животных и ответственности за окружающую среду, тогда как правда — это что-то совершенно противоположное. Нет никакого «возврата» к традиционному свиноводству, основанному на экономии и бережливости. «Движение» в сторону традиционных семейных свиноферм — это реальность, но в большой степени эта реальность представляет собой неустанные попытки фермеров научиться продвигать свою продукцию на рынке и сохранять завоеванные позиции. Промышленное свиноводство в Америке продолжает распространяться, а темпы его роста по всему миру еще более угрожающи.

Сентиментальные попытки

Когда я остановил машину у фермы Пола Уиллиса в Торнтоне, штат Айова, где он координирует производство свинины пятью сотнями мелких фермеров для компании «Ранчо Нимана», то был слегка озадачен. Пол сказал, что мы должны встретиться в его офисе, но я увидел только неказистый домишко из красного кирпича и несколько ферм. Было все еще тихое утро, и ко мне приближался худощавый бело-рыжий деревенский кот. Пока я бродил, выискивая то, что соответствует моему пониманию офиса, на фоне полей обозначился Пол с кружкой кофе в руке, в темно-синем камуфляжном комбинезоне и маленькой кепке, едва скрывающей ежик каштановых с проседью волос, после мягкой улыбки и твердого рукопожатия он повел меня в офис. Мы ненадолго присели в кухне, которая могла похвастать разве что бытовой техникой, казалось, вывезенной контрабандой из Чехословакии во времена холодной войны. Нас там уже ожидал кофе, то Пол настоял, чтобы сварить новую порцию. «Этот

уже немного выдохся», — объяснил он, снимая с себя комбинезон, под которым оказался другой — голубой в белую полоску.

«Вы, наверно, хотите все это записать», — сказал Пол перед выходом. Эта открытость и желание по-мочь, стремление поделиться своей историей задали тон всему нашему дальнейшему общению — даже когда наши разногласия стали очевидны.

«В этом доме я вырос, — сказал Пол. — Какие у нас вывали семейные обеды, особенно по воскресеньям, когда съезжались родственники: бабушки с дедушками, тети, дяди, двоюродные братья и сестры!.. После обеда, во время которого всегда подавали овощи по сезону, например, сладкую кукурузу и свежие помидоры, дети до конца дня убегали к ручью или в рощу и играли до упаду. Дня никогда не хватало для развлечений, чего только мы не вытворяли... Комната, где сейчас мой кабинет, была столовой, где как раз и обедали по воскресеньям. В будние дни мы ели на кухне, и обычно к столу приглашали рабочих, которых нанимали в особых случаях — когда косили сено, кастрировали свиней или что-нибудь строили, например, амбар. Ну, когда требуется дополнительная помощь. Это были обычные трапезы. И только в исключительных случаях мы ездили поесть в город».

За кухней оказалась пара почти пустых комнат. В офисе Пола стоял только деревянный стол, на котором громоздился монитор компьютера, где мелькали электронные письма, таблицы и какие-то файлы; на стене висели карты, утыканные булавками, указывающими местоположение ферм из компании «Ранчо Нимана» и боен, услугами которых они пользуются. Сквозь большие окна виднелся типичный айовский ландшафт — холмистая равнина, покрытая полями соевых бобов, кукурузы и пастбищами.

«Давайте я расскажу вам в двух словах, — начал Пол. — Когда я вернулся на ферму, мы стали выращивать свиней по пастбищной системе, примерно так же мы делаем и теперь. Это сильно напоминает то, что мы делали, когда я был мальчишкой. Конечно, у меня были обязанности по дому, а кроме того я еще ходил за свиньями. Но кое-что теперь изменилось, все дело в электрическом оборудовании. Когда-то все зависело от мышечной силы. Приходилось орудовать вилами. И это делало работу на ферме тяжелой и нудной.

Ладно, не будем отвлекаться, я тут жил, растил себе свиней и радовался. В конце концов нам удалось подняться, мы стали давать по тысяче свиней в год, ну и сегодня у нас примерно то же. Но я видел, что этих сооружений, похожих на тюрьму, строится все больше и больше. В то время Северная Каролина рванула вперед — фермы семьи Мерфи. Я сходил на пару собраний, они там тоже были: „Это требование будущего. Вам надо укрупняться!“ И тут я говорю: „Не может быть ничего лучше того, чем я занимаюсь. Ни-че-го. Ни для животных, ни для фермеров, ни для потребителей. В том, что вы предлагаете, нет ничего хорошего“. Но они убедили кучу людей, которые боялись, что их вытеснят из бизнеса, что это единственный путь, го было где-то в конце 80-х. Поэтому я начал искать рынок сбыта для „свиней, живущих на свободном выгуле“. На самом деле этот термин изобрел я». Повернись дело чуточку по-другому, нетрудно представить, что Пол мог так и не найти место, где были готовы платить больше за его свиней, а не покупать дешевых смитфилдовских. Его история могла закончиться в этой точке, как и истории более полумиллиона свиноферм, исчезнувших за последние двадцать пять лет. Однако случилось так, что Пол нашел рынок, который был ему нужен, когда познакомился с Билом Ниманом, основателем «Ранчо Нимана», и вскоре руководить в компании производством свинины, (Билл и оставшиеся члены корпоративной команды в то время искали рынки для Энди (Мичиган), потом для Джастина (Миннесота), затем для Тодда (Небрака), для Бетти (Северная Дакота), для Чарльза (Висконсин), а ныне — для более пяти сотен мелких семейных свиноферм. Компания «Ранчо Нимана» платит фермерам за фунт свинины на 5 центов больше, чем средняя рыночная стоимость, и гарантирует своим скотоводам «нижнюю границу цены», не глядя на рыночные ставки. Сегодня стоимость колеблется где-то между двадцатью пятью — тридцатью с лишком долларов за свинью, и эта скромная сумма позволила фермерам выжить, когда большинство уже разорилось.

Ферма Пола — впечатляющий пример того, что один из его героев, Уэнделл Берри, этакая квинтэссенция фермера-интеллектуала, назвал «нашими сентиментальными попытками имитировать естественный процесс». Для Пола это означает, что в центре производства свинины свиньям позволено быть свиньями (по большей

части). К счастью для Пола, позволить свиньям быть свиньями означает следить, как они жиреют и, как мне сказали, становятся вкуснее. (Традиционные фермы всегда побивают промышленные по показателям вкусовых качеств.) Суть в том, что фермер пытается найти такие способы выращивания свиней, когда благоденствие животных и эффективность производства не противоречат друг другу, а планомерно подводят животных к намеченному «весу для забоя». Любой, кто уверяет, будто возможна идеальная гармония между интересами фермеров и животных, вероятнее всего, пытается вам что-то продать (и это что-то отнюдь не тофу). «Идеальный вес для забоя» на самом деле нельзя назвать высшим счастьем для свиньи, но на самой лучшей маленькой семейной свиноферме существует частичное совпадение интересов. Когда Пол кастрирует поросят-однодневок без анестезии (что происходит с 90 процентами всех поросят-самцов), кажется, что его интересы не очень хорошо согласуются с интересами юных хряков, но это относительно короткий период страданий в сравнении с продолжительной совместной радостью между Полом и свинками, когда он позволяет им побегать по травке, что немало, если вспомнить о продолжительных страданиях свиней на промышленных фермах.

В лучших традициях старого сельского хозяйства Пол всегда старается максимально привести в соответствие нужды его фермы с нуждами свиней — с их естественными биоритмами и схемой их роста.

На своей ферме Пол руководствуется главной идеей — позволить свиньям быть свиньями, но это противоречит основному требованию современного промышленного свиноводства, которое гласит, что, если человек думает о прибыльности производства, он должен проектировать фермы, согласно множественным связям с многоэтажными офисными зданиями другом городе, в другом штате или даже в другой стране. Какая разница на практике следует из этой идеологической разницы? Наиболее очевидна та, которую может увидеть с дороги любой, кто ничего не знает о свиньях, — на ферме Пола свиньи могут гулять по земле, а не по бетону и шиферу. Многие, хотя и не все свиноводы из компании «Ранчо Нимана» позволяют свиньям выходить на свежий воздух. Тем же фермерам, которые не могут этого осуществить, приходится выращивать свиней в условиях

так называете «глубокого залегания», что все-таки оставляет им возможность вести жизнь, «характерную для вида», т. е. такое существование, которое позволяет свиньям быть свиньями, иными словами, рыть землю, играть, строить гнезда и лежать вместе, глубоко зарывшись в сено, чтобы ночью было теплее (свиньи предпочитают спать, сбившись в кучу).

На ферме Пола есть пять полей по двадцать акров каждое, которые попеременно отводятся то свиньям, то урожаю. Он провез меня по ферме в своем огромном белом пикапе. После ночных визитов на промышленные фермы было особенно приятно видеть все открытым взгляду: арочные теплицы, точечно разбросанные по полям, амбары, открывающиеся на пастбища, кукурузу и сою, простирающиеся насколько может видеть глаз. А вдали — случайная промышленная ферма.

В центре любого предприятия по выращиванию свиней — и в центре современного благоденствия свиней — жизнь свиноматок. У Пола подсвинок (самок, которые не рожали) и свиноматок, как и всех подсвинок и свиноматок, которых выращивают для компании «Ранчо Нимана», селят группами и обращаются с ними так, чтобы способствовать «стабильной социальной иерархии». (Цитата из впечатляющих стандартов благосостояния животных, которые выработал Пол совместно с сестрами Дайаной и Марлен Хальверсон, пользующимися заслуженным уважением среди специалистов по благоденствию животных с тридцатилетним стажем адвокатской практики по защите животных и дружелюбно настроенным к фермерам.)

Среди других правил, предназначенных для создания стабильной социальной иерархии, есть указание, требующее «никогда не вводить одинокое животное в сложившуюся социальную группу». Трудно ожидать, что подобного рода обещания будут напечатаны на упаковке бекона, но оно невероятно важно для свиней. Принципиальный вывод из таких правил прост: свиньи нуждаются в общении с теми свиньями, которые, как знают свиньи, ведут себя нормально. Примерно так, как большинство родителей старается в середине года не переводить детей из знакомой школы в незнакомую, так и свиноводство диктует фермерам делать все возможное, чтобы удерживать свиней в сложившихся социальных группах.

Пол также беспокоится о том, чтобы у подсвинок и свиноматок было достаточно пространства, чтобы наиболее робкие животные могли отойти от самых агрессивных. Чтобы создать «зоны отступления», он иногда использует соломенные тюки. Как и другие фермеры из «Ранчо Нимана», он не купирует поросятам хвосты и не удаляет им зубы, как это непременно делают на промышленных предприятиях, чтобы избежать лишних укусов и каннибализма. Если социальная иерархия крепкая, свиньи сами улаживают споры жду собой.

На всех свинофермах компании «Ранчо Нимана» беременных свиней следует держать вместе с их социальными группами и давать возможность выйти на свежий воздух. По контрасту примерно 80 процентов беременных свиней в Америке, или 1,2 миллиона, которыми владеет компания «Смитфилд», содержатся в отдельных клетках из бетона, ставших такого маленького размера, что свиноматки не могут в них повернуться. Когда свиньи покидают свиноферму компании Ранчо Нимана», за ее воротами их сопровождают строгие инструкции по транспортировке и забою (их берут из тех же стандартов по благоденствию животных, которые требуют, чтобы фермер сохранял стабильную социальную иерархию). Это вовсе не означает, что транспортировка и забой в компании «Ранчо Нимана» выполняются «старомодным способом», есь много настоящих улучшений, как в стиле управления, так и в технологии (программы аттестации для рабочих и водителей грузовиков, аудиты забоя, письменные отчеты для повышения ответственности, регулярные осмотры квалифицированными ветеринарами, учет сводок погоды, чтобы не перевозить животных в холод и в жару, нескользящее напольное покрытие и оглушение перед забоем). И все же никто в компании «Ранчо Нимана» не дошел до того, чтобы потребовать всех изменений, которые считает необходимыми; подобные средства для достижения цели есть только у сааых крупных компаний. Поэтому приходится идти на компромиссы, например, соглашаться на то, что многим свиньям с «Ранчо Нимана», чтобы добраться до приемлемой бойни, придется преодолеть длительные расстояния.

Кроме того, на ферме Пола и других фермах компании «Ранчо Нимана» впечатляет не только то, что видишь, но и то, чего там не увидишь. Там животным не дают ни антибиотики, ни гормональные

препараты, пока этого не пропишет врач. Нет ям и контейнеров, куда сваливают мертвых свиней. Нет вони, по большей части потому, что нет отстойников с животными отходами. Поскольку соответствующее условиям количество животных выращивается на земле, навоз уходит назад в почву как удобрение для растений, которые, в свою очередь, станут кормом для свиней, и в итоге ущерба окружающей среде никакого. Страдание, конечно, здесь тоже есть, зато жизнь более привычная, и даже бывают моменты, которые кажутся проявлениями чистой свинячей радости.

Пол и другие свиноводы из компании «Ранчо Нимана» не только делают все эти вещи (или не делают), но уж, во всяком случае, они должны работать согласно этим правилам. Они подписывают контракты. Они подвергаются по-настоящему аудиту и, что возможно наиболее показательно, позволяют подобным мне посторонним внимательно разглядывать своих животных. Это важно, потому что большинство гуманных стандартов на фермах не что иное, как откровенные попытки отрасли нажиться на растущей озабоченности общественности. Отыскать такую компанию (маленькая компания «Ранчо Нимана» одна из самых больших), которая не была бы вариантом промышленной фермы, задача совсем не из легких.

Когда я уже готовился уезжать с фермы Пола Уиллиса, он припомнил Уэнделла Берри и нараспев перечислил мне те неизменные продукты, которые каждый купает в супермаркете или заказывает в ресторане агрикультурной политикой, а эти продукты появляются в результате умелых действий фермеров, агробизнеса и самого Пола. Каждый раз выбирая продукт питания, вы, и тут Пол цитирует Берри, «занимаетесь фермерством по доверенности».

В книге «Искусство банальности» Берри подвел итог тому, на что делают ставку в «фермерстве по доверенности».

«Наши методы... все больше и больше напоминают методы минеров... Это уже ясно многим из нас. Что недостаточно ясно, возможно, любому из нас, так это степень нашего соучастия, как отдельных личностей и особенно как индивидуальных потребителей, в действиях корпораций... Большинство людей... отдали доверенность на производство и обеспечение всех их продуктов питания корпорациям».

Эта идея создает множество возможностей. Весь гигант пищевой промышленности, в конечном счете, движется и определяется тем выбором, который мы делаем, когда официант нетерпеливо ждет нашего заказа, или теми практическими соображениями и желаниями, которыми мы руководствуемся, нагружая тележку в гипермаркете или сумки на фермерских рынках. Мы закончили день в доме Пола. Куры гуляли по двору и подбегали к загородке загона для кабанов, «Этот дом построил Мариус Флой, — сказал он, — мой прапрадед, который приехал из Северной Германии. По мере разрастания семьи его пристраивали. Мы живем тут с 1978 года. Тут выросли Энн и Сара. Им приходилось топать по этой дороге до самого конца, чтобы сесть на школьный автобус».

Через несколько минут Филлис (жена Пола) принесла весть, что промышленная ферма купила участок земли у соседей дальше по дороге и сейчас строит свиноводник на шесть сотен голов. Рядом с домом будет промышленная ферма, а они с Филлис надеялись жить в этом доме, выйдя на пенсию — в домике на холме, устремившем взгляд на землю, где Пол провел несколько десятков лет, не жалея сил, чтобы восстановить прерии Среднего Запада. Они с Филлис называли это «Фермой мечты». Рядом с их мечтой теперь замаячил кошмар: тысячи страдающих больных свиней, окруженных густой, тошнотворной вонью. Соседство с промышленной фермой не только снизит ценность земли Пола (считается, что ухудшение качества земли от промышленного фермерства обошлось американцам в 26 миллиардов долларов) и разрушит саму землю, причем запах сделает совместное существование в лучшем случае невероятно неприятным, а в худшем — опасным для здоровья семьи Пола, — но и войдет в противоречие со всем, ради чего Пол проработал всю свою жизнь.

«Единственный, кто не протестует против этого, тот, кто всем этим владеет», — говорит Пол. Филлис продолжает его мысль: «Люди ненавидят подобных фермеров. Что они чувствуют, зная, что работают там, где их ненавидят?»

В пространстве этой кухни разворачивалась растянутая во времени драма экспансии промышленного свиноводства. Но, кроме того, росло и сопротивление ей, наиболее ощутимо воплотившееся в Поле. (Филлис тоже не сидела сложа руки, участвуя в региональных политических битвах, направленных против промышленного

свиноводства в штате Айова.) Я пишу это спустя какое-то время после посещения фермы. Если эта история для вас что-то значит, тогда, вероятно, экспансия промышленных ферм, обсуждавшаяся на этой айовской кухне, поможет росту сопротивления, которое когда-нибудь с этим покончит.

3. Куски дерьма

Сцена на кухне Уиллисов повторялась много раз. Сообщества по всему миру борются, чтобы защитить себя от загрязнения и вони промышленных ферм, которые больше похожи на тюрьмы для свиней. В Соединенных Штатах из судебных процессов против промышленных свиноферм наиболее удачны были те, что велись по поводу невероятного загрязнения от них. (Когда говорят о неблагоприятной дани окружающей среде, которую платит животноводство, то по большей части имеют в виду именно это.) Проблема проста: огромное количество дерьма. Так много, с ним так плохо справляются, что оно течет в реки, озера и океаны — убивая природу и загрязняя воздух, воду и землю, что, естественно, разрушает человеческое здоровье.

Сегодня типичная промышленная свиноферма производит ежегодно 7,2 миллиона фунтов навоза, типичная бройлерная ферма — 6,6 миллиона фунтов, а типичная ферма по разведению крупного рогатого скота — 344 миллиона фунтов. Управление общественной бухгалтерской отчетности (GAO) сообщает, что частные фермы «могут производить больше отходов, чем население некоторых крупных городов США». В целом, животные на фермах Соединенных Штатов производят в 120 раз больше отходов, чем люди, примерно 87 000 фунтов дерьма в секунду. Степень загрязнения от этого дерьма в 160 раз больше, чем муниципальные нечистоты. И при этом для животных на фермах практически нет инфраструктур для утилизации отходов — нет туалетов, что очевидно, но нет и канализационных труб, никто не отвозит отходы на переработку, и практически нет федеральных законов, регулирующих то, что с ними происходит. (GAO сообщает, что ни одно федеральное агентство даже не собирает надежных сведений о промышленных фермах или, насколько известно, о количестве разрешенных промышленных ферм в масштабе страны, и поэтому не может «эффективно упорядочивать» их.) Итак, что

происходит с отходами? Я особо сосредоточусь на судьбе дерьма фермы Смитфилд, ведущего американского производителя свинины.

Одна только ферма Смитфилд ежегодно убивает больше свиней, чем составляет население таких городов, как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго, Хьюстон, Феникс, Филадельфия, Сан-Антонио, Сан-Диего, Даллас, Сан-Хозе, Детройт, Джексонвилль, Индианаполис, Сан-Франциско, Коламбус, Остин, Форт-Ворт и Мемфис вместе взятые — примерно 31 миллион животных. Согласно осторожным подсчетам Управления по охране окружающей среды, каждая свинья производит в два-четыре раза больше дерьма, чем человек; в случае Емитфилда, примерно 281 фунт дерьма на каждого жителя Америки. Это означает, что Смитфилд — единый, с точки зрения юрисдикции, организм, — производит по меньшей мере столько фекалий, сколько все население штатов Калифорния и Техас вместе взятые.

Вообразите это. Вообразите, что, если вместо огройной инфраструктуры, занимающейся отходами и нечистотами, которую мы считаем само собой разумеющейся в современных городах, каждый мужчина, женщина и ребенок в каждом крупном и мелком городе в штатах Калифорния и Техас весь день будут отправлять естественные нужды в громадной яме на улице. Теперь вообразите, что они это делают к один день, а весь год, вечно. Чтобы понять эффект сбрасывания подобного количества дерьма в окружавшую среду, мы должны знать то, что в нем содержится. В огромной статье о ферме Смитфилд в журнале Rolling Stone под названием «Свинячий босс» Джефф Тиц собрал полезный список гадости, который можно найти в типичном дерьме свиней с промышленной фермы: аммиак, метан, сероводород, угарный газ, цианид, фосфор, нитраты и тяжелые металлы. Кроме того, нечистоты кормят более 100 видов патогенных микробов, которые несут людям болезни, в том числе сальмонеллу, криптоспоридию, стрептококки и анарию. (Таким образом, у детей, которые растут земле типичной промышленной свинофермы, заболевание астмой учащается почти на 50 процентов, тех, которые живут неподалеку от промышленной фермы, астма развивается в два раза чаще.) И не все дерьмо — это испражнения, если быть точным — это то, что просачивается сквозь щелястый пол зданий промышленной фермы. А это включает в себя, но не ограничивается этим: мертворожденных поросят, послед, мертвых поросят, рвоту, кровь,

мочу, шприцы с антибиотиками, разбитые бутылки с инсектицидами, волосы, гной, даже части тела.

Складывается впечатление, что свиноводство хочет убедить нас в том, что поля могут поглотить токсины из свиных фекалий, но мы знаем, что это неправда. Утечка ползет к водным путям, а такие ядовитые газы, как аммиак и сероводород, испаряются в воздух. Когда выгребные ямы размером с футбольное поле вот-вот разольются, Смитфилд, как любая другая ферма в промышленности, начинает разбрызгивать на поля удобрения, превращенные в жидкость. Иногда они просто распыляют их прямо в воздух, гейзер дерьма, разносящий мельчайшие брызги фекалий, которые создают водоворот газов, способный вызвать серьезные неврологические недомогания. Люди, живущие рядом с этими промышленными фермами, жалуются на постоянные носовые кровотечения, отолгию, хроническую диарею и жжение в легких. Даже когда жителям удастся провести законы, которые ограничивают подобную практику, огромное влияние промышленности на правительство приводит к тому, что предписания зачастую аннулируются или не проводятся в жизнь.

Прибыли Смитфилда выглядят впечатляюще — в 2007 году продажи компании достигли 12 миллиардов долларов — пока, впрочем, не осознаешь масштаб издержек, облеченных в конкретную форму: загрязнений от дерьма, конечно, а также болезней, вызванных этими загрязнениями, и связанного с загрязнениями снижения цен на частную собственность (я называю только самые очевидные из них). Если бы вынести на публику эту и подобные ей темы, компания Смитфилд не смогла бы производить дешевое мясо и обанкротилась бы. Иллюзия прибыльности и «эффективности» митфилда, как и всех остальных промышленных ферм, сохраняется при условии широчайшего распространения ее продукции. Сделаем шаг назад: само по себе дерьмо штука неплохая. С давних пор оно было другом фермера, удобрением его полей, на которых он растил корма для своих животных, чье мясо шло в пищу людям, чье дерьмо вновь возвращалось на поля. Дерьмо превратилось в проблему только тогда, когда американцы решили, что мы во что бы то ни стало хотим есть мяса больше, чем любой другой народ в мире. Ради той иллюзорной выгоды мы отказались от фермы-мечты Пола Уиллиса и подписали договор со Смитфилд, позволив сельскому хозяйству (заставив его)

отказаться от рук фермеров и приняв руководство корпораций, которые решительно боролись (и борются) за то, чтобы переложить свои расходы на общество. Потребители рассеянны или забывчивы (или, что еще хуже, поддерживают их), поэтому такие корпорации, как Смитфилд, держат животных в невыносимой тесноте. В такой ситуации фермеру не вырастить хоть сколько-нибудь достаточного количества корма на собственной земле, и приходится его возить. Более того, дерьма оказывается слишком много, и поля не могут его поглотить — не многовато, не просто много, а невероятно много. В какой-то момент три промышленные фермы в Северной Каролине производили больше азота (важного ингредиента удобрений для растений), чем могли впитать в себя поля всего штата.

Итак, вернемся к первоначальному вопросу: что происходит с громадным количеством невероятно опасного дерьма?

Если все идет согласно плану, отходы, превращенные в жидкость, выкачивают в огромные отстойники по соседству со свинными загонами. Ядовитые отстойники могут покрывать площадь до 120 000 квадратных футов, именно такова площадь крупнейших казино в Лас Вегасе, а глубиной они 30 футов. Создание этих общественных уборных размером с озеро считается нормальным и совершенно законно, несмотря на то, что они не способны по-настоящему вмещать отходы. Сотня или больше этих громадных отхожих мест должны маячить по соседству с одинокой бойней (промышленные свинофермы стараются компоноваться вокруг боен). Если вы упадете в такую яму, то умрете. (Примерно так же вы умрете от удушья в течение нескольких минут, если откажет вентиляция, пока вы будете находиться в одном из загон для свиней.) Тиц рассказывает запоминающуюся историю об одном продающемся отстойнике:

«Рабочий в Мичигане чинил один из отстойников, ему стало дурно от запаха, и он упал в яму. Его 15-летний племянник нырнул в яму, чтобы спасти дядю, но и ему стало плохо, двоюродный брат рабочего прыгнул в яму, чтобы спасти подростка, но и его затошнило, старший брат рабочего тоже нырнул, чтобы спасти их всех, и ему стало плохо, и тогда нырнул отец рабочего. Все они погибли в свином дерьме».

Вот анализ расходов-прибылей для таких корпораций, к Смитфилд: платить штрафы за загрязнения дешевле, чем отказаться от

всей системы промышленного фермерства, которая в конце концов приведет к полному опустошению местности.

В редких случаях, когда закон начинает сдерживать такие корпорации, как Смитфилд, они часто находят обходные пути. За год до того, как компания Смитфилд построила самую крупную в мире фабрику по забою и переработке мяса в округе Блейден, законодательный орган штата Северная Каролина аннулировал полномочия округов контролировать промышленные свинофермы. Очень удобно для Смитфилд. Возможно, не случайно Уэнделл Мэрфи, в прошлом сенатор штата, который был одним из лоббистов столь своевременного уничтожения округных полномочий, теперь заседание в правлении корпорации Смитфилд, — а ведь когда-он был председателем правления и главой компании «Фермы семьи Мэрфи», промышленной свинофермы, которую в 2000 году купила корпорация Смитфилд.

Через несколько лет после упразднения этих полномочий корпорация Смитфилд разбрызгала более 20 «Миллионов галлонов отходов из отстойника в Нью-Ривер в штате Северная Каролина. Этот сброс останется самой крупной экологической катастрофой, он вдвое масштабнее, чем печально известный сброс нефти с танкера «Эксон Вальдес», произошедший шестью годами ранее. Там было столько жидкого навоза, то им можно было бы наполнить 250 плавательных бассейнов олимпийских стандартов. В 1997 году, как общает «Сьерра Клуб»* в своих проклятых «Таблицах приговоров фабрикам животных», корпорацию Смитфилд оштрафовали за впечатляющие 7000 нарушений «Акта о чистой воде», т. е. примерно за двадцать нарушений в день. Правительство США обвинило компанию в сбросе недопустимых объемов отходов в реку Пейган, впадающую в Чесапикский залив, и последующем уничтожении протоколов, чтобы сфальсифицировать документы и скрыть свои неприглядные деяния. Одно нарушение можно посчитать несчастным случаем. Случайностью может быть каждое десятое нарушение. Семь тысяч нарушений — это злонамеренность. Корпорация Смитфилд была оштрафована на 12,6 миллиона долларов, что сначала казалось победой в борьбе с промышленной фермой. В те времена 12,6 миллиона долларов были самым крупным штрафом за загрязнение окружающей среды в истории гражданского права США, но это

умилительно малая цифра для компании, доходы которой сегодня возрастают на 12,6 миллиона долларов каждые десять часов. В 2001 году бывший исполнительный директор корпорации Смитфилд Джозеф Лютер III получил 12,6 миллиона долларов фондового опциона.

* Клуб защитников дикой природы, основанный в 1892 году.

Как реагирует на это жующая общественность? В общем, мы поднимаем кое-какой шум, когда загрязнение достигает почти библейских пропорций, но тут Смитфилд (или любая другая корпорация) отвечает «возмущенными криками», мы принимаем их извинения и продолжаем поедать мясо животных с промышленных ферм. Смитфилд не только пережил судебный процесс, но и процветает. В момент сброса в реку Пейган корпорация Смитфилд была на седьмом месте среди крупнейших производителей свинины в США; через два года она стала самой крупной, ее вес в отрасли все растет. Сегодня корпорация Смитфилд настолько велика, что забивает одну из ждых четырех свиней, продающихся в нашей стране. Наш нынешний способ питаться — доллары, которые мы ежедневно платим, к удовольствию Смитфилд, — потворствует самым худшим из возможных рактик.

По скромным подсчетам Управления по охране кружающей среды, экскременты кур, свиней и крупного рогатого скота уже загрязнили 35 000 миль рек в двадцати двух штатах (для справки, окружность Земли составляет примерно 25 000 миль). За три года случаев браконьерского уничтожения рыбы можно насчитать сотни две, в то время когда вся популяция рыбы в данном ареале была уничтожена за один раз в результа-неспособности промышленных ферм хранить свое дерьмо подальше от водных потоков. Только согласно этим задокументированным актам убийства, тринадцать миллионов рыб были буквально отравлены дерьмом, а если выстроить их цепочкой — голову одной к хвосту другой, — то она растянулась бы по всей длине побережья Тихого океана — от Сиэтла до границы с Мексикой.

Люди, живущие около промышленных ферм, редко бывают богатыми, а промышленность держит их людей второго сорта. Фекальная взвесь, которой они принуждены дышать, обычно не убивает людей, но у них саднит горло, болит голова, их мучают

кашель, насморк, диарея и проявляются даже психологические расстройства, в том числе ненормально высокий уровень нервозности, депрессия, гнев и сталость. Согласно отчету сената штата Калифорния: «Исследования показали, что отстойники [с испражнениями животных] выделяют токсичные, переносимые по воздуху химические вещества, которые могут вызвать у людей воспалительные, иммунные и нейрехимические проблемы, а также раздражительность».

Есть даже некоторые основания увидеть взаимосвязь между жизнью рядом с промышленной свинофермой и заражением бактериями, которых называют «поедающими плоть», официально они носят имя мексиканских устойчивых штаммов золотистого стафилококка (MRSA). Эти штаммы могут стать причиной «повреждений тканей размером с блюдце, огненно-красных и мучительно-болезненных при прикосновениях», и к 2005 году они ежегодно убивали больше американцев (18 000), чем СПИД. Николас Кристоф, колумнист «Нью-Йорк тайме», который сам вырос на ферме, заявил, что едва врач из штата Индиана выразил готовность поведать общественности о своих подозрениях насчет связи между промышленными свинофермами и MRSA, как скоропостижно умер от осложнений, связанных с MRSA. Связь между MRSA и промышленной свинофермой никоим образом не доказана, но, как указывает Кристоф: «Гораздо более важный вопрос в том, продвинулись ли мы как нация к такой модели сельского хозяйства, которая производит дешевый бекон, но рискует нашим общим здоровьем. И все больше свидетельств тому, что ответ „да“, хотя пока свидетельств недостаточно».

Проблемы со здоровьем, которые ближайшие к таким фермам жители испытывают довольно остро, остальная часть нации едва замечает. Американская ассоциация здравоохранения, самая крупная организация в мире, состоящая из профессионалов здравоохранения, настолько этим встревожилась, что, ссылаясь на целый веер болезней, связанных с испражнениями (животных и использованием антибиотиков, настоятельно рекомендовала установить мораторий на промышленные фермы. Комиссия Пью, составив список именитых экспертов для руководства ее двухгодичным исследованием, недавно пошла еще дальше, убедительно советуя постепенно полностью отказаться от нескольких общепринятых «интенсивных и негуманных

практик», ссылаясь на пользу как для животных, так и для здоровья нации.

Но самые влиятельные фигуры, которые больше всего значат для общественного мнения — те, что решают за всех, что потреблять в пищу, а что нет, — остались пассивными. Пока мы не смогли добиться рационального моратория на нежелательные практики и тем более никакого постепенного отказа от них. Мы сделали Смитфилд и ей подобных настолько богатыми, что они могут инвестировать сотни миллионов долларов в расширение своих производств за границей. И они расширяются. Когда-то у корпорации Смитфилд производство было только в Соединенных Штатах, теперь оно распространилось по всему земному шару — она имеет филиалы в Бельгии, Китае, Франции, Германии, Италии, Мексике, Польше, Португалии, Румынии, Испании, Нидерландах и Великобритании. Капитал Джозефа Лютера III в Смитфилде недавно был оценен в 138 миллионов долларов. Его фамилия произносится looter, что в переводе с английского означает «ародер».

4. Наш новый садизм

Проблемы окружающей среды могут отследить врачи и правительственные агентства, которым по должности положено заботиться о человеческих существах, но как узнать о страданиях животных на промышленных фермах, ведь страдания не обязательно оставляют какие-либо следы?

Тайные расследования преданных делу некоммерческих организаций — это единственное окошко, сквозь которое общественность имеет возможность увидеть скрытую от посторонних глаз ежедневную жестокость, творящуюся на промышленных фермах и индустриальных бойнях. В промышленном свиноводческом хозяйстве в Северной Каролине, втором по счету главном свиноводческом штате страны, исследователи нелегально сняли видеофильм, где показано, что некоторые из рабочих изо дня в день бьют беременных свиноматок гаечным ключом, а также суют железный прут длиной в фут в прямую кишку и вагину только что родивших свиней. Эти вещи не имеют никакого отношения к улучшению вкуса свинины или к подготовке свиней к убою, просто эти рабочие — извращенцы. На других видеопленках рабочие отпиливали свиньям ноги и снимали с них шкуру, пока те были в сознании. Еще на одной фабрике, которой

управляет один из крупнейших производителей свинины в США, рабочих засняли, когда они швыряли, били и пинали свиней; колотили о бетонный пол и дубасили металлическими прутами и молотками. Еще на одной ферме с поголовьем в десять тысяч свиней годовое расследование выявило систематические зверства в отношении животных. Расследование документально подтвердили, что некоторые рабочие тушили сигареты о тела животных, били их граблями и лопатами, душили и сбрасывали в навозные ямы, где свиньи тонули. Рабочие также совали электрические шила в уши, пасти, вагины и анусы свиней. Расследование позволило заключить, что руководство смотрит на эти безобразия сквозь пальцы, а власти отказываются принимать законные меры. Отсутствие судебных преследований — норма, а вовсе не исключение. Мы живем отнюдь не период «вялого принуждения», просто не было никогда такого периода, когда компанию могли ожидать серьезные карательные санкции, если ее поймают на дурном обращении с животными, живущими на ее ферме.

К какой бы отрасли животноводства ни обратиться, проблемы всюду одни и те же. Компания «Тайсон Фуд» — главный поставщик компании KFC. Расследование на одной из крупных фабрик «Тайсон» выявило, что некоторые рабочие регулярно отрывают головы птицам, находящимся в полном сознании (при явном попустительстве контролера), мочатся в зоне, где подвешивают живых птиц (в том числе на конвейерную ленту, по которой движутся птицы), и допускают, чтобы дешевое оборудование, которое разрезает птицам скорее тела, а не шеи, продолжало работать без починки. В компании Pilgrim's Pride — удостоившей-от компании KFC титула «Поставщик года», — кур в полном сознании пинают, топчут, колотят о стены, плюют им в глаза жевательным табаком, буквально выдавливают из них фекалии, а клювы (главный жизненный инструмент птицы) просто выдирают. «Тайсон» и Pilgrim's Pride не только поставляют продукцию KFC; когда я писал эти строки, это были два крупнейших предприятия по переработке кур в стране, которые забивали почти пять миллиардов птиц в год.

Даже не опираясь на тайные расследования и всплывшие факты крайне жестокого обращения (хотя и не редкого), когда рабочие вымещают злость и раздражение на животных, мы знаем, что у животных, обитающих на ферме, жизнь и без того несчастная.

Рассмотрим жизнь беременной свиноматки. Её невероятная плодовитость — источник её исключительного ада. Если корова рождает только одного телёнка, то свиноматка на современной фабрике рождает, кормит и растит в среднем примерно девять поросят, и это количество свиноводы промышленности ежегодно увеличивают. Ее постоянно будут держать беременной, насколько это возможно, то есть практически всю ее жизнь. Когда приблизится ожидаемый срок, ей введут лекарства для стимуляции родов, чтобы время было удобным для фермеров. После того, как поросят отнимут от матери, инъекции гормонов быстро восстановят «цикл» свиноматки, чтобы она была вновь готова к искусственному осеменению всего через три недели.

Четыре из пяти свиноматок проведут шестнадцать недель беременности, заключенные в «клеть для беременных», которая настолько мала, что свинья не может там повернуться. Плотность ее костей возрастает из-за нехватки движения. Ей не дадут подстилки, и зачастую у нее образуются раны размером с монету в 25 центов, почерневшие и гноящиеся, оттого что она трется о клетку. (В одном тайном расследовании в штате Небраска беременные свиньи были сняты на видео, на их мордах, головах, плечах, спинах и ногах было множество открытых ран, некоторые размером с кулак. Рабочий с фермы комментирует: «У них у всех язвы... Едва ли тут можно найти свинью, у которой бы не было ран и язв».)

Гораздо более серьезные и глубокие страдания вызываются скукой и изоляцией и нарушением мощного настроения свиноматки подготовиться к рождению поросят. В природе перед рождением детей она будет проводить много времени, кормясь, а под конец устроит гнездо из травы, листьев или соломы. Чтобы не дать свиноматке набрать излишний вес в клетке и, значит, еще больше снизить стоимость ее питания, ее будут кормить ограниченно, а зачастую она будет оставаться голодной. У свиней есть врожденный инстинкт использовать разные зоны для сна и дефекации, что полностью нарушается в «тюремном заключении». Беременные свиньи, как большинство свиней в промышленных системах, должны лежать или перетаптываться в своих экскрементах, продавливая их сквозь щелястый пол. Отрасль защищает такую жизнь под замком, убеждая, что она позволяет лучше контролировать животных и управлять ими, но такая система делает вопрос о благоденствии более

трудноразрешимым, потому что увечных и больных животных практически нельзя выявить, когда ни одному из них не позволено двигаться.

Жестокость здесь трудно отрицать, а бороться с грубыми нарушениями закона еще труднее, что выяснилось, когда адвокаты вынесли эту проблему в зону общественного внимания. Недавно три штата — Флорида, Аризона и Калифорния — путем голосования ввели закон о постепенном сведении на нет производства клеток для беременных свиней. В Колорадо под угрозой кампании Общества защиты животных сама промышленность согласилась составить законопроект об объявлении таких клеток вне закона и поддержать его. Это невероятно обнадеживающий знак. Наложение запрета в четырех штатах еще не решение проблемы, ибо остается множество других, где эта практика продолжает процветать, но, похоже, битва против клеток для беременных свиней выиграна. Это победа, которая имеет стратегическое значение.

Свиноматок все чаще не запирают в клетях, а помещают в маленькие групповые загоны. Они не могут побегать по полю или даже насладиться солнцем, как это делают свиньи Пола, но у них имеется пространство, где они могут спать и вытянуться. У этих свиноматок нет язв по всему телу. Они перестали неистово грызть решетки своих клеток. Эти изменения вряд ли перевернут промышленную систему или искупят ее грехи, но они значительно улучшают жизнь свиноматок.

Не важно, где их держали во время беременности — в клетях или в маленьких загонах, — на время родов, которые индустрия называет «опорос», свиноматок практически без вариантов заключают в клеть, такую же тесную, как клеть для беременных. Один рабочий сказал, что очень важно «выбить дерьмо из [беременных свиней], чтобы загнать их в клетки, куда они не хотят идти». Еще один рабочий с другой фермы описывает вошедшее в практику использование битья свиноматок прутьями до крови: «Один парень так жутко размозжил свиноматке нос, что она умерла от голода».

Те, кто защищает утверждение владельцев промышленных свиноферм о необходимости клеток для опороса, оправдывают это тем, что свиноматки иногда случайно придавливают своих поросят. Это все равно, что утверждать, будто риск лесного пожара можно уменьшить,

заблаговременно расчистив лес от всех деревьев, в подобном заявлении дурацкая логика абсолютно очевидна. Клетки для опороса, как и клетки для беременных, запирают мать в столь тесном пространстве, что она не может там повернуться. Иногда ее также стреноживают и прикрепляют к полу. Это не позволяет свиноматке раздавить своих малышей. О чем защитники подобных практик умалчивают, так это о том, что на таких фермах, как у Уиллиса, эта проблема даже не стоит на первом месте. Свиноматке довольно легко не раздавить своих малышей, когда фермеры полагаются на ее материнский инстинкт, ее обоняние не подавлено вонью собственных разжиженных фекалий под копытами, она не оглохла от клацанья металлических клеток и у нее достаточно пространства, чтобы развернуться и увидеть, где находятся ее поросята, и опереться на ноги, чтобы неторопливо лечь.

И, конечно, рискуют не только малыши. Исследование Европейской комиссии комитета по научной ветеринарии документально подтвердило, что у свиней в клетях ослаблены кости, выше риск повреждения ног, им свойственны болезни сердечно-сосудистой системы, инфекции мочевых путей, а уменьшение мышечной массы настолько серьезно, что это влияет на способность свиней ложиться. Другие исследования показали, что дурная генетика, недостаток движения и плохое питание делает от 10 до 40 процентов свиней структурно нездоровыми, что приводит к таким порокам, как изгиб коленей, искривление ног, выворачивание пальцев внутрь. В отраслевом журнале под названием National Hog Farmer утверждается, что 7 % размножающихся свиноматок, как правило, преждевременно умирает от стресса от жизни взаперти и интенсивного размножения, а на некоторых предприятиях уровень смертности достигает 15 %. Многие свиньи сходят от заключения с ума и одержимо грызут прутья своей клетки, непрерывно дают бутылки с водой или пьют мочу. Другие выказывают вполне заметную печаль, которую ученые называют «приобретенной беспомощностью».

А затем появляются новорожденные — оправдание страданий своих матерей.

Многие поросята рождаются с уродствами. Среди распространенных врожденных аномалий — расщелина нёба, гермафродитизм, вывернутые соски, отсутствие ануса, вывихи

конечностей, тремор и грыжи. Паховые грыжи настолько распространены, что вошло в практику корректировать их хирургически одновременно с кастрацией. В первые недели жизни даже поросята без уродств терпят шквал физических мучений. В первые сорок восемь часов им удаляют (кстати, без обезболивания) «зубы-иголки», которыми они часто кусают других поросят, и хвосты, чтобы минимизировать увечья, которые поросята наносят друг другу, борясь за место у сосков своих матерей в обстановке промышленной фермы, где патологические избиения хвостами дело обычное, потому что более слабые не могут спрятаться от более сильных. Обычно помещение для поросят теплое (от 72 до 81 градуса) и темное, чтобы они были вялыми и сонными и не предавались «социальным порокам» — не кусались, не сосали друг у друга пупки, хвосты и уши. Традиционное сельское хозяйство, как оно ведется на ферме у Пола Уиллиса, не знает подобных проблем, предоставляя животным больше пространства и богатства окружающей среды, а также поощряя стабильные социальные группы.

Также в течение первых двух дней поросятам на промышленных фермах часто делают инъекции железа, потому что существует вероятность, что из-за быстрого роста и интенсивного размножения у их матерей дефицит железа в молоке. В течение десяти дней у самцов удаляют тестикулы — и вновь без обезболивания. На этот раз цель — улучшение вкуса мяса, американские потребители теперь предпочитают вкус кастрированных животных. Также с ушей срезают кусочки размером с 25-центовик в целях идентификации животных. К тому времени, когда поросят станут отнимать от матери, от 9 до 15 процентов из них умрет.

Чем скорее поросята начнут питаться твердой пищей, тем быстрее они достигнут рыночного веса (от 240 до 265 фунтов). «Твердая пища» часто включает в себя высушенную плазму крови — побочный продукт боен. (На самом деле она делает поросят более жирными. Но также страшно разрушает слизистую оболочку желудочно-кишечного тракта.) Не будем говорить о том, что поросят отнимают от матери где-то в возрасте пятнадцати недель, но на промышленных фермах их обычно забирают на пятнадцатый день, а теперь еще раньше — на двенадцатый. В столь юном возрасте поросята не умеют правильно переваривать твердую пищу, поэтому, чтобы предотвратить диарею, их

дополнительно кормят лекарствами. Забрав у матери, поросят сажают в клетки из толстой проволоки — в «ясли». Эти клетки ставят одна на другую, и фекалии с Уриной падают с тех клеток, что стоят выше, на животных внизу. Свиноводы держат поросят в этих клетках как можно дольше, а затем отправляют в пункт их последнего назначения: в тесные загоны. Загоны специально такие тесные, поскольку, как утверждает один из журналов индустрии, «скученность свиней приносит доход». Поскольку у животных мало пространства для движения, они сжигают меньше калорий и набирают вес при меньшей кормежке.

Как и на любом промышленном предприятии, здесь крайне важно единообразие. Те поросята, которые растут недостаточно быстро, — карлики, — только переводят ресурсы, поэтом)' им нет места на ферме. Их берут за задние ножки, раскачивают и со всей силы бьют головой о бетонный пол. На профессиональном языке это называется «стукать». «Мы стучаем раз 120 в день», — признался один рабочий с фермы в штате Миссури.

«Мы просто раскачиваем их, стучаем, а потом кидаем в сторону. После того, как ты стукнешь десять, двенадцать, четырнадцать поросят, оттаскиваешь их в помещение с покатым настилом, откуда их забирает грузовик. И если ты приходишь туда, а некоторые оказываются живыми, приходится стучать еще раз. Бывали случаи, когда я приходил, а они бегут с глазами, свисающими по обе стороны морды, кровища хлещет, или еще бывают сломаны челюсти».

«Они называют это эвтаназией», — сказала жена того рабочего из Миссури.

Шквал антибиотиков, гормонов и других препаратов в корме животных сохранит их живыми до забоя, несмотря на условия содержания. Лекарства больше всего нужны для борьбы с проблемами дыхательных путей, повсеместных на промышленных свинофермах. Влажность в помещениях, скученность животных с ослабленной стрессом иммунной системой и ядовитые газы от скапливающихся фекалий и мочи делают эти проблемы практически неизбежными. Ко времени забоя от 30 до 70 процентов свиней страдают какими-то респираторными инфекциями, а смертность от одних только болезней дыхательных путей может достигать от 4 до 6 процентов. Конечно, эти постоянные болезни способствуют росту новых видов гриппа, поэтому

популяции свиней целых штатов, иногда все 100 %, страдают от новых смертельных вирусов, возникших среди скученных больных животных (и все больше, конечно, эти вирусы заражают людей).

В мире промышленных ферм все ожидания переворачиваются с ног на голову. Ветеринары работают не на оптимальное здоровье, а на оптимальную прибыль. Лекарства предназначены не для лечения болезней, а как замена разрушенных иммунных систем. Фермеры не нацелены на производство здоровых животных.

5. Наш подводный садизм

Примеры плохого обращения с животными и загрязнения окружающей среды, которые я приводил, рассказывая о свинофермах, иллюстрируют систему промышленного фермерства в целом. Куры, индейки и крупный рогатый скот, которых держат на промышленных фермах, сталкиваются с несколько иными проблемами и мучаются точно от несколько иных условий, но в основе своей все они страдают одинаково. И, как выяснилось, то же самое происходит и с рыбой. Кажется, что рыбы и наземные животные — два разных, совершенно непохожих класса живых существ, следовательно, проблемы, с которыми они сталкиваются, тоже должны различаться, но «аквакультура» — интенсивное выращивание морских животных в неволе — это, по существу, подводное промышленное фермерство.

Многие из морских животных, которых мы употребляем в пищу, в том числе большая часть лососевых, поступает на прилавки с предприятий аквакультуры. Первоначально аквакультура позиционировала себя как один из способов остановить истощение естественной популяции рыб. Некоторые заявляли, что потребности в лососе, обитающем в природной среде, снизились, однако на самом деле выращивание лосося на фермах только подлило масла в огонь международной эксплуатации природной популяции лосося. Добыча лосося в естественных акваториях по всему миру между 1988 и 1997 годами возросла на 27 процентов, и ровно на столько же сократилась лососевая аквакультура.

Вопросы благоденствия, связанные с рыбными фермами, покажутся вам знакомыми. «Учебник по устройству лососевых ферм», руководство по этой индустрии, подробно рассматривает шесть «главных проблем аквакультуры»: «качество воды», «скученность», «обращение с рыбами», «нарушение принципов благоденствия»,

«недостаток питания, ослабляющий иммунную систему» и «нарушение иерархии». Переведем это на доступный язык. Шесть источников страданий лосося это: (1) вода настолько загрязнена, что в ней трудно дышать; (2) скученность настолько высока, что рыбы начинают поедать друг друга; (3) обращение с ними настолько жестоко, что психологические последствия стресса видны уже на следующий день; (4) работники фермы и другие животные наносят рыбам физические травмы; (5) пищи настолько мало, что это ослабляет иммунную систему; и (6) рыбы лишены возможности формировать стабильную социальную иерархию, в результате чего происходит все больше случаев каннибализма. Эти проблемы типичны. Учебник называет их «неотъемлемой частью системы рыбных хозяйств».

Главный источник страданий лосося и других рыб, выращиваемых на ферме, — избыток морских вшей, которые кишат в грязной воде. Эти вши разъедают тело до открытых ран и иногда выедают до костей рыбы морды, эта проблема достаточно распространена и в промышленности известна под названием «корона смерти». Одна-единственная лососевая ферма создает «облако», где концентрация морских вшей в тридцать тысяч раз превышает их концентрацию в естественной среде.

Рыба, которая выживает в этих условиях (уровень смертности в разбросе от 10 до 30 процентов считается хорошим среди многих работников этой промышленности), скорее всего, будет умирать от голода в течение семидесяти дней, теряя в весе при транспортировке к бойне, а затем ей срежут жабры и кинут в резервуар с водой, где она умрет от кровопотери. Зачастую убивают рыбу, находящуюся в полном сознании, и, умирая, она бьется в конвульсиях от боли. В других случаях рыбу оглушают, но современные методы оглушения ненадежны и могут привести к еще большему страданию рыбы. Как и в случае с курами и индейками, не существует закона, требующего гуманного убоя рыбы.

Значит ли это, что рыба, выловленная в дикой природе, оказывается в более гуманных условиях? Без сомнения, до того, как ее выловят, ее жизнь лучше, поскольку она не жила в грязных огороженных водоемах. Это немаловажно. Но возьмем наиболее распространенные способы лова морских животных, чаще всего

потребляемых в Америке: тунца, креветок и лосося. Преобладают три метода: лов на перемёт, лов кошельковым неводом и тралинг. Перемёт похож на телефонный провод, натянутый в воде, только поддерживают его не шести, а буйки. Вдоль основной лесы на равных промежутках подвешены маленькие лески-«ветки», каждая «ветвь» щетинится крючками. Теперь представьте не только одну из этих лесок с гроздью крючков, а множество, сотни, тянущихся одна за другой с одного-единственного корабля. К буйкам прикреплены спутниковые локаторы и другие электронные средства связи, чтобы рыбаки могли к ним вернуться. И, конечно, не один корабль разворачивает переметы, а множество, сотни и даже тысячи в крупнейших коммерческих флотилиях.

Сегодня переметы могут достигать семидесяти пяти миль в длину, леской такой протяженности можно пересечь Ла-Манш более трех раз. Каждый день, по приблизительным подсчетам, забрасывают 27 миллионов крючков. И переметы цепляют не только представителей тех видов, на которые идет лов, но и еще 145 других видов животных. Одно исследование обнаружило, что ежегодно во время лова на перемет в качестве прилова гибнет примерно 4,5 миллиона морских животных, в том числе примерно 3,3 миллиона акул, 1 миллион марлинов, 60 000 морских черепах, 75 000 альбатросов и 20 000 дельфинов и китов.

Но прилов на перемет не столь масштабен, как при тралинге. Наиболее распространенный вид современного креветочного траулера бороздит пространство шириной в двадцать пять — тридцать метров. Траловую сеть тянут по океанскому дну на глубине 4,5–6,5 километра в течение нескольких часов, захватывая креветок (и все, что попадет) в дальний конец сети, имеющей форму воронки. Тралинг, которым почти всегда ловят креветок, это морской эквивалент расчистки тропического леса. Какова бы ни была цель лова, траулеры захватывают рыбу, акул, скатов, крабов, кальмаров, морских гребешков — обычно около сотни разных видов рыб и других морских животных. Умрут практически все.

Есть что-то зловещее в этом способе «сбора урожая» морских животных, опустошающем водную среду. В среднем траулер выкидывает за борт 80–90 % морских животных, пойманных в

качестве прилова. Менее эффективные предприятия сбрасывают назад в океан более 98 % пойманных морских животных мертвыми.

Мы буквально уменьшаем разнообразие и яркость океанической жизни как целокупности (нечто, что ученые лишь недавно научились измерять). Современные техники рыболовства разрушают экосистемы, которые необходимы для жизни более сложных позвоночных (таких, как лосось и тунец), оставляя в кильватере всего несколько видов животных, способных питаться растениями и планктоном. Поскольку мы жадно пожираем наиболее желанных рыб, которые обычно являются плотоядными, стоящими наверху пищевой цепочки, например, тунца и лосося, то уменьшаем количество хищников, вызывая тем самым резкий кратковременный подъем тех видов, которые стоят в пищевой цепочке ниже. Затем мы перестаем обращать внимание на эти виды и передвигаемся еще ниже по пищевой цепи. Скорость процесса смены поколений не дает нам заметить изменений (вы знаете, какую рыбу ели ваши дедушка с бабушкой?), и тот факт, что сами по себе объемы улова не сокращаются, создает обманчивое впечатление стабильности. Ни один человек не планирует разрушений, но экономика рынка неизбежно ведет к нестабильности. Мы не опустошаем океан напрямую; наша деятельность походит на расчистку леса, населенного тысячей разных видов животных, чтобы создать обширные поля, засеянные одним видом соевых бобов.

Тралинг и лов с помощью перемета внушают беспокойство не только в смысле экологии; они еще и жестоки. При тралинге сотни различных видов животных давят друг друга, ранятся о кораллы, бьются о скалы — часами, — а затем их вытягивают из воды, вызывая болезненную декомпрессию (иногда из-за декомпрессии их глаза вылезают наружу или внутренние органы вываливаются через рот). На перемете смерть животных обычно тоже наступает очень медленно. Некоторые просто висят на крючках и умирают, только когда их снимают с лески. Некоторые умирают от ран, вызванных крючком в пасти, или от попыток сорваться с крючка. Некоторые не могут уплыть от хищников.

Кошельковый невод — последний метод лова, который я собираюсь рассмотреть, это основная технология, при помощи которой ловят наиболее популярную в Америке морскую рыбу — тунца. Огромную сеть выбрасывают вокруг косяка рыбы, который

собираются выловить, а когда косяк окружен, ее нижнюю часть собирают, как будто затягивают гигантскую веревку на горловине мешка. Затем попавшуюся рыбу и любых других существ, оказавшихся по соседству с косяком, поднимают и вытягивают на палубу. Рыбу, запутавшуюся в сети, во время этого процесса будет медленно разрывать на части. Однако большинство умрет на самом корабле, где они медленно задохнутся, или им, еще находящимся в полном сознании, отрежут жабры. Иногда рыбу перемешивают со льдом, что на деле только удлиняет предсмертные мучения. Согласно недавним исследованиям, опубликованным в журнале *Applied i Animal Behavior Science*, рыба умирает медленно и мучительно в полном сознании в ледяной похлебке (это происходит как с рыбой, выловленной в дикой природе, так и с рыбой на фермах).

Имеет ли это такое значение, чтобы заставить нас изменить свои пищевые пристрастия? Может быть, требуются лишь более подробные этикетки, чтобы мы могли принимать более взвешенные решения относительно рыбы и рыбных продуктов, которые мы покупаем? Какие выводы смогут сделать разборчивые всеядные, если к каждому лососю, которого они съедают, всего лишь прикрепить табличку, извещающую, что лосось с фермы, длиной 2,5 фута, проводит жизнь в тесной ванне с водой, что из глаз рыбы течет кровь из-за сильного загрязнения? Что будет, если упомянуть на этикетке про разросшуюся популяцию паразитов, увеличивающееся число болезней, ухудшающуюся генетику и возникновение новых болезней, которые невозможно вылечить антибиотиками, и все это — результат жизни на рыбной ферме.

Однако кое-что мы знаем и без этикеток. Можно предположить, что, по крайней мере, какой-то процент коров и свиней убивают быстро и безболезненно, и можно быть абсолютно уверенным, что ни одна рыба не умирает хорошей смертью. Нет на свете такой рыбы. Нет нужды интересоваться, страдала ли та рыба, которая лежит у вас на тарелке. Да, страдала.

Говорим ли мы о рыбах, свиньях или о других съеденных животных, неужели их мучения самая важная в мире вещь? Конечно, нет. Но вопрос не в этом. Вопрос вот в чем: важнее ли это суши, бекона или куриных наггетсов?

6. Поедая животных

Наше восприятие приема пищи усложняется тем, что не принято есть в одиночку. Застольное братство служило укреплению социальных связей с таких давних пор, куда только смогла докопаться археология. Пища, семья и память изначально связаны. Мы не просто животные, которые едят, мы животные, которые поедают других животных.

Я храню самые нежные воспоминания о еженедельных обедах с лучшим другом, когда мы ели суши, а также об индюшачьих бургерах с горчицей и жареным луком, которые отец по праздникам готовил на заднем дворе, а также о вкусе соленой фаршированной рыбы у бабушки на Пасху. Эти события не стали бы событиями без этих блюд — вот что важно.

Отказаться от вкуса суши или жареной курицы — это потеря, которая намного больше, чем просто отказ от приятного опыта поглощения еды. Изменить то, что мы едим, и позволить вкусу испариться из памяти значит понести нечто вроде культурной утраты, забыть. Но, вероятно, с этим видом забывчивости стоит смириться и даже стоит культивировать его (забывание тоже можно культивировать). Чтобы помнить о животных и заботиться об их благоденствии, нужно стереть из памяти некоторые вкусы и найти другие рычаги, управляющие памятью.

Вспомнить и забыть — это стороны одного и того же ментального процесса. Записать подробности одного события это не то же самое, что записать детали другого (если только письмо — не ваша профессия). Вспомнить одну вещь — позволить другой ускользнуть из воспоминаний (если только вы не предаетесь воспоминаниям вечно). Это этическое или намеренное забывание. Невозможно удержать в памяти все, что знаешь. Поэтому вопрос не в том, забываем ли мы, забываем что или кого, не изменяются ли наши рационы, а в том — как они меняются.

Недавно мы с другом начали есть вегетарианские суши и ходить в итальянский ресторан по соседству. Вместо бургеров из индюшатины, которые жарил на гриле мой отец, мои дети будут помнить, как я на заднем дворе неумело пережаривал вегетарианские бургеры. На нашу последнюю Пасху фаршированная рыба Не была главным блюдом, но мы рассказывали о ней Всякие истории (а я, очевидно, не могу остановиться).

К рассказам об Исходе — этим величайшим историям о том, как слабый торжествует над сильным, — самым неожиданным образом добавлялись новые истории о слабом и сильном.

Трапезы с особой едой, особыми людьми по особым случаям таковы, что мы намеренно выделяем их среди других. И добавление к традициям нашего личного выбора их только обогащает. Я убежден, что идти на компромисс с традициями стоит лишь по высшим соображениям, но, вероятно, в этом случае традиция — это не столько вопрос компромиссов, сколько реальность.

Мне кажется, что совершенно неправильно употреблять в пищу свинину с промышленной фермы или кормить ею семью. Еще более неправильно сидеть с друзьями, поедаящими свинину с промышленной фермы, и молчать, оставляя их в неведении относительно того, что они этим поддерживают. Свиньи, и это очевидно, существа умные, и уж совершенно очевидно, что на промышленных фермах они приговорены вести жалкую жизнь. Аналогия с собакой, которую держат в чулане, довольно точна, если только не слишком уж радужная. Доводы, апеллирующие к борьбе против загрязнения окружающей среды, могут служить логичными и убийственными аргументами против употребления в пищу свинины с промышленной фермы.

По схожим причинам я не стану есть птицу или морских животных, выращенных промышленными методами. Глядя им в глаза, вы не ощутите того же сострадания, которое почувствуете, встретившись взглядом со свиньей, но мы умеем взглянуть и глазами разума. Все, что я узнал об уме и сложных социальных взаимоотношениях птиц и рыб, требует относиться к их мукам столь же серьезно, как и к бросающимся в глаза несчастьям свиньей с промышленных ферм.

Индустрия меньше удручает меня говядиной, выращенной на фидлоте* (и 100 % говядины от коров, выращенных на пастбищах, на какой-то миг затушевывают проблему забоя, точнее, такое мясо вызывает меньше беспокойства, но об этом в следующей главе). И все же сказать, что нет ничего хуже промышленной свинофермы или птицефермы, значит не сказать почти ничего.

* Территория для интенсивного откорма скота.

Для меня вопрос в следующем: поскольку употребление в пищу животных абсолютно необязательно для меня и моей семьи — в отличие от многих других жителей планеты у нас имеется широкое разнообразие других продуктов, — стоит ли вообще есть мясо? Я отвечаю на этот вопрос как тот, кто прежде любил мясо. Вегетарианская диета может быть богатой и приносящей радость, но положив руку на сердце я не могу утверждать, как это пытаются многие вегетарианцы, что она столь же богата, как рацион, включающий в себя мясо. (Те, кто ест шимпанзе, смотрят на западную кухню как на жалкий рацион, лишенный настоящего деликатеса.) Я люблю суши, люблю жареную курицу, люблю хороший стейк. Но у моей любви есть пределы.

Поскольку я столкнулся с реальностью промышленной фермы, отказ от употребления в пищу стандартного мяса не был трудным решением. Зато стало трудно вообразить того, кто, кроме извлекающих из этого прибыль, станет защищать промышленное фермерство.

Но все усложняется, когда дело касается таких хозяйств, как свиноферма Уиллисов или ранчо Фрэнка Риза. Я восхищаюсь тем, что они делают, и, зная о страшной альтернативе, трудно не считать их героями. Они заботятся о тех, кого выращивают, и хорошо с ними обращаются, поскольку умеют это делать. И если мы, потребители, сможем ограничить наше желание полакомиться свининой и индюшатиной до пределов, удовлетворить которые сможет их естественная, т. е. обходящаяся без промышленных предприятий, популяция на земле (а это уже немало), тогда отпадет необходимость в устрашающих экологических аргументах против подобного фермерства.

Очевидно, кто-то может возразить, будто употребление в пищу животных любого вида — это необходимость, таким образом, пусть и не напрямую, он поддержит промышленную ферму, увеличив спрос на мясо. Есть серьезные причины, почему я не стану есть свинину с фермы Пола Уиллиса или кур от Фрэнка Риза, но мне неловко это писать, зная, что и Пол и Фрэнк, ставшие моими друзьями, прочтут эти слова.

Хотя Пол делает все, что может, но его свиней до сих пор кастрируют, и до сих пор им приходится преодолевать большие расстояния до бойни. А до того, как Уиллис познакомился с Дайаной

Хальверсон, специалистом по благоденствию животных, которая с самого начала помогала ему в работе на компанию «Ранчо Нимана», он обрубал поросётам хвосты, что доказывает, что даже самый добрый фермер не всегда может посвятить себя благополучию своих подопечных полностью.

А кроме того существуют бойни. Фрэнк честно назвал проблемы — он все ищет и не может найти подходящую бойню для своих птиц, где индеек будут забивать именно так, как ему кажется приемлемым. Что касается забоя свиней, то «Рай для парного мяса» и вправду что-то вроде рая. Из-за организации всей мясной промышленности, из-за предписаний Министерства сельского хозяйства США и Пол, и Фрэнк вынуждены отправлять своих подопечных на бойни, которые могут контролировать лишь частично.

На каждой ферме, как и везде, есть свои недостатки, иногда это случайности, иногда дело поставлено не так, как должно. Жизнь тонет в несовершенствах, но некоторые несовершенства имеют больше значения, чем другие. Насколько несовершенными позволено быть животноводческим фермам и бойням до того, как они покажутся слишком несовершенными? Разные люди проложат границу по-разному, приняв во внимание такие хозяйства, как фермы Пола и Фрэнка. Люди, которых я уважаю, проведут разграничительную черту по-разному. Но меня на данный момент — мою семью — беспокоит, что представляет собой мясо в реальности и каким оно должно стать, чтобы заставить меня полностью от него отказаться.

Конечно, существуют обстоятельства, в которых я буду есть мясо, существуют даже обстоятельства, в которых я съем и собаку, но я вряд ли с такими столкнусь. Вегетарианство — это довольно расплывчатое понятие, и я оставил за собой возможность самому решать вопрос об употреблении в пищу животных (а можно ли не определяться по такому вопросу?), не осуществляя этого на деле.

Это возвращает меня к Кафке, застывшему в Берлинском аквариуме, рыба, на которую он неотрывно глядел, снова обрела умиротворенность после того, как он принял решение не есть мяса. Кафка осознал, что рыба — член его невидимой семьи, не равное ему, но иное существо, о котором он тревожится. Я пережил тот же опыт в «Раю для парного мяса». Я не стал «спокоен», когда взгляд свиньи, идущей на забой у Марио, которой оставалось жить всего несколько

секунд, встретился с моим. (Вам когда-нибудь случалось быть тем, на кого упал чей-то предсмертный взгляд?) Но я и не застыдился. Свинья не стала вместилищем того, что я выбросил из головы. Она стала вместилищем моей тревоги. Я почувствовал — чувствую — от этого облегчение. Мое облегчение, конечно, не имеет значения для самой свиньи. Но имеет значение для меня. И это частица моих размышлений об употреблении в пищу животных. Взяв только одну часть уравнения — о поедании животного, а не о съеденном животном, — я просто не могу чувствовать себя цельным, когда настолько сознательно, настолько умышленно забываю.

И, кроме того, существует реальная семья. Теперь, когда мое исследование закончено, я только в исключительном случае смогу заглянуть в глаза животного с фермы. Но много раз в день, много дней своей жизни я буду смотреть в глаза моего сына.

Решение не употреблять в пищу мясо животных необходимо для меня, но оно именно мое — личное. Это обязательство было взято благодаря моему опыту, а не чьему-либо еще. А лет шестьдесят назад большая часть моих резонов была бы просто непонятна, потому что промышленное животноводство, которое так меня беспокоит, еще не достигло такого размаха. Родись я в другое время — сделал бы иные выводы. Твердое решение, что я не буду есть животных, не означает, что я стою в жесткой оппозиции к мясоедству или совершенно отвергаю гипотетическую возможность употребления в пищу животных. Помешать избиению ребенка, которому хотят «преподать урок», вовсе не означает быть противником строгой родительской дисциплины. Решить, что я буду добиваться строгой дисциплины с моим ребенком тем, а не другим способом, не означает, что я дерзну навязывать свое мнение другим родителям. Решение для одной семьи не означает, что это решение для всей страны или для всего мира.

Хотя я уважаю разные взгляды на проблему употребления в пищу животных, я пишу эту книгу не просто для того, чтобы выразить свое отношение к этому вопросу. Фермерство формируется не только благодаря личному выбору продуктов питания, но благодаря политическим решениям. Одного выбора собственного рациона недостаточно. Но насколько радикально я готов внедрять свои собственные взгляды на выбор лучшей (на мой взгляд) системы животноводства (я могу не есть их продуктов, но буду поддерживать

тот тип фермерства, который представляют Пол и Фрэнк)? Чего я жду от других? Чего мы все должны ждать друг от друга, когда стоит вопрос о поедании мяса животных?

Относительно ясно, что промышленное фермерство гораздо хуже того, что я лично не люблю, но совершенно не ясно, какие из этого следуют выводы. Означает ли тот факт, что промышленное фермерство жестоко обращается с животными, экологически расточительно и загрязняет окружающую среду, что все должны бойкотировать продукцию промышленных ферм? И сможет ли половинчатое решение — предпочтение достаточно хорошей системы закупок продукции с непромышленных ферм — стать заменой бойкоту? Или вопрос не в нашем личном выборе покупок, а в законодательном решении и коллективных политических акциях?

Где, проявив уважение, следует просто не соглашаться с кем-то, а где, ради более важных ценностей, уже надо сопротивляться и агитировать других делать то же? Где то, в чем мы согласны, оставляет пространство для разногласий, а где оно требует совместных действий? Я не настаиваю, что употребление в пищу мяса всегда неправильно для всех или что мясная промышленность в принципе безнадежна, учитывая ее сегодняшнее плачевное состояние. Какие позиции в отношении употребления в пищу животных лично я буду считать главными, имея в виду моральные нормы?

Я буду

Семейные фермы в Америке производят менее 1 % мяса.

1. Билл и Николетта

Дороги, ведущие к цели моего путешествия, никак не были размечены, а наиболее полезные указатели местными жителями вырваны с корнем. «Незачем приезжать в Болинас, — так нелестно один из них высказался в «Нью-Йорк тайме». — Пляжи грязные, пожарная часть ужасна, туземцы настроены враждебно и привержены к каннибализму».

Не совсем так. Поездка длиною в тридцать миль вдоль побережья от Сан-Франциско была чистой романтикой, открытая местность чередовалась с созданными самой природой зелеными альковами, но, оказавшись в Болинасе (население 2500 человек), я с трудом мог понять, почему считал Бруклин (население 2 500 000 человек) приятным местом для житья, и сразу понял, почему те, кто случайно попал в Болинас, не хотели, чтобы другие тоже туда попали. Вот почему неожиданное желание Билла Нимана пригласить меня к себе так меня удивило. Как удивила и его профессия: разведение крупного рогатого скота.

Первым меня встретил немецкий дог, крупнее и спокойнее, чем Джордж, за ним навстречу вышли Билл и его жена Николетта. После обычных рукопожатий и шуток они повели меня к своему скромному дому, прячущемуся, точно горный монастырь, на склоне холма. Камни, покрытые мхом, лежали на земле, окруженные заплатками из цветов и камнеломок. Сияющий балкон открывался прямо в главную комнату — самую большую из всех, но при этом совсем не большую. Каменный камин напротив темного, тяжелого дивана (диван для отдыха, не для развлечений) господствовал в комнате. На полках теснились книги, некоторые на тему еды и фермерства, но большинство — нет. Мы сели вокруг деревянного стола в маленькой кухне, где все еще стоял запах завтрака.

«Мой отец был русским иммигрантом, — начал рассказ Билл. — Я вырос, работая в семейной бакалейной лавке в Миннеаполисе. Так я приобщился к сфере продуктов питания. Там работали все, вся семья.

Я и представить не мог, что моя жизнь так изменится». Смысл: Как еврейский городской мальчик, американец в первом поколении, стоя одним из самых серьезных ранчеров в мире? Хороший вопрос, на который есть и хороший ответ.

«Главным мотивом жизни в то время была Вьетнамская война. Я решил пойти на альтернативную службу и стал учительствовать в бедных районах, которые объявили таковыми федеральные власти. Там я познакомился с некоторыми особенностями сельской жизни, и мне страстно захотелось жить так самому. Я стал владельцем участка с моей первой женой». (Первая жена Нимана, Эмми, погибла на ранчо в результате несчастного случая.) «Мы приобрели немного земли. Одиннадцать акров. У нас были козы, куры и лошади. Мы были довольно бедны. Жена давала частные уроки на одном из больших ранчо, и нам отдали несколько телят, которые родились по недосмотру у молоденьких тёлочек». Так вышло, что эти «ошибки» стали основой «Ранчо Нимана». (Сегодня ежегодный доход «Ранчо Нимана» оценивается в 100 миллионов долларов — и продолжает расти.)

Когда я их посетил, Николетта руководила работниками ранчо и тратила на это больше времени, чем Билл. Он без усталости трудился, чтобы обеспечить гарантированные продажи говядины и свинины для сотен мелких семейных ферм, входящих в его компанию. Николетта, которая отказалась от карьеры юриста на Восточном Побережье, знала каждую телочку, корову, быка и теленка в их хозяйстве, знала их нужды и могла их удовлетворить — не частично, а полностью. Билл, с его густыми усами и дубленой кожей, мог легко получить роль в кино, но пока что занимался маркетингом.

Они совсем не очевидная пара. Билл производил впечатление человека неотесанного, но дошедшего до всего своим умом. Это тот самый тип, который после катастрофы самолета сумеет заслужить уважение среди выживших на острове и станет, вовсе не стремясь к этому, лидером. Николетта — типичная горожанка, многословная, но сдержанная, энергичная и заботливая. Билл — мягкий, но мужественный. Кажется, он предпочитает слушать — и это хорошо, поскольку Николетте, видимо, приятнее говорить.

«Наше с Биллом первое свидание, — говорит она, — произошло под надуманным предлогом. Я думала — это деловая встреча».

«На самом деле ты боялась, что я узнаю, что ты вегетарианка».

«Да ладно, ничего я не боялась, просто я уже несколько лет работала с фермерами, занимающимися крупным рогатым скотом, и знала, что мясная промышленность считает вегетарианцев какими-то террористами. Если ты в сельских районах страны встречаешься с людьми, которые выращивают животных на мясо, и вдруг они узнают, что ты не ешь мяса, они просто каменеют. Боятся, что ты их будешь осуждать и даже можешь быть для них чем-то опасной. Я не боялась, что ты узнаешь, но я не хотела, чтобы ты встал в глухую оборону».

«В первый раз, когда мы вместе сели за стол...»

«Я заказала пасту с овощами, а Билл и спрашивает: “Простите, вы вегетарианка?” Я говорю: “Да”. И тут он сказал то, что меня удивило».

2. Я хозяйка ранчо — вегетарианка

Примерно через полгода, как я переехала на ранчо в Болинасе, я сказала Биллу: «Я хочу не просто тут жить. Я хочу по-настоящему разобраться, как тут все функционирует, и хочу этим руководить». Поэтому я с головой погрузилась в работу. В самом начале я немного беспокоилась, что буду все сильнее раздражаться, что приходится жить на ранчо крупного рогатого скота, но все случилось с точностью до наоборот. Чем дольше я тут жила, чем больше времени проводила с нашими животными и видела, как хорошо им живется, тем яснее осознавала, что это по-настоящему достойное предприятие.

Я считаю, что ответственность хозяина ранчо не только в том, чтобы просто избавить животных от жестокости и страданий. Я считаю, мы обязаны обеспечить им более высокий уровень существования. Поскольку мы забираем их жизни, превращая их в продукты питания, я думаю, нужно дать им возможность познать основные радости жизни — лежать на солнышке, спариваться и воспитывать своих малышей. Я считаю, они заслуживают того, чтобы ощущать радость. И наши животные радуются. Одна из проблем, которая меня беспокоит в связи со стандартами «гуманного» производства мяса, в том, что все заиклется на избавлении от страданий. По-моему, это даже не подлежит обсуждению. Ни на одной ферме животные не должны терпеть ненужных страданий. Но если вы выращиваете животное с целью забрать у него жизнь, тогда ответственности должно быть гораздо больше!

Это не новая идея или какая-то моя собственная философия. Всю историю животноводства большинство фермеров помнило об

обязанности хорошо обращаться с животными. Проблема сегодня в том, что традиционное сельское хозяйство заменяют — или заменили — промышленными предприятиями, выросшими из того, что принято называть научным животноводством. От личных дружеских отношений, которые были у традиционного фермера с каждым животным на его ферме, теперь отказались ради безличной системы — просто невозможно знать каждое-животное на свиноферме или на индустриальном фидлоте, где содержатся тысячи, даже десятки тысяч голов. Вместо этого операторы решают проблемы сточных вод или автоматики. Животных вообще сбросили со счетов. Эти изменения привнесли совершенно иное отношение к делу. Об ответственности хозяина ранчо за животных — забыто, если она вообще не полностью отрицается.

Я полагаю, что животные заключили с людьми соглашение, это был своего рода обмен. Когда животноводческим хозяйством руководят как должно, люди могут обеспечить животным условия лучше, чем они могли иметь в дикой природе, и почти наверняка более легкую смерть. А это немаловажно. Я не раз как бы ненароком оставляла ворота открытыми. Ни одно животное не сбежало. Они не уходят, потому что здесь им обеспечена безопасность стада, по-настоящему хорошее пастбище, вода, изредка сено, и, главное, все предсказуемо. И друзья их тут. В каком-то смысле это их выбор. Конечно, это не совсем добровольный контракт. Не от них зависит их собственное рождение, но ведь и наше тоже зависит не от нас.

Я считаю, что, выращивая животных для производства натуральных продуктов, благородно было бы обеспечить им по возможности радостную жизнь без страданий. Ведь жизнь у них отбирают предумышленно. И я думаю, крайне важно то, что каждый из нас надеется обеспечить им хорошую жизнь и легкую смерть.

Важно к тому же не забывать, что люди — тоже часть природы. Я всегда смотрю на природные системы, как на модель. Природа очень экономична. Даже если за животным не охотятся, его тело вскоре после его смерти съедят. В природе животные неизменно пожираются другими животными, либо хищниками, либо теми, кто питается падалью. Мы даже пару раз замечали, что наши коровы грызут кости оленя, хотя крупный рогатый скот считается исключительно травоядным. Когда исследования, которые несколько лет па-зад

провела Служба геологии, геодезии и картографии США, выявили, что олени поедают много яиц из гнезд наземных птиц, ученые были потрясены! Природа гораздо сложнее, чем мы думаем. Но совершенно ясно, что для животных нормально и естественно поедать других животных, а поскольку мы, люди, — часть природы, совершенно естественно для людей поедать животных.

Однако это не означает, что мы должны поедать животных. Я убеждена, что имею право на личный выбор — воздерживаться от употребления в пищу мяса по собственным резонам. В моем случае это обусловлено особой связью с животными, которую я чувствую всегда. Не думаю, что мне неприятно есть мясо. Мне просто от этого как-то неуютно. Для меня промышленное фермерство неприемлемо не потому, что они производят мясо, а потому что они отнимают у животных даже крупицы счастья. Иными словами, если я что-то краду, это будет на моей совести, поскольку это в основе своей грешно. Но мясо — в основе не грешно. И если я поем мяса, наверно, испытаю лишь сожаление.

Я привыкла думать, что вегетарианство естественным образом освобождает от ответственности за то, как обращаются с животными на ферме. И считала, что, если буду воздерживаться от мяса, я тоже не буду за это в ответе. Теперь мне кажется это глупостью. Мясная промышленность влияет на всех нас в том смысле, что мы, абсолютно все, живем в обществе, где производство продуктов питания основано на промышленном фермерстве. Мое вегетарианство не снимает с меня ответственности за то, как наше государство выращивает животных, особенно в то время, когда общее потребление мяса растет, как в нашей стране, так и по всему миру.

У меня много друзей и знакомых веганов, некоторые из них связаны с РЕТА или с Farm Sanctuary*, и многие из них допускают, что гуманность, в конце концов, разрешит проблему промышленного фермерства и люди перестанут есть животных. Но мы, во всяком случае, этого уже не увидим. Если такое и возможно, то нескоро, для этого, думаю, должно смениться не одно поколение. А потому следует сделать хотя бы так, чтобы все поняли, как много страданий происходит на промышленных фермах. Альтернативы им необходимо пропагандировать и поддерживать.

* Американская организация по защите прав животных, выращиваемых на фермах.

К счастью, есть, и проблески надежды. Основа — возвращение к более здоровым методам фермерства. Возникает коллективная воля — политическая воля, а также воля потребителей, оптовиков и рестораторов. У них разные требования, но в чем-то они начинают сходиться. Одно из этих требований — лучше обращаться с животными. Над нами смеются, что мы, мол, ищем шампунь, который не был протестирован на животных, а в то же самое время (и много раз в день) покупаем, мясо, которое было произведено в совершенно зверских условиях.

Существуют также предпосылки к переменам в экономике в связи с постоянным повышением цен на нефть, ростом использования химикатов в сельском хозяйстве и оборота зерна. И работа на ферме угасает: то, что десятилетиями поддерживало промышленное фермерство, становится все более непригодным, в особенности в свете нынешнего финансового кризиса.

А мир, кстати, и не нуждается в производстве такого количества животных, которое производится сейчас. Промышленное фермерство родилось и продвинулось вперед не из необходимости производить больше еды — «накормить голодных», но для того, чтобы производить так, как это выгодно компаниям агробизнеса. Промышленное фермерство — это только деньги. Вот почему система промышленного фермерства терпит неудачи и не работает на долговременной основе: она создана пищевой промышленностью, чья главная забота вовсе не накормить людей. Неужели у кого-то есть сомнения, что корпорации, которые контролируют большую часть животноводства в Америке, занимаются этим ради выгоды? В большинстве индустрии это идеальная движущая сила. Но когда предмет потребления — животные, фабрика это сама земля, ее продукты физически потребляют, и выгоды тут не одинаковы, и образ мыслей не может быть одинаков.

Например, выращивание животных, которые могут воспроизводиться лишь искусственным путем, имеет смысл, если ваша цель вовсе не накормить людей, а лишь делать на этом деньги. У нас с Биллом на ранчо есть несколько индюшек, эти птицы — раритет, той же породы, которую разводили на заре двадцатого века. Чтобы

вывести породу, выгодную для продажи, нам следовало бы ох как далеко отойти от нашей. Ведь современные индейки едва могут ходить, не говоря уже о том, чтобы естественным образом спариваться или выращивать своих птенцов. Вот что вы получаете в системе, где только краем интересуются вопросами питания людей и полностью игнорируют самих животных. Промышленное фермерство — последняя система, которую будешь создавать, если забота о обеспечении людей пищей на долговременной основе.

Ирония в том, что, хотя промышленные фермы пекутся о своих, а не о наших интересах, они, тем не менее, полагаются на нас, а мы не только их поддерживаем, но и платим за их ошибки. Они берут на себя расходы по утилизации отходов и перебрасывают их окружающей среде и тем жителям, поблизости от которых расположено производство. Их цены искусственно занижены, этого не видно на кассовых аппаратах, но за это годами платят все.

Сейчас нужно вот что — мы должны вернуться назад и выращивать животных на пастбищах. Эту идею нельзя назвать нереалистичной, существует исторический прецедент. До начала роста промышленного фермерства в середине века американское животноводство было тесно связано с пастбищами и меньше зависело от зерна, химикатов и механизмов. У животных, выращенных на пастбище, жизнь лучше, кроме того, они не наносят ущерба окружающей среде. Травяная система кажется все разумнее по мере ужесточения экономических условий. Рост цен на кукурузу вот-вот изменит наш образ питания. Крупный домашний скот будут больше держать на подножном корму, позволят есть траву, как и было предназначено природой. И когда промышленное фермерство поставят перед проблемой скопления навоза, а не будут перекладывать ее на плечи общества, тогда пастбищное фермерство станет более экономически привлекательным. Вот оно светлое будущее — не наносящее ущерб природе и гуманное фермерство.

Ей лучше знать

Спасибо, что разделили со мной расшифровку рассказа Николетты. Я работаю в РЕТА, она — производитель мяса, но я думаю о ней как о соратнике в битве против промышленного фермерства, и она — мой друг. Я согласен со всем, что она говорит о важности хорошего обращения с животными и об искусственно низких ценах на

мясо, произведенное на промышленных фермах. Я, конечно, согласен с тем, что следует приобретать мясо только таких животных, которых кормили травой и выращивали на подножном корму — особенно это касается крупного рогатого скота. Но тут, как черт из табакерки, выскакивает вопрос: а зачем вообще есть мясо животных?

Сначала подумаем о связи между состоянием окружающей среды и дефицитом продуктов питания. С точки зрения этики, нет никакой разницы между употреблением в пищу мяса животных и выбрасыванием огромного количества еды в помойку, ибо в мясе животных, которое мы едим, лишь малая доля съеденной ими пищи превратилась в калории: чтобы произвести всего одну калорию животной плоти, животному надо съесть от шести до двадцати шести растительных калорий. Подавляющее большинство того, что выращивается в США, идет на корм скоту — это ресурсы, которые мы могли бы использовать для питания людей или сохранения дикой природы. И по всему миру происходит то же самое — с такими же ужасающими последствиями.

Особый представитель ООН по вопросам продовольствия назвал превращение 100 миллионов тонн зерна и кукурузы в этиловый спирт, когда почти миллиард человек умирает от голода, — «преступлением против человечества». В каком же виде преступления следует обвинять животноводство, которое тратит 756 миллионов тонн зерна и кукурузы каждый год, если таким количеством еды можно было бы накормить 1,4 миллиарда человек, живущих в ужасающей нищете? А ведь в эти 756 миллионов тонн даже не входит мировой урожай сои в 225 миллионов тонн (98 процентов), который тоже съедают животные с ферм. Вы поддерживаете невероятную неэффективность и взвинчиваете цены на еду для беднейших слоев населения в мире, даже если едите только мясо компании «Ранчо Нимана». Именно эта неэффективность — а не вопросы защиты окружающей среды и даже не благоденствия животных — в первую очередь толкнула меня на отказ от мяса.

Некоторые ранчеры любят ссылаться на то, что существуют такие области, где невозможно заниматься земледелием, но можно выращивать крупный рогатый скот, или на то, что скот может обеспечить необходимый запас пищи, если выдался неурожай. Эти доводы, однако, серьезно воспринимают только в странах третьего

мира. Самый известный специалист по этому вопросу Р. К. Пачаури руководит Межправительственной группой экспертов по изменению климата. Он получил Нобелевскую премию мира за свои научные работы, и он убежден, что вегетарианство — это диета, которой должен придерживаться весь цивилизованный мир, хотя бы из соображений одного только сохранения окружающей среды.

Конечно, я вступил в РЕТА из убеждения, что нужно охранять права животных, но вот еще какая штука: фундаментальная наука утверждает, что животные тоже состоят из плоти, крови и костей, как и мы с вами. Один свиновод из Канады убил дюжину женщин, повесил их на крюки для мяса, где обычно висят свиные туши. Когда его привлекли к суду, публика пришла в ужас от его откровений: оказалось, что мясо некоторых женщин он скормил людям, которые думали, что едят обычную свинину. Потребители не смогли почувствовать разницы между свиным фаршем и фаршем из человеческого мяса. Естественно, не смогли. Разницы между телом человека и свиньи (курицы, коровы и т. д.) куда меньше, чем сходства — труп это труп, плоть это плоть.

У животных те же пять чувств, что и у нас. И мы все больше узнаем о том, что у них имеются поведенческие, психологические и эмоциональные потребности, которые эволюция создала в них, как и в нас. Животные, как и люди, чувствуют удовольствие и боль, счастье и страдание. Прочно установлен тот факт, что животным доступны многие из тех эмоций, которые испытываем и мы. Называть все их сложные эмоции и поведение «инстинктом» — глупо, как недвусмысленно объяснила Николетта. В современном мире легко игнорировать очевидный нравственный смысл этого сходства — это удобно, прилично и общепринято. Но это все-таки неправильно. Недостаточно знать, что хорошо, а что плохо; поступки — другая и более важная половина нравственности.

Благородна ли любовь Николетты к своим животным? Да, когда ведет ее к осознанию, что они личности, и к нежеланию навредить им. Но когда она сама выжигает клейма, отнимает у матери детенышей или перерезает животному горло, мне трудно ее понять. И вот почему: попробуйте применить ее аргументы в защиту мясоедства, предположим, к разведению на мясо кошек или собак — или даже людей. Многих это сразу отрезвит. На самом деле ее аргументы очень

напоминают аргументы рабовладельцев (по существу, они одинаковы), которые требовали лучше обращаться с рабами, но были против отмены рабства. Можно заставить другого стать рабом и обеспечить ему «хорошую жизнь и легкую смерть», как высказалась Николетта, говоря о животных с фермы. Это лучше, чем дурно обращаться с ним, если он раб? Конечно. Но это не то, чего хочется каждому.

Или попробуйте прикинуть: вы станете кастрировать животных без обезболивающих средств? А клеймить? А резать им горло? Пожалуйста, взгляните на то, как это делается (фильм *Meet Your Meat* легко найти в Интернете, именно с этого следует начать). Большинство не станет делать подобных вещей. Большинство даже не захочет на это смотреть. Честно ли, что другие делают за вас? Это контракт жестокости к животным и контракт на убийство — и ради чего? Ради продукта, который никому не нужен, — ради мяса.

Есть мясо, может быть, и «естественно», и большинство, вероятно, считает это приемлемым — люди, без сомнения, делали это очень долгое время, — но это не нравственные доводы. На самом деле, человечество в целом и нравственный прогресс представляют ясный пример преодоления того, что называется «естественность». Вспомним, что большинство южан, поддерживавшее рабство, ничего не говорило о его нравственности. Закон джунглей — это не нравственный стандарт, хотя он может заставить мясоедов лучше относиться к тому, что они едят мясо.

После побега из оккупированной нацистами Польши нобелевский лауреат по литературе Исаак Башевис Зингер называл предвзятое отношение к различным биологическим видам «самой крайней расистской теорией», он доказывал, что права животных были чистейшей формой социально-правовой защиты, поскольку животные — наиболее уязвимые из всех угнетенных. Ему казалось, что неправильное обращение с животными было повторением в миниатюре нравственной парадигмы «права сильного». Мы не соотносим их эмоциональные и физические потребности с людскими, считаем их не очень важными только потому, что это в нашей власти. Конечно, животное-человек отличается от всех других животных. Люди уникальны, и не потому, что считают боль животного несущественной. Подумайте: вы едите цыплят потому, что

ознакомились с научной литературой о них и сочли, что их страданиями можно пренебречь, или потому, что они вкусные?

Обычно этическое решение приходится принимать при неразрешимом конфликте интересов. В данном случае конфликтуют следующие интересы: человек хочет потрафить своему вкусу — а животное не хочет, чтобы ему перерезали горло. Николетта говорит, что они обеспечивают животному «хорошую жизнь и легкую смерть». Но жизнь, которую они обеспечивают животным, не настолько хороша, как жизни, которые большинство из нас обеспечивают своим собакам и кошкам (они могут обеспечить животным более комфортную жизнь и менее мучительную смерть, чем компания «Смитфилд», но действительно ли она так хороша?). Можно ли спокойно отнестись к тому, что человеческая жизнь окончится в 12 лет, а ведь это то же самое, что происходит с животными, которых насильственно лишают жизни в таких хозяйствах, как ферма Билла и Николетты?

Мы с Николеттой согласны в том, что наш выбор продуктов питания оказывает на других очень существенное влияние. Если вы сами вегетарианец, ваша жизнь оценивается в одну единицу вегетарианства. Если вы повлияли на другого человека, счет удвоился. А вы, без сомнения, можете повлиять на гораздо большее количество людей. То, что есть приходится на глазах других людей, сильно влияет на выбор меню.

Решение употреблять в пищу любое мясо (даже если это мясо от производителя, который минимально истязает животных) подтолкнет ваших знакомых есть мясо с промышленных ферм, чего в ином случае они бы делать не стали. О чем говорит это решение? Что лидеры, написавшие манифест об «этичном мясе», например, мои друзья Эрик Шлоссер, Майкл Поллан и даже фермеры с «Ранчо Нимана» регулярно выкладывают деньги из своих карманов и передают их промышленным фермам? Для меня это решение означает, что «этичное плотоядное» — идея провальная; даже самые ярые ее сторонники не могут следовать ей все время. Я встречал кучу людей, которых впечатлили доводы Эрика и Майкла, но ни один из них не ест только мясо с мелких ферм, типа ферм Нимана. Они либо вегетарианцы, либо продолжают есть по крайней мере какое-то количество мяса с промышленных ферм.

Утверждение, что употребление в пищу мяса может быть этически безупречным, звучит «приятно» и «толерантно» только потому, что большинство эгоистически считает, будто любое их деяние и желание — нравственно. Конечно, это будет популярно, если вегетарианка Николетта дает мясоедам основание забыть о настоящем нравственном вызове, который представляет собой мясо. Но сегодняшние социальные консерваторы — это вчерашние «экстремисты» по таким вопросам, как права женщин, гражданские права, права детей и так далее (кто станет защищать полумеры по вопросам гражданских прав или рабства?). Но когда дело касается употребления в пищу животных, тут уже невозможно игнорировать то, что ясно и неопровержимо доказано наукой: чего у нас больше с другими животными — сходства или различий? Они наши «двоюродные братья», как высказался Ричард Докинз.* Даже простое и не вызывающее сомнений утверждение: «вы едите труп», — назовут преувеличением. Нет, это всего лишь правда.

* Английский этолог, эволюционист, популяризатор науки.

На самом деле это не резкость и не нетерпимость — заявить, что мы не должны платить людям — и платить изо дня в день, — за то, что они наносят животным ожоги третьей степени, вырывают им тестикулы или перерезают горло. Давайте опишем реальность: этот кусок мяса взят от животного, которое в лучшем случае — и это те, кому еще повезло, — обжигали, увечили и убивали ради нескольких минут удовольствия какого-то человека. Неужели цель — удовольствие — оправдывает средства?

Ему лучше знать

Я уважаю взгляды людей, которые решили — по любой причине — воздерживаться от мяса. На самом деле именно это я сказал Николетте в первый день нашего знакомства, когда она сказала, что она — вегетарианка. Я сказал: «Великолепно. Я это уважаю».

Большую часть своей взрослой жизни я провел, пытаюсь найти альтернативу промышленному фермерству, наиболее отчетливо это видно по работе с «Ранчо Нимана». Я искренне согласен, что многие современные методы промышленного производства мяса, которые стали применять лишь во второй половине двадцатого века, нарушают издавна установленные законы и правила, касающиеся животноводства и забоя скота. Во многих традиционных культурах

считалось, что животные заслуживают уважения, и жизнь у них можно отнимать только с благоговением. Древние традиции в иудаизме, в исламе, в культурах американских индейцев и других известных в мире цивилизациях предусматривали особые ритуалы, и правила обращения с животными, которых намерены, убить, чтобы использовать в пищу. К сожалению, индустриализированная система отказалась от представления, что отдельное животное имеет право на хорошую жизнь и с ним всегда следует обращаться уважительно. Вот почему я открыто протестую против многого из того, что имеет место в современном промышленном животноводстве.

Своим рассказом я надеюсь объяснить, почему предпочитаю традиционные, естественные методы разведения животных для производства продуктов питания. Как я рассказывал несколько месяцев назад, вырос я в Миннеаполисе, я сын еврейских иммигрантов из России, которые открыли «Бакалейную лавку Нимана», так называемый «магазинчик на углу». Это было место, где превыше всего ценилось обслуживание; покупателей знали по именам, много заказов делалось по телефону и развозилось прямо до дверей заказчика. Ребенком я часто этим занимался. Я также ходил с отцом на фермерские рынки, расставлял, товары на полках, подбирал заказы и выполнял разную случайную работу. Моя мать, которая тоже работала в магазине, была отличной поварихой, она умела приготовить что-то вкусное из самых, казалось, неподходящих друг к другу ингредиентов, используя, конечно, те продукты, которые были у нас в магазине. С продуктами питания обращались как с чем-то необыкновенно ценным, не принимали как должное и не тратили попусту. Их не считали чем-то вроде топлива для организма. Подбор ингредиентов, приготовление еды и сама трапеза в нашей семье требовали времени, внимания и сопровождались определенными ритуалами.

Когда мне исполнилось двадцать, я оказался в Болинесе и купил тут кое-какую собственность. Мы с покойной женой возделали большой участок под огород; посадили фруктовые деревья; завели несколько коз, кур и свиней... Впервые в жизни большая часть продуктов, которые мы ели, была выращена моими собственными руками. Это приносило невероятное удовлетворение.

Именно тогда мне также пришлось напрямую столкнуться с обратной стороной, казалось бы, обычного процесса — употребления

в пищу мяса. Мы жили буквально бок о бок с нашими животными, я лично знал каждого из них. Поэтому лишение их жизни было очень реальной и довольно трудно выполнимой задачей. Я до сих пор помню, как лежал ночью без сна после того, как мы забили нашу первую свинью. Я мучился над вопросом, правильно ли я сделал. Но за те недели, которые последовали после этого, по мере того, как мы, наши друзья, наша семья ели мясо той свиньи, я осознал, что свинья умерла ради важной миссии — обеспечить нас вкусной, полезной и высокопитательной пищей. Я решил, что поскольку я всегда старался обеспечить нашим животным хорошую, естественную жизнь и смерть, свободную от страха и боли, то разведение животных для еды нравственно приемлемо для меня.

Конечно, большинство никогда не сталкивается напрямую с тем неприятным фактом, что продукты животного происхождения (в том числе молочные продукты и яйца) как-то связаны с убийством животных. Они далеки от этой реальности. Покупая мясо, рыбу и сыры в супермаркетах, получая в ресторанах еду, уже приготовленную или разделанную, люди не только не задумываются, но и вообще не думают о животных, которые стали этой едой. Вот в чем проблема. Это дало возможность агробизнесу превратить скотоводство и птицеводство в нездоровую, негуманную систему, которую общество практически не может контролировать. Немногие имеют возможность заглянуть за ограду промышленных фабрик, где заготавливают молоко, яйца или свинину, большинство потребителей и понятия не имеет о том, что происходит в подобных местах. Я убежден, что огромное большинство людей придет в ужас, узнав, что там творится.

Раньше американцы были теснее связаны с производством продуктов питания. Эта связь и добрые отношения гарантировали, что производство еды происходит таким образом, который сочетается с нравственными ценностями наших граждан. Но индустриализация фермерства разорвала эту связь и погрузила нас в эру разобщенности. Наша нынешняя система производства продуктов питания, особенно то, как обращаются с животными на предприятиях, больше похожих на тюрьмы, попирает основы этики большинства американцев, которые полагают, что промышленное фермерство нравственно приемлемо, но при этом убеждены, что каждому животному следует обеспечить достойную жизнь и гуманную смерть. Это всегда входило в

американскую систему ценностей. Утверждая в 1958 году «Акт о гуманных методах забоя скота», президент Эйзенхауэр отметил, что, если основываться исключительно на тех письмах, которые он получил по поводу этого закона, может показаться, что все, чего хотят американцы, — это только гуманный забой скота.

В то же время громадное большинство американцев и граждан других государств всегда считали, что употребление в пищу животных — нравственно приемлемо. Это естественно и соответствует культурным традициям. Соответствует культурным традициям потому, что люди, которые выросли в семьях, где ели мясо и молочные продукты, обычно перенимают те же самые модели поведения. Рабство — дурная аналогия. Рабство — широко распространенное в определенные эпохи и в определенных регионах, — никогда не было универсальной моделью, принятой в каждой семье, тогда как потребление мяса, рыбы и молочных продуктов принято в человеческих культурах по всему миру.

Я говорю, что потребление мяса — естественно, потому что множество животных в природе ест плоть других животных. Включая, конечно, и людей — и их предков, существовавших до появления человека, которые уже ели мясо более 1,5 миллиона лет назад. В большинстве частей мира и большую часть истории животных и людей поедание мяса не было просто вопросом удовольствия. Это было основой выживания.

Питательность мяса, а также распространение плотоядных в природе — убедительные для меня аргументы, что все это присуще людям. Попытки доказать, что не стоит ссылаться на природные системы, чтобы определить, что нравственно, а что нет, поскольку изнасилование и детоубийство известны и в дикой природе. Но этот довод не выдерживает критики, потому что опирается на поступки, отклоняющиеся от нормы. Такие случаи среди животных отнюдь не норма. Просто глупо приводить в пример девиантное поведение, чтобы определить, что приемлемо, а что нет. В смысле экономии, порядка и стабильности нормы природных экосистем бесконечно мудры. А поедание мяса — это норма (и всегда было нормой) в природе.

Но как тогда относиться к призыву, мол, мы, люди, должны взять да и перестать питаться мясом, несмотря на природные нормы, потому что мясо, видите ли, по сути своей расточительность ресурсов? Такое

утверждение не совсем верно. Оно исходит из того, что крупный рогатый скот выращивают на фермах-тюрьмах, кормят зерном и соей с удобряемых полей. Подобные расчеты не применимы к животным, живущим на подножном корму, которых держат только на пастбищах, а это тот же крупный рогатый скот, козы, овцы и олени, и все они питаются травой.

Дэйвид Пиментель из Корнельского университета — ведущий ученый, который давно изучает вопросы энергозатрат в производстве продуктов питания. Пиментель — не защитник вегетарианства. Он даже утверждает, что «все доступные свидетельства указывают на то, что люди — всеядны». Он часто пишет о важной роли крупного рогатого скота в мировом производстве продуктов питания. Например, в содержательной работе «Еда, энергия и общество» он отмечает, что крупный рогатый скот играет «важную роль... в обеспечении людей продовольствием». Он продолжает и развивает свою мысль: «Во-первых, домашний скот эффективно превращает фураж, растущий на пограничных местах распространения, в еду, подходящую для людей. Во-вторых, стада служат резервными источниками продуктов. В-третьих, крупный рогатый скот можно обменять на... зерно в те года, когда выпадает слишком много дождей, и урожай не задался».

Более того, утверждение, что разведение животных на фермах, по сути, плохо для окружающей среды, не позволяет воспринимать национальное и мировое производство продуктов питания как единое целое. Распахивание и засеивание земли для получения урожая шло параллельно с развитием животноводства на подножном корму, и происходило это в течение десятков тысяч лет, оставаясь неотъемлемой частью окружающей природы. Пасущиеся стада — это, судя по всему, наиболее экологичный способ сохранения прерий и пастбищ.

Как красноречиво объяснил в своих книгах Уэнделл Берри, фермы, представляющиеся наиболее экологическими, выращивают растения и животных вместе. Они созданы по образу природных экосистем, с их непрерывным и сложным взаимодействием флоры и фауны. Многие фермеры (вероятно, даже большинство), выращивающие органические фрукты и овощи, удобряют их навозом домашнего скота и птицы.

Дело, однако, в том, что производство любых продуктов питания требует некоторого изменения окружающей среды. Цель разумного фермера — минимизировать наносимый ей ущерб. Фермерство, основанное на пастбищах, особенно когда оно является частью многопрофильного сельскохозяйственного предприятия, это наименее разрушительный способ производства продуктов питания, с минимальным уровнем загрязнения воды и воздуха, эрозии почв и воздействия на дикую природу. Он также позволяет благоденствовать животным. Помогать подобным хозяйствам — это дело моей жизни, и я этим горжусь.

3. Неужели нам лучше знать?

Брюс Фридрих из РЕТА (чей голос следует за голосом Николетты в предыдущем разделе) с одной стороны — и Ниманы с другой представляют два основных взгляда на нашу нынешнюю систему животноводства. Две их версии — это одновременно и две стратегии. Брюс защищает права животных. Билл и Николетта отстаивают их благоденствие.

На первый взгляд, их позиции кажутся близкими, если не вообще одинаковыми: обе стороны ратуют за то, чтобы было меньше жестокости. (Когда защитники прав животных убеждают, что животные существуют не для того, чтобы мы их использовали, они призывают к минимизации вреда, который мы им наносим.) С этой точки зрения, главное различие между этими позициями — то, какой образ жизни уготован животному, в зависимости от степени проявленной к нему жестокости.

Защитники прав животных, которых я встречал во время моих исследований, не тратят время на критику той схемы (не будем говорить о кампаниях, специально нацеленных против нее), согласно которой животных поколение за поколением выращивают на фермах под приглядом таких хороших животноводов, как Фрэнк, Пол, Билл и Николетта. Этот вариант — идея здорового гуманного животноводства — большинству из тех, кто борется за права животных, кажется не столь предосудительным, сколь безнадежно романтическим. Они в него не верят. С точки зрения тех, кто радеет о правах животных, такая забота об их благоденствии выглядит ничуть не лучше предложения отнять у детей их основные законные права, создать громадные финансовые преимущества и стимулы для использования детского

труда, чтобы непомерная и непосильная работа сводила их в могилу, не накладывать никаких социальных запретов на использование товаров, которые были созданы детским трудом, и в результате ожидать, что беззубый закон, защищающий «благоденствие ребенка», обеспечит хорошее обращение с ними. Суть не в том, что дети находятся на том же нравственном уровне, что и животные, а в том, что они социально уязвимы и их можно почти безгранично эксплуатировать, если никто не будет этому препятствовать.

Конечно, те, кто «верит в мясо» и хочет, чтобы производство мяса продолжалось без промышленного фермерства, не считают сторонников вегетарианства реалистами. Без сомнения, маленькая (или даже большая) группа людей может захотеть перейти в вегетарианство, но люди, как правило, хотят мяса, всегда хотят и всегда будут хотеть. В лучшем случае пропагандисты вегетарианства добрые, но не реалистичные люди. В худшем — они оторванные от жизни фантазеры.

Нет сомнений, что существуют разные представления о мире, в котором мы живем, и о еде, которая должна быть на наших тарелках, но насколько эти представления различны? Идея справедливой фермерской системы, укорененной в лучших традициях ухода за животными, и идея вегетарианской системы фермерства, основанной на признании прав за животными — это стратегии для уменьшения (но не уничтожения) жестокости, присущей всем живым существам. Это не противоположные ценности, как это часто изображают. Они представляют различные способы выполнения работы, которую, тут все согласны, делать необходимо. Они отражают разные мнения о человеческой природе, но обе призывают к состраданию и благоразумию.

Обе идеи требуют значительных перемен в наших представлениях и предполагают, что мы одновременно и индивидуальные, и общественные существа. Обе требуют от нас совместных действий, а не только принятия решения для себя лично. Обе стратегии, если действительно хотеть достичь того, на что они нацелены, предполагают, что мы все должны сделать что-то более значительное, чем просто изменить свое меню; мы должны агитировать других присоединиться к нам. И хотя разница между этими позициями есть, она незначительна в сравнении с тем, что их объединяет, и обе они не

так уж далеки от тех доводов, которые защищают промышленное фермерство.

Прошло много времени с тех пор, как я принял свое личное решение стать вегетарианцем, но мне все еще было не ясно, какую из стратегий я должен принять, и тут пришло время убеждать других присоединиться к моему диетическому выбору. И все же у каждого из нас выбор свой.

4. Я не могу уложиться в слово «неправильно»

Билл, Николетта и я шли по холмистому пастбищу к скалам у океана. Волны под нами разбивались о живописные нагромождения камней. Поодаль то там, то тут виднелись домашние животные, черные на фоне зеленого морского простора, четко выделялись их опущенные рогатые головы и напряженные желваки жующих челюстей. Было совершенно очевидно, что, пока эти коровы жуют траву, они чувствуют себя прекрасно.

«А как это есть мясо животного, которого вы знали, что называется, в лицо?» — спросил я.

Билл: Это совсем не то, что съесть домашнего питомца. По крайней мере, я вижу разницу. Отчасти, наверно, вижу потому, что у нас много животных, гораздо больше, чем когда еще могут существовать отдельные домашние любимцы... Но если бы я и не собирался их есть, то все равно не стал бы обращаться с ними ни лучше, ни хуже.

Неужели? А стал бы он ставить клеймо на свою собаку?

«А как насчет увечий, например, выжигания клейма?»

Билл: Частично это делается просто из-за того, что это дорогие животные, и существует вполне разумная традиция, которая сегодня, может, и покажется архаичной, а может, и нет. Чтобы продавать животных, их следует клеймить и инспектировать. Кроме того, это предотвращает кражу скота. Следовательно, система защищает капиталовложения. Сейчас ищут способы, как делать это лучше — сканировать сетчатку или чипировать. Мы клеймим животных каленым железом и экспериментируем с холодным клеймом, но оба способа болезненны. Пока не найдем лучшего способа, будем считать выжигание клейма необходимостью.

Николетта: Единственная вещь из тех, что мы делаем, которую мне делать неприятно, — это выжигать клейма.

Мы говорим об этом много лет... Но кражи домашнего скота — это настоящая проблема.

Я спросил Берни Роллина, специалиста по благоде́нствию животных из университета Колорадо, который пользуется известностью во всем мире, что он думает об аргументах Билла в пользу выжигания клейма — остается ли это необходимостью, предотвращающей кражи.

«Хотите знать, как сегодня воруют скот: подъезжают на грузовике и убивают животных на месте — неужели клеймо может играть какую-то роль? Выжигание клейма — это дань традиции, рудимент. Эти клейма были в семьях много лет, и хозяева ранчо не хотят от них отказываться. Они знают, что процесс болезненный, но они делали это со своими отцами и дедами. Я знаю одного хозяина ранчо, хорошего, рачительного фермера, он признавался, что его дети не приезжают домой ни на День благодарения, ни на Рождество не приезжают, но непременно являются, когда приходит время клеймить скот».

Компания «Ранчо Нимана» предлагает и продвигает многие нововведений, и это, вероятно, лучшее, что можно сделать, если намереваешься создать модель, которую можно сразу скопировать. Но такая горячность не всегда однозначна. Считается, что выжигание клейма — некий компромисс, но это вовсе не уступка необходимости, практичности или же требованию определенного вкуса, а попросту дань иррациональной привычке, излишней жестокости, укоренившейся традиции.

Промышленное производство говядины продолжает быть наиболее этически приемлемым сегментом мясной промышленности, поэтому очень бы хотелось, чтобы правда выглядела не столь отвратительно. Протоколы о благоде́нствии животных, одобренные Институтом благоде́нствия животных, которым следует «Ранчо Нимана» (и вновь, мы говорим о лучших), допускают обрезание (удаление зачатков рогов каленым железом или каустическими пастами) и кастрацию. Менее очевидная проблема, но гораздо худшая, с точки зрения благоде́нствия, состоит в том, что домашний скот с «Ранчо Нимана» последние месяцы своей жизни проводит на фидлотах. Фидлот компании «Ранчо Нимана» не похож на промышленный фидлот (из-за меньших масштабов, отсутствия лекарств, лучшей кормежки, лучшего содержания и большего

внимания, уделяемого благополучию каждого животного), но Билл и Николетта до сих пор сажают домашний скот на диету, которая плохо сочетается с пищеварительной системой коров, и держат на ней несколько месяцев. Да, Ниман откармливает скот более мягкой смесью зерновых, чем стандартная индустриальная смесь. Но наиболее «специфические» повадки животных до сих пор приносят в жертву вкусовым предпочтениям людей.

Билл: Сейчас очень важно — и я это по-настоящему ощущаю, — что мы можем изменить и то, как едят люди, и то, как едят животные. Тем, кто с нами солидарен, нужно соединить усилия. Оценивая свою жизнь и представляя итог, буду считать удачей, если смогу оглянуться назад и сказать: «Мы создали модель, которую каждый может скопировать», пусть даже нас и раздавят на рынке, но, по крайней мере, в грядущих переменах есть капля и наших усилий.

Это было ставкой Билла, и он поставил на кон собственную жизнь. А какова ставка Николетты?

«Почему вы не едите мяса? — спросил я. — Меня это волновало всю вторую половину дня. Вы продолжаете доказывать, что в этом нет ничего предосудительного, но совершенно очевидно, что это предосудительно для вас. Я не спрашиваю о других, я задаю вопрос конкретно про вас».

Николетта: Я чувствую, что в состоянии сделать выбор, и не хочу, чтобы моя совесть была нечиста. Это все из-за моей личной связи с животными. Это будет меня тревожить. Наверно, мне от этого просто неуютно существовать.

«Вы можете объяснить, что заставляет вас так чувствовать?»

Николетта: Я думаю, это оттого, что я знаю, что в этом нет необходимости. Но мне не кажется, что в этом есть что-то неправильное. Понимаете, я не могу уложиться в слово неправильно.

Билл: Тут все дело в моменте забоя. Это мой личный опыт — и подозреваю, опыт всех чувствительных животноводов, — именно в тот момент ты понимаешь, что такое судьба и власть. Потому что ты привел это животное к смерти. Оно еще живо, но ты знаешь, когда поднимется дверь и оно войдет внутрь, все будет кончено. И это наиболее тревожащий меня момент, тот роковой момент, когда они стоят в очереди на бойне. Даже не знаю, как это объяснить. Это неразрывный союз жизни и смерти. Именно тогда ты понимаешь:

«Боже, неужели я действительно хочу осуществить свою власть и превратить это чудесное живое существо в предмет потребления, в продукт питания?»

«И как вы решаете эту проблему?»

Билл: Ну, просто делаю глубокий вдох. Количество забитого скота не делает процесс легче. Люди думают, чем дальше, тем легче.

Вы сделали глубокий вдох? На миг это кажется идеально подходящим ответом. Звучит романтично. На миг разведение домашнего скота кажется более честным: смотреть в лицо суровым проблемам жизни и смерти, власти и судьбы.

Или этот глубокий вдох всего лишь покорный вздох, равнодушное обещание подумать об этом после? Что такое глубокий вдох — вызов судьбе или попытка уйти от ответственности? А как насчет выдоха? Не хватит легких, чтобы вдохнуть загрязненный воздух всего мира. Не реагировать — это тоже реакция, мы равно отвечаем за то, что делали и чего не сделали. В случае забоя животного всплеснуть руками — все равно что сжимать в руке рукоятку ножа.

5. Сделайте глубокий вдох

Практически все коровы приходят к одному концу: последняя поездка на станцию смерти. Коровы, выращиваемые на мясо, приходят к своему концу еще подростками. Если американские ранчеры в прошлом держали скот на пастбищах четыре или пять лет, то сегодня коров убивают в возрасте двенадцати-четырнадцати месяцев. Хотя мы вплотную сталкиваемся с конечным продуктом этого путешествия (он у нас в домах, во рту, во рту наших детей...), для большинства из нас само путешествие неощущаемо и невидимо.

А домашний скот, кажется, воспринимает эту поездку, как вереницу отдельных стрессов: ученые определили спектр разных гормональных реакций на стресс — на обращение с ними, на транспортировку и на сам убой. Если убойный этаж работает как положено, первичная реакция животного на обращение с ним, как показывают уровни гормонов, может быть даже сильнее, чем стресс от транспортировки или забоя.

Острую боль довольно просто распознать, а что считать хорошей жизнью для животного вовсе не очевидно, пока детально не изучишь конкретный вид — даже конкретное стадо, конкретное животное. Забой, вероятно, самый отвратительный процесс в современной

городской жизни, но если посмотреть на него с точки зрения коровы, нетрудно будет вообразить, почему после жизни в привычном коровьем сообществе взаимодействие со странными, шумными, причиняющими боль двуногими может напугать сильнее, чем сам смертный миг.

Мне удалось это прочувствовать, когда я бродил среди стад Билла. Если оставаться на приличном расстоянии от жующих траву коров, может показаться, что они даже не осознают твоего присутствия. Но это не так: охват поля зрения у коров почти 360°, и они бдительно следят за тем, что происходит вокруг. Они знают других животных, которые их окружают, выбирают вожаков и всегда готовы защищать свое стадо. Стоило мне осторожно приблизиться на расстояние вытянутой руки, как оказывалось, что я пересек какую-то невидимую границу, и корова быстро отходила. Как правило, у домашнего скота сохраняется врожденный инстинкт немедленно спастись бегством, характерный для тех, кто служит добычей для хищников, а потому множество принятых среди фермеров приемов — привязывание, окрики, накручивание хвоста, удар электропогонялкой и битье, — естественно, пугает животных.

Так или иначе все стадо загоняют в грузовики или в вагоны. Теперь скоту предстоит путешествие длительностью до сорока восьми часов, на всем протяжении которого ему не дают ни пить, ни есть. В результате практически все теряют в весе, и у многих появляются признаки обезвоживания. Их часто оставляют на жутком холоде или страшной жаре. Много животных от подобных условий умрет или прибудет на бойню слишком слабыми, и их сочтут непригодными для убоя и последующего потребления.

Я не мог подобраться ближе к большой бойне. Почти единственный способ для того, кто не работает в отрасли, увидеть промышленную бойню, это тайное, несанкционированное проникновение, но на подготовку уйдет не менее полугода, а то и больше, и это отнюдь не безопасно для жизни. Поэтому описание забоя, которое я привожу, взято из отчетов свидетелей, выложенных в Интернете, и из официальных документов самой промышленности. Я хочу дать возможность рабочим с этажа смерти собственными словами, насколько это возможно, рассказать о реалиях, с которыми им приходится сталкиваться.

В своем бестселлере «Дилемма всеядного» Майкл Поллан прослеживает жизнь специально купленной им коровы #534, которую выращивают на мясо на промышленной ферме. Поллан дает пространственный и подробный отчет о выращивании домашнего скота, но вдруг останавливается и даже не пытается детально описать забой, отвлеченно рассуждая о его этических аспектах с безопасного расстояния, тем самым сигнализируя о фундаментальной неудаче своего во многом проницательного и откровенного исследования.

«Забой, — пишет Поллан, — был единственным событием в ее [#534] жизни, которое мне не позволили увидеть или даже что-нибудь о нем узнать, кроме его примерной даты. Это не сильно меня удивило: мясная промышленность понимает, что чем больше людей узнает о том, что происходит на убойном этаже, тем меньше мяса они захотят съесть». Отлично сказано.

Но, продолжает Поллан, «происходит это не потому, что забой обязательно негуманен, но потому, что большинство из нас просто не хочет, чтобы им напоминали, что такое мясо и чего стоит донести его до наших тарелок». Это поразило меня, потому что лежит где-то между полуправдой и уклончивостью. Как объясняет Поллан, «готовность есть промышленное мясо заставляет нас свершать героический подвиг неведения или, как минимум, забвения». Героизм нужен именно для того, чтобы человек забыл гораздо больше, чем просто факт смерти животного: человек должен забыть не только то, что животных убивают, но и как это делают.

Даже среди писателей, которые заслуживают огромной похвалы за то, что вывели промышленное фермерство на всеобщее обозрение, зачастую существует безвкусное отрицание настоящего ужаса, причиной которому наши действия. В своем провокативном и во многом блестящем обзоре книги «Дилемма всеядного» Б. Р. Майер объясняет эту интеллектуальную манеру:

«Принцип таков: один человек спорит с другим, пользуясь доводами рассудка, пока его не загонят в угол. Тогда он прекращает дискуссию и уходит, притворяясь, что он выше этого, хотя на самом деле у него просто нет больше аргументов. Отсутствие аргументов выдается за некую известную только ему тайну, а отказ от спора подается как снисходительное нежелание высказывать презрение к слабому уму и дешевому самомнению противной стороны».

Существует еще одно правило этой игры: никогда, абсолютно никогда не придавать значение тому, что 99 процентов времени человек должен выбирать между жестокостью, экологическим разрушением и отказом от поедания животных.

Нетрудно вычислить, почему промышленность, производящая говядину, не позволяет даже горячему поклоннику мяса хоть одним глазком увидеть бойню. Даже на тех из них, где большая часть домашнего скота умирает быстро, трудно вообразить, чтобы день прошел без того, чтобы несколько животных (десятки, сотни?) не встретили самый жуткий конец. Мясная промышленность, придерживающаяся этики, которой придерживаются большинство из нас (обеспечение животным хорошей жизни и легкой смерти при минимальных потерях) — это не фантазия, но тогда она не сможет поставлять то громадное количество дешевого мяса на душу населения, которым мы сейчас наслаждаемся.

На типичной бойне домашний скот ведут через впускной тоннель в оглушающую ловушку — обычно это большое цилиндрическое пространство, куда проталкивают головы. Оператор или «боец» приставляет ко лбу коровы большое пневматическое ружье. Стальной болт выстреливает ей в череп, а затем втягивается назад в дуло, обычно лишая животное сознания или вызывая его смерть. Но иногда болт только оглушает животное, которое либо остается в сознании, либо очнется позже в процессе «обработки». Эффективность ружья зависит от его производителя и ухода за ним, а также от мастерства того, кто его применяет, — маленькая течь в шланге или преждевременный выстрел — еще до того, как ружье упрется в череп животного, — может уменьшить силу удара, и животное останется с нелепой дырой в голове, но способным чувствовать боль.

Эффективность операции может быть также снижена из-за того, что некоторые управляющие бойнями не хотят, чтобы животные были «слишком мертвыми»: когда сердце перестает биться, кровь вытекает слишком медленно или вытекает не вся. (Для рентабельности бойням «важно», чтобы кровь вытекала быстро, еще и потому, что кровь, оставшаяся в мясе, активизирует рост бактерий и сокращает срок его годности.) В результате некоторые фабрики намеренно выбирают менее эффективные методы оглушения. Это ведет к тому, что более

высокий процент животных требует нескольких ударов или они остаются в сознании или приходят в себя в процессе переработки.

Это не шутки, и нечего отворачиваться. Поясним, что имеется в виду: животные истекают кровью, с них снимают шкуру и расчлениают, а они это чувствуют. Это происходит постоянно, а промышленность и правительство это знают. Несколько фабрик было упомянуто в списках «отличившихся» в том, что там спускали кровь, сдирали шкуры и расчленили живых животных, при этом они оправдывали свои действия тем, что это принято в индустрии, и наверняка удивлялись, почему выделили именно их из множества подобных.

Когда Темпл Грандин в 1996 году проводила аудит отрасли, проверка выявила, что подавляющее большинство боен для крупного рогатого скота было не в состоянии профессионально — с одного удара — лишать животных сознания. Министерство сельского хозяйства, федеральное агентство, отвечающее за гуманность забоя, реагирует на эти цифры не усилением принуждения, но, наоборот, прекращая отслеживать нарушения гуманного забоя и удаляя любое упоминание гуманного забоя из списка чередующихся заданий для инспекторов. С тех пор ситуация улучшилась, что Грандин приписывает в большей степени проверкам, которых требуют компании фаст-фуда (а аудита эти компании стали требовать после того, как сами стали мишенью для организаций защитников животных), при этом ситуация остается тревожной. По самым недавним оценкам Грандин, которые оптимистично базируются на данных из заявленных аудитов, одна из каждых четырех боен не может профессионально лишить животное сознания с первого удара. Для более мелких предприятий практически нет никакой статистики, и специалисты полагают, что эти бойни обращаются с домашним скотом еще хуже. Нет ни одной безупречной.

Домашний скот в дальнем конце очереди, ведущей на этап смерти, кажется, не понимает, что ему предстоит, но если они пережили первый удар, они, без сомнения, понимают, что борются за свою жизнь. Один рабочий вспоминает: «Они задирают головы, оглядываются, пытаются спрятаться. Их уже ударили той штукой, и они не хотят, чтобы она добралась до них еще раз».

Сочетание скорости конвейера, которая выросла на 800 % за последнюю сотню лет, и плохо обученных рабочих, трудящихся в

кошмарных условиях, гарантируют ошибки. (У работников боев самый высокий процент травм на рабочем месте — 27 % ежегодно, а получают они гроши, забивая до 2050 голов за смену.)

Темпл Грандин уверяет, что обычные люди могут стать садистами из-за негуманности работы забойщика. Это постоянно возникающая проблема, докладывает она, которой должно остерегаться руководство.

Иногда животных не оглушают вовсе. На одной фабрике рабочие (не защитники прав животных) тайком сделали видеозапись и послали в газету «Вашингтон пост». На пленке оказались животные в полном сознании, которые двигались на конвейере первичной обработки туши, а также случай, когда электропогонялку впихивали в пасть кастрированного бычка. Согласно статье в «Пост», «более двадцати рабочих подписали письменные показания, данные под присягой, утверждая, что нарушения, зафиксированные на пленке, — это обыденность, и контролеры о них знают». В одном письменном заявлении рабочий признается: «Я видел тысячи и тысячи коров, которых обрабатывали живьем... Коровы могут семь минут находиться на конвейере, оставаясь живыми. Я был на боковом съемнике, где коровы все еще живы. В этом месте с них уже содрали всю шкуру от самой шеи». Тех, кто роптал, заставляли попросту уволиться.

«Я приходил домой в отвратительном настроении... Сразу спускался вниз и ложился спать. Кричал на детей и вообще вел себя ужасно. Один раз у меня по-настоящему слетела крыша — [моя жена] об этом знает. Трехлетняя телка шла по убойному коридору. В этот момент она рожала теленка, он был еще наполовину внутри, а наполовину уже снаружи. Я знал, что она должна умереть, поэтому вытащил из нее теленка. Боже, как разъярился мой босс... Подобных телят называют «опойками». И используют их кровь для исследования рака. И босс хотел получить этого теленка. Что обычно делают, когда внутренности коровы выпадают на специальный стол? Рабочие идут вдоль стола, распарывают матки и вытаскивают телят. Но это пустяки по сравнению с тем, как видеть корову, висящую на крюке, а внутри у нее брыкается теленок, пытающийся выбраться наружу... Боссу был нужен этот теленок, но я отослал его назад на скотный двор... [Я пожаловался] начальнику цеха, инспекторам, управляющему на этаже смерти. И даже управляющему сектором, занимающимся говядиной.

Как-то раз в кафетерии у нас был долгий разговор о тех безобразиях, что тут творятся. Я так злюсь, что иногда бессильно колочу кулаками по стене, они ведь не хотят ничего менять или сделать хоть что-то... Я никогда не видел ветеринара [из Министерства сельского хозяйства] поблизости от загона для оглушения. Никто не хочет сюда возвращаться. Понимаете, я бывший морской десантник. Кровью и кишками меня не испугаешь. Меня волнует негуманное обращение. Его тут слишком много».

Примерно через двенадцать секунд оглушенная корова — без сознания, в полусознании, в полном сознании или мертвая — движется по конвейеру и прибывает к «кандальнику», который обвивает цепью одну из задних ног и поднимает животное в воздух.

От кандальника животное, подвешенное за ногу, механически движется к «закалывальщику», который перерезает сонную артерию и яремную вену на шее. Животное вновь механически перемещается к «ограждению для обескровливания», где кровь вытекает в течение нескольких минут. У коровы приблизительно пять с половиной галлонов крови, поэтому, чтобы она вытекла, требуется некоторое время. Если перекрыть ток крови к мозгу животного, это его убьет, но не мгновенно (вот почему полагается, чтобы животное было в бессознательном состоянии). Если животное частично в сознании или неправильно заколото, ток крови может замедлиться, удлиняя тем самым состояние сознания животного. «Они моргают, вертят головой из стороны в сторону, оглядываются, совершенно обезумевшие», — говорил один из рабочих с конвейера.

Теперь корову нужно превратить в тушу, ее двигают дальше к «скалывровщику», его название говорит само за себя, рабочий снимает кожу с головы животного. Процент домашнего скота, находящегося в сознании, на этой стадии невелик, но все-таки это не ноль. На некоторых предприятиях эта проблема настолько обычна, что существуют неофициальные инструкции, как обращаться с подобными животными. Объясняет рабочий, знакомый с такой практикой: «Часто рабочий, снимающий кожу с головы, понимает, что животное все еще в сознании, — он делает надрез сбоку головы, а корова начинает дико брыкаться. Если такое случается или если корова уже брыкалась, прибыв на пункт, рабочий втыкает нож ей в затылок и перерезает спинной мозг».

Как выяснилось, это обездвигивает животное, но не делает его нечувствительным. Не могу сказать, со сколькими животными это происходит, ибо никому не позволено досконально исследовать этот вопрос. Мы знаем только, что это неизбежное побочное следствие современных систем убоя, так что это будет случаться и впредь.

После «скальпировщика» туша (или корова) переезжает к «ножникам», которые отрезают нижнюю часть ее ног. «Если какая-то из них возвращается к жизни, — говорит рабочий с конвейера, — то кажется, что она пытается забраться по стене... А если эта несчастная уже досталась «ножникам», не желая прерывать работу, они ждут, когда кто-то к ним подойдет и еще раз оглушит корову. И просто отсекают нижние части ног секатором. Когда они это делают, корова просто сходит с ума и дергает ногами во все стороны».

Затем с животного снимают всю шкуру, его потрошат и разрезают пополам, на этом этапе туша выглядит как привычная картинка говяжьей туши — висящая в морозильнике в зловещей неподвижности.

6. Предложения

В не очень долгой истории американских организаций по защите животных тех, кто ратует за вегетарианство, немного, но они хорошо организованы и вступают в нелицеприятный спор с теми, кто защищает идею есть с осторожностью. Широкое распространение промышленных ферм и индустриальных боен серьезно изменило положение, сразу же закрыв брешь между такими некоммерческими организациями, как PETA, которые защищают веганство, и такими, как Общество защиты животных США (HSUS), которое говорит приятные вещи о веганстве, но, главным образом, выступает за благоденствие животных.

Из всех хозяев ранчо, которых я встретил во время своих исследований, Фрэнк Риз имел особый статус.

Я утверждаю это по двум причинам. Во-первых, он — единственный из встреченных мною фермеров, который не делает на своем ранчо ничего, что можно посчитать откровенной жестокостью. Он не кастрирует животных, как Пол, и не клеймит их, как Билл. Когда другие фермеры говорили «мы должны это делать, чтобы выжить» или «этого требует потребитель», Фрэнк пошел на большой риск (он бы потерял дом, пойдя дела на ферме из рук вон плохо) и предложил

своим клиентам научиться питаться по-новому (его птиц нужно готовить дольше и у них непривычный вкус; они ароматнее, поэтому их следует умереннее добавлять в супы и другие блюда, поэтому к птице он прилагает рецепты и изредка даже устраивает трапезы для своих клиентов, чтобы научить их старым кулинарным хитростям). Его работа требует громадного сострадания и бесконечного терпения. И цена этих усилий не только нравственная, но и, поскольку новое поколение всеядных требует заботы о благоденствии животных, экономическая.

Фрэнк единственный из известных мне фермеров, кому удалось сохранить генетику «традиционных пород» птицы (он первый и единственный хозяин ранчо, которому Министерство сельского хозяйства США разрешило применять к своим птицам понятие «традиционной породы»). Его сохранение таких пород невероятно важно, потому что, пожалуй, самое большое препятствие для появления нормальных ферм по разведению индеек и кур — это ориентация на промышленные инкубаторные станции, которые обеспечивают фермеров птенцами, а других инкубаторов, можно сказать, и нет. Практически ни одна из тех птиц, которых можно купить, не может воспроизводиться, в их генах, благодаря генной инженерии, изначально заложены будущие серьезные проблемы со здоровьем (куры, которых мы едим, как и индейки, это бесперспективные животные — по замыслу, они не могут прожить так долго, чтобы начать размножаться). Поскольку среднестатистический фермер не может завести собственный инкубатор, он поневоле попадает в плен промышленной системы, которая устанавливает тотальный контроль над генетикой животных. Не только Фрэнку, но и почти всем другим мелким птицеводам, даже немногим хорошим фермерам, которые платят за породную генетику и выращивают птиц с большим вниманием к их благоденствию, обычно приходится каждый год заказывать доставку птицы по почте из промышленных инкубаторов. Нетрудно представить, что пересылка цыплят по почте ставит их благоденствие под вопрос, но гораздо больше тревоги вызывают условия, в которых выращивали родителей, дедушек и бабушек этих птиц. Доверие к подобным инкубаторам, где условия содержания птиц могут быть столь же скверными, как на самых худших промышленных фермах, — вот ахиллесова пята мелких

производителей, которых в ином случае не в чем было бы упрекнуть. Вот почему традиционные породы Фрэнка и его мастерство птицевода требуют создания альтернативной фабрики, отличной от птицеводческих предприятий; создать такую ферму практически не под силу никому другому.

Но Фрэнк, как и многие фермеры, хранящий живое знание о навыках традиционного сельского хозяйства, очевидно, не мог реализовать свои возможности без посторонней помощи. С одной честностью, мастерством и породой прибыльной фермы не создать. Когда мы только познакомились, спрос на его индеек (сейчас у него есть еще и куры) просто не мог быть выше — они бывали запроданы уже за полгода до отправки на бойню. Хотя самые верные из его клиентов чаще всего рабочие (синие воротнички), должное его птицам отдавали и такие шеф-повара и гурманы, как Дэн Барбер, Марио Баталии и Марта Стюарт*. Тем не менее Фрэнк терпел убытки и поддерживал свою ферму доходами от другой деятельности.

* Дэн Барбер — шеф-повар и владелец нескольких ресторанов; Марио Баталии — повар, ведущий телешоу и писатель; Марта Стюарт — телеведущая программы о кулинарии и домашнем дизайне, издательница журнала.

У Фрэнка был собственный инкубатор, но ему нужны были еще какие-то службы, особенно хорошая бойня. Повсеместное исчезновение не только инкубаторов, но и боен, асфальтированных стоянок для трейлеров, зернохранилищ и других служб, которые нужны фермерам, стало почти непреодолимым препятствием для роста предприятий на основе традиционного сельского хозяйства. И дело вовсе не в том, что покупатель пренебрегает мясом животных, выращенных в подобных хозяйствах, просто сами фермеры не могут его производить без восстановления разрушенной сельской инфраструктуры.

Написав примерно половину этой книги, я позвонил Фрэнку, как периодически это делал, чтобы задать пару вопросов о птице (как это принято в среде птицеводов). Я ожидал, как всегда, услышать его мягкий, неизменно терпеливый голос, подразумевающий, что все хорошо. Но нет. В его голосе слышалась паника. Ему удалось найти всего одну бойню, где готовы были забивать его птиц по тем стандартам, которые он считал приемлемыми (хотя не идеальными).

Бойня работала уже сто лет, но теперь ее купила и закрыла промышленная компания. Обратился он к ней не из прихоти: в регионе буквально не осталось другой фабрики, которая могла бы справиться с забоем его птиц к Дню благодарения. Перед Фрэнком неожиданно замаячила не только перспектива громадных экономических потерь, но, что еще страшнее, вероятность (с одобрения Министерства сельского хозяйства) забоя всех его птиц вне фабрики, а это означало, что они не продадутся и буквально сгниют.

Бойня с заколоченными ставнями — не редкое явление. Разрушение основной инфраструктуры, которая поддерживала мелких птицеводов, происходит в Америке повсеместно. С одной стороны, это результат нормального процесса, когда корпорации преследуют выгоду, обеспечивая себе доступ к тем источникам, к которым не могут добраться конкуренты. Очевидно, что на это брошены немалые деньги: миллиарды долларов, которые поглотит горстка мегакорпораций, но которых вполне хватило бы на сотни тысяч мелких фермеров. Однако вопрос в том, разорятся ли фермеры, подобные Фрэнку, или начнут клевать по зернышку на рынке, находящемся на 99 % под контролем (и не только финансовым) промышленных ферм. На кону будущее того этического наследия, которое с большими трудами строили поколения до нас. Ставка — все, что сделано во имя «американского фермера» и «американских сельских ценностей», — и призыв к этим идеалам невероятно важен. Миллиарды долларов из правительственных фондов предназначены для сельского хозяйства; государственная сельскохозяйственная политика, которая отвечает за пейзаж, воздух и воду в нашей стране; и международная политика, которая влияет на мировые проблемы — от голода до изменения климата — все это во имя наших фермеров и тех ценностей, которые ими руководят. Однако фермеров больше нет; их заменили корпорации. И эти корпорации не просто магнаты бизнеса (которые способны на совестливые поступки). Это громадные компании с юридическими обязательствами максимально увеличивать прибыльность. Ради продаж и публичного имиджа они поддерживают миф о том, что они — Фрэнк Риз, хотя стараются изо всех сил, чтобы реальный Фрэнк Риз вымер.

Альтернатива, которую можно предложить, чтобы мелкие фермеры и их друзья (защитники устойчивого хозяйства и

благоденствия животных) стали настоящими владельцами этого наследия. Немногие будут по-настоящему фермерствовать, но как сказал Уэнделл Берри, мы все занимаемся фермерством по доверенности. Кому мы отдадим наши голоса? В предшествующем сценарии мы отдали наши необъятные нравственные и финансовые силы небольшой горстке людей, которые во имя невероятных личных выгод частично контролируют сельскохозяйственную бюрократию, похожую на бездушный механизм. В последнем сценарии мы вверим наши голоса не только подлинным фермерам, но и тысячам специалистов, чья жизнь посвящена гражданской, а не корпоративной выгоде, например, таким, как доктор Аарон Гросс, основатель Farm Forward, организации, которая защищает устойчивое развитие фермерства и животных с ферм и составляет карты новых путей к прочной системе, отражающей многообразие ценностей.

Промышленная ферма преуспела, разделив людей и их еду, устранив фермеров и управляя сельским хозяйством с помощью корпоративных директив. Но что будет, если такие фермеры, как Фрэнк, и такие его давние союзники, как Американская организация по сохранению пород домашнего скота, объединят усилия с более молодыми организациями, такими как Farm Forward, которые влились в ряды энергичных разборчивых всеядных и защитников вегетарианства: студентов, ученых и специалистов; родителей, художников и религиозных лидеров; юристов, шеф-поваров, бизнесменов и фермеров? Что будет, если Фрэнк, который в одиночку бьется как рыба об лед, чтобы сохранить бойню, объединится в союз с другими силами, которые дадут ему возможность вложить максимум энергии в использование как самых лучших современных технологий, так и традиций сельского хозяйства, чтобы создать более гуманную, надежную — и демократическую — фермерскую систему?

Я — веган, который строит бойни

Я веган уже более половины своей жизни, и хотя к веганству меня подтолкнуло многое, среди прочего проблемы экологии, попечение о личном и общественном здоровье, главной была все-таки проблема животных. Вот почему люди, которые хорошо меня знают, не могут взять в толк, почему я вдруг занялся разработкой проектов для скотобоев.

Я был ярким сторонником растительных диет любого толка и продолжаю утверждать, что употребление как можно меньшего количества продуктов животного происхождения, а в идеале — полный отказ от них, — это важнейшая и самая действенная часть решения проблемы. Но мое понимание приоритетов в системе ценностей защитников прав животных изменилось. Когда-то я считал веганство передовым, актуальным, контркультурным вызовом. Теперь мне ясно, что ценности, которые привели меня к веганской диете, родом из прошлого моей семьи, времени мелких ферм.

Если вы знать не знаете о промышленном фермерстве и унаследовали что-то вроде традиционных представлений об этике животноводства, вам трудно будет не прийти в ужас от того, во что оно превратилось. При этом я не имею в виду какую-то пасторальную этику. Я говорю об этике ранчо, которая допускает кастрацию, клеймение и убийство самых слабых детенышей в помете, допускает, что в один прекрасный день вы перережете горло животным, которые, вероятно, привыкли к вам как к человеку, приносящему им еду. И в традиционных культурах было немало жестокости. Но было, тем не менее, и сострадание, о чем сегодня вспоминают все меньше, поскольку не видят в этом необходимости. Понятие «хорошая ферма» перевернулось с ног на голову. Вместо толкового разговора об уходе за животными, об их благоденствии, все чаще слышишь от фермеров заученную формулу: «Никто не начинает заниматься этим бизнесом из ненависти к животным». Любопытное заявление. Из него как бы само собой следует: мол, эти милые люди стали животноводами, потому что любят животных, они только и делают, что заботятся о них. Не стану утверждать, что тут все гладко, но кое-какая правда в этом есть. Это заявление как бы прячет в себе извинение, не высказывая его вслух. В конце концов, зачем декларировать, что они не ненавидят животных?»

Печально, но люди, сегодня занимающиеся животноводством, все больше отличаются от носителей традиционной сельской культуры. Многие представители городских организаций по защите животных, понимают они это или нет, строго говоря, непременно должны быть носителями таких традиционных ценностей, как уважение к соседям, открытость, самоуправление и, конечно же, уважение к животным, которые попали к ним в руки. Однако мир так изменился, что

признание одних и тех же ценностей больше не служит основанием для одинаковых выводов

Я питал немало надежд на то, что возникнет больше ранчо, где домашний скот будет кормиться травой, я уповал на новый энергичный порыв пока еще существующих мелких семейных свиноферм, но что касается промышленного птицеводства, тут у меня никаких надежд не было. И вдруг я встретил Фрэнка Риза и увидел его потрясающую ферму. Фрэнк с горсткой фермеров, которым он раздал часть своих птиц — единственные, кто может, опираясь на генетику, предложить достойную альтернативу промышленным птицефермам. Это именно то, что нам нужно.

Когда я заговорил с ним о трудностях, с которыми он сталкивается, оказалось, что он бьется над полудюжиной проблем, которые невозможно решить без значительных капиталовложений. Но был и еще один совершенно очевидный момент: его продукция не просто пользуется спросом, этот, спрос невероятно велик — мечта предпринимателя. Фрэнку заказывали больше птиц, чем он мог вырастить за всю свою жизнь, и ему приходилось регулярно отказывать клиентам, он не мог удовлетворить столько заказов. Организация, которую я основал, Farm Forward, предложила ему написать бизнес-план. Несколько месяцев спустя мы с нашим, директором сидели в гостиной у Фрэнка с первым возможным инвестором.

Затем мы предприняли титанические усилия, чтобы собрать в один кулак силы влиятельных почитателей Фрэнка — репортеров, академиков, кулинаров, политиков — и направить эту энергию так, чтобы как можно быстрее получить результат. Казалось, все идет как по маслу. К своей стае индюшек Фрэнк добавил несколько традиционных пород кур. Первая серия необходимых ему построек была уже на стадии проекта, он вел переговоры о крупном контракте с владельцем крупной розничной сети. И тут бойня, услугами, которой он пользовался, была куплена и закрыта.

На самом деле мы этого ожидали. И все же птицеводы Фрэнка — те фермеры, которые вырастили немало птиц сохраненной им породы и выстояли, потеряв большую часть годовой выручки, — дрогнули. Фрэнк считал, что единственным надежным решением было бы завести собственную бойню, в идеале — мобильную, которую можно

было бы устанавливать прямо на ферме и таким образом уменьшить стресс, который птицы переживают при транспортировке. Конечно, он был прав. Поэтому мы взялись за расчеты, чтобы понять, во что обойдется реализация этого плана. Для меня это было ново — не только профессионально, что естественно, но и эмоционально. Я боялся, что у меня начнется непрерывный внутренний спор с самим собой, ведь мне предстояло примириться с необходимостью убийства животных. Но отчего мне было по-настоящему не по себе, так это от того, что никакого дискомфорта я не ощущал. Почему, не уставал удивляться я, у меня нет ни тени беспокойства по этому поводу?

Мой дед со стороны матери хотел оставаться фермером. Его выдавши из бизнеса, как и многих других, но моя мать выросла на ферме. Это было в маленьком городке на Среднем Западе, где людей с высшим образованием было всего человек сорок. Когда-то мой дед выращивал свиней. Он» их кастрировал и даже держал взаперти, то есть делал почти то же, что нынешние промышленные свинофермы. И все же они для него оставались живыми существами, и, если какая-нибудь из них заболела, он окружал ее дополнительной заботой и уходом. Ему бы и в голову не пришло достать калькулятор и подсчитать, насколько будет выгоднее, если она сдохнет. Такая мысль показалась бы ему нехристианской, гадкой и недостойной.

Маленькая победа заботы о животных над калькуляцией — вот и все объяснение, почему я стал веганом. И почему строю бойни. Тут нет никакого парадокса, никакой иронии судьбы. Тот же импульс, что подтолкнул меня к воздержанию от мяса, яиц и молочных продуктов, привел к тому, что я стал оказывать помощь в создании бойни, которой будет владеть Фрэнк и которая может послужить образцом для других. Если не можете их победить, примкните к ним? Нет. Вопрос в том, чтобы правильно определить, кто такие они.

7. Моя ставка

Почти три года я провел, изучая животноводство, и это привело к двойственному результату. Во-первых, я стал убежденным вегетарианцем, а раньше метался между разными диетами. Теперь трудно себе такое представить. Просто я ничего не хочу иметь общего с промышленной фермой, а воздержание от мяса — единственно возможный для меня способ этого добиться.

Во-вторых, меня охватило желание увидеть экологически безопасные фермы, где животным обеспечена хорошая жизнь (какую мы гарантируем своим кошкам и собакам) и легкая смерть (какую мы обеспечиваем своим смертельно больным четвероногим друзьям). Пол, Билл, Николетта и особенно Фрэнк не просто хорошие люди, это люди выдающиеся. С ними стоило бы советоваться президенту, выбирая министра сельского хозяйства. Я хотел бы, чтобы именно их фермы стали тем, что так горячо поддерживают наши чиновники и наша экономика.

Мясная промышленность старается очернить людей, которые отстаивают обе эти позиции, объявляя их сторонниками вегетарианства, скрывающими свои радикальные взгляды. Но вегетарианцы могут быть хозяевами ранчо, веганы могут строить бойни, а я — вегетарианец, который поддерживает все лучшее в животноводстве.

Я уверен, что на ферме Фрэнка все будет организовано в лучшем виде, но как я могу быть уверенным в том, что на других фермах, которые последуют его примеру, тоже все будет как надо? Насколько уверенным следует быть? Вегетарианец понимает, в чем проблема, а всеядный закрывает глаза и прикидывается простачком.

Легко ли открыто признать ответственность за существ, находящихся в нашей власти, и одновременно выращивать их только для того, чтобы убить? Марлей Хальверсон красноречиво описала эту странную дилемму животновода:

«Этические взаимоотношения фермера с его животными — уникальны. Фермер должен вырастить живое существо, которому предназначено закончить свои дни на бойне и превратиться в еду или же быть забракованным и умереть в конце производственного цикла, но при этом сам фермер не должен ни эмоционально привязываться к животному, ни цинично забывать, что ему, пока оно живо, необходимо обеспечить достойную жизнь. Фермер должен смотреть на животное, как на объект коммерции, одновременно не имея права считать его просто предметом потребления».

Благоразумно ли ставить перед фермером такую задачу? Что такое мясо в условиях индустриальной эры — просто необходимое забвение о сострадании или, может, прямой отказ от него? Современное

сельское хозяйство дает все основания для скептицизма, но никто не знает, как будут выглядеть фермы завтрашнего дня.

Однако яснее ясного, что сегодня, если вы едите мясо, вам остается только выбор между животными, выращенными в условиях большей (куры, индейки, рыба и свинина) или меньшей (говядина) жестокости. Почему многие из нас полагают, что мы должны выбирать между плохим и худшим? Что представляет собой подобный «разумный» расчет, как не игнорирование самой сути проблемы? В какой момент абсурдный выбор, легко достигаемый сегодня, уступит место простой и четко прочерченной границе, по другую сторону которой значитсЯ: это неприемлемо?

Насколько деструктивными должны стать кулинарные предпочтения, прежде чем мы решим начать есть что-то иное? Если вклад в уменьшение страданий миллиардов животных, обреченных на жалкую участь и (довольно часто) страшную смерть, недостаточная мотивация — то что требуется еще? Если быть вкладчиком номер один в наиболее серьезную из угроз, нависших над планетой (глобальное потепление), еще недостаточно — что нужно еще? И если вы способны выбросить эти вопросы из головы, говоря себе: не сейчас — то когда?

Мы позволили промышленной ферме заменить фермерство по тем же причинам, по каким человеческая культура относилА несовершеннолетних к второсортным членам общества и держала женщин под властью мужчин. Мы так обращаемся с животными, потому что хотим этого и можем себе это позволить. (Неужели кто-то всерьез будет это отрицать?) Миф о согласии это, как кажется на первый взгляд, всего-навсего история мяса, и реальность подсказывает, что это не далеко от истины.

Но это не так. Во всяком случае, не сегодня. И он совершенно не годится для тех, кто не хочет иметь ничего общего с едоками мяса. По большому счету промышленное фермерство печется не о том, как накормить людей; оно печется о деньгах. Необходимо запретить некоторые из самых радикальных юридических и экономических изменений. Не важно, правильно или неправильно убивать животных ради еды, но мы знаем, что сегодняшняя система не способна убивать их, по крайней мере, без мучений. Вот почему даже Фрэнк — фермер с самыми замечательными намерениями, которые только можно себе

вообразить, — перед тем, как отправить их на бойню, просит у своих животных прощения.

Он ищет компромисса, а не заключает честное соглашение.

Не особо веселая история произошла недавно на «Ранчо Нимана». Перед тем как эта книга ушла в печать, Билла выгнали из компании его имени. Как он уверяет, его заставило уйти его же собственное правление, все просто, они хотели делать более выгодные и менее этические вещи, а он, оставаясь у руля, вряд ли бы такое позволил. Можно даже подумать, что эта компания — самый передовой поставщик мяса в Соединенных Штатах — продалась. Я описал «Ранчо Нимана» в этой книге, потому что это было лучшее свидетельство тому, что для разборчивых всеядных возможны разные стратегии поведения. Кто я такой — кто мы такие, — чтобы назвать эту метаморфозу падением?

Даже сейчас «Ранчо Нимана» остается единственной, как мне кажется, известной национальной торговой маркой, чьи усилия направлены на некоторое улучшение жизни животных (свиней в гораздо большей степени, чем крупного рогатого скота). Но как вы будете себя чувствовать, отдавая свои деньги этим людям? Если животноводство стало фарсом, то это его кульминация: вот уже и Билл Ниман заявил, что больше не станет есть говядину компании «Ранчо Нимана».

Я выбрал вегетарианство и в то же время отдаю должное таким людям, как Фрэнк, сделавший ставку на более гуманное животноводство, ибо хочу поддержать именно такое направление фермерства. И это не просто двойственная позиция. И не завуалированный аргумент в пользу вегетарианства. Это и есть главный аргумент в пользу вегетарианства — но и в пользу другого, более правильного животноводства и более достойного всеядного.

Если невозможно полностью устранить из жизни насилие, остается хотя бы право выбирать, на чем строить свою трапезу — на урожае или кровопролитии, на земледелии или резне. Мы выбираем резню. Мы выбираем кровь. Вот самая правдивая версия нашей истории о поедании животных.

Можем ли мы рассказать новую историю?

Истории из жизни

Где все закончится?

1. Последний День благодарения моего детства

Все мое детство мы праздновали День благодарения в доме моих дяди и тети. Мой дядя, младший брат матери, был первым человеком с той стороны родни, который родился по эту сторону Атлантики. А тетя могла проследить свою родословную до корабля «Мейфлауэр»*. Это невероятное сочетание генеалогических ветвей в немалой степени делало День благодарения таким особенным, незабываемым и в самом лучшем смысле слова — американским.

* Английское судно, на котором Атлантический океан пересекли первые поселенцы Новой Англии — 102 пилигрима из Старого Света.

Мы приезжали часа в два. Кузены играли в футбол на покато газоне перед парадным входом, пока мой младший брат не поранится, тогда мы поднимались в мансарду, чтобы играть в футбол на всяких приставках для видеоигр. Двумя этажами ниже Маверик пускал слюну, глядя на духовку, отец разглагольствовал о политике и холестерине, футбольная команда «Детройт Лайонз» из кожи вон лезла на экране ТВ, который никто не смотрел, а бабушка, окруженная родней, думала на языке своих мертвых родственников.

Примерно две дюжины разнородных стульев стояли вокруг четырех столов несколько разной высоты и ширины, сдвинутых вместе и накрытых подходящими по цвету скатертями. Никто не считал это идеальным, но что поделаешь? Тетя выкладывала по небольшой горке попкорна на тарелки, которые мы все должны были принести на стол, как символ того, за что мы возносим благодарность. Блюда подносили непрерывно; некоторые пускали по часовой стрелке, некоторые — против, некоторые — зигзагом вдоль всей длины стола: запеканка из сладкого картофеля, домашние булочки, зеленая фасоль с миндалем, клюквенная подливка, ямс, картофельное пюре со сливочным маслом, ужасно нелепый кугл* моей бабушки, лотки с маринованными огурчиками, оливками и маринованными грибами и карикатурно большая индейка, которую ставили в духовку после того, как вынимали из нее прошлогоднюю. Мы говорили и говорили: об

«Ориольз» и «Редскинз»**, о том, что изменилось у соседей, о наших достижениях, о чужих страданиях (наши собственные были под запретом), и все это время бабушка подходила то к одному внуку, то к другому, чтобы убедиться, что никто не умирает от голода.

* Запеканка из лапши, блюдо евреев Восточной Европы.

** Команды американского футбола.

День благодарения — это праздник, который включает в себя все другие. Все они от Дня Мартина Лютера Кинга и Дня древонасаждения до Рождества и Дня святого Валентина — тем или иным образом толкуют о благодарности. Но День благодарения свободен от конкретных вещей, за которые мы благодарны. Мы не прославляем отцов-пилигримов, мы радуемся тому, чему радовались они. (Отцы-пилигримы до конца девятнадцатого века не были даже частью праздника.) День благодарения — это американский праздник, но в нем нет ничего специфически американского — мы не прославляем Америку, но славим американские идеалы. Его открытость позволяет праздновать любому, кто чувствует благодарность и возможность прощения, что сделало Америку Америкой, с ее коммерциализацией, и кичем, и джингоизмом*, которые взгромоздились на плечи праздника.

* Североамериканский шовинизм и империализм.

День благодарения — это та трапеза, которую мы пытаемся сделать такой, чтобы она вобрала в себя все другие трапезы. Конечно, большинство из нас не может (и не захочет) готовить с утра до вечера всякий день, и, конечно, такое обжорство было бы губительно, будь оно регулярно, и многие ли из нас захотят находиться в окружении наших больших семей каждый вечер? (Есть со мной за одним столом довольно трудно.) Но представить, что все трапезы были столь продуманными, приятно. Из тысяч или около того обычных трапез, которые нам выпадают каждый год, обед на День благодарения именно такой, каким мы его старательно делаем, соблюдая все правила. Он таит в себе возможность и надежду оказаться хорошей трапезой, где блюда, усилия, окружающая обстановка и сам процесс еды — выражение всего лучшего в нас. И больше, чем любая другая трапеза, этот обед служит воплощением хорошей еды и хороших мыслей.

И более, чем любое другое блюдо, индейка на День благодарения воплощает в себе парадокс поедания животных: то, что мы делаем с

живыми индейками, почти столь же дурно, как все, что люди когда-либо делали с любым животным в истории мира. И все же то, что мы делаем с их мертвыми телами, может ощущаться как нечто невероятно хорошее и правильное. Индейка на День благодарения — это воплощение противоположных явлений — памяти и забвения.

Я пишу эти заключительные слова за несколько дней до Дня благодарения. Сейчас я живу в Нью-Йорке и очень редко — во всяком случае, по мнению моей бабушки, — приезжаю в округ Колумбия. Никто из тех, кто был молод, уже не молод. Некоторые из тех, кто нес зерна на стол, умерли. А есть и новые члены семьи. (Я- теперь мы). Как будто музыкальные стулья*, в которые я играл на днях рождения, были подготовкой ко всем этим концам и началам.

* Популярная в Америке игра на детских днях рождения на выбывание, когда стульев оказывается меньше, чем участников.

Впервые мы празднуем у меня дома, в первый раз я буду готовить еду, это первый обед на День благодарения, когда мой уже подросток сын сядет за стол вместе со всеми. Если всю эту книгу можно сжать до одного вопроса — не до какого-то легкомысленного вопроса, в котором уже содержится ответ, не до вопроса, высосанного из пальца, а до вопроса, где во всей полноте ставится проблема — употреблять или не употреблять в пищу животных, — он может быть таким: следует ли в День благодарения подавать на стол индейку?

2. Что делать индюшкам с Днем благодарения?

Что дает выставленная на стол в День благодарения индейка? Может быть, она вкусная, но причина ее присутствия на столе вовсе не вкус — большинство не очень-то часто ест индейку в другие дни года. (Подсчитано, что на День благодарения съедается 18 % ежегодно потребляемой индейки.) И, несмотря на удовольствие, которое мы получаем, съедая прорву еды, суть Дня благодарения вовсе не в том, что мы обжираемся — она совсем в противоположном.

Возможно, индейку ставят на стол потому, что это — основа ритуала, именно так мы празднуем День благодарения*. Почему? Потому что Отцы-основатели ели ее на свой первый День благодарения? Скорее всего, не ели. Мы знаем, что у них не было кукурузы, яблок, картошки или клюквы, и известно только два записанных отчета о легендарном Дне благодарения в Плимуте, где упомянуты оленина и пернатая дичь. Можно, конечно, предположить,

что они ели дикую индейку, но мы знаем, что индейка не была частью ритуала до девятнадцатого века. А сейчас историки обнаружили даже более ранний День благодарения, чем праздник в Плимуте в 1621 году, и англоамериканские историки прославили его. За полвека до Плимута более ранние американские поселенцы праздновали День благодарения с индейцами племени тимукуя в том месте, где сейчас находится штат Флорида. Это лучшее свидетельство того, что поселенцы были скорее католиками, чем протестантами, и говорили скорее по-испански, чем по-английски. Они ели фасолевый суп.

* Национальный праздник, который ежегодно празднуют в США в четвертый четверг ноября. Посвящен первому урожаю, собранному пуританами из Плимутской колонии в 1621 году после голодной зимы в Новом Свете. Первый День благодарения отмечали при президенте Вашингтоне в 1789 году. Национальным праздником он объявлен президентом Линкольном в 1863 году.

Но давайте поверим, что День благодарения изобрели Отцы-основатели и ели они индейку. Отбросим тот очевидный факт, что Отцы-пилигримы делали много такого, чего мы не станем делать сейчас (и что мы делаем много такого, чего они не делали); индейка, которую мы едим, имеет столько же общего с индейками, которых могли есть пилигримы, сколько с появившейся в конце концов тофудейкой*. В центре наших столов на День благодарения — животное, которое никогда не дышало свежим воздухом и не видело неба до тех пор, пока его не засунули в грузовик, идущий на бойню. Мы вонзаем наши вилки в животное, которое не могло естественно размножаться. В наших желудках оказывается животное, пропустившее через свой желудок лошадиные дозы антибиотиков. Сама генетика нынешних птиц радикально иная. Если бы Отцы-основатели могли заглянуть в будущее, что бы они подумали об индейке на нашем столе? Навряд ли они опознали бы ее как индейку.

* Фальшивая индейка — хлебец или запеканка из тофу или сейтана

А что произойдет, если на столе не будет индейки? Сломается ли традиция или исказится, если вместо птицы будет просто запеканка из сладкого картофеля, домашние булочки, зеленая фасоль с миндалем, клюквенная подливка, ямс, картофельное пюре со сливочным маслом, тыквенные пироги с орехом pekan? Возможно, стоит добавить и

тимукуанского фасолевого супа. Это все не так трудно вообразить. Видеть своих любимых вокруг стола. Слышать звуки, вдыхать запахи. Индейки нет. Неужели праздник исчезнет? Неужели День благодарения перестанет быть Днем благодарения?

Или суть Дня благодарения станет глубже? Может ли отказ от индейки более ясно выразить, какую благодарность мы ощущаем? Попробуйте представить, какие разговоры будут тогда за столом. Вот почему наша семья празднует именно так. Что будет ощущаться в этих разговорах — разочарование или духовный подъем? Больше или меньше ценностей будет передаваться от поколения к поколению? Уменьшится ли радость от неутоленного желания поесть мяса именно этого животного? Вообразите День благодарения в кругу вашей семьи, когда вас уже не будет, когда вопрос: «Почему мы это не едим?» — превратится в более очевидный: «Почему они вообще это ели?» Может ли воображаемый взгляд будущих поколений устыдить нас в кафкианском смысле слова, чтобы мы начали вспоминать?

Закрытость, которая сделала возможным существование промышленных ферм, разрушается. За те три года, что я писал эту книгу, я увидел первый документ, утверждающий, что домашний скот влияет на глобальное потепление больше, чем что-либо еще; увидел первое серьезное исследовательское учреждение (Комиссия Пью), которое рекомендовало положить конец общепринятому правилу держать животных взаперти; увидел первый штат (Колорадо), который через переговоры с индустрией (а не благодаря кампаниям против индустрии) объявил вне закона повсеместную практику промышленного фермерства (клетки для беременных телок и телят); увидел первую сеть супермаркетов (Whole Foods), которая приняла обширную программу обязательного прикрепления на товар бирок с указанием условий, в которых выращивалось животное; и увидел первую большую национальную газету («Нью-Йорк таймс»), которая выразила категорический протест против промышленного фермерства как системы, доказывая, что «животноводство превратилось в оскорбление для животных», а «навоз... превратили в ядовитые отходы».

Когда Селия Стил растила взаперти тот первый выводок цыплят, она не могла предвидеть последствий своих действий. Когда Чарльз Вантресс скрестил красноперого корниша и нью-гемпшира, и в 1946

году появилась «Курица Будущего», предок современного промышленного бройлера, он и представить не мог, к чему это приведет.

Мы не можем оправдываться неведением, скорее придется признаться в равнодушии. У тех, кто живет сегодня, более ясное понимание происходящего. По сути, мы живем в тот момент, когда осознание порочности промышленного фермерства стало общенародным. И было бы справедливо у нас спросить: «Что вы сделали, когда узнали правду о животных, которых употребляют в пищу?»

3. Правда об употреблении в пищу животных

С 2000 года, после того, как Темпл Грандин отчиталась об улучшении дел на скотобойнях, рабочие неоднократно во всеуслышание заявляли, что новорожденных индеек бьют палками, похожими на бейсбольную битку, топчут цыплят, чтобы посмотреть, как они «лопаются», хромых свиней избивают металлическими трубами и намеренно расчлениают коров, находящихся в полном сознании. Нет нужды искать видео, тайно отснятые организациями по защите животных, чтобы узнать об этих зверствах — хотя таких фильмов много. Я мог бы заполнить несколько книг свидетельствами рабочих — составить что-то вроде энциклопедии жестокости.

Гейл Эйсниц уже почти сделала подобную энциклопедию в своей книге «Скотобойня». Это десятилетнее исследование, составленное из рассказов рабочих, которые в общей сложности представляют опыт работы на бойне в течение более чем двух миллионов часов, ни одно журналистское расследование на эту тему не сравнится с ней по богатству материала.

«Как-то раз ружье для оглушения весь день не работало, они брали нож и, пока корова еще стояла, вспарывали ей шею сзади. Корова падала и начинала биться. А ей в зад тыкали ножом, чтобы она двигалась вперед. Ломали ей хвост. Так жутко ее били... А корова кричала, высунув наружу язык.

Об этом трудно говорить. Просто крыша едет от всего этого напряжения. И хотя это прозвучит гнусно, я брал [электрическую] погонялку и совал коровам в глаз. И долго держал.

Внизу, в яме для сбора крови, говорят, от запаха крови звереешь. Точно. Мысленно повторяешь, мол, если эта свинья меня лягнет, я

сведу с ней счеты. Ты уже готов убить свинью, но и этого мало. Она должна помучиться... Тебя заносит, тебе хочется пинать ее изо всех сил, душить, утопить в ее собственной крови. Размозжить ей нос. Вот свинья бегала бы в яме кругами. Смотрела бы на меня, а я бы кромсал ее ножом, просто вынул бы нож и... раз — вырезал бы ей глаз, когда она пробежит мимо. А она что — только закричит. Однажды я вынул нож — острый-преострый — и оттяпал свинье пяточок, ну, как ломтик колбасы. Свинья несколько секунд просто с ума сходила. Потом взяла и села, и вид у нее был такой глупый. Поэтому я схватил горсть соли и ткнул ей в рыло. Тут у нее по-настоящему снесло крышу, она стала тыкаться носом куда попало. А у меня в руке оставалось еще немного соли — я был в резиновых перчатках, — и сунул соль прямо в зад свинье. Бедняга прямо не знала, что делать, то ли гадить, то ли беситься. Я был не единственным, кто проделывал такие штуки. Один парень, с которым я работал, гонялся за свиньей до тех пор, пока она не падала в шпарильный чан. И все — погонщики свиней, кандальники, просто разнорабочие — бьют свиней свинцовыми трубами. Все знают об этом, абсолютно все».

Эта исповедь ужасна, но очень типична в свете того, что Эйсниц выяснила в ходе многих бесед. Описанные зверства не поощряются индустрией, но их нельзя считать исключениями.

Нелегальные исследования постоянно выявляют, что сотрудники ферм, работающие в условиях «систематических нарушений прав человека», как характеризует их труд организация «Хьюман Райте Воч», часто вымещают раздражение на животных или просто уступают требованиям контролеров, чтобы убойный конвейер двигался любой ценой и без перебоев. Некоторые рабочие — садисты в буквальном смысле слова. Но я никогда таких не встречал. Несколько дюжин рабочих, с которыми мне довелось встретиться, были хорошими людьми, остроумными и честными, делающими в этой невыносимой ситуации все от них зависящее, чтобы животные не мучились. Ответственность за зверства лежит на политике мясной промышленности, которая обращается и с животными, и с «человеческим материалом», как с машинами. Один рабочий описывает это так:

«Хуже всего, хуже, чем опасность травмы, это эмоциональное состояние. Если ты хоть сколько-нибудь поработал в яме на

закалывании животного, вырабатывается отношение, которое позволяет тебе убивать животных, но не позволяет облегчать их участь. Вы можете смотреть в глаза свинье, которая спускается в кровавую яму, и думать, боже, а выглядит-то неплохо. Может даже захотеться взять ее домой. Свиньи на убойном этаже подходят ко мне и тыкаются носами, как щенки. Через две минуты я должен их убить, забить до смерти трубой... Когда я работал этажом выше, разрубал туши, то мог себе представлять, что работаю на производственном конвейере и помогаю накормить людей. Но внизу, в забойной яме, никого я не кормил. Я убивал живых существ».

Насколько для порядочного человека должна стать привычной подобная жестокость, чтобы он начал смотреть на нее сквозь пальцы? Если вы знаете, что одно из тысячи животных страдает от мук, описанных выше, продолжите ли вы есть мясо животных? А одно из сотни? Одно из десяти? Ближе к концу книги «Дилемма всеядного» Майкл Поллан пишет: «Я должен признаться, что во мне есть некая часть, которая завидует нравственной чистоте вегетарианца... А другая его жалеет. Мечта о безгрешности именно такова; она требует отказа от реальности, что может быть формой ее собственного высокомерия». Он прав, эмоциональная реакция может привести к надменному разобщению. Но разве человека, который не щадит сил, чтобы сделать мечты о безгрешности реальностью, нужно жалеть? И кто в этом случае отказывается от реальности?

Темпл Грандин, первой начавшая определять масштаб злоупотреблений на скотобойнях, свидетельствует об «умышленных актах жестокости, происходящих на регулярной основе» на 32 процентах американских фабрик, которые она обследовала во время своих официальных визитов. Эта цифра так шокирует, что мне пришлось перечитать эту фразу три раза. Умышленные действия, происходящие на регулярной основе, свидетелем которых был аудитор, видевший это во время заранее намеченных проверок, которые дают бойням время подчистить и скрыть самые худшие факты. Что же говорить о жестокостях, которые происходят без свидетелей? И что говорить о случайностях, которые должны происходить гораздо чаще?

Грандин подчеркивает, что условия улучшились, поскольку все большее число продавцов мяса требует от своих поставщиков аудита боен, но насколько? Просматривая недавние отчеты о проверках забоя

кур, которые проводились под руководством Национального совета производителей курятины, Грандин обнаружила, что на 26 % скотобоен злоупотребления настолько серьезны, что они вообще не должны были пройти проверку. (Сама же промышленность, что особенно тревожит, сочла, что результаты аудита приемлемы, и разрешила всем фабрикам работать, хотя живых птиц швыряли, смешивали с мусором и живьем обваривали кипятком.) Согласно недавнему исследованию Грандин фабрик по производству говядины, на 25 % скотобоен имели место такие серьезные злоупотребления, что они автоматически не могли пройти ее проверки («подвешивают способное чувствовать боль животное на тролли» — образцовый пример зверского обращения, автоматически приводящий к признанию бойни не соответствующей стандартам). В недавних исследованиях Грандин приводит пример того, как расчленяют корову в полном сознании: она поднялась на столе для обескровливания, и рабочие «стали тыкать в анус корове электропогонялки». А что происходит вдали от ее глаз? И что можно сказать об огромном большинстве фабрик, которые закрыли свои двери для проверок?

Фермеры потеряли — точнее, у них отняли, — непосредственную человеческую связь с животными. Все больше фермеров уже не владеет обитателями своей фермы, не может определять методы работы, им не позволено действовать по своему разумению, им нечего противопоставить высокоскоростным индустриальным методам забоя. Фабричная модель отстранила их не только от самого труда (мотыжить, клеймить, пилить, колоть, подрезать ветви, стричь), но и от того, что они производят (невкусная, бесполезная еда), и от продажи продукции (анонимно и дешево). Люди не могут быть людьми (более или менее гуманными) в условиях промышленной фермы или скотобойни. Это наиболее полное отчуждение от собственного труда в наше время. Если только не принимать во внимание того, что ощущают животные.

4. Американский стол

Мы не должны обманывать себя, полагая, что для большинства из нас существует широкий выбор безупречных, с точки зрения этики, возможностей потребления пищи. Не так-то много выращивают в Америке кур на мелких фермах, ими не прокормить даже население Стейтен-айленда*, и недостаточно свинины, чтобы накормить Нью-

Йорк, не говоря уже обо всей стране. Этичное мясо — долговое обязательство, а не реальность. Любому серьезному стороннику этичного мяса приходится в большей степени довольствоваться вегетарианскими продуктами.

* Остров, входящий в состав города Нью-Йорка, хотя и отделенный от него Нью-Йоркской бухтой, население примерно 400 тысяч человек.

Многие, кажется, готовы поддержать промышленные фермы, но при этом, когда удастся, покупают мясо, произведенное за пределами этой системы. Это хорошо. Но поразмыслив, трудно остаться оптимистом. Любой план, предполагающий денежные вливания в промышленную ферму, естественно, не остановит промышленного фермерства. Мог ли быть эффективным автобусный бойкот в Монтгомери*, если бы протестующие стали пользоваться автобусами, едва им это понадобилось? Насколько эффективной была бы забастовка, если бы рабочие провозгласили, что вернутся на работу, как только забастовка начнет причинять им неудобства? Если кто-нибудь найдет в этой книге поощрение покупать немножко мяса из альтернативных источников, продолжая при этом покупать его и с промышленной фермы, это будет означать только одно — читатель вычитал то, чего нет.

* Акция протеста чернокожих жителей г. Монтгомери, штат Алабама, за отмену дискриминационных мер на общественном транспорте (1955 г.).

Если мы серьезно настроены покончить с промышленной фермой, то абсолютный минимум того, что мы можем сделать, это перестать посылать чеки самым рьяным нарушителям прав животных. Кому-то проще решиться избегать продуктов с промышленных ферм. Кому-то такое решение покажется трудным. Те, кому это трудно (я могу причислить к этим людям и себя), должны задать себе вопрос: стоит ли это решение тех неудобств, которые оно влечет за собой. Мы знаем, по крайней мере, что это решение поможет предотвратить вырубку лесов, в какой-то степени сдержать глобальное потепление, снизить загрязнение окружающей среды, оно сэкономит запасы нефти, облегчит бремя, возложенное на сельскую Америку, уменьшит злоупотребление правами человека, улучшит здоровье нации и ограничит самые систематические истязания животных в истории

человечества. И еще многое, что остается пока за пределами нашего знания, может оказаться столь же важным. Как такое решение изменит нас?

Оставим в стороне прямые материальные изменения, которые повлечет за собой бойкот промышленного сельского хозяйства, но и само по себе решение питаться по-новому несет немалый эмоциональный заряд. Какой мир мы создадим, если три раза в день, садясь за стол, станем будоражить наш разум и будить сострадание, если мы не обделены нравственным воображением, если обладаем волей изменить сам акт потребления? Как известно многим, Толстой доказывал, что есть прямая связь между существованием скотобоен и полями сражений. Мы едим мясо, однако войн не ведем, к тому же некоторые войны, можно сказать, необходимы, о'кей, припомните, кстати, и то, что Гитлер был вегетарианцем. И все же сострадание — это мышца, которая становится крепче, если ее тренировать, и регулярные упражнения по выбору доброты вместо жестокости тоже меняют нас.

Может быть, утверждение, будто заказ куриной котлеты или вегетарианского бургера — невероятно важное жизненное решение, прозвучит наивно. А какой нелепой фантазией мы назвали бы предположение, что в 50-е годы XX века будет искоренен расизм, стоило лишь занять не то место в ресторане или в автобусе. Так же фантастично прозвучало бы, услышь мы в начале 1970-х, до начала кампании Цезаря Чавеса* за права рабочих, что отказ есть виноград повлечет за собой освобождение сельхозработников от рабских условий труда. Это может звучать фантастически, но когда мы дадим себе труд пристальнее взглянуть в окружающее, трудно будет отрицать, что тот или иной выбор изо дня в день формирует мир. Когда первые американские поселенцы решили утопить груз чая в Бостонской гавани, поднялись достаточно мощные силы, которые создали нацию. Решение, что поесть (и что выкинуть за борт) — это фундаментальный акт производства и потребления, который формирует все остальные. Выбор зеленого листка или живой плоти, промышленной фермы или семейной фермы сам по себе не изменит мир, но он учит нас самих, наших детей, наши местные сообщества, наше государство предпочитать совесть, а не легкие пути. Одна из главных возможностей жить в согласии с нашими моральными ценностями —

или предать их — связана с едой, которую мы кладем на наши тарелки. И мы будем жить в согласии со своими ценностями или предавать их не только как отдельные личности, но и как нация.

* Цезарь Эстрада Чавес (1927–1993) — американский правозащитник, борец за права трудящихся и мигрантов, национальный герой США.

У нас есть и более весомое наследие, чем стремление к дешевизне продуктов. Мартин Лютер Кинг-младший горячо настаивал, что бывают времена, когда «человек обязан занять позицию, которая не окажется ни безопасной, ни политически выгодной, ни популярной». Иногда мы должны принимать решение просто потому, «что совесть подсказывает, что это правильно». Знаменитые слова Кинга, как и протестное движение профсоюза Чавеса «Объединение сельскохозяйственных рабочих» — тоже наше наследие. Кто-то может возразить, что эти движения за социальную справедливость не имеют никакого отношения к промышленной ферме. Угнетение человека и плохое обращение с животным — это разные вещи. Кингом и Чавесом двигала тревога о людских страданиях, а вовсе не о страданиях кур и не о глобальном потеплении. Вполне справедливо. Можно усмехнуться, услышав об этом, можно прийти в ярость от кощунственности сравнения, но не лишне упомянуть, что Цезарь Чавес и жена Кинга Коретта Скотт Кинг были веганами, как и сын Кинга Декстер. Мы толкуем наследие Чавеса и Кинга, а это тоже наследие Америки, слишком узко, если заранее предполагаем, что они не могли возвысить свой голос против угнетения узников промышленной фермы.

5. Глобальный стол

В следующий раз, когда вы сядете за стол, представьте, что за столом вместе с вами сидит еще девять человек и что вместе вы представляете всех людей на планете. Если распределить по нациям, то, предположим, два ваших сотрапезника — китайцы, два — индийцы, а пятый — представляет все остальные страны Северо-Восточной, Южной и Центральной Азии. Шестой представляет государства Юго-Восточной Азии и Океании. Седьмой — Африку южнее Сахары, а восьмой — остальную Африку и Среднюю Азию. Девятый представляет Европу. Оставшееся место, представляющее страны Южной, Центральной и Северной Америки, — для вас.

Если мы распределим места по языкам, только китайцы получат собственного представителя. Англоязычному и испаноязычному представителям придется сесть вместе на один стул.

Если организовать стол по религиям, трое будут христианами, двое мусульманами, трое исповедуют буддизм, традиционные китайские религии или индуизм. Еще двое принадлежат к другим религиозным традициям или определяют себя как неверующих. (Мое собственное еврейское сообщество, которое составляет меньше, чем предел погрешности в китайской переписи населения, не сможет втиснуть на стул и половину тухес*.)

* Ягодица (идиш).

Если распределить по питанию, то один человек — голодный, а двое страдают ожирением. Более половины иногда не брезгают вегетарианской едой, но их число сокращается. Строгие вегетарианцы и веганы занимают за столом одно место, но им едва удалось его получить. И более половины времени трапезы кто-то тянется к яйцам, курице или свинине, которые поступают с промышленных ферм. Если нынешние тенденции не изменятся еще лет двадцать, то и баранина с говядиной тоже будут оттуда.

Соединенные Штаты даже не приблизятся к тому, чтобы получить собственное место, если стол будет организован по числу населения, но два-три места им обеспечено, когда будут рассаживаться по количеству потребления продуктов питания. Никто не ест так много, как мы, так что, если мы изменим свой рацион, мир неизбежно изменится.

Я ограничился обсуждением того, как наш выбор продуктов питания влияет на экологию планеты и жизнь животных, но без труда мог бы посвятить эту книгу здравоохранению, правам рабочих, стагнации сельских областей или глобальной бедности — на все это глубоко влияет промышленное фермерство. Конечно, не промышленное фермерство само по себе вызывает все эти мировые проблемы, но удивительно, насколько все эти проблемы взаимосвязаны. И столь же удивительно, почти невероятно, что наши с вами пищевые предпочтения реально влияют на промышленное фермерство. Но никто всерьез и не сомневается во влиянии американских потребителей на деятельность глобальной фермы.

Я сознаю, что подошел слишком близко к самонадеянному предположению, будто каждый человек вносит в это весомый вклад. Реальность гораздо сложнее, конечно. Ваши решения как «отдельного едока» сами по себе не смогут изменить индустрию. Но если вы не добываете еду тайком и не едите ее взаперти, значит, не едите ее в одиночестве. Мы едим как сыновья и дочери, как семьи, как сообщества, как поколения, как нации и в расширительном смысле как земной шар. Даже если захотим, не в наших силах предотвратить влияние, которое оказывает на все стороны жизни наша еда.

Могу утверждать как человек, несколько лет бывший вегетарианцем, что влияние, которое этот простой выбор рациона оказывает на окружающих, поразителен. Национальная ассоциация ресторанов — организация, представляющая ресторанный бизнес в Америке, рекомендовала каждому ресторану в стране иметь в меню хотя бы одну вегетарианскую закуску. Почему? Все просто: их собственные изыскания выявили, что в трети заведений растет спрос на вегетарианские блюда. Ведущая газета ресторанной индустрии Nation's Restaurant News посоветовала ресторанам «включать вегетарианские или веганские блюда в меню. Вегетарианские блюда не только дешевле... но и повышают привлекательность ресторана. Если на вечеринку приглашен веган, скорее всего, это повлияет и на выбор места, где ее будут устраивать».

Миллионы за миллионами долларов тратятся на рекламу только для того, чтобы мы увидели, как люди в фильмах пьют молоко или едят говядину, а еще миллиарды пускаются на то, чтобы вы могли мгновенно распознать (с любого расстояния), какая газировка у меня в руках — кока или пепси. Национальная ассоциация ресторанов не дает подобных рекомендаций, а мультинациональные корпорации не тратят миллиардов на скрытую рекламу, чтобы заставить нас почувствовать себя избранными среди окружающих нас людей. Они просто хорошо знают, что процесс еды — акт общественный.

Берясь за вилку, мы уже совершаем акт по организации своего бытия. Мы устанавливаем определенные взаимоотношения с животными с фермы, сельскохозяйственными рабочими, национальными экономиками и глобальными рынками. Не принимать решения — есть «как все», — значит, прийти к самому простому решению, решению, в котором, однако, кроются отнюдь не такие

простые проблемы. Выбирать рацион автоматически, не задаваясь никакими вопросами, не задумываясь о времени и месте, — т. е. есть как другие, — вероятно, неплохо. Но сегодня есть как все — значит класть на спину верблюда еще одну соломинку. Соломинка, конечно, и не сломает ему спину, но если класть все новые и новые каждый день в течение всей нашей жизни, а может, и каждый день жизни наших детей и детей наших детей...

Распределение мест за всеобщим столом и порции на нем изменились. У двух китайцев теперь на тарелках в четыре раза больше мяса, чем несколько десятилетий назад, и гора их еды продолжает расти. И два человека за столом без чистой питьевой воды — это тоже Китай. Сегодня продукты животного происхождения все еще составляют 16 % китайского рациона, но выращиваемые животные потребляют более 50 % китайской воды, и это происходит в то время, когда нехватка воды в Китае уже беспокоит весь мир. Тот человек за нашим столом, который из кожи вон лезет, чтобы добыть себе достаточно пищи, может быть уверен, что, если в мире сохранится тенденция все больше уподобляться американскому стилю потребления мяса, основной продукт его питания — зерно — будет все менее и менее доступен. Рост производства мяса означает рост потребности в зерне и рост числа рук, дерущихся за него. К 2050 году крупный рогатый скот во всем мире будет потреблять столько еды, сколько потребляют четыре миллиарда человек. Из этого следует, что один голодный за нашим столом легко превращается в двух голодающих (каждый день число голодающих увеличивается на 270 000 человек). Это более чем вероятно, поскольку еще один человек с лишним весом займет еще одно место. Нетрудно вообразить ближайшее будущее, когда большинство мест за всеобщим столом будет занято либо разжиревшими людьми, либо людьми истощенными.

Но так быть не должно. Если мы знаем, каким плохим может быть будущее, стоит подумать о том, как сделать его лучше.

Промышленное фермерство, совершенно очевидно, порочно во многих отношениях, но нельзя отрицать, что оно рационально, а потому и в книгах, и в разговорах нужно искать убедительные доводы против него. Но еда не рациональна. Еда — это культура, обычаи и личные предпочтения. У некоторых все иррациональное вызывает отторжение. Предпочтения в еде похожи на выбор стиля одежды или

образа жизни, но при этом еда, как кажется некоторым, не влияет на то, как мы живем. И я соглашусь, что еда, ее бесконечное разнообразие — если она включает еще и мясо — приводит к невероятной путанице в отношении принципов потребления. Защитников животных, с которыми я разговаривал, ставит в тупик и даже раздражает противоречие между ясным видением проблемы и слишком широкий разброс при выборе еды. Сочувствую, но хотелось бы спросить, неужели в этом виновато только разнообразие продуктов питания?

Еда никогда не была итогом простых подсчетов, при каком рационе тратится меньше воды, а при каком меньше страдают животные. И выходит, что наша главная надежда на перемены только в одном — в нашей собственной мотивации. В каком-то смысле промышленная ферма требует, чтобы мы заглушили голос совести, чтобы удовлетворить свою жажду мяса. Но, с другой стороны, упразднение промышленных ферм — это именно то, чего мы жаждем больше всего.

Я пришел к выводу, что ниспровержение промышленной фермы — это не просто проблема информированности, ибо, как говорят защитники животных, нельзя же объяснить ее существование тем, что «люди не знают фактов». Очевидно, что это только одна из причин. Я привел в этой книге множество ужасных фактов, потому что эти факты — необходимая точка отсчета. Я присовокупил и то, что говорит наука о тех последствиях, которые непременно отзовутся в нашем потомстве и которые мы провоцируем своим ежедневным выбором еды, а это не менее важно. Я не настаиваю на том, что мы должны одновременно решать весь комплекс проблем, но ведь быть человеком — значит оставаться гуманным, а ведь это куда больше, чем самая изощренная софистика. Отношение к промышленной ферме определяет только способность к сочувствию, оно вовсе не зависит от степени информированности и борьбы между чувством и разумом, между фактом и мифом и даже между человеком и животным.

Когда-нибудь промышленным фермам придет конец из-за их абсурдной экономики. Она покоится на шатком фундаменте. В конце концов Земля стряхнет с себя промышленное фермерство, как собака стряхивает блох; единственный вопрос, не стряхнемся ли и мы вместе с ним.

Думая об употреблении животных в пищу, особенно публичном, мы высвобождаем для мира неожиданную энергию. Столь тяжких проблем совсем мало. С какой-то точки зрения мясо до известной степени просто еще одна вещь, которую мы потребляем, и стоит в том же ряду, что и бумажные салфетки или спортивный автомобиль. Попробуйте отменить салфетки в День благодарения — сделайте это даже нарочито, сопроводив лекцией о безнравственности таких-то и таких-то производителей салфеток, — вы вряд ли встретите понимание. Поднимите вопрос о вегетарианском Дне благодарения, и у вас не будет недостатка в самых категоричных мнениях — по крайней мере, в категоричных. Вопрос употребления в пищу животных задевает самые чувствительные струны, которые глубоко резонируют с нашей личностью — с нашими воспоминаниями, желаниями и ценностями. Этот резонанс потенциально может спровоцировать спор, ощущение угрозы, вызвать воодушевление, но он всегда наполнен смыслом. Еда имеет значение, и животные имеют значение, а поедание животных имеет значение еще больше. Вопрос об употреблении в пищу животных, в конечном счете, порождается нашим интуитивным пониманием того, что такое идеал, который мы называли, возможно, и не совсем корректно, — «быть человеком».

6. Его первый День благодарения

За что в День благодарения я благодарю? Когда я был ребенком, то первое зернышко, которое я перенес на стол, было символом моей благодарности за мое здоровье и здоровье моей семьи. Станный выбор для ребенка. Может быть, это было настроение, навязанное тенью, которую отбрасывало отсутствующее семейное дерево, или ответная реакция на мантру моей бабушки: «Ты должен быть здоровым», помочь она не могла, но звучала как обвинение, будто она говорила: «Ты нездоров, а должен быть здоровым». Как бы то ни было, даже в раннем детстве я считал здоровье чем-то ненадежным. (Не только из-за денег и престижа многие дети и внуки чудом выживших становятся врачами, возможно, они хотят отплатить за спасение?) Следующее зернышко было за мое счастье. Следующее — за тех, кого я любил — конечно же, за семью, окружавшую меня, но и за друзей тоже. И такими же будут сегодня три моих первых зернышка — здоровье, счастье и те, кого я люблю. Но теперь я благодарю не только за свое здоровье, свое счастье и своих любимых. Вероятно, это

изменится, когда мой сын вырастет настолько, что сможет принимать участие в ритуале. А пока я благодарю и от его имени.

Как День благодарения становится способом высказать самую искреннюю благодарность? Какие ритуалы и символы служат выражению признательности за здоровье, счастье и любимых?

Мы празднуем вместе, и в этом весь смысл. Мы не просто собираемся, мы едим. Так было не всегда. Федеральное правительство сначала пропагандировало День благодарения как день пирушек, поскольку именно так часто представляли себе этот день в течение многих десятилетий. Согласно Бенджамину Франклину, которого я считаю чем-то вроде святого покровителя этого праздника, некогда один «фермер здравого ума» высказал мысль, что пир «будет приличествовать благодарности». Голос того фермера, который, подозреваю, был альтерэго самого Франклина, стал национальной идеей.

Производство и употребление собственных продуктов питания — это именно то, что во многом исторически сделало нас американцами, а не подданными европейских держав. В то время как другие колонии требовали огромного импорта продуктов для выживания, ранние американские иммигранты, благодаря помощи туземцев, жили практически на полном самообеспечении. Еда не столько символ свободы, сколько первое условие свободы. В День благодарения мы едим продукты, родные для Америки, и делаем это для того, чтобы подтвердить этот посыл. Во многих смыслах День благодарения иллюстрирует чисто американскую идею этичного потребления. Трапеза в День благодарения — это акт принятого Америкой сознательного потребления.

А что насчет еды в наших праздничных застольях? Важно ли, что мы едим?

Все не принимаемые в расчет 45 миллионов индеек, которые проложили путь на наши столы в День благодарения, были больны, несчастны и — хотя это, может быть, слишком резко сказано, — нелюбимы. Если люди имеют разные мнения об уместности индейки на столе в День благодарения, то все мы, по крайней мере, согласны по поводу этих трех определений.

Сегодняшних индеек, которые по природе своей насекомоядные, кормят, главным образом, неестественным для них кормом, зачастую

включающим «мясо, опилки, побочные продукты окраски кожи» и многое другое. Один лишь этот факт, кстати, задокументированный и широко известный, может здорово поколебать вашу уверенность. Индейки весьма уязвимы к заболеваниям, поэтому хуже другой домашней живности подходят к промышленной модели выращивания. По этой причине им дают больше антибиотиков, чем любым другим узникам ферм. Что вырабатывает устойчивость микробов к антибиотикам. И делает эти необходимые лекарства менее эффективными для людей. Индейки на наших столах становятся прямой причиной растущих трудностей в лечении человеческих болезней.

Потребитель не должен нести ответственность за выбор между понятиями жестокости и доброты, не должен каждый раз прикидывать, что разрушает окружающую среду, а что нет. Полученные с применением жестокости и разрушающие природу продукты питания должны стать вне закона. Нам не нужно право выбора на покупку детям игрушек со свинцовой краской, или аэрозолей с хлорфторуглеродом, или лекарств, на этикетке которых не указаны побочные эффекты. И нам не нужно право на выбор, позволяющее покупать мясо животных с промышленных ферм.

Как бы мы ни затуманили свой ум, невозможно игнорировать известный факт, что промышленная ферма негуманна в самой своей основе. Мы знаем, что есть некие параметры условий жизни, которые мы создаем живым существам, и обеспечить их в наших силах. Наше отношение к промышленной ферме — это, в конечном счете, тест на то, как мы относимся к слабым, к самым далеким, к тем, кто не имеет права голоса — это тест на то, как мы будем действовать, если никто не навязывает нам образа действий; горячности не требуется, а вот обязательность необходима.

Историки уверяют, будто Авраам Линкольн, возвращаясь в Вашингтон из Спрингфилда, заставил остановиться целый отряд, чтобы помочь маленьким птенчикам, увидев, что они попали в беду. Когда спутники стали ворчать, он честно признался: «Я бы сегодня не сомкнул глаз, если бы оставил этих бедняг на земле и не возвратил бы их матери». Он не стал (хотя и мог) доказывать ценность птиц, с точки зрения морали, их ценность для них самих, для экосистемы или для Бога. Вместо этого он просто сказал, что, увидев страдающих

птенчиков, он принял на себя нравственную ответственность. Он не смог бы остаться самим собой, если бы прошел мимо. Линкольн был невероятно противоречивой личностью, и, конечно, он ел птиц гораздо чаще, чем помогал им. Но, видя страдание ближнего, он не мог пройти мимо.

Сию ли я за глобальным столом, или со своей семьей, или же со своей совестью, промышленная ферма не кажется мне неискоренимой. Принять промышленную ферму — значит признать себя бесчеловечным. Принять промышленную ферму — кормить продуктами, которые она производит, свою семью, поддерживать ее своими деньгами — значит стать не совсем самим собой, не совсем внуком своей бабушки, не совсем отцом своего сына.

Именно это моя бабушка имела в виду, когда говорила: «Если ничего не имеет значения, тогда нечего спасать».

Примечания

Истории из жизни

Стр. 23 Почти 99 процентов всего мяса... Это мои собственные подсчеты, основанные на самых последних из доступных мне сведений. Из общего количества выращиваемых на мясо животных больше всего кур. И почти всех их растят на промышленных фермах. Вот как выглядит в процентном соотношении сравнение разных видов животных, выращиваемых на промышленных фермах:

Куры, выращиваемые на мясо, — 99,94 % (по переписи 2007 года и данным Управления по охране окружающей среды (EPA)).

Куры, выращиваемые для несения яиц — 96,57 % (по переписи 2007 года и данным Управления по охране окружающей среды (EPA)).

Индейки: 97,43 % (по переписи 2007 года и данным Управления по охране окружающей среды (EPA)).

Свиньи: 95,41 % (по переписи 2007 года и данным Управления по охране окружающей среды (EPA)).

Коровы, выращиваемые на мясо: 78,2 % (отчет Национальной сельскохозяйственной статистической службы (NASS) за 2008 год).

Коровы, выращиваемые для молока: 60,16 % (по переписи 2007 года и данным Управления по охране окружающей среды (EPA)).

Всё или ничего — или что-то еще

Стр. 33 У шестидесяти трех процентов американских семей... Американская ассоциация производителей кормов для домашних животных (APRMA), 2007–2008, как процитировано у S.C. Johnson «Photos: Americans Declare Love for Pets in National Contest», Thomson Reuters, 15 апреля 2009 г., <http://www.reuters.com/article/pressRelease/idUSI27052+15Apr-2009+PRN20090415> (доступ получен 5 июня 2009 г.). держать в доме животных... Keith Vivian Thomas, *Man and the Natural World: A History of the Modern Sensibility* (New York: Pantheon Books, 1983), 119. на своих четвероногих друзей 34 миллиона долларов... «Pets in America», [PetsinAmerica.org](http://www.petsinamerica.org), 2005, <http://www.petsinamerica.org/thefutureofpets.htm> (доступ получен 5 июня 2009 г.).
Примечание: проект «Домашние животные в Америке» (Pets in

America) «представлен на выставке «Домашние животные в Америке» в музее Маккиссик, университет Северной Каролины.

распространение моды на содержание домашних питомцев... Thomas, *Man and the Natural World*, 119.

36 он посадит их на электрический стул... «Моим самым жутким кошмаром будет, если дети когда-нибудь придут и скажут: «Да, я — вегетарианец». Тогда я посажу их на забор с оголенным проводом поверху и пущу ток». Victoria Kennedy, «Gordon Ramsay's Shocking Recipe for Raising Kids», *Daily Mirror*, April 25, 2007, <http://www.mirror.co.uk/celebs/new/2007/04/25/gordon-ramsay-s-shocking-recipe-for-rising-kids-115875-18958425/> (доступ получен 9 июня 2009 г.).

иногда едят своих собак... «Исследования показали, что собачье мясо — это очень ценимый здесь продукт», как заявлено в статье «Dog meat, a delicacy in Mizoram», газета *The Hindu*, 20 декабря, 2004, <http://www.hindu.com/2004/12/20/stories/200412203042000.html>, (доступ получен 9 июня 2009 г.).

38 В гробницах четвертого века... «Настенные рисунки в погребении царства Когурё четвертого века изображают собак, которых убивают вместе со свиньями и овцами», Rolf Potts, «Map Bites Dog», *Salon.com*, October 28, 1999, <http://www.salon.com/wlust/feature/1998/10/28feature.html>, (доступ получен 30 июня 2009 г.).

сино-корейский иероглиф... Ibid.

Римляне ели... Calvin W. Schwabe, *Unmentionable Cuisine* (University of Virginia: University Press of Virginia, 1979), 168.

индейцы племени дакота... Hernan Cortfts, *Letters from Mexico*, перевод Anthony Pagden (New Haven: Yale University Press, 1986), 103, 398.

еще не так давно гавайцы ели... S. Fallon и M. G. Enig, «Guts and Grease: The Diet of Native Americans», The Weston A. Price Foundation, 1 января 2000, http://www.westonaprice.org/traditional_diets/native_americans.html (доступ получен 23 июня 2009 г.). Мексиканская голая собака... Schwabe, *Unmentionable Cuisine*, 168, 176.

Капитан Кук ел собаку... Capitan James Cook, *Explorations of Capitan James Cook in the Pacific: As Told by Selection of His Own Journals, 1768–1779*, под редакцией Grenfell Price (Mineola, NY: Dover Publications, 1971), 291. до сих пор едят собак... «Philippines Dogs:

Factsheets», Global Action Network, 2005, <http://www.gan.ca/campaigns/philippines+dogs/factsheets.en.html> (доступ получен 7 июля, 2009); «The Religious History of Eating Dog Meat», dogmeat trade.com, 2007, <http://www.dogmeattrade.com/facts.html> (доступ получен 7 июля 2009 г.).

38 в Китае и в Корее — в качестве лекарства... Kevin Stafford, *The Welfare of Dogs* (New York: Springer, 2007), 14. для усиления либидо — в Нигерии... Senan Murray, «Dogs dinners prove popular in Nigeria», BBC News Website, March 6, 2007, <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/africa/6419041.stm> (доступ получен 23 июня, 2009 г.).

Многие века китайцы... Schwabe, *Unmentionable Cuisine*, 168.

а во многих европейских странах... Ibid., 173

39 от трех до четырех миллионов собак и кошек...

Humane Society of the United States Pet Overpopulation Estimates, http://www.hsus.org/pets/issues_affecting_our_pets/pet_overpopulation_and_ownership_statistics/us_pet_overpopulation_estimates.html. [v1] примерно вдвое больше собак... «Animal Shelter Euthanasia», American Humane Association, 2009, <http://www.americanhumane.org/about-us/newsroom/fact-sheets/animal-shelter-euthanasia.html> (доступ получен 23 июня 2009 г.).

41 Свадебное рагу из собачатины... «Ethnic Recipes: Asian and Pacific Island Recipes: Filipino Recipes: Stewed Dog (Wedding Style)», Recipe Source, <http://www.recipesource.com/ethnic/asia/filipino/00/rec0001.html>, (доступ получен 10 июня, 2009 г.).

43 более 31 000 различных пород... Впечатляющий ресурс Fishbase.org содержит каталог из 31 200 видов рыб, по всему миру они известны под 276 500 именами. Fishbase, January 15, 2009, <http://www.fishbase.org> (доступ получен 10 июня 2009 г.).

43 Я числю себя среди... «Почти все респондентки — женщины (99 %) — признались, они часто разговаривают с домашними питомцами (отрицательно ответило 95 % мужчин), а потрясающие 93 % женщин полагают, что их домашние животные общаются с ними (не подтвердило 87 % мужчин)». Business Wire: «Лучший друг мужчины на самом деле и любимец женщины; но исследования показали, что женщины все же с большей нежностью относятся к домашним питомцам, чем их партнеры», bnet, March 30, 2005,

http://findarticles.com/p/articles/mi_mOEIN/is_2005_March_30/ai_n13489499/

(доступ

получен 10 июня 2009 г.). улавливает звуки, раздавшиеся... «Мальки находят коралловый риф по потрескиванию и шипению, которые тот издает. Например, издаваемый креветками треск, похожий на звук «жарящегося бекона», разносится на расстояние в 20 километров». Staff, «Fish Tune Into the Sounds of the Reef», New Scientist, April 16, 2005.

<http://www.newscientist.com/article/mg18624956.300-fish-tune-into-the-sounds-of-the-reef.html> (доступ получен 23 июня 2009).

44 при такой огромной силе... Richard Ellis, The Empty Ocean (Washington, DC: Island Press, 2004), 14. Ellis цитирует Robert Morgan, World Sea Fisheries (New York: Pitman, 1955), 106.

«если возможно...» J. P. George, Longline Fishing (Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 1993), 79.

В прежние времена... Ellis, The Empty Ocean, 14, 222.

47 промышленность, приносящая каждый год доход более 140 миллиардов долларов... «Кроме 140 миллиардов долларов от продаж имеется доход в миллионы долларов от товаров и услуг, полученных от экономического волнового эффекта индустрии, в том числе от работ по упаковке, транспортировке, переработке и от розничных продаж». American Meat Institute, «The United States Meat Industry at a Glance: Feeding our Ecocomy», meatAMI.com, 2009, <http://www.meatami.com/ht/d/sp/i/47465/pid/47465/#feedingoureconomy> (доступ получен 29 мая, 2009 г.).

47 занимает треть суши планеты... Комиссия ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, «Инициатива в области животноводства, охраны окружающей среды и развития», «Livestock's Long Shadow: Environmental Issues and Options», (Rome: 2006), xxi, <ftp://ftp.fao.org/docrep/fao/010/a0701e/a0701e00.pdf> (доступ получен 11 августа 2009 г.). формирует экосистемы океанов... Состояние океана не очень просто измерить, но благодаря новой мощной статистической базе под названием «морской трофический индекс» (МТИ) ученые теперь могут получить примерную краткую характеристику состояния океанической жизни. Картина неприглядная. Вообразите, что за каждым живым существом в океане закреплен определенный «трофический уровень» между 1 и 5, маркер его места в пищевой цепи. Номер 1 закреплен за растениями, поскольку они формируют основу морских пищевых цепей. Существом, поедающим растения,

например, крошечным животным под названием планктон, присвоен трофический уровень 2. Существа, употребляющие в пищу планктон, имеют трофический уровень 3, и так далее. За хищниками на самом высоком уровне закреплен трофический уровень 5. Если бы мы сумели подсчитать всех существ в океане и каждому присвоить номер, то смогли бы определить средний трофический уровень жизни в океанах — некую приблизительную характеристику океанической жизни в целом. Подобный грандиозный подсчет на самом деле и есть то, что приблизительно характеризует МТИ. Более высокий индекс МТИ указывает на более длинные и разнообразные пищевые цепи, а также на более интенсивную жизнь океана. Если бы океан был, к примеру, заполнен только растениями, то ему можно бы присвоить «морской трофический индекс» (МТИ) равный 1. Если бы он был заполнен только растениями и планктоном, МТИ был бы где-то между 1 и 2. Если бы у океана были более длинные пищевые цепи с большим разнообразием существ, МТИ стал бы, соответственно, выше. МТИ — это не хорошо и не плохо, но постоянное падение МТИ — это, очевидно, плохая новость: плохая для людей, которые питаются рыбой, и плохая для самой рыбы. МТИ непрерывно падает, начиная с 50-х годов XX века, когда нормой стали промышленные способы лова. Daniel Pauly и Jay McLean, *In Perfect Ocean* (Washington: Island Press, 2003), 45–53.

47 и способно определять будущее... Сектор животноводства — важнейший фактор, содействующий возникновению парникового эффекта. Комиссия ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, «Инициатива в области животноводства, охраны окружающей среды и развития», «Livestock's Long Shadow: Environmental Issues and Options», xxi, 112, 267, <ftp://ftp.fao.org/docrep/fao/010/a0701e/a0701e00.pdf> (доступ получен 11 августа, 2009 г.). Благотворительные трасты Пью, Факультет здравоохранения университета Джона Хопкинса в Блумберге, Комиссия Пью по промышленному выращиванию животных, «Putting Meat on the Table: Industrial Farm Animal Production in America».

48 Из каждых десяти... рыб, которые обитали в наших океанах... R. A. Myers и B. Worm, «Extinction, Survival, or Recovery of Large Predatory Fishes», *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci*, January 29, 2005,

13–20, <http://www.pubmedcentral.nih.gov/articlerender.fcgi?artinstid=163> (доступ получен 24 июня 2009 г.).

Многие ученые предсказывают полное исчезновение... Boris Worm и соавторы, «Impacts of Biodiversity Loss on Ocean Ecosystem Services», Science, November 3, 2006, <http://www.sciencemag.org> (доступ получен 26 мая 2009 г.).

исследователи из Центра Рыболовства... D. Pauly и соавторы, «Global Trends in World Fisheries: Impacts on Marine Ecosystems and Food Security», Royal Society, January 29, 2005, <http://www.pubmedcentral.nih.gov/articlerender.fcgi?artid=1636108> (доступ получен 23 июня 2009 г.).

49 примерно 450 миллиардов сухопутных животных...

Согласно статистике ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства (ее можно взять на сайте <http://faostat.fao.org/site/569/DesktopDefault.aspx?PageID=569#ancor>) из 60 миллиардов животных, выращиваемых ежегодно на фермах, более 50 миллиардов — это куры, которых выращивают на мясо, и они практически всегда поступают с промышленных ферм. Таким образом, можно примерно оценить количество животных, выращиваемых на фермах, по всему миру.

49 Девяносто девять процентов всех наземных животных... См. сноску для стр. 23.

50 Мониторы передают в диспетчерские... Stephen Sloan, Ocean Bankruptcy (University of Virginia: Lyons Press, 2003), 75.

51 1,4 миллиарда крючков... R. L. Lewison и другие, «Quantifying the effects of fisheries on threatened species: the impact of pelagic longlines on loggerhead and leatherback sea turtles», Ecology Letters 7, no. 3 (2004): 225. на острие каждого из них... «На крючках этой вспомогательной лески в качестве приманки висит кальмар или рыба, а в некоторых случаях, как мы имели случай убедиться сами, свежее дельфинье мясо», — как процитировано в докладе What is a Longline? Sea Shepherd Conservation Society, 2009, <http://www.seashepherd.org/sharks/longlining.html> (доступ получен 10 июня 2009 г.).

1,200 сетей... Ellis, The Empty Ocean, 19. одно-единственное судно способно... J. A. Koslow и T. Koslow, The Silent Deep: The Discovery, Ecology and Conservation of the Deep Sea (Chicago: University of Chicago Press, 2007), 131, 198.

военные технологии... Ibid., 199

в последнее десятилетие... Sloan, *Ocean Bankruptcy*, 75.

52 СТЫД... Имена Бенямина, Дерриды и Кафки в этом разделе обязаны своим появлением разговорам с профессором религиоведения и теории литературы Аароном Гроссом.

53 Неожиданно... он начал... Max Brod, *Franz Kafka* (New York: Schocken, 1947), 74.

55 неравная борьба... Jacques Derrida, *The Animal That Therefore I Am*, под редакцией Marie-Louise Mallet, в переводе David Wills (New York: Fordham University Press, 2008), 28, 29.

56 Морские коньки схожи те только... Ellis, *The Empty Ocean*, 78.

Мы так жаждем любоваться... Ibid., 77–79 Морские коньки одни из самых... Я собрал некоторые сведения о морских коньках из следующих источников: «Sea Horse», *Encyclopedia Britannica Online*, 2009, <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/664988/sea-horse> (доступ получен 7 июля 2009 г.); «Sea Horse»; Environmental Justice Foundation Charitable Trust, *Squandering the Seas: How Shrimp Trawling Is Threatening Ecological Integrity and Food Security Around the World* (London: Environmental Justice Foundation, 2003), 18; и Richard Dutton, «Bonaire's Famous Seahorse Is the Holy Grail of Any Scuba Diving Trip», http://bonaireunderwater.info/imgpages/bonaire_seahorse.html (доступ получен 7 июля 2009 г.). 58 двадцать из примерно тридцати пяти... Как указано в *Squandering the Seas*, 18.

морские коньки один... «Report for Biennial Period, 2004–2005, Part I» Vol. 2, International Commission for the Conservation of Atlantic Tunas, Madrid, 2005, http://www.iccat.int/en/pubs_biennial.htm (доступ получен 12 июня 2009).

ловля креветок траловой сетью... *Squandering the Seas*, 19.

64 Антрополог Тим Ингольд... Timothy Ingold, *What Is an Animal?* (Boston: Unwin Hyman Ltd., 1988), 1. Поразительные примеры различий в том, как животный мир воспринимается разными культурами, можно найти в замечательной этнографической работе Эдуардо Баралха Вивейроса де Кастро о народности арауэте из Южной Америки: «Нет четкой разницы между людьми и животными ... Я не смог найти простого способа охарактеризовать место «природы» в космологии арауэте... там нет понятий для обозначения животного вообще; существует несколько общих терминов, например,

«рыба», «птица» и большое количество названий разных видов животных, связанных со средой их обитания, способами питания, полезностью для человека (do pi — для еды, temina ni — возможные домашние животные), их культовым значением и табу на их употребление в пищу. Принцип отнесения к категории животных по существу такой же, какой применяется к другим категориям существ... [таким как] люди... и духи». Eduardo Viveiros de Castro, *From the Enemy's Point of View: Humanity and Divinity in an Amazonian Society*, в переводе Catherine V. Howard (Chicago: University of Chicago Press, 1992), 71.

64 Чтобы спросить «что такое животное?»... Недавнее междисциплинарное исследование в области гуманитарных наук выявило потрясающее разнообразие способов, какими наши взаимодействия с животными отражают или формируют нашу личность. Детские истории о собаках и общественные выступления в защиту животных выступают в качестве примеров среди множества других, приводимых в книге *Animal Others and the Human Imagination*, под редакцией Aaron Gross и Anne Vallely (New York: Columbia University Press, в печати).

65 Антропоотрицание... Слово «антропоотрицание» было создано Францем де Ваалем. Franz de Waal, *Anthropodenial* (New York: Basic Books, 2001), 63, 69.

65 «Антропоморфизм — это риск...» Статья E. Cenami Spada, «Amorphism, mechanomorphism, and anthromorphism» в книге *Anthropomorphism, Anecdotes, and Animals* под редакцией R. W. Mitchell и других (Albany, NY: SUNY Press, 1977), 37–49.

66 шестьдесят семь квадратных дюймов... Организация под названием «Союз производителей яиц» рекомендует фермерам предоставлять курам не менее 67 квадратных дюймов площади на каждую особь. Общество защиты животных США извещает, что, как правило, используют именно этот минимум. «United Egg Producers Animal Husbandry Guidelines for U.S. Egg Laying Flocks», United Egg Producers Certified (Alpharetta, GA: United Egg Producers, 2008), <http://www.uepcertified.com/program/guidelines/> (доступ получен 24 июня, 2009); «Cage-Free Egg Production vs. Battery-Cage Egg Production», Humane Society of the United States, 2009 г., <http://www.hsus.org/farm/camp/nbe/compare.html> (доступ получен 23 июня 2009 г.).

Эти клетки ставят одна на другую... Roger Pulvers, «A Nation of Animal Lovers — As Pets or When They're on A Plate», Japanese Times, August 20, 2006, [http:// search.japantimes.co.jp/cgi-bin/fl20060820rp.html](http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/fl20060820rp.html) (доступ получен 30 июня 2009).

67 примерно один квадратный фут... Разброс площади от 7 до 1 квадратного фута. Это верно для американских и европейских бройлеров; в Индии (и других местах) кур содержат в клетках. Ralph A. Ernst, «Chicken Meat Production in California», University of California Cooperative Extension, June 1995, <http://animalscience.ucdavis.edu/avian/pfs20.htm> (доступ получен 7 июля 2009); D. L. Cunningham, «Broiler Production Systems in Georgia: Costs and Returns Analysis», thepoultrysite.com, July 2004, <http://www.thepoultrysite.com/articles/234/broiler-production-systems-in-georgia> (доступ получен 7 июля 2009 г.).

67 производительность... выросла более чем в два раза... American Egg Board, «History of Egg Production», 2007, http://www.incredibleegg.org/egg_facts_his_tory2.html (доступ получен 10 августа 2009 г.). выведены так, что... вырастают... Статья Frank Gordy, Broilers в книге John L. Skinner, ed., American Poultry History, 1823–1973 (Madison, WI: American Poultry Historical Society, 1974), 392; Mike Donohue, How Breeding Companies Help Improve Broiler Industry Efficiency, ThePoultrySite.com, February 2009, <http://www.thepoultrysite.com/articles/1317/how-breeding-companies-help-improve-broiler-industry-efficiency> (доступ получен 10 августа 2009).

могли прожить пятнадцать-двадцать лет... Frank Reese, Good Shepherd Poultry Ranch, личная переписка, июль 2009.

Скорость... роста увеличилась примерно на 400 процентов... «от 25 г до 100 г в день». T. G. Knowles и другие, Leg Disorders in Broiler Chickens: Prevalence, Risk Factors and Prevention, PLoS ONE, 2008, [http://www.plosone.org/article/info: doi/10.1371/journal/pone0001545](http://www.plosone.org/article/info:doi/10.1371/journal.pone0001545) (доступ получен 12 июня 2009 г.).

более 250 миллионов... M. C. Appleby и другие, Poultry Behavior and Welfare (Wallingford, U.K.: CABI Publishing, 2004), 184.

68 Большинство самцов-несушек уничтожают... Ibid. Некоторых швыряют... Gene Baur, Farm Sanctuary (New York: Touchstone, 2008), 150.

в полном сознании в мусородробилку... G. C. Perry, ed., Poultry Science Symposium Series, vol. 27, Welfare of the Laying Hen

(Wallingford, U.K.: CABI Publishing, 2004), 386.

69 при лове креветок при помощи трала... Благотворительный траст Фонда справедливости к окружающему миру, *Squandering the Seas: How Shrimp Trawling Is Threatening Ecological Integrity and Food Security Around the World* (London: Environmental Justice Foundation, 2003), 12.

Креветки составляют... Ibid.

креветок, пойманных тралом в Индонезии...

Squandering the Seas, 12.

регулярно и беспричинно убивают еще 145 других видов животных... «Report for Biennial Period, 2004–2005, Part I», vol. 2, Международная комиссия по сохранению атлантического тунца (Мадрид, 2005), 206, http://www.iccat.int/en/pubs_biennial.htm (доступ получен 12 июня, 2009 г.).

морского дьявола, пятнистого ската... Международная комиссия по сохранению атлантического тунца, «Bycatch Species», March 2007, <http://www.iccat.int/en/bycatchspp.htm> (доступ получен 10 августа 2009 г.)

71 Согласно их CFE... CFE штата Невада, «Chapter 574 — Cruelty to Animals: Prevention and Punishment», NRS 574.200, 2007, <http://leg.state.nv.us/NRS/NRS-574.html#NRS574ec200> (доступ получен 26 июня 2009).

Определенные штаты освобождают... Статья U. J. Wolfson и M. Sullivan, «Foxes in the Henhouse», в книге *Animal Rights: Current Debates and New Directions*, под редакцией C. R. Sunstein и M. Nussbaum (Oxford: Oxford University Press, 2005), 213.

78 по оценкам специалистов, количество депрессивных коров... D. Hansen и V. Bridges, «A survey description of down-cows and cows with progressive or non progressive neurological signs compatible with a TSE from veterinary client herd in 38 states», в журнале *The Bovine Practitioner* 33, no. 2 (1999), 179–187.

в университете Чикаго провели исследование...

«Было продемонстрировано, что выделение парникового газа при различных рационах варьирует в таких же пределах, в каких колеблется разница между выделением газа среднестатистическим седаном и спортивным автомобилем при типовом вождении». G. Eshel и P. A. Martin, «Diet, Energy, and Global Warming», *Earth Interactions* 10, no. 9 (2006), 1-17.

Еще более недавние и авторитетные исследования... Комиссия ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, «Инициатива в области животноводства, охраны окружающей среды и развития», «Livestock's Long Shadow: Environmental Issues and Options», (Rome: 2006), xxi, 112, 267, <ftp://ftp.fao.org/docrep/fao/010/a0701e/a0701eOO.pdf> (доступ получен 11 августа 2009 г.)

и Комиссии Пью... Благотворительные трасты Пью, Факультет здравоохранения университета Джона Хопкинса в Блумберге, Комиссия Пью по промышленному выращиванию животных, «Putting Meat on the Table: Industrial Farm Animal Production in America», 27.

на 18 процентов за выделение тепличного газа...

Считается, что эта цифра занижена, поскольку ООН не учитывала тепличный газ, выделяемый гужевым транспортом. «Livestock's Long Shadow», xxi, 112.

на 40 процентов больше... Ученые из Межправительственной комиссии по изменению климата сообщают, что на долю транспорта приходится 13,1 процента выделения тепличного газа; 18 процентов (см. выше) — это на 40 процентов больше, чем 13,1 процент. Н. Н. Rogner, D. Zhou, R. Bradley, P. Crabbu, O. Edenhofer, B. Hare (Австралия), L. Kuijpers, M. Yamaguchi, Вводная статья в «Climate Change 2007: Mitigation», вклад Рабочей группы III в четвертый оценочный отчет Межправительственной комиссии по изменению климата, B. Metz, O. R. Davidson, P. R. Bosch, R. Dave, L. A. Meyer, eds. (New York Cambridge University Press).

82 Животноводство отвечает... «Livestock's Long Shadow», xxi.

всеядные способствуют выделению тепличного газа, объем которого в семь раз... AFP, «Going veggie can slash your carbon footprint: study», August 26, 2008, http://afp.google.com/article/ALegM5gb6B_ItBZn0mNPPt8J5nxjgtllw.

это один из двух-трех... «Livestock's Long Shadow», 391. Другими словами, если человек заботится... «Livestock's Long Shadow; Департамент рыболовства и аквакультуры FAO, «The State of World Fishery and Aquaculture 2008», Комиссия ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства (Rome: 2009), <http://www.fao.org/fishery/soFia/en> (доступ получен 11 августа 2009 г.)

Международной правительственной группы экспертов по изменению климата: P. Smith, D. Martino, Z. Cai, D. Gwary, H. Janzen, P.

Kumar, B. McCarl, S. Ogle, F. O'Mara, C. Rice, B. Scholes, O. Sirotenko, раздел «Agriculture» в отчете «Climate Change 2007: Mitigation».

Американского Центра науки в общественных интересах: Michael Jacobsen, et al., «Six Arguments for a Greener Diet», Американский центр науки в общественных интересах, 2006, <http://cspinet.org/EatingGreen/> (доступ получен 12 августа 2009). 82 Комиссии Пью: Благотворительные трасты Пью, Факультет здравоохранения университета Джона Хоп-кинса в Блумберге, Комиссия Пью по промышленному выращиванию животных, «Putting Meat on the Table: Industrial Farm Animal Production in America», 2008, <http://www.ncifap.org/> (доступ получен 11 августа 2009 г.).

Ассоциации заинтересованных ученых: Doug Gurian-Sherman, «CAFOs Uncovered: The Untold Costs of Confined Animal Feeding Operations», Ассоциация заинтересованных ученых, 2008, http://www.ucsusa.org/food_and_agriculture/science_and_impacts/impacts_industrial_agriculture/cafos-uncovered.html; Margaret Mellon, «Hogging It: Estimates of Antimicrobial Abuse in Livestock», Ассоциация заинтересованных ученых, январь 2001, http://www.ucsusa.org/publications/#Food_and_Environment.

Института Всемирной вахты: Sara J. Scherr и Sajal Sthapit, «Mitigating Climate Change Through Food and Land Use», Институт Всемирной вахты, 2009, <http://www.worldwatch.org/node/6128#toc>; Christopher Flavin et al., «State of the World 2008», Институт Всемирной вахты, 2008, <http://www.worldwatch.org/node/556/#toc>.

85 «доступ к открытому воздуху»... «Meat and Poultry Labeling Terms», Министерство сельского хозяйства США, служба инспекции и безопасности продуктов, 24 августа 2006, http://www.fsis.usda.gov/FactSheets/Meat_Poultry_Labeling_Terms/index.asp (доступ получен 3 июля 2009 г.).

86 В Министерстве сельского хозяйства США даже нет определения... Federal Register, vol. *73, no. 198 (10 октября, 2008): 60228-60230, из Federal Register Online через GPO Access (wais.access.gpo.gov), <http://fsis.usda.gov/OPPDE/rdad/FRPubs/2008-0026/htm> (доступ получен 6 июля 2009 г.).

большинство кур-несушек... подвергаются удалению клюва... Чтобы уяснить, что конкретно означают этикетки министерства сельского хозяйства, посетите веб-сайт Общества защиты животных

США: «A Brief Guide to Egg Carton Labels and Their Relevance to Animal Welfare», March 2009, http://www.hsus.org/farm/resources/pubs/animal_welfare_claims_on_egg_cartons/html (доступ получен 30 июня 2009).

86 СВЕЖЕСТЬ... Министерство сельского хозяйства утверждает, что «термин «свежий» означает для потребителей целую птицу и птицу, разрубленную на куски, чья температура не опускалась ниже 26°F» (министерство сельского хозяйства США, служба инспекции и безопасности продуктов). «The Poultry Label Says Fresh», http://www.fsis.usda.gov/PDF/Poultry_Label_Says_Fresh.pdf (доступ получен 25 июня 2009 г.).

90 голуби в полете пользуются своим знанием транспортных маршрутов людей... Изучение голубей проводилось в Оксфордском университете и описано в книге Jonathan Balcombe Pleasurable Kingdom: Animals and the Nature of Feeling Good (New York: Macmillan, 2007), 53.

Гилберт Уайт... Lyaal Watson, The Whole Hog (Washington, DC: Smithsonian Books, 2004), 177.

Ученые расшифровали... Свиньи общаются, чавкая, лязгая зубами, хрюкая, ревя, визжа, ворча и фыркая. По словам весьма известного этолога Марка Бекоффа, свиньи показывают свое намерение поиграть друг с другом, используя язык тела, «такие маркеры игры, как бег с подпрыгиванием и повороты головы». Marc Bekoff, The Emotional Lives of Animals (Novato, CA: New World Library, 2008), 97; Общество защиты животных США, «About Pigs», <http://www.hsus.org/farm/resources/animals/pigs/pigs.html?print=t> (доступ получен 23 июня 2009 г.).

90 свиньи бегут на зов... Мы также знаем, что матери-свиньи хрюканьем дают поросятам знать, что пришло время сосать молоко, и что у самих поросят имеется особый призывной клич матери, когда они разлучены. Peter-Christian Schon и другие, «Coragaon Features and Individual Differences in Nurse Grunting of Domestic Pigs (Sus scrota): A Multi-Parametric Analysis», Behaviour 136, no. 1 (январь 1999): 49–66 (<http://www.hsus.org/farm/resources/animals/pigs/pigs.html?print=t> (доступ получен 12 августа 2009 г.).

91 забавляются игрушками... Темпл Грандин продемонстрировала не только то, что свиньи очень любят игрушки, но и то, что они

«отдают предпочтение одним игрушкам перед другими». Temple Grandin, «Environmental Enrichment for Confinement Pigs», Livestock Conservation Institute, 1998, <http://www.grandin.com/references/LCIhand.html> (доступ получен 26 июня 2009 г.). Больше о свиньях и других животных, которые любят играть, можно прочесть в книге: Bekoff, The Emotional Lives of Animals, 97. приходят на помощь... Было подтверждено также, что дикие свиньи бросаются на помощь кричащим от боли взрослым свиньям, даже не состоящим с ними в родственных отношениях. Bekoff, The Emotional Lives of Animals, 28.

91 Они не только... Lisa Duchene, Are Pigs Smarter than Dogs? Research Penn State, May 8, 2006, <http://www.rps.psu.edu/probing/pigs.html> (доступ получен 23 июня 2009 г.).

открывают задвижку... Ibid.

только 70 научных работ... К. N. Laland и другие, «Learning in Fishes: from three-second memory to culture», Fish and Fisheries 4, no. 3 (2003), 199–202. сегодня их число достигло 640... Этот приблизительный подсчет основан на базе данных ISI Web of Knowledge и просмотре более 350 конспектов соответствующих книг.

Рыбы строят сложные гнезда... «Многие рыбы строят гнезда для вскармливания мальков так же, как это делают птицы; у других имеются постоянные норы или излюбленные места укрытия. Но как осуществлять продолжение жизни, если вы постоянно в движении, в поисках пропитания? Колючий губан строит новые дома каждую ночь, собирая камешки с морского дна. Когда конструкция завершена, губан устраивается на ночлег, а утром покидает жилище». Culum Brown, Not Just a Pretty Face, New Scientist, no. 2451 (2004), 42. формируют моногамные связи... Например, «Большинство видов бычков формируют моногамные пары, выращивающие молодь...» M. Wall и J. Herler, «Postsettlement movement patterns and homing in a coral-associated fish», Behavioural Ecology, 2009, <http://beheco.oxfordjournals.org/cgi/content/full/arn118/DC1> (доступ получен 25 июня 2009 г.). охотятся совместно с другими видами животных... Laland и другие, «Learning in Fishes», 199–202; ссылки на Laland и другие: M. Milinski и другие, «Tit for Tat: Sticklebacks, Gasterosteos aculeatus, 'trusting' a cooperative partner», Behavioural Ecology 1 (1990), 7-11; M. Milinski и другие, «Do sticklebacks cooperate repeatedly in reciprocal

pairs?», *Behavioural Ecology and Sociobiology* 27 (1990), 17–21; L. A. Dugatkin, *Cooperation Among Animals* (New York: Oxford University Press, 1997).

91 и используют инструменты... «Чтобы расколоть ракообразного, они используют наковальни. Однако этим использование инструмента не ограничивается, животное должно взять предмет, чтобы достичь цели (Beck 1980). Более точное и строгое определение использования инструмента — применение южноамериканскими цихлидами листьев как дощечек, на которых они утаскивают икринки в безопасное место, если их потревожат (Timms and Keenleyside 1975; Keenleyside and Prince 1976). Таракатум *Hoplosternum thoracatum* тоже приклеивает икринки к листьям и при помощи этой «прогулочной коляски» может доставить их в гнездо, сооруженное из пены, (Armbmst 1958)». R. Bshary и другие «Fish Cognition: A primate eye's view», *Animal Cognition* 5, no. 1 (2001), 1-13. Они опознают друг друга... P. K. McGregor, «Signaling in territorial systems — a context for individual identification, ranging and eavesdropping», *Philosophical Transactions of the Royal Society of London Series B — Biological Sciences* 340 (1993), 237–244; Bshary и другие, *Fish Cognition*, 1-13; S.W. Griffiths, Learned recognition of conspecifics by fishes. *Fish and Fisheries* 4 (2003): 256–268, как процитировано в книге Laland и соавторы, *Learning in Fishes*, 199–202.

92 принимают решения единолично... «Рыбы так же умны, как крысы... Доктор Майк Уэбстер из университета Сент-Эндрюса обнаружил, что, находясь в опасности, рыбы демонстрируют довольно высокий уровень интеллекта... Доктор Уэбстер провел серию экспериментов, которые показали, что когда на гольянов нападают хищники, они спасаются, обмениваясь информацией. Ученый обнаружил, что одинокая рыба, отделенная от косяка прозрачным пластиковым разделителем, когда нет угрозы, принимает решения сама. Но если в общий водоем поместить хищника, одинокая рыба, наблюдая за другими рыбами, понимает, как себя вести. Биолог заявил: «Эти эксперименты свидетельствуют о том, что, когда гольянам угрожают хищники, они полагаются на социальные связи, решая, как избежать того, чтобы быть съеденным». Sarah Knapton, *Scientist finds fish are as clever as mammals*, [telegraph.co.uk](http://www.telegraph.co.uk/earth/main.jhtml?), August 29, 2008, <http://www.telegraph.co.uk/earth/main.jhtml?>

view=DETAILSgrid=xm1=/earth/2008/08/29/scifish129.xml (доступ получен 23 июня 2009 г.).

92 следят за своим социальным престижем... Laland и соавторы, *Learning in Fishes*, 199–202. Цитируется по книге Laland и соавторы: McGregor, *Signaling in territorial systems*, 237–244; Bshary и соавторы, *Fish Cognition*, 1-13; S.W. Griffiths, *Learned recognition of conspecifics by fishes*, *Fish and Fisheries* 4 (2003), 256–268.

«макиавеллиевские стратегии...» Laland и соавторы, *Learning in Fishes*, 199–202. Цитируется в книге Laland и соавторы: Bshary и соавторы, *Fish Cognition*, 1-13; R. Bshary и M. Würth, *Cleaner fish Labroides dimidiatus*

manipulate client reef fish by providing tactile stimulation, *Proceedings of the Royal Society of London Series B* 268 (2001), 1495–1501.

значительные долговременные воспоминания...

«В 2001 году я опубликовал статью в журнале *Animal Cognition* (vol. 4, p. 109) о длительной памяти у австралийских пресноводных губановых рыб. В аквариум опускали сеть и учили рыб находить в ней отверстие. После 5 попыток рыбы могли уверенно находить дырку в сети. Через 11 месяцев их протестировали вновь, и их способность к побегу не исчезла, хотя они и не видели сети в течение нескольких месяцев. Не так плохо для рыбы, которая живет в дикой природе всего два-три года». Brown, *Not Just a Pretty Face*, 42.

92 умеют передавать знания друг другу... Laland и соавторы, *Learning in Fishes*, 199–202. У них имеется даже... Ibid.

латерализацию птичьего мозга... Lesley J. Rogers, *Minds of Their Own* (Boulder, CO: Westview Press, 1997), 124–129; Balcombe, *Pleasurable Kingdom*, 31, 33–34. Сегодня ученые полагают... Rogers, *Minds of Their Own*, 124–129.

Роджерс указывает, что наше сегодняшнее знание птичьего... Lesley J. Rogers, *The Development of Brain and Behavior in the Chicken* (Oxford: CABI, 1996), 217. Недавний обзор научной литературы подтверждает ее слова. Выдающийся этолог Питер Марье не так давно проанализировал существующие исследования о социальной познавательной способности у приматов и птиц; его обзор подтвердил наблюдения Роджерс и привел к доказательству того, что научная

литература обнаруживает больше сходств, чем различий между разумом птиц и приматов. Balcombe, *Pleasurable Kingdom*, 52.

Она доказывает, что у птиц имеются изощренные...

Rogers, *Minds of Their Own*, 74.

Куры, как и рыбы... В некоторых исследованиях раненые птицы учились выбирать корм с обезболивающими лекарствами (и предпочитали именно его). В других исследованиях куры учились игнорировать корм синего цвета, содержащий химические вещества, от которых они болели. Даже после того, как химические вещества убрали, наседки продолжали учить цыплят избегать синего корма. Поскольку ни обезболивающие средства, ни лекарства, от которых куры заболевали, не проявляли своих свойств немедленно, необходимость принять решение была главным фактором, заставляющим птиц анализировать ситуацию. Bekoff, *The Emotional Lives of Animals*, 46.

92 Они также обманывают друг друга... Зачастую петухи находят пищу и особым криком дают знать об этом курам, за которыми они ухаживают. В большинстве случаев куры бегут на их призыв. Однако некоторые петухи иногда издают призыв к еде, не найдя пищи, а куры все равно будут к ним бежать (если курица находится в отдалении от петуха и не видит его). Rogers, *Minds of Their Own*, 38; Balcombe, *Pleasurable Kingdom*, 51.

93 могут отложить удовольствие... Например, цыплята получали маленькую награду за то, что клевали рычаг специального аппарата, но если они получали гораздо больше еды, выждав перед тем, как клюнуть, двадцать две секунды, то в 90 % случаев научались ждать. (Оставшиеся 10 % цыплят были либо слишком нетерпеливыми, либо предпочитали маленькую награду, зато сразу.) Balcombe, *Pleasurable Kingdom*, 223. птичий мозг перерабатывает информацию... Ibid., 52 I 94 KFC покупает ежегодно примерно миллиард... «По официальным сообщениям, KFC ежегодно покупает 850 миллионов кур (эту цифру компания не подтверждает)». Процитировано из статьи Daniel Zwerdling, *A View to a Kill*, *Gourmet*, June 2007, <http://gourmet.com/magazine/2000s/2007/06/aviewtoakill> (доступ получен 26 июня 2009 г.).

94 KFC уверяет... «Руководители KFC не шевелятся. Они настаивают на том, что уже “приняли на себя обязательство

обеспечивать курам благополучие и гуманное обращение”». Цитирую по статье: Zwerdling, A View to a Kill.

обнаружено... что рабочие... KFC responds to chicken supplier scandal, foodproductiondaily.com, July 23, 2004, <http://www.foodproductiondaily.com/Supply-Chain/KFC-responds-to-chicken-supplier-scandal>

(доступ получен 29 июня 2009 г.); Undercover Investigations, Kentucky Fried Cruelty, <http://www.kentuckyfriedcruelty.com/u-pilgrimspride.asp> (доступ получен 5 июля 2009 г.). На сайте компании KFC утверждается... Animal Welfare Program, Kentucky Fried Chicken (KFC), <http://www.kfc.com/about/animalwelfare.asp> (доступ получен 2 июля 2009 г.).

95 Адель Дуглас, рассказала газете Chicago Tribune., Andrew Martin, PETA Ruffles Feathers: Graphic protests aimed at customers haven't pushed KFC to change suppliers' slaughterhouse rules', Chicago Tribune, August 6, 2005. Айан Дункан, почетный председатель Фонда благоденствия животных... Heather Moore, Unhealthy and Inhumane: KFC Doesn't Do Anyone Right, American Chronicle, July 19, 2006, <http://www.americanchronicle.com/articles/view/11651> (доступ получен 29 июня 2009 г.).

Комитет по благоденствию животных компании KFC... «Advisory Council», Kentucky Fried Chicken, http://www.kfc.com/about/animalwelfare_council.asp (доступ получен 2 июля 2009 г.).

96 рабочие мочатся... Это было подтверждено документами. PETA сообщает, что «исследователи PETA девять раз в течение нескольких дней видели, как рабочие мочатся в зоне, где висят на крюках живые птицы, или даже на конвейерную ленту, которая доставляет птиц на бойню». См.: Tyson Workers Torturing Birds, Urinating on Slaughter Line, PETA, http://getactive.peta.org/campaign/tortured_by_tyson (доступ получен 27 июля 2009 г.).

96 КОШЕРНО?.. Запутанная сага о бойне Agriprocessors была пространно освещена в блоге приверженца ортодоксального иудаизма FailedMessiah.com.

97 Президент Собрания раввинов... Рабби Perry Raphael Rank (Президент Собрания раввинов), Letter to Conservative Rabbis, December 8, 2008.

Кафедра ортодоксального иудаизма... Aaron Gross, When Kosher Isn't Kosher, Tikkun 20, no. 2 (2005), 55. в совместном заявлении... Ibid.

98 ОРГАНИЧЕСКИЙ... «The Issues: Organic», Sustainable Table, <http://www.sustainabletable.org/issues/organic/> (доступ получен 6 августа 2009); Fact Sheet: Organic Labeling and Marketing Information, USDA Agricultural Marketing Service, <http://www.ams.usda.gov/AMSvLO/getfile?dDocName=STELDEV3004446acct=nopgeninfo> (доступ получен 6 августа 2009 г.).

100 она увидела... больше усовершенствований... «В 1999 году я увидела больше изменений, чем за все предшествующие 30 лет работы». Amy Garber и James Peters, Latest Pet Project: Industry agencies try to create protocol for improving living, slaughtering conditions. Nations Restaurant News, September 22, 2003, http://findarticles.com/p/articles/mi_m3190/is_38_37/ai_108279089/?tag=content;coll (доступ получен 12 августа 2009 г.).

101 на что способна PETA... Steve Kopperud, January 12, 2009 (из телефонного разговора с Льюисом Баллардом, студентом Гарвардского университета, который написал свои предложения для кампании Общества защиты животных США и PETA по улучшению условий содержания животных на фермах).

103 96 процентов американцев... David W. Moore, Public Lukewarm on Animal Rights: Supports strict laws governing treatment of farm animals, but opposes ban on product testing and medical research. Gallup News Service, May 21, 2003, <http://www.gallup.com/poll/8461/public-lukewarm-animal-rights.aspx>. (доступ получен 26 июня 2009 г.). 76 процентов говорят, что благоденствие животных... Jayson L. Lusk et al., Consumer Preferences for Farm Animal Welfare: Results of a Nationwide Telephone Survey, Oklahoma State University, Department of Agricultural Economics (Aug. 17, 2007), ii, 23, 24, доступно на <http://www.asp.okstate.edu/baileynorwood/AW2/InitialReportto.AFB.pdf> (последнее посещение 7 июля 2009 г.). примерно две трети поддерживают... Moore, Public Lukewarm on Animal Rights.

животные с ферм представляют более 99 процентов... David J. Wolfson и Mariann Sullivan, Foxes in the Henhouse, в книге: Animal Rights под редакцией Cass Sunstein (Oxford: Oxford University Press, 2005), 206. В этот процент входят не только домашние животные, но и те, на которых охотятся, птицы, за которыми ведут наблюдение, животные, которых анатомируют в образовательных целях, живые существа в зоопарках, лабораториях, на беговых дорожках и

ипподромах, на бойцовских рингах и в цирках. Авторы дают сведения о том, как они вывели 98 процентов, но оговорились, что их подсчеты не включали рыб, которых разводят на фермах. Поскольку подобных рыб очень много, мы уверенно можем превратить 98 процентов в 99.

Прятки / Поиск

Опознавательные характеристики персонажа, время и место некоторых событий и имена их участников в этой главе были изменены.

118 семь загонов, каждый около 50 футов в ширину... Эти цифры типичны для предприятий по выращиванию индюшек (CAFO) в Калифорнии (да практически и в любом другом месте). John C. Voris, Poultry Fact Sheet № 16c: California Turkey Production, Cooperative Extension, University of California, September 1997, <http://animalscience.ucdavis.edu/Avian/pfsl6C.htm> (доступ получен 16 августа 2009 г.)

130 изначальную потерю в 4 процента... Коэффициент смертности на предприятиях, где выращивают кур, как правило, где-то около 1 % в неделю, что дает 5 % коэффициент смертности за период жизни, отведенный для большинства бройлеров. Это в семь раз превышает коэффициент смертности у кур-несушек того же возраста, считается, что большее число смертей обусловлено большой скоростью роста бройлеров. The Welfare of Broiler Chickens in the EU, Compassion in World Farming Trust, 2005, http://www.ciwf.org.uk/includes/documents/cm_docs/2008/w/welfare_of_broilers_in_the_eu_2005.pdf (доступ получен 16 августа 2009 г.)

131 Я занимаюсь промышленным фермерством... Монолог составлен из рассказов нескольких рабочих с ферм, с которыми я беседовал, когда работал над этой книгой.

134 мистер Макдональд... Это прозвище одной породы кур, «слитое» с названием корпораций фастфуда, особенно Макдональдса. Eric Schlosser, Fast Food Nation (New York: Harper Perennial, 2005), 140.

135 ты начинала общаться со своими цыплятами... Jeffrey Moussaieff Mason, The Pig Who Sang to the Moon (New York: Vintage, 2005), 65.

Иисус призвал тебя... «сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья», Мат: 23, 37.

136 при этом считаешь их... James Serpell, *In the Company of Animals* (Cambridge: Cambridge University Press, 2008), 5.

Ты рисуешь их... Ученые давно заметили, что на рисунках в древних пещерах чаще всего изображали животных. Например: «Пещерное искусство — это по существу изображение животных; это могут быть рисунки, живопись, скульптуры, громадные фризы или изысканные изображения, всегда или почти всегда эти образы пришли из мира животных». Annette Laming-Emperaire, *Lascaux: Paintings and Engravings* (Baltimore, MD: Penguin Books, 1959), 208.

137 Одомашнивание — это скорее эволюционный...

Michael Pollan, *The Omnivore's Dilemma* (New York: Penguin, 2007), 320.

138 «Того, кто кивает головой, выражая согласие»... Jacob Milgrom, *Leviticus 1 — 16*, Anchor Bible series (NY: Doubleday, 1991).

«Ты пришел ко мне, Повелитель Медведь»... Jonathan Z. Smith, *Imagining Religion: From Babylon to Jonestown*, Chicago Studies in the History of Judaism (Chicago: University of Chicago Press, 1988), 59.

138 рыжая телка, которую приносят в жертву... Saul Lieberman, *Greek in Jewish Palestine: Hellenism in Jewish Palestine*. (New York: The Jewish Theological Seminary of America, 1994), 159–160. 141 «красота всегда в конкретности»... Elaine Scarry, *On Beauty and Being Just* (Princeton, NJ: Princeton University, 2001), 18.

Первые этические законы по отношению к животному... Наблюдение, что старая этика, в которой интересы животных и фермеров частично совпадали, устарела в связи с ростом промышленного фермерства, — это основная посылка философской и пропагандистской работы доктора Бернарда Роллина, специалиста по благоденствию животных и профессора философии. Я в долгу у него за эти размышления, в 20-30-х годах XIX века... D. D. Stull and M.J. Broadway, *Slaughterhouse Blues: The Meat and Poultry Industry in North America*, Case Studies on Contemporary Social Issues (Belmont, CA: Wadsworth Publishing, 2003), 34. Забойщики, выкачиватели крови... Ibid., 70–71.

143 эффективность этих линий... Jeremy Rifkin, *Beyond Beef: The Rise and Fall of the Cattle Culture*, (New York: Plume, 1993), 120.

По примеру... произошли кое-какие улучшения...

Stull and Broadway, *Slaughterhouse Blues*, 33; Rifkin, *Beyond Beef*, 87–88.

Среднее расстояние, на которое перемещается мясо... R. Pirog и соавторы, *Food, Fuel, and Freeways: An Iowa perspective on how far food travels, fuel usage, and greenhouse gas emissions*, Leopold Center for Sustainable Agriculture (Ames, Iowa: 2001), <http://www.leopold.iastate.edu/pubs/staff/ppp/index.htm> (доступ получен 16 июля 2009 г.).

143 К 1908 году конвейерные линии... Stull and Broadway, *Slaughterhouse Blues*, 34.

увеличиваясь вдвое, а то и втрое... Eric Schlosser, *Fast Food Nation* (New York: Harper Perennial, 2005), 173; Steve Bjerklie, «The Era of Big Bird Is Here: The Eight-pound Chicken Is Changing Processing and the industry», *Business Journal for Meat and Poultry Processors*, January 1, 2008, http://www.meatpoultry.com/Feature_Stories.asp?ArticleID=90548 (доступ получен 15 июля 2009 г.).

с предсказуемым увеличением... Blood, Sweat, and Fear: Workers' Rights in US Meat and Poultry Plants (New York: Human Rights Watch, 2004) 33–38.

144 В 1923 году на полуострове Делмарва... Stull and Broadway, *Slaughterhouse Blues*, 38; Steve Striffler, *Chicken: The Dangerous Transformation of America's Favorite Food* (New Haven, CT: Yale University Press, 2007), 34. Благодаря только что открытым пищевым добавкам... Добавление витаминов А и D к куриному корму позволяет птицам выжить в закрытом помещении, в противном случае рост и развитие костей были бы невозможны. Jim Mason, *Animal Factories* (New York: Three Rivers Press, 1990), 2.

К 1926 году у Стил было 10 000 птиц... Stull and Broadway, *Slaughterhouse Blues*, 38.

а к 1935 — 250 000... История округа Сассекс, Celia Steele the Broiler Industry», [sussexcountyde.gov](http://www.sussexcountyde.gov), 2009, <http://www.sussexcountyde.gov/about/history/events.cfm?action=broiler> (доступ получен 15 июля 2009). Среднего размера куриная стая в Америке... W. O. Wilson, *Housing* в книге: Oscar August Hanke, *American Poultry History: 1823–1973* (Madison, WI: American Poultry Historical Society, 1974), 218.

144 Всего через десять лет после достижения Стил... Striffler, *Chicken*, 34.

Производство птицы — основа экономики региона...

Lynette M. Ward, *Environmental Policies for a Sustainable Poultry Industry in Sussex County, Delaware*, диссертация на соискание степени Ph.D., Environmental and Energy Policy, University of Delaware, 2003, 4, 15. http://northeast.manuremanagement.cornell.edu/docs/Ward_2003_Dissertation.pdf (доступ получен 16 августа 2009 г.). Нитраты оказывают пагубное влияние на треть... Р. А. Hamilton и соавторы, *Waterquality assessment of the Delmarva Peninsula*, Report Number 03–40, <http://pubs.er.usgs.gov/usgspubs/ofr/ofr9340>; дискуссия освещается в статье Peter S. Goodman, *An Unsavory Byproduct: Runoff and Pollution*, *Washington Post*, August 1, 1999, <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/local/daily/aug99/chickenl.htm> (доступ получен 6 июля 2009 г.). Птицы Стил... никогда бы не выжили... Mason, *Animal Factories*, 2.

145 выращенная благодаря правительственным субсидиям... Pollan, *The Omnivore's Dilemma*, 52–54.

стали доставлять в подвижных кормушках на цепном приводе... Mason, *Animal Factories*, 2. удаление клювов... Ibid.

146 «широкую грудь»... George E. «Jim» Coleman, *One Man's Recollections Over 50 Years, Broiler Industry* (1976), 56.

40-е годы стали свидетелями введения... Mason, *Animal Factories*, 2.

все большего количества яиц (несушки)... P. Smith and C. Daniel, *The Chicken Booh* (Boston: Little, Brown, 1975), 270–272.

146 С 1935 по 1995 годы средний вес... William Boyd, *Making Meat: Science, Technology, and American Poultry Production, Technology and Culture* (Oct. 2001), 636–637, как процитировано у Striffler, *Chicken*, 46.

147 компании владеют тремя четвертями... Paul Aho, *Feather Success, Watt Poultry USA*, February 2002, <http://www.wattnet.com/Archives/Docs/202wp30.pdf?CFID=28327CFTOKEN=64015918> (доступ получен 13 июля 2009 г.).

148 Подобное порабощение... Jacques Derrida и другие, *The Animal That Therefore I Am*, под редакцией Marie-Louise Mallet, в переводе David Willis (New York: Fordham University Press, 2008), 25–26.

149 Как утверждается в отраслевых журналах... Это лучшая подборка цитат из журналов отрасли была приведена в потрясающей

книге Джима Мейсона о промышленном фермерстве, *Animal Factories*, 1. Цитаты из следующих источников (по порядку): *Farmer and Stockbreeder*, January 30, 1962; J. Byrnes, *Raising Pigs by the Calendar at Maplewood Farm*, *Hog Farm Management*, September 1976; *Farm Animals of the Future*, *Agricultural Research*, U.S. Department of Agriculture, April 1989.

За последние пятьдесят лет... Scott Derks, ed. *The Value of a Dollar: 1860–1999*, Millennium Edition (Lakeville, CT: Grey House Publishing, 1999), 280: Bureau of Labor Statistics, *Average Price Data*, US City Average, Milk, Fresh, Whole, Fortified, Per Gallon.

150 99,9 процента кур, выращиваемых на мясо... См. примечание к странице 23.

Влияние / Бессловесность

166 первым из шестерки... Michael Greger, Hong Kong 1997', *BirdFluBook.com*, <http://birdflubook.com/a.php?id=15> (доступ получен 6 июля 2009 г.).

в 1918 году пандемия убивала больше людей и намного быстрее... Даже такая низкая оценка, как двадцать миллионов летальных исходов во время пандемии 1918 года, делает ее наиболее страшной пандемией в истории. Y. Ghendon, *Introduction to pandemic influenza through history*, *European Journal of Epidemiology* 10 (1994), 451–453. В зависимости от того, какие цифры смертности принимать за правду, Вторая мировая война в абсолютном исчислении унесла больше жизней, чем пандемия 1918 года, но война длилась шесть лет, а пандемия чуть больше двух.

167 испанка убила столько же ... J. M. Barry, *Viruses of mass destruction*, *Fortune*, 150, no. 9 (2004), 74–76. недавние расчеты летальных исходов... NPAS Johnson и J. Mueller, *Updating the Accounts: global morality of the 1918–1920 'Spanish' influenza pandemic*, *Bulletin of the History of Medicine* 76 (2002), 105–115.

четверть всех американцев... A. W. Crosby, *Epidemic and Peace*, 1918 (Westford, CT: Greenwood Press, 1976), 205.

выше всего смертность была в группе двадцатипяти-двадцатидевятилетних... J. S. Nguyen-Van-Tam и A. W. Hampson, *The epidemiology and clinical impact of pandemic influenza*, *Vaccine* 21 (2003), 1762–1768, 1765, <http://birdfluexposed.com/resources/tam1772.pdf> (доступ получен 6 июля 2009 г.).

167 средняя продолжительность жизни американцев...

L. Garrett, *The Next Pandemic? Probable cause*. Foreign Affairs 84, no. 4 (2005).

за неделю умирало двадцать тысяч американцев...

Crosby, *Epidemic and Peace*, 1918, 60.

использовали паровые экскаваторы... Pete Davies, *The Devils Flu* (New York, NY: Henry Holt and Company, 2000), 86.

пандемия... неминуема... ВОЗ, World is ill-prepared for 'inevitable' flu pandemic, Bulletin of the World Health Organization, 2004, <http://who.int/bulletin/volumes/82/4/who%20news.pdf> (доступ получен 6 июля 2009 г.).

168 «не только неминуема, она просто запаздывает»... М.

S. Smolinski и другие, *Microbial Threats to Health: The Threat of Pandemic Influenza* (Washington, DC: National Academies Press, 2005), 138.

опасность надвигается... Очень сложно предсказать, как пандемия повлияет на популяцию людей, потому что требуются данные многих научных дисциплин (среди прочих патологоанатомии, эпидемиологии, социологии и ветеринарии), кроме того, специалистам по здравоохранению всего мира нужно предсказать комплексные последствия взаимодействий между патогенными бактериями, новыми технологиями (например, географическими информационными системами, дистанционными сенсорными датчиками и молекулярной эпидемиологией) и политическими решениями (то есть мы должны учитывать капризы мировых лидеров). Report of the WHO/FAO/OIE joint consultation on emerging zoonotic diseases: in collaboration with the Health Council of the Netherland, May 3–5, 2004 (Geneva, Switzerland), 7.

168 Возможно, мир стоит на краю... Ten things you need to know about pandemic influenza, World Health Organization, 2005, <http://www.who.int/csr/disease/influenza/pandemic10things/en/> (доступ получен 16 июля 2009 г.).

169 относительно осторожную оценку... Ibid. Результаты, опубликованные в 2005 году... J. К.

Taubenberger и соавторы, Characterization of the 1918 influenza virus polymerase genes, Nature 437 no. 889 (2005), R. B. Belshe, The origins of pandemic influenza — lessons from the 1918 virus', New England Journal of Medicine 353 no. 21 (2005), 2209–2211.

вирус 1918 года мутировал... В своей содержательной книге *Secret Agents* Мадлен Дрекслер объясняет: «Работа Тобенбергера и последующая работа Рейда выявили провокативный факт: пандемия гриппа 1918 года и пандемии 1957 и 1968 годов были вызваны разными обстоятельствами. В двух последних случаях вирусы имели поверхностные белки, которые передавались непосредственно от птиц и соединялись с ядерными генами, которые адаптировались к человеческому организму. Напротив, в вирусе 1918 года поверхностные гены были характерны для млекопитающих. Вероятно, первоначально они произошли от вирусов птицы и сначала несколько лет адаптировались к жизни млекопитающих — либо свиней, либо людей» (189).

уникально восприимчивы... Madeline Drexler, *Secret Agents* (USA: Penguin, 2002), 173.

170 Он назвал это «теорией скотного двора»... Drexler, *Secret Agents*, 170–171.

двадцать тысяч «дополнительных смертей»...

Ibid., 170.

171 у утки из Центральной Европы... *Ibid.*, 171.

изначальный источник всех штаммов гриппа...

Ibid.

H1 через недавно открытый H16... Joseph LaDou,

Current Occupational Environmental Medicine (New York: McGraw-Hill Professional, 2006), 263–264; R. A. Fouchier, Characterization of a novel influenza A virus hemagglutinin subtype (H16) obtained from black-headed gulls, *J Virol* 79, no. 5 (2005): 2814–2822; Drexler, *Secret Agents*, 171. Домашние птицы тоже могут... Drexler, *Secret Agents*, 171.

Люди, например... *Ibid.*, 172.

Буква Н означает гемагглютинин... David S. Goodsell, Hemagglutinin, RCSB Protein Data Bank, April 2006, http://www.rcsb.org/pdb/static.do?p=education_discussion/molecule_of_the_month/pdb76_1.html

(доступ получен 16 июля 2009 г.).

173 равняется восьми десятым квадратного фута... About the Industry: Animal Welfare: Physical Well-Being of Chickens, National Chicken Council, 2007, <http://www.nationalchickencouncil.com/aboutIndustry/detail.cfm?id=11> (доступ получен 6 июля 2009 г.).

174 Мышечные и жировые ткани... S. Boersma, Managing Rapid Growth Rate in Broilers, World Poultry 17, no. 8 (2001): 20, <http://www.worldpoultry.net/article-database/managing-rapid-growth-rate-in-broilers-idl337.html>

(доступ получен 8 июля 2009).

ведет к деформациям... В региональном отчете Всемирной научной ассоциации по птицеводству сказано, что «один из главных факторов, отвечающих за [проблемы с ногами обычных бройлеров на обычных промышленных фермах] — это быстрота их роста». G. S. Santotra и соавторы, Monitoring Leg Problems in Broilers: a survey of commercial broiler production in Denmark, World's Poultry Science Journal 57 (2001). 174 между 1 и 4 процентами... Flip-over Disease: Introduction, The Merck Veterinary Manual, (Whitehouse Station, NJ: MerckCo., Inc., 2008), <http://www.merckvetmanual.com/mvm/index.jsp?cfile=htm/bc/202500.htm> (доступ получен 28 июня 2009 г.).

асцит... и от этого гибнет еще больше... М. Н.

Maxwell и G. W. Robertson, World broiler ascites survey 1996, Poultry Int. (April 1997), как процитировано в брошюре: Ascites, Government of Alberta, July 15, 2008, [http://www.agric.gov.ab.ca/\\$department/deptdocs.nsf/all/pou3546?opendocument](http://www.agric.gov.ab.ca/$department/deptdocs.nsf/all/pou3546?opendocument) (доступ получен 28 июня 2009 г.).

Три птицы из четырех испытывают постоянную...

Santotra и другие, Monitoring Leg Problems in Broilers. одна из четырех... T. G. Knowles и соавторы, Leg Disorders in Broiler Chickens: Prevalence, risk factors and prevention, PLoS ONE 3, no. 2 (2008), 1545, doi:10.1371/journal.pone.0001545; S. C. Kestin и соавторы, Prevalence of leg weakness in broiler chickens and its relationship with genotype, The Veterinary Record 131 (1992), 190–194. в постоянном ощущении боли... Цитирую исследования, опубликованные в журнале The Veterinary Record, а недавняя публикация белой книги Общества защиты животных США делает вывод: «Исследование убеждает, что птицы [которые с трудом ходят] испытывают боль». HSUS, «Ал HSUS Report: The Welfare of Animals in the Chicken Industry», http://www.hsus.org/web-files/PDF/farm/welfare_broiler.pdf, 2. свет горит двадцать четыре часа... Статья I. Duncan, Welfare Problems of Poultry, в книге: The Well-Being of Farm Animals: Challenges and Solutions, G. J. Benson и B. E. Rollin, eds. (Ames, IA: Blackwell Publishing, 2004), 310; Christine Woodside, Living

on An Acre: A Practical Guide to the Self-Reliant Life (Guilford, CT: Lyons Press, 2003), 234.

175 на сорок второй день жизни... Доклад I. Duncan, Welfare Problems of Poultry на конференции в Калифорнийском университете по благоденствию животных, выращиваемых на ферме, 28–29 июня 2001 года, http://www.upc-online.org/fall2001/well-being_conference_review.html (доступ получен 12 августа 2009 г.). (или все чаще на тридцать девятый)... 39-day blog following the life of a factory farmed chicken, Compassion in World Farming, <http://www.chickenout.tv/39-day-blog.html>; G. T. Tabler, I. L. Berry и A. M. Mendenhall, Mortality Patterns Associated with Commercial Broiler Production, Avian Advice, University of Arkansas, Spring 6, no. 1 (2004), 1–3.

Кроме общего уродства, встречается повреждение глаз... Jim Mason, Animal Factories (New York: Harmony Books, 1990), 29.

фактически все... куры... Nationwide Young Chicken Microbiological Baseline Data Collection Program, Food Safety and Inspection Services, (November 1999 — October 2000), http://www.fsis.usda.gov/Science/Baseline_Data/index.asp (доступ получен 17 июля, 2009 г.); Nichols Fox, «Safe Food? Not Yet», New York Times, January 30, 1997, <http://www.nytimes.com/1997/01/30/opinion/safe-food-not-yet.html?pagewanted=print> (доступ получен 16 августа, 2009 г.); K. L. Kotula и Y. Pandya, Bacterial Contamination of Broiler Chickens before Scalding, Journal of Food Protection 58, no. 12 (1995), 1326–1329, <http://www.ingentaconnect.com/content/iafp/jfp/1995/00000058/00000012/art00007%3Bjsessionid=ms4km94qohkn.alexandra> (доступ получен 16 августа 2009 г.).»

175 от 39 до 75 процентов... C. Zhao и другие, Prevalence of Campylobacter spp., Escherichia coli, and Salmonella Serovars in Retail Chicken, Turkey, Pork, and Beef from the Greater Washington D.C. Area», Applied and Environmental Microbiology 67, no. 12 (December 2001), 5431–5436, <http://aem.asm.org/cgi/content/abstract/67/12/5431?maxtoshow=HITS=10hits=10RESULTFORMAT=fulltext+colisearched=IFIRSTINDEX=2400resource=HWF> (доступ получен 16 августа 2009 г.); R. B. Kegode и соавторы, Occurrence of Campylobacter species, Salmonella species, and generic Escherichia coli in meat products from retail outlets in the Fargo metropolitan area, Journal of Food Safety 28, no. 1 (2008), 111–125, http://www.ars.usda.gov/research/publications.htm?SEQ_NO_115=196570 (доступ получен

16 августа 2009 г.). Примерно 8 процентов птиц... S. Russell и соавторы, Zero tolerance for salmonella raises questions, WattPoultry.com, 2009, <http://www.wattpoultry.com/PoultryUSA/Article.aspx?id=30786> (доступ получен 16 августа 2009). одна курица из четырех... К. L. Kotula и Y. Pandya, Bacterial Contamination of Broiler Chickens before Scalding, Journal of Food Protection 58, no. 12 (1995), 1326–1329, <http://www.ingentaconnect.com/content/iafp/jfp/1995/00000058/00000012/art00007%3Bjsessionid=lms4km94qohkn.alexandra> (доступ получен 16 августа 2009 г.).

на некоторых фермах положение не изменилось...

Dirty Birds: Even Premium Chickens Harbor Dangerous Bacteria, Consumer Reports, January 2007, http://www.usapeec.org/p_documents/newsandinfo_050612111938.pdf (доступ получен 8 июля 2009 г.).

175 От 70 до 90 процентов... Marian Burros, Health Concerns Mounting Over Bacteria in Chickens, New York Times, October 20, 1997, [http://www.nytimes.com/1997/10/20/us/health-concerns-mounting-over-bacteria-in-chicens.html?scp=lsq=%22Health%20](http://www.nytimes.com/1997/10/20/us/health-concerns-mounting-over-bacteria-in-chicens.html?scp=lsq=%22Health%20Concerns%20Mounting%20Over%20Bacteria%20in%20Chickens%22st=se)

Concerns%20Mounting%20Over%20Bacteria%20in%20Chickens%22st=se (доступ получен 17 июля 2009). См. также: Alan R. Sams, Poultry Meat Processing (Florence, KY: CRC Press, 2001), 143, <http://books.google.com/books?id=UCjhDRSP13wCpg=PPlDq=Poultry+Meat+Processing&ei=ag9hSprSFYrgkwSv80m9Dg>

(доступ получен 17 июля 2009); К. L. Kotula и Y. Pandya, Bacterial Contamination of Broiler Chickens before Scalding, Journal of Food Protection 58, no. 12 (1995): 1326–1329; C. Zhao и соавторы, Prevalence of Campylobacter spp., Escherichia coli, and Salmonella Serovars in Retail Chicken, Turkey, Pork, and Beef from the Greater Washington D.C. Area, 5431–5436; J. C. Buzby и соавторы, Bacterial Foodborne Disease: Medical Costs and Productivity Losses, Agricultural Economics Report, no. AER741 (August 1996): 3, <http://ers.usda.gov/Publications/AER741/> (доступ получен 16 августа 2009 г.).

часто пользуются хлорными ваннами... G. C. Mead, Food Safety Control in the Poultry Industry (Florence, KY: CRC Press, 2005), 322; Sams, Poultry Meat Processing, 143, 150.

176 в тушки птиц вводят через инъекцию... Buying This Chicken? You could pay up to \$1,70 for broth, ConsumerReports.org, June 2008,

<http://www.consummerreport.org/cro/food/news/2008/06/poultry-companies-adding-broth-to-products/overview/enhanced-poultry-ov.htm?resultPageIndex=1resultIndex=8searchTerm=chicken>

(доступ получен 16 августа 2009 г.).

раздuty на 10–30 процентов... Ibid.

176 Рабочих придется искать постоянно... Blood, Sweet, and Fear: Workers' Rights in US Meat and Poultry Plants (New York: Human Rights Watch, 2004), 108, footnote 298. предпочитают нелегальных иностранцев... Ibid., 78-101.

типичные рабочие условия... Ibid., 2.

177 Примерно у 30 процентов... T. G. Knowles, Handling and Transport of Spent Hens, World's Poultry Science Journal 50 (1994), 60–61.

178 большая часть будет парализована... Существуют разногласия по вопросу о том, в каком состоянии находятся птицы после обездвиживания — в сознании или без сознания. В самом крайнем случае, большой процент птиц обездвижен, но находится в сознании. Вы можете просмотреть скрупулезный отчет в специальной литературе: S. Shields и M. Raj, HSUS Report: The Welfare of Birds at Slaughter, Humane Society, October 3, 2008, http://www.hsus.org/farm/resources/research/welfare/welfare_ofJbirds_at_slaughter.html#038

(доступ получен 16 августа 2009 г.).

одна десятая того уровня, который необходим...

Gail A. Eisnitz, Slaughterhouse: The Shocking Story of Greed, Neglect, and Inhumane Treatment Inside the U.S. Meat Industry (Amherst, NY: Prometheus Books, 2006), 166. См. также: E. W. Craig и D. L. Fletchere, Processing and Products: A Comparison of High Current and Low Voltage Electrical Stunning Systems on Broiler Breast Rigor Development and Meat Quality, Poultry Science, nO. 8 (1997), 1178–1179, <http://poultsci.highwire.org/cgi/content/abstract/76/8/1178> (доступ получен 16 августа 2009 г.). задали вопрос, не беспокоит ли его такое количество... Daniel Zwerdling, A View to a Kill, Gourmet (June 2007), 96.

179 По правительственным оценкам... По запросу разработчиков Закона о свободе информации было выявлено, что в 1993 году три миллиона кур было ошпарено живыми, а всего было убито семь миллиардов. Сегодня убивают по девять миллиардов птиц в год, значит, можно предположить, что живьем кидают в чан с кипятком

3,85 миллиона птиц. Freedom of Information Act#94-363, Poultry Slaughtered, Condemned, and Cadavers, 6/30/94, цитируется по: Poultry Slaughter: The Need for Legislation, United Poultry Concerns, <http://www.upc-online.org/slaughter/slaughter3web.pdf> (доступ получен 12 августа 2009).

тушки птиц оказываются переполнены патогенными микроорганизмами... К. А. Liljebjelke и соавторы, Scald tank water and foam as sources of salmonella contamination for poultry carcasses during early processing, Poultry Science Association Meeting, 2009, http://www.ars.usda.gov/research/publications/publications.htm?SEQ_NO_115=238456 (доступ получен 11 июля, 2009 г.). Продолжение дискуссии можно посмотреть в книге: Eisnitz, Slaughterhouse, 166.

когда-то считавшиеся опасным загрязнителем... Caroline Smith DeWaal, Playing Chicken: The Human Cost of Inadequate Regulation of the Poultry Industry, Center for Science in the Public Interest (CSPI), 1996, <http://www.cspinet.org/reports/polit.html> (доступ получен 11 июля 2009 г.).

В результате инспекторы бракуют половину... Ibid.

180 В распоряжении инспектора примерно две секунды... Moria Herbst, Beefs About Poultry Inspections: The USDA wants to change how it inspects poultry, focusing on microbial testing. Critics say the move could pose serious public health risks, Business Week, February 6, 2008, http://www.Businessweek.com/bwdaily/dnflash/content/feb2008/db2008025_760284.html (доступ получен 11 июля 2009); Report to Congressional Requesters, 'Food Safety — Risk-Based Inspections and Microbial Monitoring Needed for Meat and Poultry, Meat and Poultry Inspection, May 1994, http://fedbbs.access.gpo.gov/library/gao_rpts/rc94110.txt (доступ получен 11 июля 2009 г.).

180 «Каждую неделю, — писал он... Scott Bronstein, A Journal-Constitution Special Report — Chicken: How Safe? First of Two Parts, Atlanta Journal-Constitution, May 26, 1991. охлаждаются тысячи птиц... R. Behar и M. Kramer, Something Smells Foul, Time, October 17, 1994, <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,981629-3,00.html> (доступ получен 6 июля 2009 г.).

«воду в этих баках... Smith DeWaal, Playing Chicken. Также см. Eisnitz, Slaughterhouse, 168.

99 процентов американских производителей птицы... Russell и соавторы, Zero tolerance for salmonella raises questions.

181 положить куриные тушки... Behar и Kramer, Something Smells Foul.

Но одновременно сократит... Ibid, лимит в 8 процентов... Ibid.

Потребители возбудили дело против этой практики... USDA Rule on Retained Water in Meat and Poultry, Food Safety and Inspection Service, April 2001, <http://www.fsis.usda.gov/oa/background/waterretention.htm>; см. также Behar и Kramer, Something Smells Foul «произвольное и непостоянное»... Federal Register 66, no. 6 (January 9, 2001), <http://fsis.usda.gov/OPPDE/rdad/FRPubs/97-054F.html> (доступ получен 21 июля 2009 г.).

по интерпретации MCX... Retained Water in Raw Meat and Poultry Products; Poultry Chilling Requirements, Federal Register 66, no. 6 (January 9, 2001), <http://fsis.usda.gov/OPPDE/rdad/FRPubs/97-054F.html> (доступ получен 21 июля 2009 г.).

181 новый закон... L. L. Young и D. P. Smith, Moisture retention by water-and air-chilled chicken broilers during processing and cutup operation, Poultry Science 83, no. 1 (2004):119–122, <http://ps.fass.Org/cgi/content/abstract/83/1/119> (доступ получен 11 июля 2009); Water in Meat and Poultry, Food Safety and Inspection Services, August 6, 2007, http://fsis.usda.gov/Factsheets/Water_in_Meats/index.asp (доступ получен 21 июля, 2009 г.); «Title 9 — Animals and Animal Products», U.S. Government Printing Office, January 1, 2003, <http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/get-cfr.cgi?TITLE=9PART=424SECTION=21TYPE=TEXTYEAR=2003> (доступ получен 21 июля 2009 г.). дарят крупным производителям птицы... Behar и Kramer, Something Smells Foul.

183 Сегодня... выращивают шесть миллиардов кур... Согласно самым последним данным статистики Комиссии ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, эти оценки основаны на том количестве кур, которых ежегодно забивают на мясо (данные можно получить на сайте <http://faostat.fao.org/site/569/DesktopDefault.aspx?PageID=569#anchor>). американцы съедают в 150 раз... Статья W. Boyd и M. Watts, Agro-Industrial Justin-Time: The Chicken Industry and Postwar American Capitalism в книге под редакцией Goodman и Watts, Globalising Food: Agrarian Questions and Global Restructuring (Florence, KT: Routledge, 1997), 192–193.

Статистики, которые вывели эту цифру... Департамент сельскохозяйственной статистики, Poultry Slaughter: 2008 Annual Summery, Table: Poultry Slaughtered: Number, Live Weight, and Average Live Weight by Type, United States, 2008 and 2007 Total (continued), 2, US Department of Agriculture, National Agricultural Statistics Service, February 2009, данные доступны на сайте <http://usda.mannlib.cornell.edu/usda/current/PoulSlauSu/PoulSlauSu-02-25-2009.pdf> (доступ получен 9 июля 2009 г.).

185 зоонозных... Зоонозное заболевание определяется как «любая болезнь и/или инфекция, которая естественным образом “передается от позвоночных животных к людям”». Именно такое определение дает Панамериканская организация здравоохранения в статьях Zoonoses and Communicable Diseases Common to Man and Animals, Zoonoses and Vetinary Public Health (VHP), World Health Organization, <http://www.who.int/zoonoses/en/at> (доступ получен 8 июля 2009 г.).

но там, где мы знаем источник... Buzby и соавторы, Bacterial Foodborne Disease, 3.

самый частый источник... Gardiner Harris, Poultry Is No. 1 Source of Outbreaks, Report Says, New York Times, June 11, 2009, <http://www.nytimes.com/2009/06/12/health/research/12cdc.html> (доступ получен 21 июля 2009 г.).

83 процента всего куриного мяса... Dirty Birds: Even Premium Chickens Harbor Dangerous Bacteria, 21.

186 в те 76 миллионов случаев... Preliminary Foodnet Data on the Incidence of Foodborne Illnesses — Selected Cites, United States, 2001, Centers for Disease Control, MMWR 51, no. 15 (April 19, 2002), 325–329, <http://www.cdc.gov/mmwr/preview/mmwrhtml/mm5115a3.htm> (доступ получен 16 августа 2009 г.).

187 В Соединенных Штатах... примерно 3 миллиона фунтов... Цифры, которыми оперирует отрасль, получены из Института по изучению состояния животных, газета «Нью-Йорк таймс» описывает его как «коммерческую группу из Вашингтона, которая представляет 31 производителя ветеринарных лекарств». Denise Grade, Scientists See Higher Use of Antibiotics on Farms, New York Times, January 8, 2001, <http://www.nytimes.com/2001/01/08/us/scientists-see-higher-use-of-anibiotics-on-farms.html> (доступ получен 6 июля 2009).

187 промышленность занизила реальные размеры использования антибиотиков... Hogging It! Estimates of Antimicrobial Abuse in Livestock, Union of Concerned Scientists, April 7, 2004, http://www.ucsusa.org/food_and_agriculture/science_and_impacts/impacts_industrial_agriculture/hogging-it-estimates-of.html (доступ получен 12 июля 2009 г.).

13,5 миллионов фунтов... Ibid.

188 процент бактерий, устойчивых... Marian Burros, Poultry Industry Quietly Cuts Back on Antibiotic Use, New York Times, February 10, 2002, <http://www.nytimes.com/2002/02/10/national/1 °CHIC.html> (доступ получен 6 июля 2009 г.).

устойчивость к противомикробным средствам возросла в восемь раз... К. Smith и соавторы, Quinolone-Resistant Campylobacter Jejuni Infections in Minnesota, 1992–1998, New England Journal of Medicine 340, no. 20 (1999), 1525, <http://content.nejm.org/content/voll340/issue20/index.dtl> (доступ получен 10 июля 2009). Если вернуться в конец 60-х годов XX века... An HSUS Report: Human Health Implications of Non-Therapeutic Antibiotic Use in Animal Agriculture, Farm Animal Welfare, Humane Society of the United States, <http://www.circleofresponsibility.com/uploads/documents/Poultry-HSUS-Human-Health-Report-on-Antibiotics.pdf> (доступ получен 21 июля 2009 г.).»

188 Американская Медицинская ассоциация... Low-Level Use of Antibiotics in Livestock and Poultry FMI Backgrounder, Food Marketing Institute, <http://www.fmi.org/docs/media/bg/antibiotics.pdf> (доступ получен 5 августа 2009).

Центр по контролю и профилактике заболеваний... An HSUS Report: Human Health Implications of Non-Therapeutic Antibiotic Use in Animal Agriculture, раньше эти сведения Центра по контролю и профилактике заболеваний были приведены в статье: Infections in the United States, New England Journal of Medicine 338 (1998), 1333–1338, http://www.cdc.gov/enterics/publications/135-k_glynnMDR_salmoNEJM1998.pdf.

Институт Медицины... A. D. Anderson и соавторы, Public Health Consequences of Use of Antimicrobial Agents in Food Animals in the United States, Microbial Drug Resistance 9, no. 4 (2003), http://www.cdc.gov/enterics/publications/2_a_anderson_2003.pdf. Всемирная организация здравоохранения... Ibid.

189 выдающейся конференции 2004 года... Отчет совместной комиссии ВОЗ, Комиссии ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства и Всемирной организации по охране здоровья животных в сотрудничестве с Советом по здравоохранению Нидерландов по вопросу возникновения зоонозных заболеваний, World Health Organization, Food and Agriculture Organization of the United Nations, World Organization for Animal Health, Geneva, Switzerland, May 3–5, 2004, [whqlibdoc.who.int/hq/2004/WHO_CDS_CPE_ZFK_20\(\)4.9.pdf](http://whqlibdoc.who.int/hq/2004/WHO_CDS_CPE_ZFK_20()4.9.pdf) (доступ получен 16 августа 2009 г.).

190 Потребность в продуктах животного происхождения... Ibid.

«быстрая селекция и развитие»... Issue Paper, Global Risks of Infectious Animal Diseases, Council for Agricultural Science and Technology (CAST), no. 28 (2005): 6, <http://www.cast-science.org/publicationDetails.asp?idProduct=69> (доступ получен 9 июля 2009 г.).

Выведение генетически однородных... Michael Greger, Bird Flu (Herndon, VA: Lantern Books, 2006), 183–213.

«Цена повышающейся эффективности»... Issue Paper, Global Risks of Infectious Animal Diseases, 6.

191 проследить шесть из восьми... V. Trifonov и соавторы, The Origin of the Recent Swine Influenza A (H1NI) Virus Infecting Humans, Eurosurveillance 14, no. 17 (2009); <http://www.eurosurveillance.org/images/dynamic/EE/V14N17/art19193/pdf> (доступ получен 15 июля, 2009); также см. Debora MacKenzie, «Swine Flu: The Predictable Pandemic?», New Scientist, 2706 (April 29, 2009), <http://www.newscientist.com/article/mg20227063.800-swine-flu-the-predictable-pandemic.html?full=true> (доступ получен 10 июля 2009 г.).

192 сердечные заболевания — номер один... Leading Causes of Death, Centers for Disease Control and Prevention, <http://www.cdc.gov/nchs/FASTATS/lcod.htm> (доступ получен 16 августа 2009 г.).

В 1917 году... ADA: Who We Are, What We Do, American Dietetic Association, 2009, http://www.eatright.org/cps/rde/xchg/ada/hs.xsl/home_404_ENU_HTML.htm (доступ получен 6 июля 2009 г.).

«Хорошо сбалансированная вегетарианская диета»... Vegetarian Diets, American Dietetic Association 109, no. 7 (July 2009), 1266–1282, http://eatright.org/cps/rde/xchg/ada/hs.xsl/advocacy_933_ENU_HTML.htm (доступ получен

16 августа, 2009 г.). «При вегетарианских диетах ниже»... Ibid, у вегетарианцев и веганов (в том числе и у спортсменов)... Ibid.

излишнее потребление животного белка... The Protein Myth, Physicians Committee for Responsible Medicine, http://www.pcrm.org/health/veginfo/vsk/protein_myth.html (доступ получен 16 июля 2009). А вот слова специалиста по спортивному питанию: «Излишнего белка следует избегать, поскольку он может быть вреден для нормального психологического функционирования, и, соответственно, для здоровья в целом... Более того, излишнее расщепление и выделение протеина увеличивают потерю кальция при мочеиспускании. Женщины, склонные к болезням костей (например, к остеопорозу) из-за низкой плотности костной ткани, подвергают свое здоровье опасности, потребляя слишком много белков. Некоторые высокопротеиновые диеты могут также повышать риск возникновения ишемической болезни сердца... И, наконец, потребление лишнего белка обычно повышает вероятность нарушения работы почек. J. R. Berning и S. N. Steen, Nutrition for Sport and Exercise, Second Edition (Sudbury, MA: Jones Bartlett Publishers, 2005), 55.

Вегетарианские диеты... Vegetarian Diets, 1266–1282. сердечно-сосудистых заболеваний [которые считаются]... LCWK9. Deaths, percent of total deaths, and death rates for 15 leading causes of death: United States and each State, 2006, Centers for Disease Control and Prevention, http://www.cdc.gov/nchs/data/dvs/LCWK9_2006.pdf (доступ получен 16 августа 2009 г.).

194 онкологические заболевания также составляют... Ibid.

195 управлять возрастающими продажами... About Us, Dairy Management Inc., 2009, <http://www.dairycheck.off.com/DairyCheckoff/AboutUs/About-Us> (доступ получен 16 июля, 2009); «About Us», National Dairy Council, 2009, <http://www.nationaldairycouncil.org/nationaldairycouncil/aboutus> (доступ получен 16 июля 2009 г.).

NDC содействует росту потребления... Например, Национальный совет по молочному животноводству (NDC) усиленно сбывает молоко афроамериканцам, 70 процентов которых не переносят лактозу. Support Grows for PCRM's Challenge to Dietary Guidelines Bias, PCRM Magazine, 1999, <http://www.pcrm.org/magazine/GM99Summer/GM99Summer9.html> (доступ получен 16 июля 2009 г.).

самым крупным и наиболее влиятельным... Р. Imperato и G. Mitchell, *Acceptable Risks* (New York: Viking, 1985), 65; John Robbins, *Diet for a New America* (Tiburon, CA: HJ Kramer Publishing, 1998), 237-8. было основано в тот год, когда... ADA... О возникновении Американской диетической ассоциации: American Dietetic Association, National Health Information Center, February 7, 2007, <http://www.healthfinder.gov/orgs/hrl846.htm> (доступ получен 16 июля 2009); о задачах МСХ: Marion Nestle, *Food Politics: How the Food Industry Influences Nutrition, and Health* (Berkeley, CA: University of California Press, 2007), 33, 34.

196 Нестл много работала... The Surgeon Generals Report on Nutritional and Health 1988, под редакцией Marion Nestle, Office of the Surgeon General and United States, Department of Health and Human Services Nutrition Policy Board (United States Public Health Service, Office of the Surgeon General: 1988), <http://proftles.nlm.nih.gov/NN/B/C/CyG/> (доступ получен 8 июля 2009 г.).

196 как компании по выпуску сигарет... Nestle, *Food Politics*, 361.

Они будут «лоббировать Конгресс... Ibid., xiii.

197 в некоторых регионах мира, где молоко... Marion Nestle, *What to Eat* (New York: North Point Press, 2007), 73.

Самый высокий процент заболеваний остеопорозом... Ibid., 74.

МСХ сегодня ведет неофициальную политику...

«Давление компаний, производящих продукты питания, заставило правительственных чиновников и специалистов в области питания выпустить диетическое руководство, которое замаскировывает посыл «ешьте меньше» разнообразными эвфемизмами. Их настоящее значение обнаруживается только в том случае, если очень внимательно читать, точно интерпретировать и тщательно анализировать». Nestle, *Food Politics*, 67.

более половины миллиардов долларов наших налогов... Erik Marcus, *Meat Market: Animals, Ethics, and Money* (Cupertino, CA: Brio Press, 2005), 100.

198 скромные 161 миллион долларов... Ibid. Птицеводство Индии и Китая... Economic Research Service/USDA, «Recent Trends in Poultry Supply and Demand», *India's Poultry Sector: Development and Prospects/WRS-04-03*, <http://www.ers.usda.gov/publications/WRS0403/WRS0403c.pdf> (доступ получен 12 августа 2009 г.).

двадцать семь — двадцать восемь птиц в год... Подсчет основан на сведениях Министерства сельского хозяйства Соединенных Штатов, Департамента статистики США и на статистике Комиссии ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства.

Ломтики рая / Куски дерьма

205 «Вследствие неудачной планировки...» Gail A. Eisnitz, *Slaughterhouse: The Shocking Story of Greed, Neglect, and Inhumane Treatment Inside the U.S. Meat Industry* (Amherst, NY: Prometheus Books, 2006), 189.

206 «Мы находимся в таком положении, что не можем видеть...» Ibid., 196.

«мы вырубаем свиней с первого удара в 80 процентах случаев...» По стандартам индустрии, которые подтвердил Американский институт мяса, 80 % попыток оглушить животное с первого раза неудачны. Однако Марио произнес эту цифру без подготовки и не объяснил, как он вычислил свой процент. Вполне вероятно, что, если процент успешных попыток был бы измерен по стандартам, выработанным Темпл Грандин, он был бы гораздо выше. 208 Свиньи существуют в дикой природе... L. R. Walker, *Ecosystems of Disturbed Ground (Ecosystems of the World)* (New York: Elsevier Science, 1999), 442.

зоологи насчитывают всего шестнадцать... Family Suidae; hogs and pigs, University of Michigan Museum of Zoology, 2008, <http://animaldiversity.ummz.umich.edu/site/accounts/information/juidae.html> (доступ получен 17 июля, 2009 г.).

примерно 90 процентов крупных свиноферм... Министерство сельского хозяйства США, Swine 2006, Part I: Reference of swine health and management practices in the United States, October 2007, http://www.Aphis.usda.gov/vs/ceah/ncahs/nahms/swine/swine2006/Swine2006_PartI.pdf (доступ получен 17 августа 2009 г.).

210 промышленное свиноводство вывести породу свиней... Madonna Benjamin, *Pig Trucking and Handling: Stress and Fatigued Pig*, *Advances in Pork Production*, 2005, <http://www.afac.ab.ca/careinfo/transport/articles/05benjamin.pdf> (доступ получен 26 июля, 2009); E. A. Pajor и соавторы, *The Effect of Selection for lean Growth on Swine Behavior and Welfare*, Purdue University Swine Day, 2000, <http://www.ansc.purdue.edu/swine/swineday/sdayOO/1.pdf> (доступ получен 12

июля 2009 г.); Temple Grandin, Solving Livestock Handling Problems, Veterinary Medicine, October 1994, 989–998, <http://www.grandin.com/references/solv.lvstk.probs.html> (доступ получен 26 июля 2009). обнаружено у 10 % убойной свинины... Steve W. Martinez и Kelly Zering, Pork Quality and the Role of Market Organization/AER-835, Economic Research Service/USDA, November 2004, <http://www.ers.usda.gov/Publications/aer835/aer835c.pdf> (доступ получен 17 августа 2009 г.).

211 трактор, проезжающий слишком близко... Nathanael Johnson, The Making of the Modern Pig, Harpers Magazine, May 2006, <http://www.harpers.org/archive/2006/05/0081030> (доступ получен 26 июля 2009).

более 15 процентов забитых свиней... Martinez и Zering, Pork Quality and the Role of Market Organization/ AER-835 (доступ получен 15 июля 2009 г.). Оценка Американской научной мясной ассоциации относительно цифры в 15 процентов свинины, подверженной PSE, была опровергнута более поздними исследованиями, которые выявили, что большая часть этих 15 % на самом деле была мясом либо только бледным, либо только мягким, либо только водянистым. Считается, что лишь 3 процента свинины имеют все три негативные характеристики. American Meat Science Association, Proceedings of the 59-th Reciprocal Meat Conference, 35, June 18–21, 2006, http://www.meatscience.org/Pubs/rmcarchv/2006/presentations/2006_Proceedings.pdf (доступ получен 17 августа 2009 г.).

211 уменьшилось количество свиней, умирающих при транспортировке... Temple Grandin, The Welfare of Pigs During Transport and Slaughter, Department of Animal Science, Colorado State University, <http://www.grandin.com/references/pig.welfare.during.transport.slaughter.html> (доступ получен 16 июля 2009 г.).

213 на самом деле сердечный... Во время транспортировки у свиней бывает сердечный приступ, но гораздо чаще встречается то, что в отрасли носит название «синдром усталой свиньи». Именно так промышленность называет свиней, «которые отказываются ходить без видимых ран, травм или болезней». Benjamin, Pig Trucking and Handling: Stress and Fatigued Pig.

216 десять раз больше... Fern Shen, Maryland Hog Farm Causing Quite a Stink, Washington Post, May 23, 1999; и Ronald L. Plain, Trends in U.S. Swine Industry, U.S. Meat Export Federation Conference, September

24, 1997. только за последние десять лет... Statistical Highlights of US Agriculture 1995–1996, USDA-NASS 9, http://www.nass.usda.gov/Publications/Statistical_Highlights/index.asp (доступ получен 28 июля, 2009 г.); «Statistical Highlights of US Agriculture 2002–2003», USDA-NASS 35, <http://www.nass.usda.gov/Publications/StatisticalHighlights/2003/contentl.htm> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

216 Четыре компании теперь производят 60 процентов... Свидетельские показания Леланда Свенсона, президента Национального союза фермеров, перед Юридическим комитетом Палаты представителей. В 1930 г. более 20 процентов... С. Dimitri и соавторы, The 20th Century Transformation of U.S. Agriculture and Farm Policy, USDA Economic Research Service, June 2005, <http://www.ers.usda.gov/publications/eib3/eib3.htm> (доступ получен 15 июля 2009 г.).

объемы сельхозпродукции постоянно увеличиваются... между 1820 и 1920... Matthew Scully, Domination: The Power of Man. The Suffering of Animals, and t/ie Call to Mercy (New York: St. Martin's Griffin, 2003), 29. В 1950 один рабочий на ферме... About Us, USDA, Cooperative State Research, Education, and Extension Service, June 9, 2009, <http://www.csrees.usda.gov/qlinks/extension.html> (доступ получен 15 июля 2009 г.). среди американских фермеров самоубийств в четыре раза... Р. Gunderson и соавторы, The Epidemiology of Suicide Among Farm Residents or Workers in Five North-Central States, 1980, American Journal of Preventive Medicine 9 (May 1993): 26–32.

Свинина, продающаяся практически в каждом супермаркете... См. примечание на стр. 23. 219 На момент написания этой книги «Чипотль»...

Diane Halverson, Chipotle Mexican Grill lakes Humane Standards to the Mass Marketplace, Animal welfare Institute Quarterly, Spring 2003, <http://www.awionline.org/ht/d/ContentDetails/id/11861/pid/2514> (доступ получен 17 августа 2009 г.).

220 Промышленное свиноводство продолжает распространяться... Danielle Nierenberg, Worldwatch Paper # 171: Happier Meals: Rethinking the Global Meat Industry, Worldwatch Institute (August 2005), 38, <http://www.worldwatch.org/node/819> (доступ получен 27 июля 2009 г.); Danielle Nierenberg, Factory Farming in the Developing World: In

some critical respects this is not progress at all, Worldwatch Institute (May 2003), <http://www.worldwatch.org/epublish/1/vl6n3>.

223 Его история могла закончиться... Johnson, The Making of the Modern Pig.

примерно от двадцати пяти до тридцати... Личная переписка с Полом Уиллисом, главой отдела свиноводства компании «Ранчо Нимана», 27 июля 2009 года,

«нашими сентиментальными попытками...» Wendell Berry, The Idea of Local Economy, Orion, Winter 2001, <http://www.organicconsumers.org/btc/berry.cfm> (доступ получен 17 июля 2009 г.).

224 что происходит с 90 процентами... 90 % самцов новорожденных поросят кастрируют. The Use of Drugs in Food Animals: Benefits and Risks, National Academy of Science (1999).

226 не купирует поросятам хвосты... По приблизительным подсчетам, на промышленных фермах 80 % поросят отрезают хвосты. The Use of Drugs in Food Animals.

и не удаляет им зубы... Dr. Allen Harper, Piglet Processing and Swine Welfare, Virginia Tech Tidewater AREC, May 2009, <http://pubs.ext.vt.edu/news/livestock/2009/05/aps-20090513.html> (доступ получен 15 июля 2009); статья Timothy Blackwell, Production Practices and Well-Being: Swine в книге: G. J. Benson и B. E. Rollin, The Well-being of Farm Animals (Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2004), 251.

227 лишних укусов и каннибализма... Сами промышленные корпорации заявляют об этой проблеме. Например, Национальный совет производителей свинины и Национальная служба производителей свинины признаются: «Когда свиньи вступают в близкий контакт друг с другом, они иногда пытаются кусать или жевать сотоварищей по загону, особенно им нравятся хвосты. Когда из хвоста начинает течь кровь, раненого поросенка кусают еще больше и иногда жертву совсем съедают». Swine Care Handbook издана Национальным советом производителей свинины (National Pork Producers Council) в сотрудничестве с Национальной службой производителей свинины (National Pork Board) (1996), <http://saangelo.tamu.edu/ded/swine/swinecar.htm> (доступ получен 15 июля 2009). См. также: Swine Care Handbook издана National Pork Producers Council в сотрудничестве с National Pork Board (2003), 9-10, Savaging of Piglets (Cannibalism), ThePigSite.com,

<http://www.thepigsite.com/pighealth/article/260/savaging-of-piglets-cannibalism> (доступ получен 27 июля 2009 г.); J. McGlone и W. G. Pond, Pig Production (Florence, KY: Delmar Cengage Learning, 2002), 301–304; J.J. McGlone и соавторы, Cannibalism in Growing Pigs: Effects of Tail Docking and Housing System on Behavior, Performance and Immune Function, Texas Technical University, http://www.depts.ttu.edu/liru_afs/PDF/CANNIBALSMINGROWINGS.pdf (доступ получен 27 июля, 2009 г.); K. W. E Jericho и T. L. Church, Cannibalism in Pigs, Canadian Veterinary Journal 13, no. 7 (July 1972).

80 процентов беременных свиной в Америке...

US Department of Agriculture, Swine 2006, Part I: References of swine health and management practices in the United States, 38, October 2007, http://www.aphis.usda.gov/vs/ceah/ncahs/nahms/swine2006/Swine2006_PartI.pdf (доступ получен 17 августа 2009 г.).

227 1,2 миллиона, которыми владеет компания «Смитфилд»... RSPCA, Improvements in Farm Animal Welfare: The USA, 2007, http://www.wspa-usa.org/download/44_improvements_in_farm_animal_welfare.pdf (доступ получен 27 июля 2009 г.).

228 задача не из легких... Подробнее о том, как найти продукты животноводства и птицеводства, выращенные на мелких фермах, смотрите на сайте компании FarmForward.com.

229 «Наши методы...» Wendell Berry, The Art of the Commonplace под редакцией Norman Wirzba (Berkeley, CA: Counterpoint, 2003), 250.

230 наносит американцам ущерб в 26 миллионов долларов... CAFO's Uncovered: The Untold Costs of Confined Animal Feeding Operations, Union of Concerned Scientists, 2008, http://www.ucsusa.org/food_and_agriculture/science_and_impacts/impacts_industrial-agriculture/cafos-uncovered.html (доступ получен 27 июля 2009 г.).

231 Сегодня типичная промышленная свиноферма производит... USDA, Economic Research Service, Manure Use for Fertilizer and Energy: Report to Congress, June 2009 г., <http://www.ers.usda.gov/Publications/AP/AP037/> (доступ получен 17 августа 2009 г.).

232 «могут производить больше отходов...» Concentrated Animal Feeding Operations: EPA Needs More Information and a Clearly Defined Strategy to Protect Air and Water Quality from Pollutions of Concern, U.S.

Government Accountability Office, 2008, <http://www.gao.gov/new.items/d08944.pdf> (доступ получен 27 июля 2009 г.).

животные на фермах Соединенных Штатов производят... The Pew Commission on Industrial Farm Animal Production, The Issues, Environment, <http://www.ncifap.org/issues/environment/> (доступ получен 17 августа 2009 г.).

232 87 000 фунтов дерьма в секунду... Министерство сельского хозяйства цитирует отчет Сенатского комитета по сельскому хозяйству, питанию и лесному хозяйству, который затребовал сенатор Том Харкин. В документе сказано, что домашний скот Соединенных Штатов каждый год производит 1,37 миллиарда тонн твердых отходов. Если разделить это количество на секунды в году, то получится по 86,884 фунта отходов в секунду. The Pew Commission on Industrial Farm Animal Production, The Issues, Environment. в 160 раз больше, чем муниципальные нечистоты... Это было подсчитано в 1991 году Джоном П. Частей-ном, специалистом по сельскохозяйственному машиностроению из Миннесотского университета, на основе сведений Агентства по защите окружающей среды штата Иллинойс. University of Minnesota Extension, Biosystems and Agricultural Engineering, Engineering Notes, Winter 1995, <http://www.bbe.umn.edu/extens/ennotes/enwin95/manure.html> (доступ получен 16 июля 2009 г.).

ни одно федеральное агентство даже не собирает...

Concentrated Animal Feeding Operations: EPA Needs More Information and a Clearly Defined Strategy to Protect Air and Water Quality from Pollutions of Concern. примерно 31 миллион животных... Smithfield, 2008 Annual Report, 15, <http://investors.smithfieldfoods.com/common/download/download.cfm?companyid=SFDfield=215496filekey=CE5E396C-CF17-47B0-BAC6-BBEFDDC51975filename=2008AR.pdf> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

232 Согласно осторожным подсчетам Управления по охране окружающей среды... Animal Waste Disposal Issues, U.S. Environmental Protection Agency, May 22, 2009 г., <http://www.epa.gov/oig/reports/1997/hogchpl.htm> (доступ получен 27 июля 2009 г.)

233 в случае «Смитфилда»... Согласно исследованию Дэйвида Пиментеля. D. Pimental и соавторы, Reducing Energy Inputs in the US

Food System, Human Ecology 36, no. 4 (2008), 459–471, в книге приводятся цифры Министерства сельского хозяйства США за 2004 год, по их подсчетам каждая свинья производит 1230 кг (2712 фунтов) отходов в год. Поэтому 31 миллион свиней компании «Смитфилд» произвели в 2008 году примерно 84 миллиарда фунтов отходов. Население Соединенных Штатов оценивается в 299 миллионов человек, поэтому на каждого американца приходится по 281 фунту этого дерьма.

Это означает, что «Смитфилд» — единое юридическое лицо... Подсчет основан на переписи в США в 2008 году и на Animal Waste Disposal Issues.

нечистоты кормят более 100... Jeff Tietz, Boss Hog, Rolling Stone, July 8, 2008, http://www.rollingstone.com/news/story/21727641/boss_hog/ (доступ получен 27 июля 2009 г.).

у детей, которые растут на земле типичной... Francis Thicke, CAFOs crate toxic waste byproducts, Ottumwa. com, March 23, 2009 г., http://www.ottumwa.com/archivesearch/local_story_082235355.html (доступ получен 27 июля 2009 г.).

234 А это включает в себя, но не ограничивается... Tietz, Boss Hog.

Складывается впечатление, что свиноводство...

Jennifer Lee, Neighbors of Vast Hog Farms Say Foul Air Endangers Their Health, New York Times, May 11, 2003; Tietz, Boss Hog.

235 в какой-то момент три промышленных фермы... Tietz, Boss Hog.

до 120 000 квадратных футов... Ibid. Сравнение с площадью казино мое собственное, площадь казино Luxor и Venetian 120 000 квадратных футов, по соседству с одинокой бойней... Ibid. Примерно так же вы умрете от удушья... Thicke, CAFOs crate toxic waste byproducts. «Рабочий в Мичигане...» Tietz, Boss Hog.

237 В редких случаях... Overview, North Carolina in the Global Economy, August 23, 2007, http://www.soc.duke.edu/NC_GlobalEconomy/hog/overview.shtml (доступ получен 27 июля 2009 г.); Rob Schofield, A Corporation Running Amok, NC Policy Watch, April 26, 2008, <http://www.ncpolicycwatchxora/cms/2008/04/26/a-corporation-running-amok/> (доступ получен 27 июля 2009 г.).

корпорация «Смитфилд» разбрызгала более 20 миллионов... Animal Waste Disposal Issues. Этот сброс остается самой крупной... Ibid. Там было столько жидкого... <http://www.evostc.state.ak.us/facts/qanda.com>; Animal Waste Disposal Issues.

238 корпорацию «Смитфилд» оштрафовали... The RapSheet on Animal Factories, Sierra Club, 14, August 2002, <http://www.midwestadvocates.org/archive/dvorakbeef/rapsheet.pdf> (доступ получен 27 июля 2009 г.); Elen Nakashima, Court Fines Smithfield \$12.6 Million, Washington Post, August 9, 1997, <http://pqasb.pqarchiver.com/washingtonpost/access/13400463.html?dids=13400463:3400463FMT=ABSFMTS=ABS:FTdate=Aug+9%2C+1997author=Ellen+Nakashimapub=The+Washington+Postedition=startpage=A.O1desc=Court+Fines+Smithfield+%2412.6+Million%3B+Va.+Firm+Is+Assessed+Largest+Such+Pollution+Penalty+in+U.S.+History>.

238 В те времена 12,6 миллиона долларов... The RapSheet on Animal Factories.

умилительно малая цифра... Подсчет основан на продажах 2009 года, которые составили 12,5 миллиардов долларов. По годовому финансовому отчету и отчету за четвертый квартал 2009 года корпорации Smithfield Foods, Inc. Smithfield Foods Reports Fourth Quarter and Full Year Results, PR Newswire, June 16, 2009 г., <http://investors.smithfieldfoods.com/releasedetail/cfm?ReleaseID=389871> (доступ получен 14 июля 2009 г.).

Бывший исполнительный директор корпорации Джозеф Лютер III... Compensation Resources, Inc., 2009 г., <http://www.compensationresources.com/press-room/ceo-s-fat-checks-belie-troubled-times.php> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

239 корпорация «Смитфилд» настолько велика... Tietz, Boss Hog. экскременты кур, свиней и крупного рогатого скота... Кроме загрязнения рек, промышленные фермы испортили грунтовые воды семнадцати штатов. Sierra Club, Clean Water and Factory Farms, <http://www.sierraclub.org/factoryfarms/> (August 19, 2009 г.). можно насчитать сотни две... Merritt Frey, et al., Spills and Kills: Manure Pollution and Americas Livestock Feedlots, Clean Water Network, Izaak Walton League of America and Natural Resources Defense Council (August 2000), 1, цитируется по документам организации «Сьерра Клуб», Clean Water:

That Stinks, http://www.sierraclub.org/cleanwater/that_stinks (доступ получен 19 августа 2009 г.).

239 если выстроить их цепочкой — голову одной к хвосту другой... Если предположить, что длина каждой рыбы где-то около 15 сантиметров.

саднит горло, болит голова... Отчет Общества защиты животных США: The Impact of Industrial Animal Agriculture on Rural Communities, <http://www.hsus.org/web-files/PDF/farm/hsus-the-impact-of-industrialized-animal-agriculture-on-rural-communities.pdf> (доступ получен 19 августа 2009 г.).

240 Исследования показали... Confined Animal Facilities in California, California State Senate (November 2004), <http://sor.govoffice3.com/vertical/Sires/%7B3BDD595-792B-4D20-8D44-626EF05648C7%D/uploads/%7BD51D1D55-IBIF-4268-8°C636EE939A06%7D.PDF> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

Есть даже некоторые основания... Nicolas Kristof, Our Pigs, Our Food, Our Health, New York Times, March 11, 2009 г., http://www.nytimes.com/2009_r/03/12/option/12kristonf.html?_r=3adxxnl=ladxxnlx=1250701592-DDwvJ/Oilp86iJ6xqYVYLQ (доступ получен 18 августа 2009 г.). Американская ассоциация здравоохранения... Policy Statement Database: Precautionary Moratorium on New Concentrated Animal Feed Operations, American Public Health Association, November 18, 2003, <http://www.apha.org/advocacy/policy/policysearch/default.htm?id=1243> (доступ получен 26 июля 2009 г.).

241 Комиссия Пью... Putting Meat on the Table: Industrial Farm Animal Production in America, The Pew Charitable Trusts, John Hopkins Bloomberg School of Public Health, Pew Commission on Industrial Animal Production, Pew Commission on Industrial Farm Animal Production, 2008, 84, http://www.ncifap.org/_images/PCIFAP Final Release PCIFAP.pdf (доступ получен 18 июля 2009 г.). 241 теперь оно распространилось... Romania: D. Carvajal и S.Castle, A U.S. Hog Giant Transforms Eastern Europe, New York Times, May 5, 2009 г., http://nytimes.com/2009_r/05/06/business/global/06smithfield.html (доступ получен 27 июля 2009 г.).

Капитал Джозефа Лютера III... Joseph W. Luter III, Forbes.com, <http://www.forbes.com/lists/2006/12/UQDU.html> (доступ получен 27 июля 2009 г.). Его фамилия произносится... Личный телефонный звонок. Он никогда

не отзванивает, один раз он оставил мне сообщение на телефоне, но я до него так и не добрался.

272 Тайные расследования... Я не знаю ни одной промышленной фермы или индустриальной скотобойни в государстве, которые согласились бы раскрыть информацию, полученную в результате постоянных, необъявленных и независимых проверок благоденствия животных без всяких ограничений, рабочие отпиливали свиньям ноги... Это было зафиксировано «сыщиками» PETA. См: Belcross Farms Investigation, GoVeg.com, <http://www.goveg.com/belcross.asp> (доступ получен 27 июля 2009 г.). рабочих засняли... Это было зафиксировано «сыщиками» PETA. См: Belcross Farms Investigation, GoVeg.com, <http://www.goveg.com/belcross.asp> (доступ получен 27 июля 2009 г.).

руководство смотрит сквозь пальцы... Attorney General Asked to Prosecute Rosebud Hog Factory Operators, The Humane Farming Association (HFA), <http://hfa.org/campaigns/rosebud.html> (доступ получен 17 июля 2009 г.)

243 Расследование на одной из крупных фабрик «Тайсон»... Это было зафиксировано «сыщиками» PETA. См: Tyson Workers Torturing Birds, Urinating on Slaughter Line, PETA, http://getactive.peta.org/campaign/tortured_by_tyson (доступ получен 27 июля 2009 г.). птицам, находящимся в полном сознании... Это было зафиксировано «сыщиками» PETA. См: Thousands of Chickens Tortured by KFC Supplier, Kentucky Fried Cruelty, PETA, <http://kentuckyfriedcruelty.com/u-pilgrimspride.asp> (доступ получен 27 июля 2009 г.).

244 Pilgrim's Pride... С того времени компания обанкротилась. Но это не победа. Это означает снижение конкуренции и концентрацию мощи, поскольку другие фирмы-гиганты купили имущество Pilgrim's Pride. Michael J. De la Merced, Major Poultry Producer Files for Bankruptcy Protection, New York Times, December 1, 2008, <http://www.nytimes.com/2008/12/02/business/02pilgrim.html> (доступ получен 13 июля 2009 г.).

это были два крупнейших предприятия по переработке... Top Broiler Producing Companies: Mid-2008, National Chicken Council. http://www.nationalchickencouncil.com/statistics/stat_detail.cfm?id=31 (доступ получен 17 июля 2009 г.).

свиноматка на современной фабрике... E Hollowell и

D. Lee, Management Tips for Reducing Pre-Weaning Mortality, North Carolina Cooperative Extension Service Swine News 25, no. 1 (February 2002), http://www.ncsu.edu/project/swine_extension/swine_news/2002/sn_v2501.htm (доступ получен 28 июля 2009 г.).

к искусственному осеменению... U.S. Department of Agriculture, Swine 2006, Part I: Reference of swine health and management practices in the United States, October 2007, 7, http://www.aphis.usda.gov/vs/ceah/ncahs/nahms/swine/swine2006/Swine2006_PartI.pdf (доступ получен 17 августа 2009 г.).

244 Когда будет приближаться... Timothy Blackwell, Production Practices and Well-Being: Swine, в сборнике: Benson и Rollin, The Well-being of Farm Animals, 249; SwineReproNet Staff, Swine Reproduction Papers; Inducing Farrowing, SwineReproNet-Online Resource for the Pork Industry, University of Illinois-Extension, материалы можно посмотреть на сайте <http://www.Hvestocktrail.uiuc.edu/swinerepronet/paperDisplaycfm?ContentID=6264> (последнее посещение 17 июля 2009 г.).

После того, как поросят отнимут от матери... Marlene Halverson, The Price We Pay for Corporate Hogs, Institute for Agriculture and Trade Policy, July, 2000, <http://www.iatp.org/hogreport/indextoc.html> (доступ получен 27 июля 2009 г.).

Четыре из пяти... U.S. Department of Agriculture, Swine 2006, Part I: Reference of swine health and management practices in the United States.

Плотность ее костей возрастает... G. R. Spencer, Animal Model of Human Disease: Pregnancy and Lactational Osteoporosis; Animal Model: Porcine Lactational Osteoporosis, Am J Pathol 95 (1979): 277–280; и J. N. Marchent и D. M. Broom, Effects of Dry Sow Housing Conditions on Muscle Weight and Bone Strength, Animal Science 62 (1996): 105–113 — цитируется по статье: Timothy Blackwell, Production Practices and Well-Being: Swine в сборнике: Benson и Rollin, The Well-being of Farm Animals, 242.

245 Рабочий с фермы... Cruel Conditions at a Nebraska Pig Farm, GoVeg.com, PETA, <http://www.goveg.com/nebraskapigfarm.asp> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

245 страдания вызываются скукой... Timothy Blackwell, Production Practices and Well-Being: Swine, в сборнике: Benson и Rollin, The Well-being of Farm Animals, 242. выстроит гнездо из травы... Ibid., 247.

ее будут кормить ограниченно... Sow Housing, Texas Tech University Pork Industry Institute, http://www.depts.tta.edu/porkindustryinstitute/SowHousing_files/sow_housing.htm (доступ получен 15 июля 2009 г.); Jim Mason, Animal Factories (New York: Three Rivers Press, 1990), 10.

Беременные свиньи... должны лежать... D. C. Coats и M. W. Fox, Old McDonalds Factory Farm: The Myth of the Traditional Farm and the Shocking Truth About Animal Suffering in Today's Agribusiness (London: Continuum International Publishing Group, 1989), 37.

увечных и больных животных... Timothy Blackwell, Production Practices and Weil-Being: Swine, в сборнике: Benson и Rollin, The Well-being of Farm Animals, 242.

246 практически без вариантов заключают в клеть...

Примерно 90 % опоросившихся свиноматок держат взаперти, в клетях. U.S. Department of Agriculture, Swine 2006, Part I: Reference of swine health and management practices in the United States.

важно «выбить дерьмо...» Eisnitz, Slaughterhouse, 219. «Один парень так жутко размозжил нос свиноматке...» Ibid.

247 Не раздавить своих малышей, когда фермеры полагаются... За анализ того, почему свиноматки в промышленной системе давят своих детей чаще, чем на семейных фермах, я в долгу перед специалистами по благоденствию животных Дайяной и Марлен Хальверсон. дурная генетика, недостаток движения... Cindy Wood, Don't Ignore Feet and Leg Soundness in Pigs, Virginia Cooperative Extension, June 2001, http://www.ext.vt.edu/news/periodicals/livestockyaps-01_06/aps-0375.html.

248 7 % размножающихся свиноматок... Ken Stalder, Getting a Handle on Sow Herd Dropout Rates, National Farmer, January 15, 2001, http://nationalhogfarmer.com/mag/farming_getting_handle_sow/

на некоторых предприятиях уровень смертности...

Keith Wilson, Sow Mortality Frustrates Experts, National Hog Farmer, June 15, 2001, http://nationalhogfarmer.com/mag/farming_sow_mortality_frustrates/ (доступ получен 27 июля 2009 г.); Marlene Halverson, The Price We Pay for Corporate Hogs, Institute for Agriculture and Trade Policy, July, 2000, <http://www.iatp.org/hogreport/indextoc.html> (доступ получен 27 июля 2009 г.).

Многие свиньи сходят с ума... A. J. Zanella и O. Duran, Pig Welfare During Loading and Transport: A North American Prospective, I

Conferencia Virtual International Sobre Qualidade de Carne Suína, November 16, 2000.

или пьют мочу... Blackwell, Production Practices and Well-Being: Swine, в сборнике Benson и Rollin, The Well-being of Farm Animals, 253.

Другие выказывают вполне заметную печаль... Halverson, The Price We Pay for Corporate Hogs.

Среди распространенных врожденных болезней...

Congenital Defects, PigProgress.net, 2009 г., <http://pigprogress.net/health-diseases/c/congenital-defects-17.html> (доступ получен 17 июля, 2009 г.); B. Rischkowsky и соавторы, The State of the World's Animal Genetic Resources for Food and Agriculture, FAO: Rome, 2007, 402. <http://www.fao.org/docrep/010/al250e/al250e00.htm> (доступ получен 27 июля 2009 г.); «Quick Disease Guide», ThePigSite.com, <http://www.thepigsite.com/diseaseinfo> (доступ получен 27 июля 2009 г.).

248 Паховые грыжи настолько распространены...

Congenital Defects; Blackwell, Production Practices and Well-Being: Swine, в сборнике: Benson и Rollin, The Well-being of Farm Animals, 251.

зубы-иголки... «Поросята рождаются с восемью полностью прорезавшимися “зубами-иголками”, молочными клыками и третьими резцами, которыми животные кусают морды своих братьев и сестер, сражаясь за вымя матери». D. M. Weary и D. Fraser, Partial Tooth-Clippings of Suckling Pigs: Effects on Neonatal Competition and Facial Injuries, Applied Animal Behavior Science 65 (1999): 22.

249 В первые сорок восемь часов... См. примечание выше.

чтобы они были вялыми... James Serpell, In the Company of Animals (Cambridge: Cambridge University Press, 2008), 9.

пороссятам на промышленных фермах часто делают инъекции железа... Blackwell, Production Practices and Well-Being: Swine, в сборнике: Benson и Rollin, The Well-being of Farm Animals, 251.

американские потребители теперь предпочитают... J. L. Xue и G. D. Dial, Raising intact male pigs for meat-Detecting and preventing boar taint, American Association of Swine Practitioners, 1997, <http://www.aasp.org/shap/issues/v5n4/v5n4p151.html> (доступ получен 17 июля 2009 г.).

когда поросят станут отнимать от матери... North Carolina Cooperative Extension Service, North Carolina State University,

Management Tips for Reducing Pre-Weaning Mortality, Swine News 25:1 (February 2002), http://ncsu.edii/project/swine_extension/swine_news/2002/sn_v2501.htm (доступ получен 19 августа 2009 г.).

249 Чем скорее поросята начнут питаться... Pork Glossary, U.S. Environmental Protection Agency, September 11, 2007, <http://www.epa.gov/oecaagct/agl01/porkglossary.html> (доступ получен 27 июля 2009 г.). «Твердая пища» часто включает в себя... К. J. Touchette и соавторы, Effect of spray-dried plasma and lipopolysaccharide exposure on weaned piglets: I. Effects on the immune axis of weaned pigs, Journal of Animal Science 80 (2002), 494–501.

Не будем говорить о том, что поросят отнимать от матери... Р. Jensen, Observations on the Maternal Behavior of Free-Ranging Domestic Pigs, Applied Animal Behavior Science 16 (1968), 131–142.

но на промышленных фермах... Blackwell, Production Practices and Weil-Being: Swine, в сборнике: Benson и Rollin, The Well-being of Farm Animals, 250–251.

В столь юном возрасте... L. Y. Yue и S. Y. Qiao, Effects of low-protein diets supplemented with crystalline amino acids on performance and intestinal development in piglets over the first 2 weeks after weaning, Livestock Science 115 (2008), 144–152; J. P. Lalles и соавторы, Gut function and dysfunction in young pigs: physiology, Anim. Res. 53 (2004), 301–316.

250 Загоны специально так тесны... Overcrowding Pigs Pays-If It's Managed Properly, National Hog Farmer, November 15, 1993, цитируется по книге: Michael Greger, Swine Flu and Factory Farms: Fast Track to Disaster, Encyclopedia Britannica's Advocacy for Animals, May 4, 2009 г., <http://advocacy.britannica.com/blog/advocacy/2009> г./05/swine-flu-and-factory-fanns-fast-track-to-disaster/ (доступ получен 5 августа 2009 г.).

«Мы просто раскачиваем их...» Eisnitz, Slaughterhouse, 220.

251 от 30 до 70 процентов свиней... L. K. Clark, Swine respiratory disease, IPVS Special Report, B Pharmacia Upjohn Animal Health, November-December 1998, Swine Practitioner, Section B, P6, P7, цитируется по книге: Halverson, The Price We Pay for Corporate Hogs. популяции свиней целых штатов... R. J. Webby и соавторы, Evolution of swine H3N2 influenza viruses in the United States, Journal of Virology 74 (2000), 8243–8251.

252 потребность снизилась... R. L. Naylor и соавторы, Effects of aquaculture on world fish supplies, Issues in Ecology no. 8 (Winter 2001), 1018.

Добыча дикого лосося по всему миру... Ibid, «главных проблем аквакультуры»... S. M. Stead и L. Laird, Handbook of Salmon Farming, (New York: Springer, 2002), 374–375.

Эти проблемы типичны... Philip Lymbery, In Too Deep — Why Fish Farming Needs Urgent Welfare Reform, 2002, 1, http://www.ciwf.org.Uk/includes/documents/cm_docs/2008/i/in_too_deep_summary_2001.pdf

(доступ получен 12 августа 2009 г.).

253 Учебник называет их... Stead и Laird, Handbook of Salmon Farming, 375.

известна под названием «корона смерти»... Fish Farms: Underwater Factories, Fishing Hurts, peta.org, <http://www.fishinghurts.com/fishFarmsl.asp> (доступ получен 27 июля 2009 г.).

«облако», кишашее морскими вшами... Исследование университета Альберты, цитата из Farm Sea Lice Plague Wild Salmon, BBC News, March 29, 2005, <http://news.bbc.co.Uk/go/pr/fr/-/2/hi/science/nature/439171l.stm> (доступ получен 15 июля 2009 г.).

уровень смертности в разбросе от 10 до 30 процентов... Lymbery, In Too Deep, 1.

253 будет умирать от голода в течение семи-десяти дней... Это рекомендованный метод для убийства лосося. См.: Stead и Laird, Handbook of Salmon Farming, 188.

рыбу оглушают... Согласно руководству Handbook of Salmon Farming. Отрезание жабр у рыбы, находящейся в полном сознании, не только болезненно, это еще и трудно выполняемая процедура, если рыба жива. Именно поэтому на некоторых предприятиях рыбу оглушают (или, по крайней мере, обездвиживают) и только после этого отрезают жабры. Лосося оглушают двумя основными способами: бьют по голове или используют для анестезии углекислый газ. Битье лосося по голове называется «ударным оглушением». Чтобы ударить рыбу в нужное место и оглушить, требуется высокий уровень «мастерства и сноровки, поскольку рыба вырывается из рук». Если удар будет неточным, рыбе будет больно, но она не потеряет сознания. Неточность этого метода, в сущности, гарантирует то, что

определенное количество рыб будет в сознании, когда им начнут отрезать жабры. Еще один очень распространенный метод оглушения — использование для анестезии углекислого газа. Рыбу помещают в чаны с водой, насыщенной углекислым газом, в течение нескольких минут рыба теряет сознание. Данный метод также проблематичен: у рыбы возникает стресс от перемещения в чаны, а также остается вероятность, что не все рыбы полностью потеряют сознание. Stead и Laird, Handbook of Salmon Farming, 374–375.

254 Сегодня переметы... Longline Bycatch, AIDA, 2007, <http://www.aida-americas.org/aida.php?page=turtles.bycatchjongline> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

254 по приблизительным подсчетам 27 миллионов... Ibid.

255 4,5 миллиона морских животных... Pillaging the Pacific, 2004, <http://www.seaturtles.org/downloads/Pillaging.5.final.pdf> (доступ получен 19 августа 2009 г.). 000 Наиболее распространенный вид... Squandering the Seas: How Shrimp Trawling Is Threatening Ecological Integrity and Food Security Around the World», Environmental Justice Foundation (London, UK: 2003), 8.

Траловую сеть тянут... Squandering the Seas, 8. траулеры захватывают рыбу... Ibid., 14. обычно около сотни различных видов рыб... Ibid., 11.

В среднем траулер... Ibid., 12. Менее эффективные предприятия... Ibid. Мы буквально уменьшаем разнообразие... См. примечание к странице 47 [начиная со слов «формирует экосистемы океанов», во второй главе]. Поскольку мы жадно пожираем наиболее желанных рыб... Daniel Pauly, и соавторы, Fishing Down Marine Food Webs, Science 279, 860 (1998).

257 рыба умирает медленно и мучительно... P. J. Ashley, Fish Welfare: Current Issues in Agriculture, Applied Animal Behaviour Science 200, no. 104 (2007), 199–235, 210. лосось с фермы длиной 2,5 фута... Lymberry, In Too Deep.

разрастание популяции паразитов... Kenneth R.

Weiss, Fish Farms Become Feedlots of the Sea, Los Angeles Times, December 9, 2002, <http://www.latimes.com/la-me-salmon9dec09,0,7675555,ful.story> (доступ получен 27 июля 2009 г.).

258 Нет нужды интересоваться... Некоторые могут спросить, откуда мы знаем, что рыбы и другие морские животные испытывают

боль? У нас есть все основания утверждать, что, по крайней мере, рыбы боль чувствуют. Сравнительная анатомия говорит, что у рыбы имеется множество анатомических и неврологических приспособлений, которые, как представляется, играют важную роль в сознательном восприятии. Наиболее уместно упомянуть, что у рыбы много болевых рецепторов (ноцицепторов), которые передают болевые сигналы в мозг (мы даже можем их сосчитать). Мы также знаем, что рыбы производят натуральные опиоиды, похожие на энкефалины и эндорфины, которые нервная система человека использует для управления болью.

Рыба также вызывает «болевое поведение». Это кажется мне очевидным с тех самых пор, когда в детстве дедушка впервые взял меня с собой порыбачить, а те, кто ходит на рыбалку, насколько мне известно, не отрицают, что рыбы чувствуют боль, но тут же благополучно об этом забывают. Как отметил Дейвид Фостер Уоллес в своем великолепном эссе о боли у омара «Обсудим омара»: «Весь вопрос о жестокости-и-поедании-животных не просто сложен, он неудобен. Он неудобен, во всяком случае, для меня и практически для всех, кто, насколько я знаю, любит хорошо поесть, но не готов считать себя жестоким или бесчувственным. Что касается меня, мой способ уладить этот конфликт — не думать о неприятном». Дальше он описывает неприятную вещь, о которой старается не думать: «Однако омар ведет себя идиотски по пути на стол, например, внезапно оживает, когда его опускают в кипящую воду. Если вы наклоняете контейнер, в котором он находится, в сторону дымящейся кастрюли, омар иногда пытается ухватиться за стенки контейнера или даже зацепляется клешнями за край кастрюли, как человек, хватающийся за «рай крыши, чтобы не упасть вниз. Но худшее происходит, когда омар полностью погружен в кипяток. Даже если вы закроете кастрюлю крышкой и отвернетесь, то обычно слышите, как грохочет и клацает крышка, как будто омар пытается ее скинуть». Уоллесу и мне, и, как я предполагаю, многим, кажется, что боль здесь не только физическая, но и психологическая. Омар не просто бьется в агонии, он начинает бороться за свою жизнь еще до того, как соприкоснется с горячей водой. Он пытается убежать. И трудно не опознать в этом безумном порыве нечто вроде страха и паники. Омары, в отличие от рыб, не позвоночные животные, поэтому научные предположения о том, как

они испытывают боль, или, если быть более точным, похожа ли эта боль на ту, что испытывают люди, гораздо более сложные, чем в исследованиях о рыбах. (Как выяснилось, наука открыла много причин, почему мы должны доверять своей интуиции насчет страданий омаров, когда сочувствуем омару, который пытается из всех сил выбраться из кастрюли с кипящей водой. Уоллес с восторгом приводит эти научные данные). Рыбы, как позвоночные, имеют анатомические приспособления, которые вовлечены в переживание боли, и демонстрируют болевое поведение, поэтому доказательства в пользу того, что рыбы испытывают боль, гораздо более веские и оставляют не много пространства для скептицизма. Kristopher Paul Chandroo, Stephanie Yue и Richard David Moccia, An Evaluation of Current Perspectives on Consciousness and Pain in Fishes, *Fish and Fisheries* 5, 281–295 (2004); Lynne U. Sneddon, Victoria A. Braithwaite, Michael J. Gentle, Do Fishes Have Nociceptors? Evidence for the Evolution of a Vertebrate Sensory System, *Proceedings: Biological Science*, vol. 270, no. 1520 (June 7, 2003), 1115–1121, <http://links.jstor.org/sici?sici=0962-8452%2820030607%29270%3A1520%3C15%3ADFHNEF%3E2-.CO%3B2-0> (доступ получен 19 августа, 2009 г.); David Foster Wallace, *Consider the Lobster* (NY: Little Brown, 2005), 248.

Я буду

269 «Пляжи грязные...» Patricia Leigh Brown, *Bolinas Journal*; *Welcome to Bolinas: Please Keep on Moving*, *New York Times*, July 9, 2000, <http://query.nytimes.com/gst/fialpage.html?res=980DE0DA1438F93AA35754C0A9669C8B63> (доступ получен 28 июля 2009 г.).
надо съесть от шести до двадцати шести калорий... Подсчет Брюса Фридриха основан на источниках правительства США и на академических исследованиях.

279 Особый представитель ООН по вопросам продовольствия... Grant Ferrett, *Biofuels' Crime Against Humanity*, *BBC News*, October 27, 2007, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/7065061.stm> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

тратит 756 миллионов тонн... *Global Cereal Supply and Demand Brief* FAO, April 2008, <http://www.fao.org/docrep/010/ai465e/ai465e04.htm> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

можно было бы накормить... *New Data Show 1,4 Billion Live on Less Than US\$1,25 a Day*, *World Bank*, August 26, 2008,

<http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTROVERTY/0,contentMDK:21883042~menuPK:2643747-pagePK4020865~piPK:149114~theSitePK:336992,00.html>

(доступ получен 28 июля, 2009 г.); Peter Singer, *The Life You Can Save: Acting Now to End World Poverty* (New York: Random House, 2009 г.), 122.

279 А ведь в эти 756 миллионов тонн... Singer, *The Life You Can Save*, 122.

280 Он получил Нобелевскую премию мира... Dr. R. K. Pachauri, Blog, June 15, 2009 г., <http://www.rkpachauri.org> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

удовольствие и боль, счастье и страдание... Брюс цитирует книгу Чарльза Дарвина «Происхождение человека»: «Не существует фундаментальной разницы в умственных способностях между человеком и высшими животными... совершенно ясно, что низшие животные, как и человек, чувствуют удовольствие и боль, счастье и страдание». Так процитировано в книге Bernard Rollin, *The Unheeded Cry: Animal Consciousness, Animal Pain, and Science* (NY: Oxford University Press, 1989), 33.

тот факт, что животные испытывают... Temple Grandin и Catherine Johnson, *Animal Makes Us Human* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2009 г.); Temple Grandin и Catherine Johnson, *Animals in Translation* (Fort Washington, PA: Yarnest Books, 2006); Marc Bekoff, *The Emotional Lives of Animals* (Novato, CA: New World Library, 2008).

282 Ему казалось, что неправильное обращение с животными... Isaac Bashevis Singer, *Enemies, a Love Story* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1988), 145.

283 лидеры, подписавшие послание об «этическом мясе»... Личная переписка Брюса Фридриха с Майклом Полланом (июль 2009 г.). Эрик Шлоссер ест бургер из говядины, выращенной на промышленной ферме, в очень важном фильме *Food, Inc.* 289 «все доступные свидетельства...» D.Pimentel и M. Pimentel, *Food, Energy and Society*, 3d ed. (Florence, KY: CRC Press, 2008), 57.

«Во-первых, домашний скот эффективно превращает...» Ibid.

Распахивание и засеивание земли... Это разрушает основную структуру естественно существующего вегетативного покрова, что ведет к ветряной и водяной эрозии; это самая главная причина потери питательности почв в Соединенных Штатах. В тех местах, где пахотный слой почвы тонок, а топография холмистая, урожай

находится под особой угрозой. С другой стороны, подобные земли хорошо подходят для устройства пастбищ домашнего скота, и если правильно управляться с этими пастбищами, они могут улучшить пахотный слой и вегетативный покров.

295 «Хотите знать, как сегодня...» Личная корреспонденция.
сегодня коров убивают... В. Niman и J. Fletcher, Niman Ranch Cookbook (New York: Ten Speed Press, 2008), 37.

299 А домашний скот, кажется, ощущает... G. Mitchell и другие, «Stress in cattle assessed after handling, after transport and after slaughter, The Veterinary Record 123, no. 8 (1988): 201–205, <http://veterinaryrecord.bvapublications.com/cgi/content/abstract/123/8/201> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

Если убойный этаж работает... Mitchell и соавторы, Stress in Cattle Assessed after Handling, after Transport and after Slaughtering»; «The Welfare of Cattle in Beef Production, Farm Sanctuary, 2006, http://www.farmsanctuary.org/mediacenter/beef_report.html (доступ получен 28 июля 2009 г.).

300 Они знают других животных... Коровы помнят не менее семидесяти особей, вырабатывают иерархию, как для самцов, так и для самок (иерархия самок более устойчива), с отдельными коровами поддерживают дружеские отношения, а с другими обращаются, как с врагами. Домашний скот «назначает» лидеров, которых выбирают на основе «социальной привлекательности» и знания территории и ее ресурсов. Некоторые стада следуют за вожаком фактически все время, другие — более независимые (или дезорганизованные) идут за лидером только часть времени. Stop, Look, Listen: Recognising the Sentience of Farm Animals, Compassion in World Farming Trust, 2006, http://www/ciwf.org.uk/includes/documents/cm_docs/2008/s/stop_look_listen_2006.pdf (доступ получен 28 июля 2009 г.); M. E Bouissou и соавторы, The Social Behaviour of Cattle, в книге: Social Behaviour in Farm Animals, под редакцией L. J. Keeling и H. W. Gonyou (Oxford, UK: CABI Publishing, 2001); A. F. Fraser и D. M. Broom, Farm Animal Behaviour and Welfare (Oxford, UK: CABI Publishing, 1997); D. Wood-Gush, Elements of Ethology; A Textbook of Agricultural and Veterinary Students (New York: Springer, 1983); P. K. Rout и соавторы, Studies on Behavioural Patterns in Jamunapari Goats, Small Ruminant Research 43, no. 2 (2002), 185–188; P. T. Greenwood и L. R. Rittenhouse, Feeding Area and Selection: the Leader-

Follower Phenomena, Proc. West. Sect. Am. Soc. Anim. Sci. 48 (1997), 267–269; B. Dumont и cјfdnjhs, Consistency of Animal Order in Spontaneous Group Movements Allows the Measurement of Leadership in a Group of Grazing Heifers, Applied Animal Behaviour Science 95, no. 1–2 (2005), 55–56 (стр. 64 особенно); V. Reinhardt, Movement Orders and Leadership in a Semi-Wild Cattle Herd, Behaviour 83 (1983), 251–264.

300 Как правило, у домашнего скота сохраняется врожденный инстинкт... The Welfare of Cattle in Beef Production.

практически все теряют в весе... T. G. Knowels и соавторы, Effects on Cattle of Transportation by Road for up to 31 Hours, Veterinary Record 145 (1999), 575–582.

301 «Забой, — пишет Поллан... Michael Pollan, The Omnivore's Dilemma (New York: Penguin, 2007), 304.

«это происходит не потому, что забой...» Ibid., 304–305.

302 «готовность есть промышленное мясо...» Ibid., 84.

304 Побочные следствия этого... Gail A. Eisnitz, Slaughterhouse: The Shocking Story of Greed, Neglect, and Inhumane Treatment Inside the U.S. Meat Industry (Amherst, NY: Prometheus Books, 2006), 122.

Несколько фабрик было упомянуто... Joby Warrick, They Die Piece by Piece, Washington Post, April 10, 2001; Sholom Mordechai Rubashkin, Rubashkin's Response to the «Attach on Schechita», shmais.com, December 7, 2004, <http://www.shmais.com/jnewsdetail.cfm?ID=148> (доступ получен 28 ноября 2007 г.).

подавляющее большинство боен... Temple Grandin, Survey of Stunning and Handling in Federally Inspected Beef Veal, Pork, and Sheep Slaughter Plants, Agricultural Research Service/United States Department of Agriculture 3602-20-00, Project Number-3602-32000-002-08G, <http://www.grandin.com/survey/usdarpt.html> (доступ получен 18 августа 2009 г.).

Министерство сельского хозяйства, федеральное агентство... Warrick, They Die Piece by Piece.

305 С тех пор ситуация улучшилась... Temple Grandin, 2002 Update for Survey of Stunning and Handling in Federally Inspected Beef Veal, Pork, and Sheep Slaughter Plants, Agricultural Research Service/United States Department of Agriculture 3602-20-00, Project Number-3602-32000-002-08G, <http://www.grandin.com/survey/usdarpt.html> (доступ получен 18 августа 2009 г.).

одна из каждых четырех боев... Kurt Vogel и Temple Grandin, 2008 Restaurant Animal Welfare and Humane Slaughter Audits in Federally Inspected Beef and Pork Slaughter Plants in the U.S. and Canada, <http://www.grandin.com/survey/2008.restaurant.audits.html> (доступ получен 18 августа 2009 г.).

«Они задирают головы...» Рабочий скотобойни Крис О'Дей, цитируется по книге: Eisnitz, Slaughterhouse, 128.

выросла на 800 процентов... Warrick, They Die Piece by Piece.

У работников боев... Ibid.

обычные люди могут стать садистами... Temple Grandin, Commentary: Behavior of Slaughter Plant and Auction Employees toward the Animals, Anthrozoos, 1988, vol. I, no. 4, 205–213, <http://www.grandin.com/references/behavior.employees.html> (доступ получен 14 июля 2009 г.).

306 «более двадцати рабочих...» Warrick, They Die Piece by Piece (добавлен акцент).

«Я видел тысячи...» Ibid.

«Я приходил домой...» Рабочий скотобойни Кен Бур-детт, цитируется по книге: Eisnitz, Slaughterhouse, 131.

307 Примерно через двенадцать секунд... Joby Warrick, They Die Piece by Piece, Washington Post, April 10, 2001. оглушенная корова... Ibid.

307 У коровы приблизительно... Monica Reynolds, Plasma and Blood Volume in the Cow Using the T-1824 Hematocrit Method, American Journal of Physiology 173 (1953): 421–427.

308 «Они моргают...» Рабочий скотобойни Тимоти Уокер, цитируется по книге: Eisnitz, Slaughterhouse, 28–29. «Часто рабочий, снимающий кожу...» Рабочий скотобойни Тимоти Уокер, цитируется по книге: Eisnitz, Slaughterhouse, 29.

309 «кажется, что она пытается...» Рабочий скотобойни Крис О'Дей, цитируется по книге: Eisnitz, Slaughterhouse, 128.

гораздо больше тревоги вызывают... Общество защиты животных США, An HSUS Report: The Welfare of Animals in the Chicken Industry, December 2, 2008, http://www.hsus.org/farm/resources/research/welfare/broiler_industry.html (доступ получен 18 августа 2009 г.).

314 мы все занимаемся фермерством по доверенности... Wendell Berry, *Citizenship Papers* (Berkeley, CA: Counterpoint, 2004), 167.

315 Американская организация по сохранению пород домашнего скота... ALBC описывает себя, как «некоммерческую членскую организацию, предназначенную для защиты более 150 пород крупного домашнего скота и птицы от вымирания». American Livestock Breeds Conservancy, 2009 г., <http://www.albc-usa.org/> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

321 «Этические взаимоотношения...» M. Halverson, «Viewpoints of agricultural producers who have made ethical choices to practice a 'high welfare' approach to raising farm animals», EurSafe 2006, the 6th Congress of the European Society for Agricultural and Food Ethics (Осло, Норвегия, июнь 22–24, 2006).

Истории из жизни

331 только два записанных отчета... The History of Thanksgiving: The First Thanksgiving, history.com, <http://www.history.com/content/thanksgiving/the-first-thanksgiving> (доступ получен 28 июля 2009 г.); и The History of Thanksgiving: The Pilgrim's Menu, history.com, <http://www.history.com/content/thanksgiving/the-first-thanksgiving/the-pilgrims-menu> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

индейка не была частью... Rick Schenkman, Top 10 Myths about Thankagiving, History Network, November 21, 2001, <http://hnn.us/articles/406.html> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

332 День благодарения с индейцами племени тимукуя... Michael V. Gannon, *The Cross in the Sand* (Gainesville, FL: University Press of Florida, 1965), 26–27.

Они ели фасолевый суп... Craig Wilson, Florida Teacher Chips Away at Plymouth Rock Thanksgiving Myth, USA Today, November 21, 2007, http://www.usatoday.com/life/lifestyle/2007-1-20-first-thanksgiving_N.htm (доступ получен 28 июля 2009 г.).

333 первый документ... Комиссия ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, «Инициатива в области животноводства, окружающей среды и развития», *Livestock's Long Shadow: Environmental Issues and Options*, (Rome: 2006), xxi, 112, 26.

334 первое серьезное исследовательское учреждение... *Putting Meat on the Table: Industrial Farm Animal Production in America*, The

Pew Charitable Trusts, John Hopkins Bloomberg School of Public Health, Pew Commission on Industrial Animal Production, 57–59.

334 первый штат (Колорадо)... Общество защиты животных США. Landmark Farm Animal welfare Bill Approved in Colorado, http://www.hsus.org/farm/news/ournews/colo_gestation_crate_veal_crate_bih_051408.html

(доступ получен 19 августа 2009 г.).

первую сеть супермаркетов... John Mackey, Letter to Stakeholders, http://www.wholefoodsmarket.com/company/pdfs/ar08_letter.pdf (доступ получен 19 августа 2009 г.).

первую большую национальную газету... The Worst Way to Farm, New York Times, May 31, 2008.

335 после того, как Темпл Грандин... Temple Grandin, 2002 Update for Survey of Stunning and Handling in Federally Inspected Beef, Veal, Pork, and Sheep Slaughter Plants, Agricultural Research Service/United States Department of Agriculture 3602-20-00, Project Number 3602-32000-002-08G, <http://www.grandin.com/survey/usdarpt/html> (доступ получен 18 августа 2009 г.).

«Как-то раз ружье для оглушения...» Рабочий бойни Стив Пэрриш, цитируется по книге: Gail A. Eisnitz, Slaughterhouse: The Shocking Story of Greed, Neglect, and Inhumane Treatment Inside the U.S. Meat Industry (Amherst, NY: Prometheus Books, 2006), 145.

336 «Об этом трудно говорить...» Рабочий бойни Эд Ван Винкль, цитируется по книге: Gail A. Eisnitz, Slaughterhouse, 81.

«Внизу в яме для сбора крови...» Рабочий бойни Донни Тайс, цитируется по книге: Gail A. Eisnitz, Slaughterhouse, 92–94.

337 «систематическим насилием над правами человека»... Blood, Sweat, and Fear: Workers' Rights in US Meat and Poultry Plants (New York: Human Rights Watch, 2004), 2.

337 «Хуже всего...» Рабочий бойни Эд Ван Винкль, цитируется по книге: Gail A. Eisnitz, Slaughterhouse, 87.

338 «Я должен признаться...» Michael Pollan, The Omnivore's Dilemma (New York: Penguin, 2007), 362.

Темпл Грандин... свидетельствует... Temple Grandin, Commentary: Behavior of slaughter plant and auction employees toward animals, Anthrozoos, I, no. 4 (1988): 205, <http://www.grandin.com/references/behavior.employrrs.html> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

339 на 26 % скотобоен злоупотребления настолько серьезны... Temple Grandin, 2005 Poultry Welfare Audits: National Chicken Council Animal Welfare Audit for Poultry Has a Scoring System That Is Too Lax and Allows Slaughter Plants with Abusive Practices to Pass, Department of Animal Science, Colorado State University, <http://www.grandin.com/survey/2005.poultry.audits.html> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

живых птиц кидали... Ibid.

25 % скотобоен... К. Vogel и Т. Grandin, 2008 Restaurant Animal Welfare and Humane Slaughter Audits in Federally Inspected Beef and Pork Slaughter Plants in the U.S. and Canada, Department of Animal Science, Colorado State University, <http://www.grandin.com/survey/2008.restaurant.audits.html> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

расчленившего корову в полном сознании... Грандин пишет, что фабрика получила «автоматический процент брака за отрезание ног у чувствующего животного». Temple Grandin, 2007 Restaurant Animal Welfare and Humane Slaughter Audits in Federally Inspected Beef and Pork Slaughter Plants in the U.S. and Canada, Department of Animal Science, Colorado State University, <http://www.grandin.com/survey/2007.restaurant.audits.html> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

339 корова поднялась... Temple Grandin, 2006 Restaurant Animal Welfare and Humane Slaughter Audits in Federally Inspected Beef and Pork Slaughter Plants in the U.S. and Canada, Department of Animal Science, Colorado State University, <http://www.grandin.com/survey/2006.restaurant.audits.html> (доступ получен 28 июля 2009 г.); К. Vogel и Т. Grandin, 2008 Restaurant Animal Welfare and Humane Slaughter Audits in Federally Inspected Beef and Pork Slaughter Plants in the U.S. and Canada.

«стали тыкать в анус корове электропогонялки...» Temple Grandin, 2007 Restaurant Animal Welfare and Humane Slaughter Audits in Federally Inspected Beef and Pork Slaughter Plants in the U.S. and Canada.

340 Не так-то много выращивают в Америке кур на мелких фермах... В Америке выращивают примерно восемь миллиардов бройлеров, при этом только 0,16 процента из них растят вне стен промышленной фермы. Предположим, каждый американец съедает

двадцать семь кур в год, это означает, что куриным мясом с мелких ферм можно накормить только 475 000 человек. Похожая ситуация и со свиньями: в стране 118 миллионов свиней, 4,79 процента из них выращивают не на промышленных фермах. Предположим, каждый американец съедает примерно 0,9 свиньи в год, значит, свининой с семейных ферм можно накормить почти 6 миллионов человек. (Чтобы узнать количество животных, которое выращивается вне стен промышленных ферм, см. примечание к стр. 23). О количестве ежегодно забиваемых животных можно узнать в Министерстве сельского хозяйства, а среднее количество кур и свиней, потребляемое каждым американцем, было высчитано защитником животных Ноем Мором на основе статистики МСХ.

342 Гитлер был вегетарианцем... Легенда о вегетарианстве Гитлера довольно стойкая и широко распространенная, но сам я не знаю, правда ли это. Мне кажется, что это сомнительно, поскольку часто упоминается, что он ел сосиски. Например, Н. Eberle и М. Uhl, *The Hitler Book* (Jackson, TN: PublicAffairs, 2006), 136.

344 «человек обязан занять позицию...» Это высказывание Мартина Лютера Кинга широко цитируют в Интернете, например, на сайте Quotiki.com, <http://www.quotiki.com/quotes/3450> (доступ получен 19 августа 2009 г.).

345 Если организовать стол по религиям... Major Religions of the World Ranked by Number of Adherents, Adherents.com, August 9, 2007, http://www.adherents.com/Religious_By_Adherents.html (доступ получен 29 июля 2009 г.); «Population by religion, sex and urban/rural residence: each census, 1984–2004», un.org, http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dybcensus/V2_table6.pdf (доступ получен 28 июля 2009 г.).

один человек — голодный... В 2006 году тучные люди мало-помалу обогнали в процентном отношении количество недоедающих. Overweight «Top World's Hungry», BBC News, August 15, 2006, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/health/4793455.stm> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

Более половины иногда не брезгуют вегетарианской едой... Е. Millstone и Т. Lang, *The Penguin Atlas of Food* (New York: Penguin, 2003), 34.

вегетарианцы и веганы... Не существует достоверных сведений о точном количестве вегетарианцев по всему свету. Не существует даже

консенсуса в том, что значит быть вегетарианцем (в Индии, например, яйца считаются невегетарианским продуктом). Таким образом, выходит, что 42 % из 1,2 миллиарда индийцев, т. е. примерно 500 миллионов человек — это вегетарианцы. Project on Livestock Industrialization, Trade and Social-Health-Environment Impacts in Developing Counties, FAO, July 24, 2003, <http://www.fao.org/WAIRDOCS/LEAD/X6170E/x6170eOO.htm#Contents: section 2.3> (доступ получен 29 июля 2009 г.). Если примерно 3 % оставшегося населения мира — это вегетарианцы, это обеспечивает им одно место за столом. Кажется, это разумное предположение. В Соединенных Штатах, к примеру, вегетарианцев от 2,3 до 6,7 % населения, в зависимости от того, как определять это понятие. Charles Stabler, How Many Adults are Vegetarian? Vegetarian Journal (2006); <http://www.vrg.org/journal/vj2006issue4/vi2006issue4poll.htm> (доступ получен 29 июля 2009 г.).

347 в трети заведений... Evan George, Welcome to Soy City, Los Angeles Downtown News, November 22, 2006, <http://www.downtownnews.com/articles/2006/11/27/news/news03.txt> (доступ получен 28 июля 2009 г.). «включать вегетарианские или веганские блюда...» Mark Brandau, Indy Talk: Eric Blauberg, the «Restorant Fixer», October 22, 2008, Nation's Restaurant News, Independent Thinking, <http://nrnindependentthinking.blogspot.com/2008/10/indy-talk-erik-blauberg-restaurant.html> (доступ получен 28 июля 2009 г.). См. также: Having Words with Erik Blauberg: Chief Executive, EKB Restaurant Consulting, bnet.com, November 24, 2008, http://findarticles.com/p/articles/mi_m3190/is_46_42/ai_n31044068/ (доступ получен 28 июля 2009 г.).

348 в четыре раза больше мяса... Mia McDonald, Skillful Means: The Challenge of China's Encounter with Factory Farming, BrighterGreen, http://www.brightergreen.org/files/brightergreen_china_print.pdf (доступ получен 28 июля, 2009 г.).

348 продукты животного происхождения все еще составляют... Джунго Лин из Швейцарского федерального института водной науки и технологии, как процитировано в статье Сида Перкинза, утверждает: «A thirst for meat: changes in diet, rising population may strain China's water supply», Science News, January 19, 2008.

К 2050 году крупный рогатый скот во всем мире...

Colin Tudge, *So Shall We Reap* (New York: Penguin, 2003), цитируется по статье: Ramona Cristina Ilea, *Intensive Livestock Farming: Global Trends, Increased Environmental Concerns, and Ethical Solutions*, *Journal of Agricultural Environmental Ethics* 22 (2009 г.), 153–167. один голодный человек... «Сегодня гораздо больше людей, чем когда-либо, становятся жертвами голода», ФАО, http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/newsroom/docs/Press%20release%20june-en.pdf

(доступ получен 28 июля 2009 г.).

349 поскольку человек с лишним весом займет еще одно место... Количество тучных людей быстро увеличивается по всему миру. D. A. York и другие, *Prevention Conference VII: Obesity, a Worldwide Epidemic Related to Heart Disease and Stroke: Group 1: Worldwide Demographics of Obesity*, *Circulation: Journal of the American Heart Association* 110 (2004): 463–470, <http://www.xirc.ahajournals.org/cgi/reprint/110/18/e463> (доступ получен 28 июля 2009 г.).

352 Согласно Бенджамину Франклину... Benjamin Franklin, *The Completed Autobiography* под редакцией Mark Skousen (Washington, DC: Regnery Publishing, Inc., 2006), 332.

353 благодаря помощи туземцев... James E. McWilliams, *A Revolution in Eating: How the Quest for Food Shaped America* (New York: Columbia Press, 2005), 7, 8. «Колонисты сталкивались со многими трудностями, но голодали редко. Английские гости удивились, увидев у них изобилие пищи».

«мясо, опилки, побочные продукты окраски кожи...»

Отчет организации «Доброта лучше убийства» (СОК): *Animal Suffering in the Turkey Industry, Compassion Over Killing*, <http://www.cok.net/lit/turkey/disease.php> (доступ получен 28 июля, 2009 г.). В статье цитируется книга A. R. Y. El Boushy и A. E. B. Van der Poel, *Poultry from Waste — Processing and Use* (New York: Chapman and Hall, 1994).

355 «Я бы сегодня не сомкнул глаз...» James Baldwin, *Abraham Lincoln: A True Life* (New York: American Book Company, 1994), 130–131.